

Материалы
по Археологии и Истории
Античного и Средневекового Крыма

выпуск II

Materials
in Archaeology and History of
Ancient and Medieval Crimea

volume II

Севастополь–Тюмень
2010

*Тюменский государственный университет
Институт истории и политических наук Тюменского государственного университета*

Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе

Издается по решению Ученых советов
Института истории и политических наук Тюменского государственного университета
и Филиала МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе

Редактор-составитель М.М. Чореф

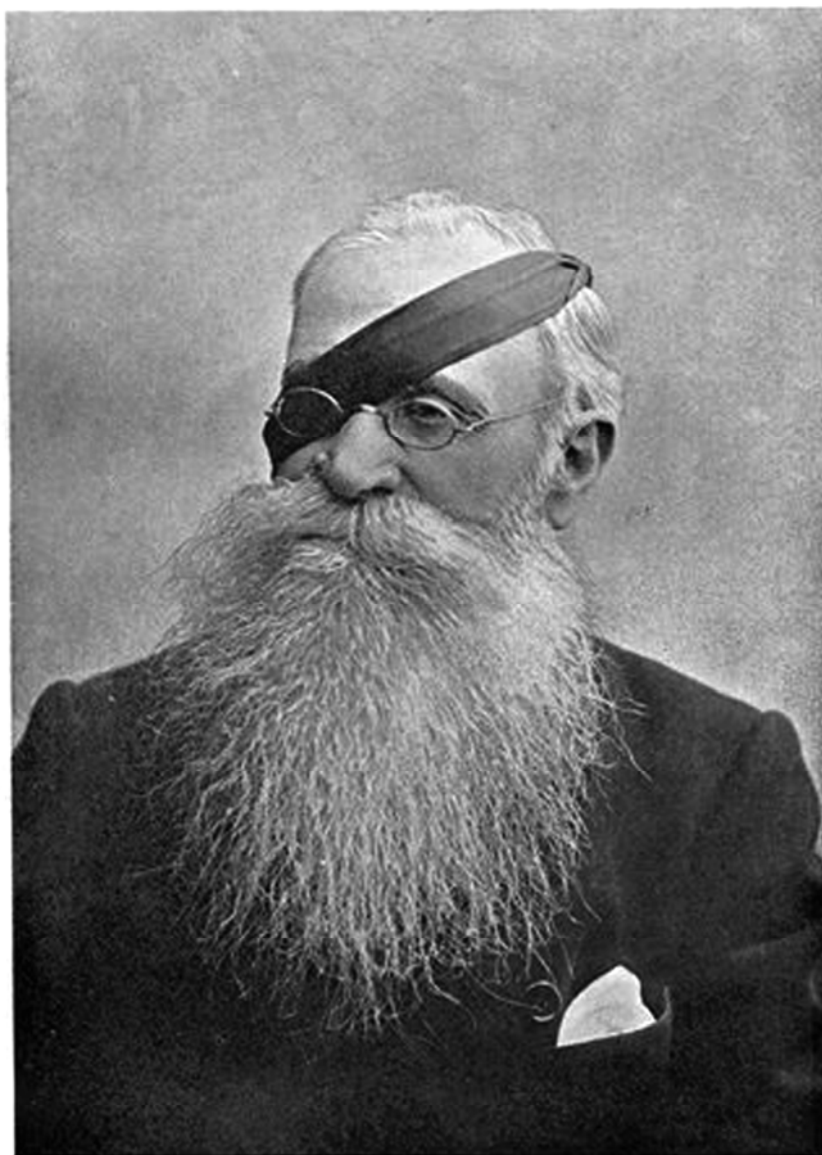
Редакционная коллегия:

В.И. Кузицин	профессор, доктор исторических наук (главный редактор)
А.Г. Еманов	профессор, доктор исторических наук (зам. гл. редактора)
А.И. Романчук	профессор, доктор исторических наук, академик Академии гуманитарных наук
К.К. Акентьев	кандидат искусствоведения, председатель СПБОВСИ
В.Н. Ерохин	профессор, доктор исторических наук
Ю.М. Могаричев	профессор, доктор исторических наук
С.Б. Сорочан	профессор, доктор исторических наук, академик Украинской академии исторических наук
Э.Б. Петрова	профессор, доктор исторических наук
О.В. Шаров	доктор исторических наук
Ю.Ю. Шевченко	кандидат исторических наук
В.Л. Мыц	кандидат исторических наук
С.В. Ушаков	кандидат исторических наук
В.В. Хапаев	зам. заведующего кафедрой истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе
М.М. Чореф	ответственный секретарь

Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. II.
Сб. / Ред.-сост. М.М. Чореф. – Севастополь–Тюмень, 2010.
208 с. – илл.

ISSN 2219-8857

Памяти А.Л. Бертъе-Делагарда посвящается

A. Depue

«Патриарху крымоведения» посвящается

Уже более двух веков специалисты-ученые стремятся разгадать тайны древнего Крыма. За долгий период изучения удалось выработать массу правдоподобных гипотез, а так же выявить множество фактов, приближающих выяснение столь желанной истины. Но, как ни странно, наибольший вклад в исследование истории Крыма внес не профессиональный историк или археолог, а инженер А.Л. Бертье-Делагард (1842–1920). Именно поэтому он был удостоен почетного прозвища «Патриарх крымоведения».

Александр Львович родился в Севастополе в семье морского офицера. В 1853 г. он потерял мать. Вскоре отец отдал его в Брест-Литовский кадетский корпус. Там в течение шести лет юноша осваивал азы военной науки. Побывать в родном Севастополе ему удалось только в 1858 г. Позже он писал Н.П. Кондакову: «Мое детство и юность воспитаны на близком знакомстве с поражением России и гибелью родного города в Крымскую кампанию, чего я не мог ни забыть, ни простить никогда». В том же 1858 г. за успехи в учебе А.Л. Бертье-Делагард был переведен в Санкт-Петербургское Константиновское военное училище, которое и закончил с отличием в 1860 г. Выпускник получил чин поручика и был направлен в 53-й Волынский пехотный полк. В том же году он поступил в Инженерную академию. Однако вскоре весь набор был отчислен. Александр Львович два года прослужил в Одессе. В 1862 г. он повторно поступил в Инженерную академию, которую окончил в 1864 г. По неопытной случайности из-за неосторожности товарища он лишился глаза. Врачи советовали ему оставить службу, но отсутствие средств к существованию вынудили молодого человека работать. Позже, в письме от 8 октября 1915 г., он писал И.А. Линниченко: «Когда я потерял глаз, то мне было прямо сказано, что я должен прекратить всякие занятия или ослепну совершенно. Так как этот приказ был равносителен голодной смерти, то я решил усиленно работать, а там пусть будет чему суждено. С тех пор я читаю непрерывно, по 15 часов в день, все еще вижу, хотя и прошло более 15 лет». Александр Львович стал инспектором в Херсонском земстве. В свободное от службы время он изучал историю присоединения края к России. Вскоре А.Л. Бертье-Делагард познакомился с вице-президентом Одесского общества любителей истории и древностей Н.Н. Мурзакевичем (1806–1883). Известный ученый сильно повлиял на его мировоззрение. Будущий «Патриарх крымоведения» записал: «Увлеченный им (Н.Н. Мурзакевичем – *прим. Ред.*), я своими руками разобрал, очистил и исправил в 1873 г. безвестно брошенную могилу Потемкина, переложив его кости. Это и было начальной точкой моего увлечения археологией и историей».

В 1874 г. Александр Львович был переведен в Севастополь. Он спроектировал водопровод, занимался планировкой города, в т.ч. и Приморского бульвара. И.А. Линниченко писал: «Эти работы по устройству Севастополя были толчком к занимавшим его долгие годы работам по садоводству и работам археологическим». В 1870-80 гг. по его проектам были построены порты в Севастополе, Ростове, Феодосии и Ялте, ветка железной дороги Симферополь–Феодосия. При этом А.Л. Бертье-Делагард, как правило, был вынужден проводить археологические раскопки на месте строительства, самостоятельно описывать и атрибутировать находки. Отчеты он отправлял в Одесское общество истории и древностей. Работы были должным образом оценены, и уже 26 марта 1880 г. Александр Львович стал его действительным членом. В 1887 г. исследователь вышел в отставку в чине генерал-майора и занялся научной деятельностью. Болезнь родственников побудила его поселиться в Ялте. Он построил дом (ул. Аутская, 15), вокруг которого разбил прекрасный сад.

А.Л. Бертье-Делагарда интересовали в основном археология, история и нумизматика античного и средневекового Крыма. Особое внимание он уделял столь дорогому для нас всех Херсонесу. Трудно переоценить научную ценность его работ. Скажем только, что они определили направления исследования таврических древностей.

Мы можем только предполагать, сколько великих открытий мог бы сделать этот исследователь. Однако последние годы его жизни были омрачены революцией. В результате инфляции его сбережения обесценились, а в 1918 г. комиссары эфемерной Республики Тавриды экспроприровали все его движимое имущество, заинтересовавшее этих представителей «трудового народа». Но ученый продолжал работать. Уже разбитый болезнью, не вставая с постели, Александр Львович написал «Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде» и посвятил его «Родной Тавриде, еще русской». Эта работа стала последней. В феврале 1920 г. распоясавшаяся солдатня вынесла немощного старика вместе с кроватью на улицу. Порядок в городе восстановили лишь через сутки. Только после этого друзья смогли занести его домой. Однако спасти ученого уже не удалось. А.Л. Бертье-Делагард умер 14 февраля 1920 г. от закупорки мозговых сосудов.

Великий ученый погиб, но дело его живо. Не одно поколение историков посвятило свою жизнь развитию его идей. В нашем сборнике представлены работы современных исследователей: археологов, историков и нумизматов. Они живут в разных странах, принадлежат к разным школам. Но можно сказать, что все они продолжают дело, начатое А.Л. Бертье-Делагардом.

АРХЕОЛОГИЯ

С.В. Ушаков

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО (ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ BSP-ПРИЧЕРНОМОРСКОГО ПРОЕКТА У «БАЗИЛИКИ 1935 Г.»)

Как известно, Херсонес Таврический – один из крупнейших центров античной культуры Причерноморья – исследуется уже много лет [1]: масштабные археологические работы проводились на городище, некрополе, ближней и дальней хоре. За эти годы были раскрыты городская оборонительная линия, жилые кварталы, производственные комплексы, культовые здания, раскопано более трех тысяч погребальных сооружений. Ученые многократно обращались к тем или иным раритетам, индивидуальным находкам и массовому материалу. Однако, если говорить о последней группе памятников, то можно подчеркнуть, что она до сих пор так и не получило адекватного отражения в научной литературе и в значительной степени просто не введены в научный оборот. Как это не парадоксально, сказанное относится в значительно большей степени к комплексу находок античного времени, чем даже средневекового.

В 90-е годы XX в. в связи с изменением внутривосточной и международной обстановки – распадом Советского Союза и общей «либерализацией» появилась возможность осуществления крупных международных проектов в научной сфере. Один из таких проектов по исследованию Херсонеса Таврического был реализован в ходе комплекса работ Украинско-американской археологической экспедиции по завершению изучения Северного района Херсонеса у хрестоматийно известной «базилики 1935 г.» (рис. 1) в 1994-1998 гг. Этот проект получил название Причерноморский (BSP) и первоначально был организован Запорожским университетом (Г.И. Тоцев), Крымским филиалом НАН Украины (В.Л. Мыц), Национальным заповедником «Херсонес Таврический» (М.И. Золотарев, Д.Ю. Коробков, С.В. Ушаков), Макалестерским колледжем (штат Миннесота, США) (Э. Оверман, Р. Макленнан), Университетом Пьюджен-Саунт (штат Вашингтон, США) (Д. Эдвардс, Д. Оливе) [2]. Основная цель проекта – *уточнение этнокультурной и этнорелигиозной ситуации в Херсонесе в позднеантичный*

период его жизни осуществлялась в ходе археологических исследований и архивных изысканий двумя рабочими группами. Долговременной программой научного сотрудничества было также выяснение градостроительной ситуации в Северном районе Херсонеса на разных этапах жизни города [3].

При этом археологические работы значительно вышли за формальные хронологические и тематические рамки Причерноморского Проекта. В течение четырех полевых сезонов (1994-1996 и 1998 гг.) экспедиция провела археологические исследования на XI поперечной улице в месте ее пересечения с III продольной и в экзонартексе «Базилики 1935 г.» (рис. 2). Площадь раскопа составили восемь стандартных квадратов размерами 5х5 м. каждый. Максимальная мощность культурного слоя до материковой скалы достигала почти 3 м. В результате работ был получен значительный массовый материал (предметы из керамики, металла, стекла, кости), позволяющий достаточно подробно охарактеризовать материальную культуру Херсонеса античной и средневековой эпох. Особенно обильно были представлены находки IV в. до н.э. – V в. н.э., прежде всего, керамические. Это позволяет более подробно остановиться на рассмотрении керамического комплекса в целом (за исключением строительной керамики и светильников) и охарактеризовать его по следующим основным категориям находок: амфорная тара, бытовая толстостенная (лутерии), кухонная (гончарная и лепная), простая столовая посуда, чернолаковая и краснолаковая керамика. Уже сейчас можно отметить, что важное значение всего комплекса находок у «базилики 1935 г.» заключается в том, что практически все они находят полное соответствие в материалах раскопок других частей херсонесского городища и могут служить важным основанием для хронологического анализа особенностей образования культурного слоя и датировки строительной истории и слоев разрушений Херсонеса античной эпохи.

Амфоры представлены двумя основными хронологически значимыми группами находок: 1) сосудами позднеклассического-эллинистического времени (рис. 3) и 2) тарой римской (позднеантичной) и ранневизантийской эпох (рис. 4). Среди первой группы нужно назвать амфоры хорошо известных черноморских и эгейских центров (рис. 3) [4]. Среди них, прежде всего сосуды двух южнопричерноморских центров – Гераклеи (рис. 3, 16) и Синопы (рис. 3, 29) (конического типа варианта I-D по С.Ю. Монахову) [5].

Во вторую очередь назовем амфоры Эгейды – одна из них по морфологии напоминает ножку амфору Фасоса (рис. 3, 32) коническо-биконического типа биконического варианта развитой биконической серии II-B-2 по С.Ю. Монахову (Монахов, 2003, табл. 44, 6) или Менде [6] на рюмкообразной ножке [7], далее – Хиоса, Родоса (рис. 3, 3, 5, 6, 9, 24; 4, 22 – тип Бенаки [8]). Одна из амфорных ножек (рис. 3, 22) напоминает фрагменты сосудов круга Фасоса [9], другая – ножку амфоры типа Солоха I (рис. 3, 31) [10].

Кроме того, сосуды причерноморских и эгейских центров представлены немалым числом фрагментов стенок и профильных частей, в том числе и клейменными. Также назовем амфоры (Книда или Колофона?) с кубаревидными ножками (рис. 3, 28) пифоидного (II-B) [11] и веретенообразного (II-G) (рис. 3, 24, 30, 34) [12] вариантов. Наиболее многочисленны среди находок тарных сосудов амфоры Херсонеса (рис. 3, 10-13, 18-21, 25-27, 32, 33) [13].

Характеристику амфорного материала (по морфологии) можно дополнить краткой справкой по количеству керамических клейм. В 1994 г. было найдено всего три клейма – херсонесское (300-285 гг. до н.э.), родосское (середина II – начало I в. до н.э.), синопское (хронологически не определяется) [14]. В полевом сезоне 1995 г. было зафиксировано 20 клейм. Из них: 9 синопских (370-180 гг. до н.э., здесь и далее – хронологический разброс), 7 родосских (третья четверть III в. до н.э. – середина II в. до н.э.), 2 фасосских (380-340 гг. до н.э.), 2 херсонесских (300 г. до н.э. – начало III в. до н.э.) [15]. В 1996 году клейм было еще больше: Синопы – 22, Херсонеса – 26, Родоса – 18, Книда – 1, Коса – 1, Гераклеи – 1, неизвестного центра – 3 [16].

Некоторые типы сосудов относятся к амфорам «переходной эпохи» (от позднего эллинизма к римскому времени). Это, например, амфоры с шипообразными ручками [17] I в. до н.э. – I в. н.э. К этому типу амфор можно, вероятно, отнести фрагмент ножки одного из сосудов из наших раскопок (рис. 3,

36). Имеются также фрагменты светлоглиняных синопских амфор. Одни фрагменты, имеющиеся в нашем распоряжении с овальными в сечении ручками (рис. 3, 1), можно отнести к типу Син II [18]. Другие – с двустольными ручками и конусовидными доньями (рис. 3, 2, 4, 8; 4, 34) напоминают амфоры типа Син III (по С.Ю. Внукову) [19].

Как мы видим, данный комплекс представлен в основном амфорами позднеэллинистической эпохи. В это время на первые места в черноморской торговле вместо Гераклеи и несколько позднее Синопы выходит Родос [20].

Разнообразны амфоры римского и ранневизантийского времени. В небольшом числе среди них встречены фрагменты амфор с воронковидным горлом (3, 5; 4, 4, 5), при этом можно отметить, что по имеющимся фрагментам дать точно их типологическую и хронологическую характеристику не представляется возможным. Обычно в городских слоях Херсонеса они представлены немногочисленными фрагментами, в то же время, в некрополе Совхоз 10 их, например, достаточно много – 80 экземпляров или 30 % от общего количества амфор и они исключительно разнообразны [21]. Специально изучавшие амфоры этого типа В.Б. Уженцев и В.Ю. Юрочкин пришли к выводу о нескольких центрах их производства, что, в свою очередь и отразилось на морфологической неоднородности этих сосудов [22]. В любом случае, это один из характерных типов (классов) понтийских амфор [23]. Хронология их различна. Так, закрытые комплексы Танаиса, где есть подобные амфоры [24], отнесены С.А. Науменко ко второй половине I и середине II вв. н.э.

Небольшая часть амфор с воронковидным горлом (напр.: рис. 4, 6, 23) может относиться к сосудам с зональным рифлением «типа Истрия» или «с глубоким и частым рифлением» [25] (Late Roman-2 – LRA-2). Г. Кузманов эту в целом многочисленную группу сосудов выделяет как тип 1 [26]; у С. Кизэй это тип LXV [27]. Недавно на материалах Недвиговского городища (Танаис) с привлечением данных по крымским памятникам эти характерные амфоры (как с прямыми венцами, так и с воронковидными) были рассмотрены Л.Ю. Нидзельницкой [28]. Хронологические рамки бытования таких амфор в Херсонесе достаточно широки: V – VII вв. [29]. Один из важных хронологических реперов по этим амфорам следующий: подобные сосуды имелись на корабле, погибшего у мыса Ясси Ада не раньше первой четверти VII в. [30].

Несколько фрагментов тарных сосудов (рис. 4, 3, 37) можно определить как принадлежащие амфорам типа Зеест 96-97 [31]. По мнению А.В. Сазанова они более всего могут быть встречены в комплексах второй половины IV – первой половины V вв. [32].

Более многочисленны фрагменты (венцы, ручки, ножки) светлоглиняных узкогорлых амфор (рис. 4, 9, 16, 25-30) [33], типология которых более полно была описана Д.Б. Шеловым [34]. Фрагменты сосудов из раскопок у «базилики 1935 г.» можно предположительно отнести к амфорам типов B, D, F (по Д.Б. Шелову).

Светлоглиняные амфоры другого типа представлены горлом сосуда с отогнутым венчиком (рис. 4, 21). А.В. Сазанов аналогичные амфоры (по его мнению, типа Зеест 102 – табл. XL) из «Цистерны в алтаре» (Херсонес, квартал 2) относил к комплексу последней четверти V в. [35].

Имеются также фрагменты амфор типа «мирмекийских» [36] (рис. 4, 7, 8, 10, 31). Они достаточно широко распространены на памятниках Северного Причерноморья в позднеантичную эпоху [37]. А.П. Абрамов отнес время их бытования к концу II – первой половине III вв. [38]. В Танаисе они зафиксированы в комплексах середины III в. н.э. [39]. Дополнительный материал к их хронологии дают погребения могильника Совхоз 10 (ТИП IV), где они использовались преимущественно во второй половине III в. [40].

Массивные красноглиняные амфоры со сложнопрофилированными ручками II-III вв. [41] ((рис. 4, 13) близки по морфологии и хронологии амфорам предыдущего типа. Заметим, что А.П. Абрамов сужает дату их бытования на Боспоре [42] также до конца II – первой половины III вв. [43]. Такие амфоры, найденные в могильнике Совхоз 10 (ТИП VI), разделены публикаторами на три варианта. Многочисленные аналогии позволили датировать их временем не позднее начала III в. [44].

Фрагмент венца с подтреугольным сечением (рис. 4, 7) можно отнести к красноглиняным амфорам с широким и коротким горлом, известным по материалам Танаиса середины III в. [45].

Кроме перечисленных выше находок, практически обязательным дополнением этим сосудам выглядят также амфоры типа «Делакеу» (тип 100 по И.Б. Зеест) и «carotte» („морковки”) – тип II по херсонесской классификации 1971 г. [46], тип 1 по А.Л. Якобсону [47], который относил их к V – началу VI в. [48]. По имеющимся фрагментам

различить эти амфоры практически невозможно (рис. 4, 19, 20). И.Б. Зеест определяла время их бытования IV в. [49]. Они широко распространены в слоях Херсонеса позднеантичного-раннесредневекового времени. А.П. Абрамов относил такие амфоры ко второй половине III – IV вв. [50]. В Танаисе эти амфоры встречены в слоях IV в. [51].

В нашей археологической литературе получила распространение точка зрения А.В. Сазанова, относившего первую группу амфор («Делакеу») к концу IV – второй четверти VI вв. [52], а „морковки” к второй четверти VI – третьей четверти VII вв. [53], или к VI – первой половине VII вв. [54]. Однако при внимательном рассмотрении комплексов распространения этих сосудов становится почти несомненным, что две эти группы (типы) амфор являются хронологической и типологической последовательностью развития одного типа [55]. В настоящее время определено, что амфоры «Делакеу» производились в мастерской Демирджи (Синопа) [56]. Кроме того, внимательное рассмотрение приводимого материала и аргументов О.В. Шарова, специально рассмотревшего морфологию и хронологию амфор «Делакеу», позволяет согласиться с его мнением, что их бытование охватывает время от 230-240 гг. н. э. до середины V в. [57].

Отдельные типы сосудов представлены единичными экземплярами. Среди них – фрагмент стенки с петлевидной ручкой амфоры типа «Газа» (рис. 4, 17). Это оригинальные по морфологии и глине сосуды с темным, почти коричневого цвета черепком и характерными бороздками, практически с полным отсутствием горла [58]. Их относят к амфорам африкано-пунийского типа [59], близки сосудам так называемого сиропалестинского типа, и по мелким фрагментам они трудноотличимы. Типология их по разным авторам выглядит следующим образом: тип 8 по А.Л. Якобсону [60]; тип II *Varia* по Б. Бёттгеру [61]; тип LVIA по Кизэй [62]; класс 4 по херсонесской классификации 1995 г. [63]. Авторы последней классификации определяют время их бытования в Херсонесе как конец IV – середина VII вв. [64].

Далее нужно назвать также ножку коричневоглиняной, с тестом, насыщенной слюдой, так называемой «самосской» амфоры [65]. Эти типичные, хотя и не очень многочисленные экземпляры хорошо представлены в Херсонесе. Краткий обзор находок таких амфор с датировками разных авторов выполнен А.В. Сазановым [66]. Полые снизу ножки, аналогичные нашей находке (рис. 4, 39)

он датировал первоначально началом VI – первой половиной VII вв. [67], впоследствии – концом IV – второй четвертью VI вв. [68]. В херсонесской цистерне в северном районе города такие амфоры были отнесены авторами публикации материалов раскопок к третьей четверти V в. [69].

Небольшую ножку ребристой амфоры (рис. 4, 38) можно отнести к типу Мегиддо [70].

В небольшом числе присутствуют светлоглиняные амфоры с рифлением стенок типа «набегающая волна» и перекрученными ручками (рис. 4, 40, 41). Сейчас я не буду, ввиду их малочисленности, детально их характеризовать, хотя обычно в комплексах Херсонеса они представлены значительным числом фрагментов и целыми сосудами. Отмечу только, что в настоящее время получила распространение точка зрения А.В. Сазанова и авторов Херсонесской классификации 1995 г., относящие время их бытования от второй четверти VI до конца VII вв. [71].

Амфорный комплекс римской-ранневизантийской эпохи, как мы убедились, представлен в основном двумя хронологическими группами сосудов: конца II – серединой III и второй половины IV – началом VI вв. Можно заметить, что эти группы сосудов характерны не только для таких крупных городских центров этого времени как Херсонес и Боспор, но и для мелких поселений «поздних скифов» [72]. Этот факт говорит о типичности и общности такого набора амфорной тары для этой эпохи и не только Крыма, но и всего Причерноморья и Средиземноморья [73].

Бытовая толстостенная посуда – плоскодонные чаши (путерии) с профилированными закраинами и наклепными ручками (рис. 5, 7-13, 17, 19); разнообразные чаши и миски с закругленными стенками и загнутым краем (рис. 5, 6, 16, 20, 21); глубокие сосуды с отогнутым краем (днища не сохранились) (рис. 5, 15, 22, 23). Наиболее полное соответствие этим находкам среди опубликованного в последние годы херсонесского материала имеется по раскопкам эллинистической цистерны в ХСVII квартале [74].

Лепная посуда немногочисленна – к ней принадлежат сосуды трех типов: 1) кубки (рис. 5, 1), 2); 2) плоскодонные миски со слегка загнутым краем (рис. 5, 2-4); 3) горшки (рис. 5, 5). Такие формы характерны для лепной посуды Херсонеса и его окружи позднеантичного времени, что подтверждается достаточно многочисленными аналогиями, например, из раскопок ХСVII квартала [75] и с хоры Херсонеса [76].

Гончарная кухонная посуда, напротив, многочисленна и разнообразна. Она

представлена кастрюлями с воротничкообразной закраиной, упором для крышки и петлевидными, симметрично расположенными горизонтальными ручками (рис. 6, 2-5, 7-11) (иногда сохраняются и сами крышки) (рис. 6, 1, 6); мисками и сковородами (рис. 6, 12, 21, 31-35). Это обычная стандартная керамика эллинистического времени, хотя опубликованных комплексов из Херсонеса с этой посудой совсем немного [77].

Для первых веков н.э. характерны относительно толстостенные котлы (рис. 6, 17, 18, 23, 25, 29), в том числе и с желобчатой поверхностью (рис. 6, 22). У многих из них петлевидные, горизонтально расположенные ручки (рис. 6, 25, 29). Котлы, сковороды, кувшины (рис. 6, 18, 24, 27, 36) (один из них – тонкостенный с ойнохойевидным горлом – рис. 7, 26) этих типов бытовали также в позднеантичное время. Об этом можно судить по аналогичным находкам из многих комплексов Херсонеса – засыпей цистерн и колодцев в кв. ХСVII [78], «Казармы» [79], базилики «Крузе» [80] и хоры первых веков н.э. [81], а также Ольвии [82]. Некоторые представленные в таблице находки (рис. 6, 16, 24, 26, 30) нужно отнести, вероятно, к более позднему времени.

Многочисленна и *гончарная столовая посуда* (рис. 7). Прежде всего – это посуда эллинистического времени. Среди них выделяются закрытые сосуды – кувшины (рис. 7, 6, 9, 10-12, 14-19, 21), – один из самых распространенных типов местной (херсонесской) эллинистической посуды [83]. Некоторые – с горизонтальными полосами «лака» – херсонесского производства (рис. 7, 19) с уплощенными и овальными в сечении и петлевидными высокоподнятыми ручками (рис. 7, 17). Из этой серии выделяется стройный тонкостенный унгентарий (рис. 7, 20) [84]. Кроме них назовем нижние части массивных сосудов не совсем ясного назначения (рис. 7, 22, 23, 25). Небольшую группу находок составляют миски и чаши, украшенные полосами светлокорицевого или темнокрасного «лака» (рис. 7, 22, 27, 28) – ионийские или подражающие ионийской керамике [85].

Большинство кубков (рис. 7, 1-5) можно отнести к римскому времени. Об этом свидетельствуют как находки подобных сосудов из Херсонеса [86], Ольвии [87], так из могильников Крыма [88].

Чернолаковая керамика – одна из самых многочисленных и разнообразных групп комплекса. Это, прежде всего солонки (рис. 8, 1-3) и чаши (миски) с загнутым краем, на кольцевом поддоне (рис. 8, 4, 5). Солонки, несмотря на малочисленность этих образцов, как видно, все разновременны – от третьей

четверти IV в. до н.э. до первой четверти III в. до н.э. [89]. То же самое можно сказать о двух представленных на рисунках мисках [90]. На внешней стороне поддона одной из солонок – граффити (рис. 8, 1), на днище чаши – круговой орнамент из вдавленных черточек (рис. 8, 5).

Следующая группа посуды – мисочки и миски на кольцевом поддоне с отогнутым краем (рис. 8, 6-8); на внутренней стороне днища также может быть концентрический (рис. 8, 8) или в виде пальметок (рис. 8, 19) орнамент. Несколько особняком стоит глубокая мисочка со слегка отогнутым краем (рис. 8, 14). Многочисленны тарелки с загнутым или утолщенным краем (рис. 8, 9-13). По материалам Афинской Агоры их относят ко времени от последней четверти IV в. до н.э. до конца III до н.э. [91]. На внутренней поверхности одной из них – также орнамент, сочетающий расположенный по кругу «насечки» и пальметты (рис. 8, 13). Имеются также миски явно эллинистического облика: с утолщенным краем (рис. 8, 15) [92], глубокие миски с профилированным отогнутым краем (рис. 8, 16) [93].

Рыбные блюда с вместилищем для соуса (рис. 8, 17, 18) – обязательная составляющая столовых сервизов; одно из них – с граффити (рис. 8, 18). Все эти находки типичны для Херсонеса эллинистического времени [94], что подтверждается примером находок из упоминаемой уже выше цистерны [95].

Интересны глубокие чаши с широкими отогнутыми краями, на внешней стороне которых сохранился процарапанный орнамент в виде дуг, лепестков и концентрических линий (рис. 8, 23, 24, 26; 9, 26, 30) [96]. Близка этим сосудам чаша с четко профилированным краем [97]. Орнамент в виде листьев плюща и врезных линий украшал внутреннюю сторону тонкостенной чаши с ребристой внешней поверхностью и заостренным краем (рис. 8, 25). На краю одной из тарелок (блюд) был помещен орнамент в виде ов и врезных волнообразных линий (рис. 8, 22). Отдельно нужно упомянуть днища мисок и блюд (рис. 8, 26-30), многие со штампованными орнаментами и граффити. Назовем еще здесь фрагментированные глубокие тонкостенные чаши с утолщенной закраиной и петлевидными, круглыми в сечении ручками (рис. 9, 1, 2). Аналогичный сосуд найден в эллинистической яме второй половины III в. до н.э., исследованной в одном из помещений Танаиса [98]. Сами такие чаши по материалам Афинской Агоры датируются первой четвертью II в. до н.э. [99]. Если не говорить еще раз об аналогиях отдельным типам сосудов, а об этой керамике

в целом, то можно обоснованно заключить, что комплекс находок у «Базилики 1935 г.» более всего напоминает комплексы эллинистического времени из других районов Херсонесского городища – «Казармы» («Галереи») и цистерны (кв. ХСVII) [100].

Среди всей чернолаковой керамики значительную часть занимает группа расписной, в том числе и так называемая в стиле «Западного склона Афинской Агоры». Все они представлены фрагментами, тем не менее, можно говорить о присутствии среди них канфаров классической серии с прямым венчиком (рис. 9, 3-11, 14, 16, 17, 18, 22) [101], чашевидных или цилиндрических канфаров эллинистического типа (рис. 9, 15, 18, 21) [102]. Среди них выделяется глубокий сосуд с отогнутой закраиной и орнаментом в виде листьев плюща (рис. 9, 23). Эта группа сосудов также находит аналогии как с античных памятников Крыма [103], так и из других районов Херсонеса, например, из эллинистического слоя засыпи под южным нефом базилики «Крузе» (Ушаков, в печати).

Отдельно стоит коротко сказать о группе рельефных эллинистических сосудов («мегарских чаш»). Они представлены как фрагментами закраин (рис. 9, 27-29, 31-33, 38, 43), так и стенок (рис. 9, 24, 34, 36, 37, 39-42, 44). Оригинален массивный сосуд с отогнутым горизонтально краем и рельефным орнаментом в виде ов (рис. 9, 35). В заключение отметим также сферическую чашу с покрытием красного цвета с отогнутым вверх-наружу краем и концентрическими желобками под ним (рис. 9, 45). Аналогичные сосуды найдены и в других районах Херсонеса, так, один из них происходит из раскопок у базилики «Крузе» (эллинистический слой) (Ушаков, Тюрин, в печати, рис. 2, 16, 19). Подобные сосуды (по морфологии) С. Ротрофф из раскопок Афинской Агоры отнесены к 240-220 гг. до н.э. [104].

Подводя краткие итоги обзору чернолаковой и рельефной керамики из раскопок у «базилики 1935 года», можно заключить, что этот, в целом не слишком значительный по числу представленных находок, комплекс, находит практически полное тождество с материалами раскопок из разных районов Херсонеса (например, в Северо-восточном районе – заполнение эллинистической цистерны в квартале ХСVII, слои под базиликой «Крузе»). Сказанное относится к слоям эллинистического времени памятников Западного Крыма; ближайшие аналогии также без труда находятся в материковой Греции (Афинская Агора) и Малой Азии [105]. Хронологически чернолаковая и рельефная

керамика из раскопок у «базилики 1935 г.», как мы видели, относится в большей степени к эпохе позднего эллинизма.

Краснолаковая посуда представлена типичными формами, большей частью во фрагментах. Кувшины – венцами с разнообразно оформленными закраинами (рис. 10, 1-5, 7, 8, 10, 11), фрагментами ручек (рис. 10, 6, 15) [106]; среди них выделяется рельефная стенка с нижним прилепом ручки (рис. 10, 9). В небольшом числе присутствуют импортные тарелки, чашки и миски с вертикально расположенным прямым или слегка изогнутым краем (рис. 10, 14, 16-19) [107]. Часть мисок и блюд можно отнести по морфологии к некоторым формам херсонесской сигилляты: 1) с загнутым краем – тип 1 (рис. 10, 22, 25) [108]; 2) с утолщенным отогнутым краем (рис. 10, 20); 3) с отогнутым наружу-вверх краем (рис. 10, 23); 4) с двучастным краем (рис. 10, 24); 5) блюда с отогнутой широкой закраиной (рис. 11, 3-5) [109]. Херсонесская сигиллята, тип 1 [110] – одна из самых распространенных типов краснолаковой посуды, как в самом Херсонесе [111], так и в Западном [112] и Южном [113] Крыму.

К этой же группе сосудов отнесем чашки на кольцевом поддоне с горизонтально расположенными закраинами чаще с концентрическими врезными линиями (тип 2 херсонесской сигилляты) (рис. 11, 1 – *целая форма*, 6-11). Это также исключительно многочисленная группа посуды, распространенная повсеместно в Херсонесе и Юго-Западном и Южном Крыму [114]. Аналогичные формы бытовали и на Боспоре [115].

К следующей группе краснолаковой посуды относится так называемая ранневизантийская керамика. Среди нее встречены сосуды фокейской сигилляты («позднеримская С») (рис. 11, 12), понтийской позднеримской группы («понтийская сигиллята») (рис. 11, 15 – форма 1) (рис. 11, 14 – форма 7). В научной литературе нет единства мнений по поводу определения типов, датировок и даже названий этой керамики. Так, А.В. Сазанов повторяя номенклатуру английского исследователя Дж. Хейса, выделяет, в частности, на херсонесском материале сосуды типа «Поздний римский С», форм 1-10, группу «Африканские краснолаковые сосуды» [116] и др. В.Н. Залеская, публикуя многочисленные находки краснолаковой керамики из Херсонеса, хранящиеся в Государственном Эрмитаже, место их производства указывает более осторожно – Восточное Средиземноморье, «африканский тип» [117]. Кшиштоф Домжалский выделяет в Северопричерноморском регионе, преимущественно на

материалах Танаиса, следующие группы краснолаковых сосудов: 1) Понтийской позднеримской группы (Pontic Red Slip Ware - PRS) форм 1-7; 2) Поздний римский С/Фокейская позднеримская группа (Late Roman C/Phocaean Red Slip Ware - LRC/PhRS) форм 1A-D, 2A-D; 3) Африканские краснолаковые сосуды (African Red Slip Ware – ARS) [118], считая последнюю здесь в целом крайне немногочисленной [119].

Эти же категории сосудов встречаются также в Ольвии [120] и на Боспоре [121]. Особенно много их в Херсонесе [122] и близлежащих некрополях Юго-Западного Крыма [123] гуннской эпохи. Группу понтийской сигилляты К. Домжалский без колебаний датирует временем со второй четверти IV до первой четверти-середины VI вв. н.э. [124].

Таким образом, краснолаковая посуда нашего комплекса распадается на две хронологически неравноценные группы: меньшая часть относится к импортной посуде I-II вв. н.э., а большая представлена сосудами херсонесской, понтийской и фокейской сигилляты IV – начала VI вв. н.э.

В итоге можно заключить, что и в целом, бытовая (разнообразная столовая, кухонная посуда) и тарная керамика Херсонеса (по раскопкам BSP 2004-2006 и 2008 гг. у «базилики 1935 г.») находит практически полное соответствие с материалами комплексов античных памятников Причерноморья [125] и Восточного Средиземноморья. Она представлена следующими основными хронологическими сериями: 1) IV – начала III вв. до н.э. (амфоры Гераклеи, Синопы, Херсонеса, чернолаковая посуда классической серии, гончарная кухонная посуда); 2) середина III – начало I вв. до н.э. (амфоры Херсонеса, Родоса, чернолаковая и рельефная эллинистическая посуда); 3) II – середина III вв. н.э. (воронковидные амфоры, амфоры типа «мирмекийских», импортная краснолаковая посуда); 4) вторая четверть – середина IV – начало VI вв. (амфоры типов «Делакеу», с «зональным рифлением», тонкостенные коричневоглиняные, краснолаковые кувшины, миски и блюда. Своеобразие комплекса заключается в относительно малом количестве ранней античной керамики (амфоры Хиоса, Фасоса, аттическая чернолаковая посуда, полосатая «ионийская» посуда) керамики I в. до н.э. – I в. н.э. (Такая номенклатура, впрочем, характерна, насколько мы можем судить, и для большинства других районов города). Тем не менее, этот материал можно использовать как для создания хронологической шкалы керамики из Херсонеса и современной его археологической

периодизации, так и реконструкции торгово-экономических связей античного Херсонеса Таврического в бассейне Черного и Средиземного морей.

Примечания

1. Начало раскопок относится еще к 1827 году, когда К.Крузе открыл три христианских храма, один из которых до сих пор носит имя своего первооткрывателя (См.: *Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002. С. 511–513).
2. *Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В.* Археологические исследования базилики 1935 г. в Херсонесе // Археологические исследования в Крыму. 1995 год: Сб. научн. ст. Симферополь, 2007. С. 125.
3. Там же. С. 63.
4. Там же. Приложение 3. Рис. 4.
5. *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н. э. Саратов, 1999. Табл. 101,2.
6. *Зеест И.Б.* Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83. Табл. VI,17.
7. Там же. Табл. XII,24и; *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье... Табл. 65,3,5,23.
8. *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье... Табл. 85,3,4.
9. *Зеест И.Б.* Керамическая тара Боспора. Табл. XI, 24е; *Туровский Е.Я., Николаенко М.Ю., Горячук В.Н., Ладюков И.В.* Древние амфоры в Северном Причерноморье. Справочник-определитель. К., 2001. С. 51. Рис. 30.6.
10. *Зеест И.Б.* Керамическая тара Боспора. Табл. XV,32г; *Туровский Е.Я., Николаенко М.Ю., Горячук В.Н., Ладюков И.В.* Древние амфоры в Северном Причерноморье. С. 45. Рис. 26.1.
11. *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье... Табл. 74,1.
12. *Зеест И.Б.* Керамическая тара Боспора... Табл. XXIII,48; *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье... Табл. 78.
13. *Zolotarev M.I.* A Hellenistic Ceramic Deposit from the North-eastern Sector of Chersonesos // Chronologies of the Black Sea Area in the period c. 400–100 BC. Edited by Vladimir Stolba and Lise Hannestad. 2005. Fig. 3.
14. *Золотарев М.И., Макленнан Р., Оверман Э., Коробков Д.Ю.* Отчет об археологических исследованиях у базилики 1935 г. в 1994 г. // НА НЗХТ. Д. 3218. Список керамических клейм.
15. Там же.
16. Там же.
17. *Зеест И.Б.* Керамическая тара Боспора... Табл. XXIX,67; *Туровский Е.Я., Николаенко М.Ю., Горячук В.Н., Ладюков И.В.* Древние амфоры в Северном Причерноморье. С. 61. Рис. 38.1,2,3.
18. *Внуков С.Ю.* Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. (морфология). – М. 2003. Рис. 55; *Туровский Е.Я., Николаенко М.Ю., Горячук В.Н., Ладюков И.В.* Древние амфоры в Северном Причерноморье. С. 62. Рис. 39.2, 39.3.
19. По (См.: Там же. С. 63. Рис. 39.5) их можно датировать первой половиной I в. н.э. – концом I в. – начала II в. н.э. (См.: *Внуков С.Ю.* Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. С. 208–209).
20. *Бёттгер Б.* Интерпретация находок амфор из Танаиса эллинистического времени и история торговли // NOVENSIA. Warszawa, 2008. № 18–19. С. 45–49).
21. *Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И.* Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя "Совхоз 10") // Stratum plus. 2003–2004. № 4. С. 55. Табл. I–II.
22. *Уженцев В.Б., Юрочкин В.Ю.* Амфоры с воронковидным горлом из Причерноморья // ХСБ. 1998. Вып. IX. С. 100–109; *Kelemen M.N.* Roman Amphorae in Pannonia (North Italian Amphorae) // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum. Budapest, 1987. № 39. Fig. 4–6.
23. *Внуков С.Ю.* Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Рис. 3,9, 50.
24. *Науменко С.А.* Амфоры из закрытых комплексов Танаиса римского времени // NOVENSIA. Warszawa, 2008. № 18–19. С. 267–289. Рис. 2,7, 4,1,2.
25. *Сазанов А.В.* Амфорный комплекс первой четверти VII в. н.э. из Северо-восточного района Херсонеса // МАИЭТ. Симферополь, 1991. Вып. II. С. 60–72, 252–265. Ссылки на литературу приведены в (См.: Там же. 68–69).
26. *Кузманов Г.* Ранновизантийская керамика от Тракия и Дакия (IV – началато VII в.) // Раскопки и проучвания. – Книга XIII. София, 1985. С. 9–11. Табло 3.
27. *Keay S.J.* Late Roman Amphorae in the Western Mediterranean /A typology and economic study: the Catalan evidence/ Part (ii). Oxford, 1984. P. 352–357. Fig. 165, 166,1–11.
28. *Нидзельницкая Л.Ю.* Византийские амфоры с гладким корпусом и зональным орнаментом V – начала IX вв. (по материалам донских музеев) // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Сборник статей по материалам XII Международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 2009. С. 259. Там же приведена основная литература.
29. *Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И.* Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 81–82, 87–88. Рис. 12, 13, 14; *Сазанов А.В.* О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. № 4. С. 43. Рис. 1,3;

- Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1991. С. 7–8.
30. Нидзельницкая Л.Ю. Византийские амфоры с гладким корпусом и зональным орнаментом. С. 259, Рис. 1,16; Doorninck F.H. The cargo amphoras on the 7-th century Yassi Ada and 11-th century Serce Limani shipwrecks: two examples of a reuse of Byzantine amphoras as transport jars // *Recherches sur la ceramique Byzantine // Bulletin de correspondance hellenique. Sup. XVIII. Athenes-Paris, 1989. P. 248.*
 31. Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора... Табл. XXXVIII.
 32. Сазанов А.В. Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV–V вв. // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск, 1999. Вып. VII. С. 224–226. Рис. 1,1–3, 2,1.
 33. Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора... Табл. XXXVI,64–65, XXXVII,91–93, XXXVIII,94, XLI,104–105.
 34. Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 16–21; Туровский Е.Я., Николаенко М.Ю., Горячук В.Н., Ладюков И.В. Древние амфоры в Северном Причерноморье. С. 58–59. Рис. 36.1–6.
 35. Сазанов А.В. Керамические комплексы Северного Причерноморья. С. 239–240. Рис. 9,1,3.
 36. Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора... Табл. XXX,72.
 37. Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э. Киев, 1993. С. 97. Тип 19. Рис. 30,1–3.
 38. Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. 1993. №3. С. 47.
 39. Науменко С.А. Амфоры из закрытых комплексов Танаиса римского времени. С. 283. Рис. 8,8.
 40. Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. Указ. соч. С. 68. Табл. V.
 41. Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора... Табл. XXXI,75.
 42. Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э. С. 99. Тип 31.
 43. Абрамов А.П. Античные амфоры. С. 47. Тип 6.16–6.18.
 44. Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. Указ. соч. С. 69–70.
 45. Туровский Е.Я., Николаенко М.Ю., Горячук В.Н., Ладюков И.В. Древние амфоры в Северном Причерноморье. С. 70–71. Рис. 50.1.
 46. Антонова И.А., Даниленко В.Н., Иващута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И. Средневековые амфоры Херсонеса. С. 83–84. Рис. 3.
 47. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979. Рис. 1,1.
 48. Там же. С. 9.
 49. Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора... С. 120. Табл. XXXIX,100, а–г.
 50. Абрамов А.П. Античные амфоры. Тип 7.1, 7.2.
 51. Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Раскопки Танаиса в центре восточной части городища // Древности Боспора. 2001. Вып. 4, Рис. 46,2,4.
 52. Сазанов А.В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. № 4. С. 50, 51; Шаров О.В. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг: Хронология комплексов с римскими импортами. СПб., 2007. С. 99. Рис. 42.
 53. Сазанов А.В. Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV–V вв. С. 186).
 54. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. С. 19.
 55. Юрочкин В.Ю., Зубарев В.Г. Комплекс с монетами IV века из раскопок городища Белинское // Древности Боспора. 2001. Вып. 4. Прим. 17. С. 461–462, 465; Шаров О.В. Указ. соч. Цветная вклейка 1.
 56. Kassab Tezgör. Types amphoriques a Demirci pres de Sinope // Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire. – Aix-en-Provence: Publikations de l'Universite de Provence, 1999. P. 117–124; «carotte» - Fig. 9-11; Шаров О.В. Указ. соч. С. 128–129.
 57. Там же. С. 170.
 58. Сазанов А.В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. н.э. из Северо-восточного района Херсонеса. Рис. 10,4–9.
 59. Там же. С. 66–67.
 60. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. С. 12. Рис. 2,4,5.
 61. Böttger B. Die Gefäßkeramik aus dem Kastell Iatrus // Iatrus-Krivina. Spätantike Befestigung und frümittelalterliche Siedlung an der unteren Donau. Bd. II. Ergebnisse der Ausgrabungen 1966-1973. Berlin, 1982. S. 140. Taf. 24.
 62. Keay S.J. Late Roman Amphorae in the Western Mediterranean. P. 278–283. Fig. 121, 122.
 63. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1991. С. 21. Табл. 5, 6, № 23–28.
 64. Там же. С. 21.
 65. Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора... Тип 95. Табл. XXXVIII, 95; Keay S.J. Late Roman Amphorae in the Western Mediterranean. Тип LIV. P. 286-289. Fig. 124.
 66. Сазанов А.В. Тонкостенные красноглиняные амфоры типа 95 по И.Б. Зеест: типология и

- хронология // Петербургский археологический вестник. 1992. № 2. С. 100–101.
67. Сазанов А.В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени. С. 46–48.
68. Сазанов А.В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. н.э. С. 241.
69. Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Комплекс ранневизантийского времени из раскопок квартала Хб в Северном районе Херсонеса // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва-Магнитогорск, 2000. Вып. IX. Рис. 5,1–14.
70. Сазанов А.В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. н.э. С. 70. Рис. 13,9.
71. Сазанов А.В. Тонкостенные красноглиняные амфоры типа 95 по И.Б. Зеест. С. 51–59; Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. С. 24–25.
72. Колтухов С.Г. Позднескифское поселение Доброе // У Понта Эвксинского (памяти Павла Николаевича Шульца). Симферополь, 2004. С. 126. Рис. 3; Храпунов И.Н., Власов В.П., Смокотина А.В. Поселение в Барабановской балке (по результатам раскопок 2004–2006 гг.). Симферополь, 2007. С. 7–12. Рис. 7-19.
73. Краткий обзор типов сосудов в (См: *Abadie-Reynal K. Les Amphores romanes en Mer Noire (I – IV s.) // Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noir. Aix-en-Provence, 1999*).
74. Zolotarev M.I. A Hellenistic Ceramic Deposit from the North-eastern Sector of Chersonesos. Fig. 13,9–26. В этом же ряду назовем *пифос* с отогнутым краем (рис. 5, 18).
75. Ушаков С.В., Дорошко В.В., Кропотов С.И., Макаев И.И., Струкова Е.В. Керамический комплекс засыпи цистерны V-VI вв. в ХСVII квартале Херсонеса (предварительная информация) // ХСб. – 2006. Вып. XV. Рис. 10,2–18,24; Ушаков С.В., Струкова Е.В. Комплекс лепной посуды из засыпи колодца в Северо-Восточном районе Херсонеса. (в печати).
76. Созник, 2005, рис. 7, 1, 3, 4.
77. Белов, Стржелецкий, Якобсон, 1953, табл. V; VI, 3; Zolotarev M.I. A Hellenistic Ceramic Deposit from the North-eastern Sector of Chersonesos. Fig. 15; Ковалевская Л.А. Комплекс столовой и кухонной керамики с усадьбы 106 на хоре Херсонеса Таврического // Боспорские исследования. Симферополь–Керчь, 2005. Вып. VIII. Рис. 4, 6, 7.
78. Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В. Исследования в Херсонесе. Рис. 10,25,26; Ушаков С.В., Дорошко В.В., Кропотов С.И., Макаев И.И., Струкова Е.В. Керамический комплекс засыпи цистерны... Рис. 9,12–16,24.
79. Дьячков С.В., Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В. Отчет о раскопках в портовом районе Херсонеса в 1995 г. («казарма», «центр квартала») // НА НЗХТ. Д. 3226. Рис. 28,26–64.
80. Ушаков С.В. Отчет о раскопках в Северо-восточном районе Херсонеса (базилика «Крузе») в 2006 г. // НА НЗХТ. Д. 3868. Рис. 126–129.
81. Созник, 2005. Рис. 6.
82. Крапивина В.В. Ольвия. Рис. 32–37.
83. Zolotarev M.I. A Hellenistic Ceramic Deposit from the North-eastern Sector of Chersonesos. Fig. 9–12,13,1,2; Ковалевская Л.А. Указ. соч. Рис. 4, 1, 2, 4, 8; Уженцев В.Б. Эллины и варвары Прекрасной Гавани (Калос Лимен в IV в. до н.э. – II в. н.э.): Материалы по археологии Крыма. – Симферополь, 2006. Рис. 80, 3.
84. Mitsopoulis-Leon V. Die Basilika am Staatsmarkt in Ephesos. 1. Teil: Keramik hellenistischer und römischer Zeit. Schindler-Wien, 1991. # О 12, О 18.
85. Золотарев М.И. Херсонесская архаика. Севастополь, 1993. Табл. I,3, VII,4, XII.
86. Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н.э. – Киев, 1982. С. 75–79. Рис. 48–52.
87. Крапивина В.В. Ольвия. Рис. 65,11–14.
88. Юрочкин В.Ю., Труфанов А.А. Хронология могильников Центрального и Юго-Западного Крыма III–IV вв. н.э. // Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской: Сб. научн. трудов. Симферополь, 2007. Рис. 3,10,11, 4,11,23,24, 6,5.
89. Егорова Т.В. Чернолаковая керамика IV–II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма. М., 2009. С. 39. Рис. 25Б, 26А.
90. Егорова Т.В. Указ. соч. Рис. 21, 297, 303; 22, 319, 320.
91. Rotroff S.I. Hellenistic Pottery Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material // The Athenian Agora. Vol. XXIX. Part 1. Princeton, 1997. ## 634, 670, 676.
92. Ibid. # 684.
93. Ibid. # 744.
94. Ibid. # 709 и след.
95. Zolotarev M.I. A Hellenistic Ceramic Deposit from the North-eastern Sector of Chersonesos. Fig. 5–8.
96. Rotroff S.I. Hellenistic Pottery Athenian and Imported Wheelmade... # 591, 592 и след.
97. Ibid. # 603.
98. Арсеньева Т.М., Бёттгер Б., Науменко С.А. К истории эллинистического Танаиса // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск, 2001. Вып. XI. С. 91. Рис. 115.
99. Rotroff S.I. Hellenistic Pottery Athenian and Imported Wheelmade... P. 284. # 391–394.
100. Золотарев М.И. Об одном типе полусферических чаш эллинистического времени // Боспорские исследования. 2005. Вып. VIII. Рис. 1; Zolotarev M.I. A Hellenistic Ceramic Deposit from the North-eastern Sector of Chersonesos.
101. Rotroff S.I. Hellenistic Pottery Athenian and Imported Wheelmade... ## 21–31 и след.
102. Ibid. # 222.

103. Уженцев В.Б. Эллины и варвары Прекрасной Гавани (Калос Лимен в IV в. до н.э. – II в. н.э.): Материалы по археологии Крыма. Симферополь, 2006. Рис. 76, 79,3.
104. *Rotroff S.I.* Hellenistic Pottery Athenian and Imported Wheelmade... P. 280. Fig. 22. ## 360, 364, 366.
105. *Mitsopoulis-Leon V.* Die Basilika am Staatsmarkt in Ephesos. 1. Teil: Keramik hellenistisch und römischer Zeit. Schindler-Wien, 1991## A 14, A 16, A 41, A 48, B 104, B 105, D 27, D 33, D 45, D, 55)).
106. *Кадеев В.И.* Очерки истории экономики Херсонеса I–IV вв. н.э. Харьков, 1970. С. 93–95. Рис. 11; *Зубарь В.М.* Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н.э. С. 68–73. Рис. 44–46; *Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В.* Археологические исследования базилики 1935 г. в Херсонесе. Рис. 9Б, 11–27; *Нессель В.А.* Краснолаковая керамика из могильника Киленбалка // ХСб. Вып. XII. 2003. Рис. 5–10; *Ушаков С.В.* Отчет о раскопках в Северо-восточном районе Херсонеса (базилика «Крузе») в 2006 г. // НА НЗХТ. Д. 3868. Рис. 2,8–15.
107. *Mitsopoulis-Leon V.* Die Basilika am Staatsmarkt in Ephesos... # N 40 – тарелка или # 18, # M 8.
108. *Зайцев Ю.П., Волошинов А.А., Кюнелт Э., Масякин В.В., Мордвинова В.И., Фирсов К.Б., Флесс Ф.* Позднекифский некрополь Заветное (Алма-Кермен) I–III вв. н.э. в Юго-Западном Крыму. Раскопки 2004 г. // Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской: Сб. научн. трудов. Симферополь, 2007. С. 253. Рис. 13,3.
109. *Ушаков С.В.* Херсонесская сигиллята (к постановке проблемы) // ХСб. 2004. Вып. XIII. Рис. 1, 2 – номера иллюстраций в публикации перепутаны.
110. *Ушаков С.В.* Херсонесская краснолаковая керамика // Боспорские исследования. Симферополь–Керчь, 2005. С. 63, 64, приложение 1, рис. 1, 1, 2.
111. *Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В.* О принципах изучения античных водосборных цистерн (по материалам раскопок в ХСVI квартале Херсонеса). Севастополь, 1997. Рис. 8, 1, 2, 3.
112. *Уженцев, Труфанов*, 2004, рис. 3, 22–25; 5, 41–45)
113. (Шаров, 2007, рис. 13, 8).
114. *Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В.* О принципах изучения античных водосборных цистерн (по материалам раскопок в ХСVI квартале Херсонеса). Рис. 8,27,30,37,44; *Ушаков С.В.* Херсонесская краснолаковая керамика. Рис. 1,3,4,5,7; *Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И.* Указ. соч. Табл. XIII, 1,2,4,5,8,9; *Шаров О.В.* Указ. соч. Рис. 13, 6 – фото на обложке, 41,4, 78,2,3.
115. *Силантьева Л.Ф.* Краснолаковая керамика из раскопок Илурата // МИА. 1958. № 83. Рис. 14,3, 17,6, 19,3; *Шаров О.В.* Указ. соч. Рис. 19, Б 39, БА 49, ББ 60, ББ 61.
116. *Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф.* К вопросу о датировках позднеантичных слоев городов Боспора // СА. 1989. Рис. 8, 1–3.
117. *Залеская В.Н.* Государственный Эрмитаж. Памятники византийского прикладного искусства IV–VII веков. Каталог коллекции. СПб., 2006.
118. *Arsen'eva T.M., Domzalski K.* Late Roman red slip pottery from Tanais // Eurasia Antiqua 8. Zeitschrift für Arheologie Eurasiens. 2002. P. 95–109; *Arsen'eva T.M., Domzalski K.* Late Roman red slip pottery from Tanais // Eurasia Antiqua 8: Zeitschrift für Arheologie Eurasiens. 2002. P. 161–168.
119. *Ушаков С.В.* Ранневизантийская краснолаковая керамика из раскопок ХСVII квартала Херсонеса // ХСб. Вып. XVI. В печати).
120. *Крапивина В.В., Домжальский К.* Позднеантичная Ольвия в свете находок краснолаковой керамики // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху. Материалы юбилейного международного круглого стола, посвященного 10-летию конференции «Боспорский феномен». СПб., 2008. Рис. 1–2. С. 78–80.
121. *Лысенко А.В., Юрочкин В.Ю.* Некрополь Пантикапея–Боспора (по материалам исследований 2000–2004 гг. // «О древностях Южного берега и гор Таврических»: Сб. научн. трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена). Киев, 2004. Рис. 13,4,5, 22,3, 24,1 2.
122. *Романчук А.И., Сазанов А.В.* Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона; *Голофаст Л.А.* Штампы V–VII вв. на посуде группы «Африканской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. Симферополь, 1996. Вып. V; *Голофаст Л.А.* Штампы V–VII вв. на посуде группы «Фокейской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. Симферополь, 2002. Вып. IX; *Ушаков С.В., Дорошко В.В., Кропотов С.И., Макаев И.И., Струкова Е.В.* Керамический комплекс засыпи цистерны V–VI вв... Рис. 10,1–10,23–29; *Ушаков С.В.* Эллинистической комплекс из раскопок базилики «Крузе» в Херсонесе (амфоры и чернолаковая керамика). (В печати).
123. *Иванова О.С.* Краснолаковая керамика из раскопок могильника в балке Алмалык-дере (Мангуп) // МАИЭТ. Симферополь, 2009. Вып. XV); *Нессель В.А.* Краснолаковая керамика из могильника Киленбалка // ХСб. Севастополь, 2003. Вып. XII. Рис. 2, 3; *Ушаков С.В., Филиппенко А.А.* Керамический комплекс могильника Карши-Баир в Юго-Западном Крыму. Рис. 2–5.

^{124.} *Кративина В.В., Домжалский К.* Позднеантичная Ольвия в свете находок краснолаковой керамики. Рис. 1–2. С. 78–79.

^{125.} *Уженцев В.Б.* Эллины и варвары Прекрасной Гавани. Рис. 69–86; *Бураков А.В.* Козырьское городище рубежа и первых столетий н.э. Табл. I, II, III.

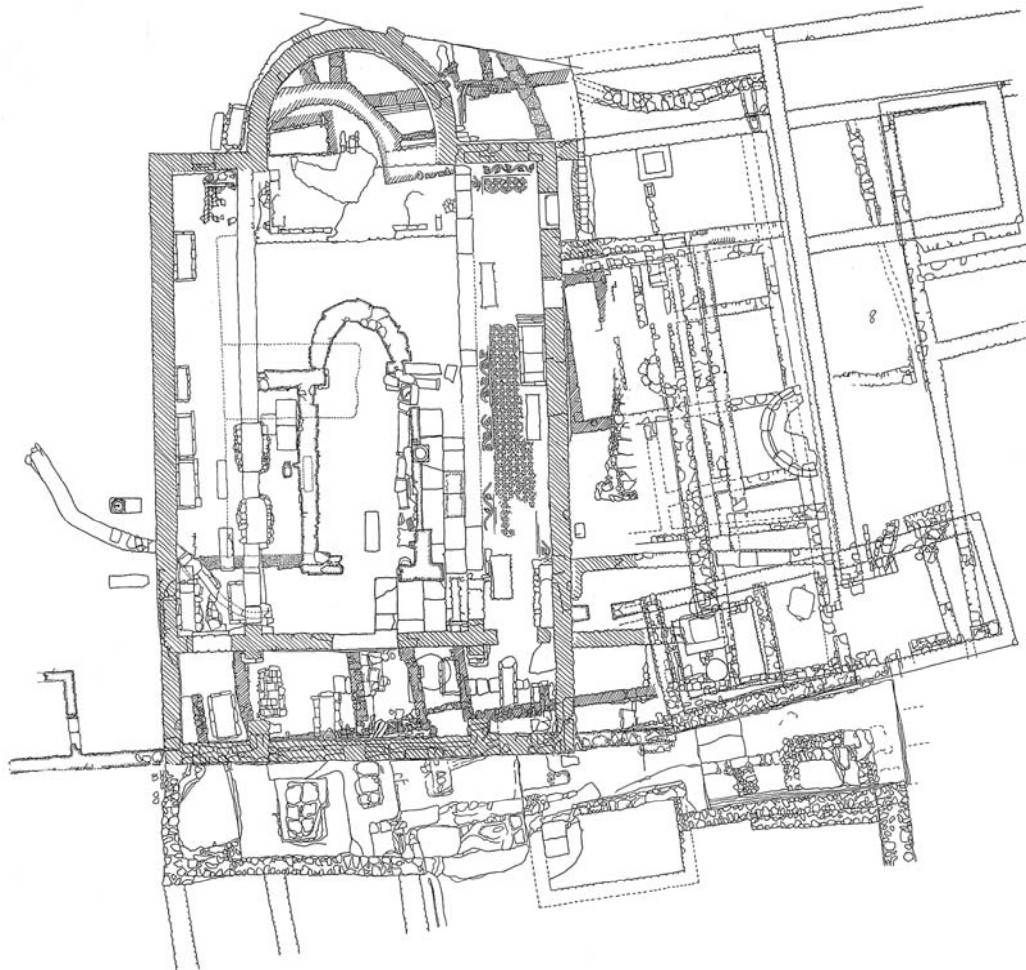

Рис. 1. Археологический комплекс «базилика 1935 г.» (по Г.Д. Белову).

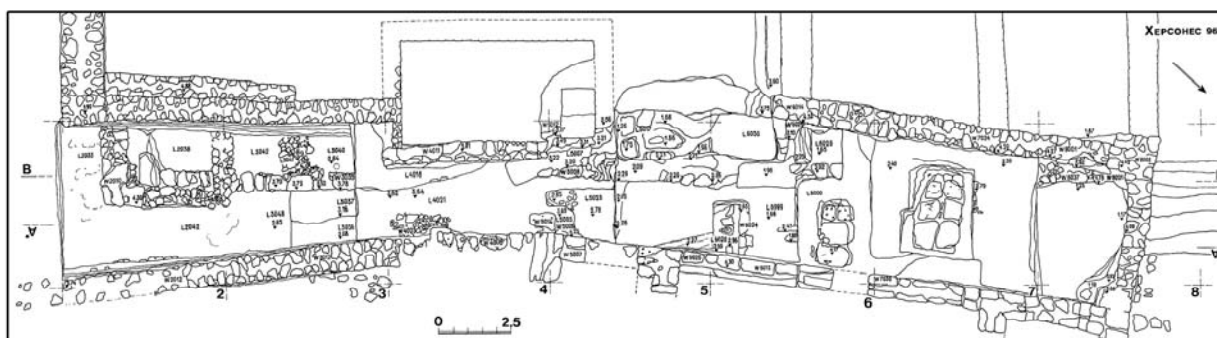

Рис. 2. Генеральный план раскопок Причерноморского проекта у «базилики 1935 г.» (экзонартекс и XI поперечная улица) 1996 г.

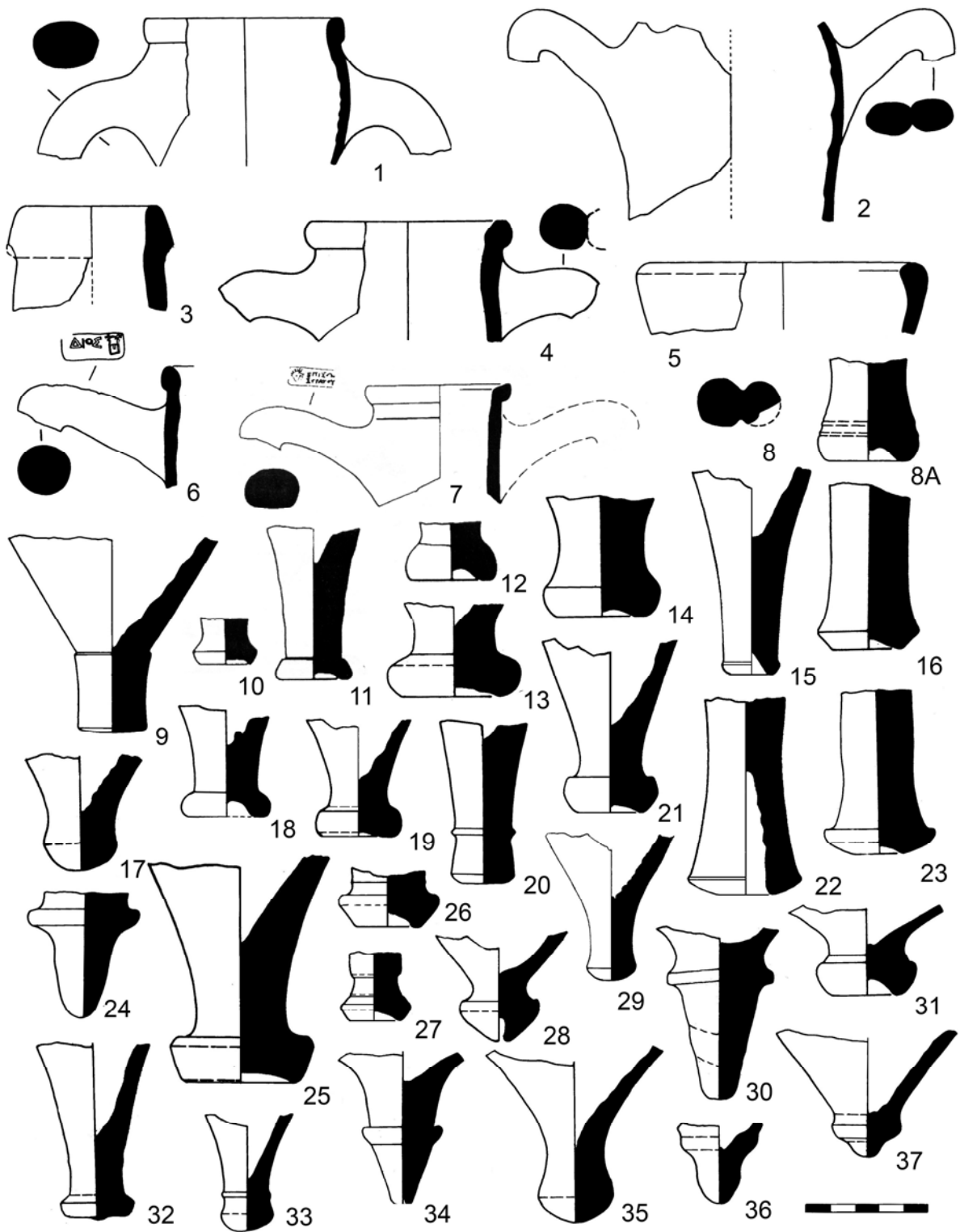

Рис. 3. Фрагменты эллинистических амфор.

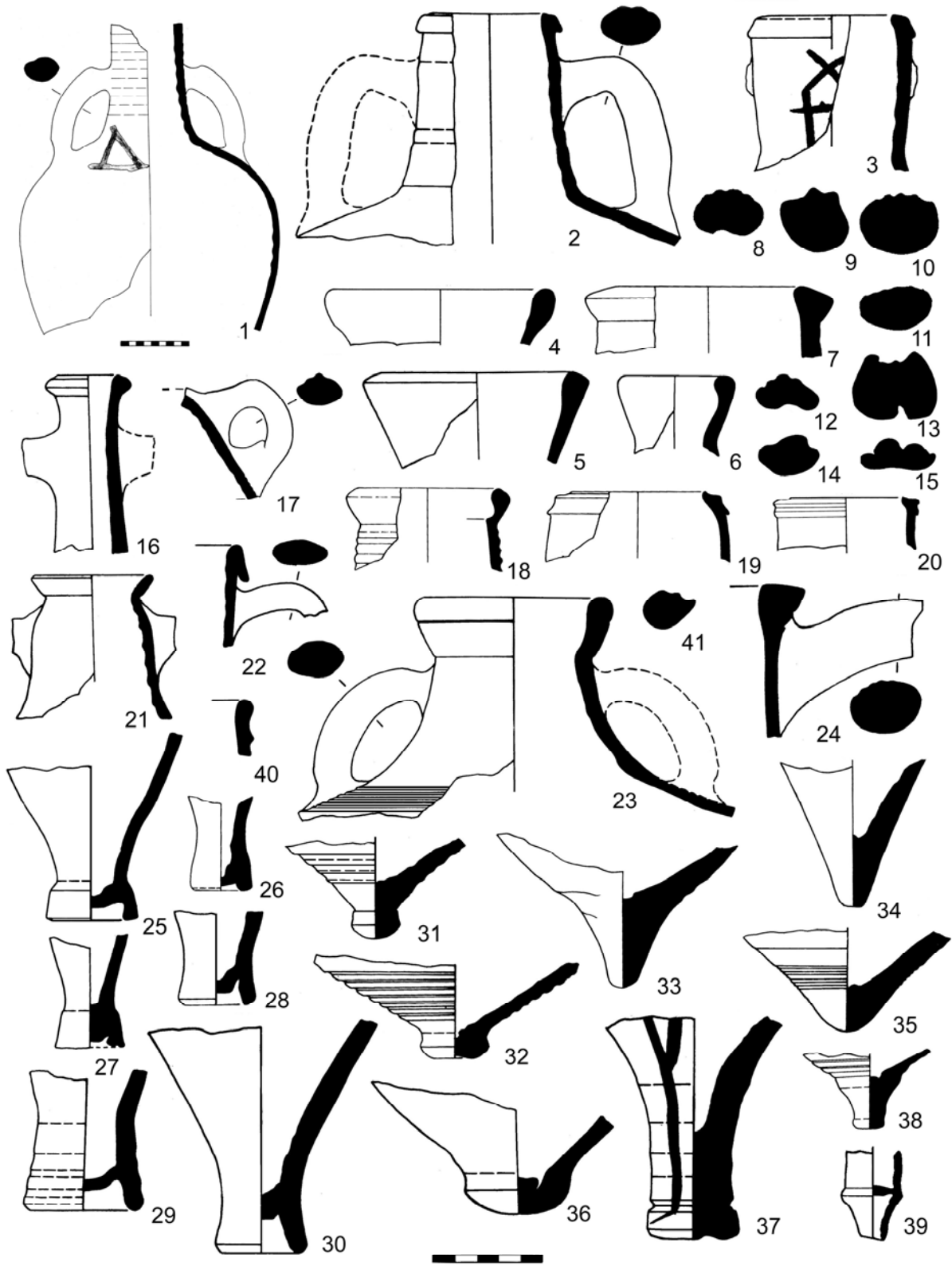

Рис. 4. Фрагменты амфор римского-ранневизантийского периодов.

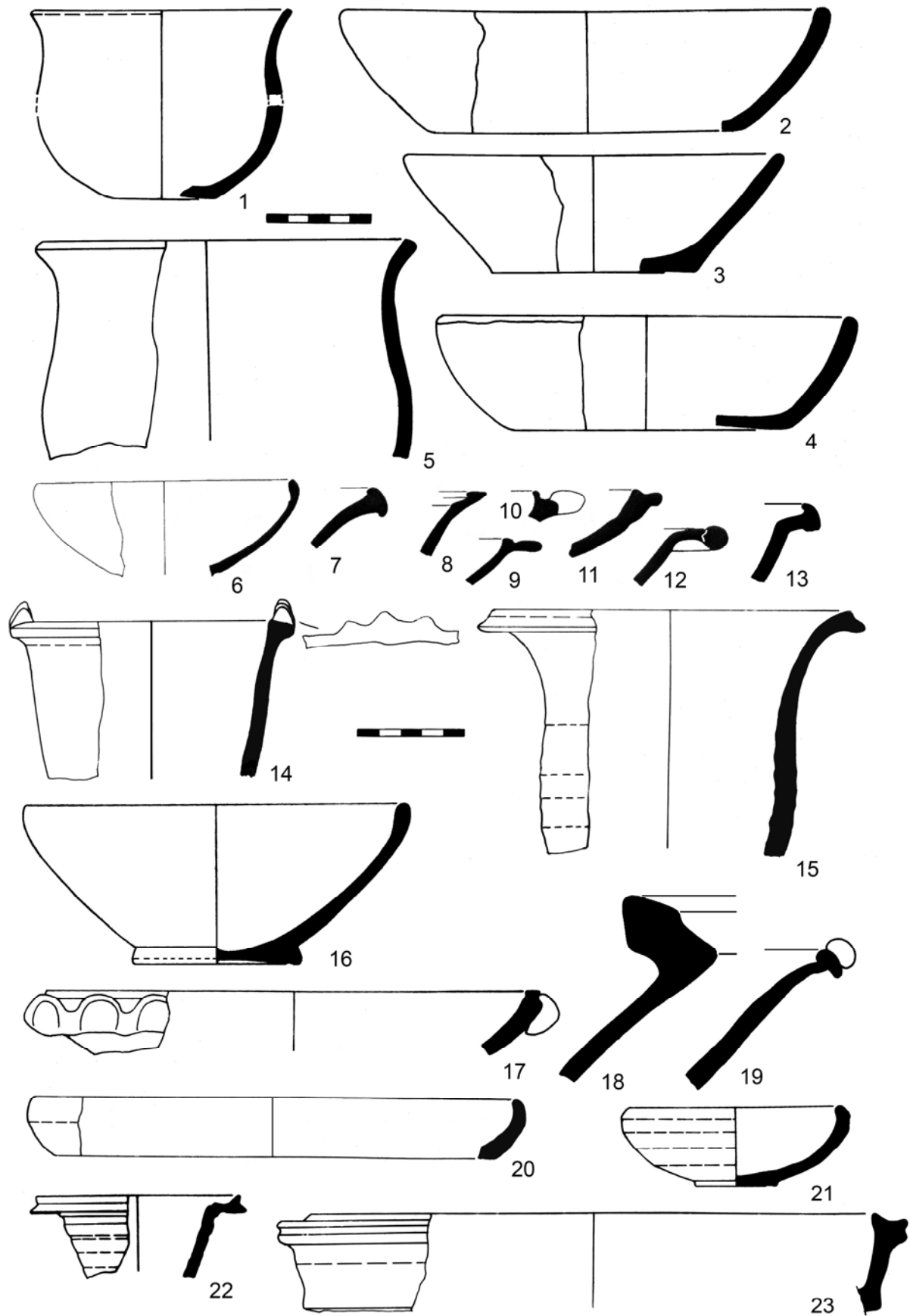

Рис. 5. Лепная (1-5) и бытовая толстостенная (6-23) керамика.

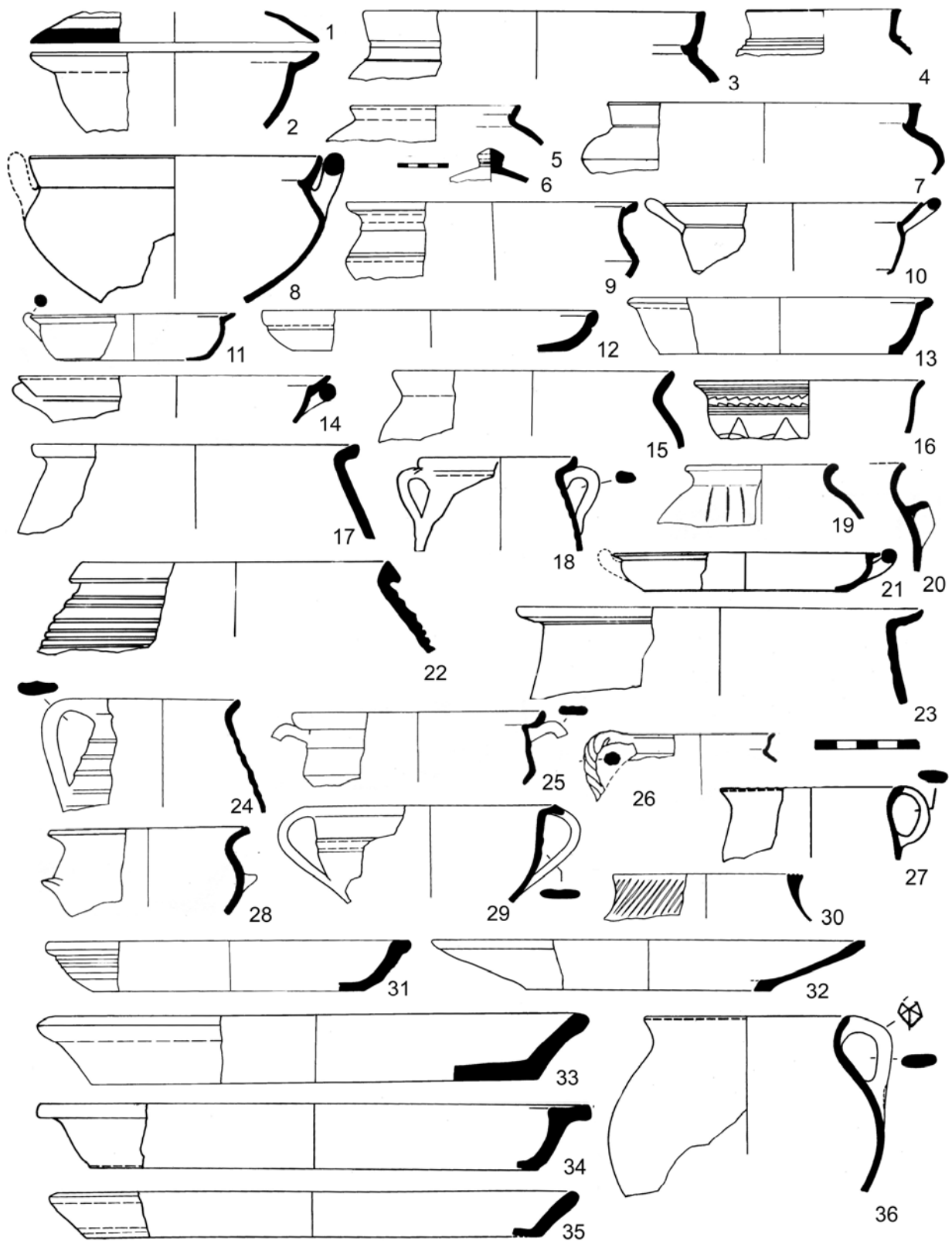

Рис. 6. Гончарная кухонная посуда.

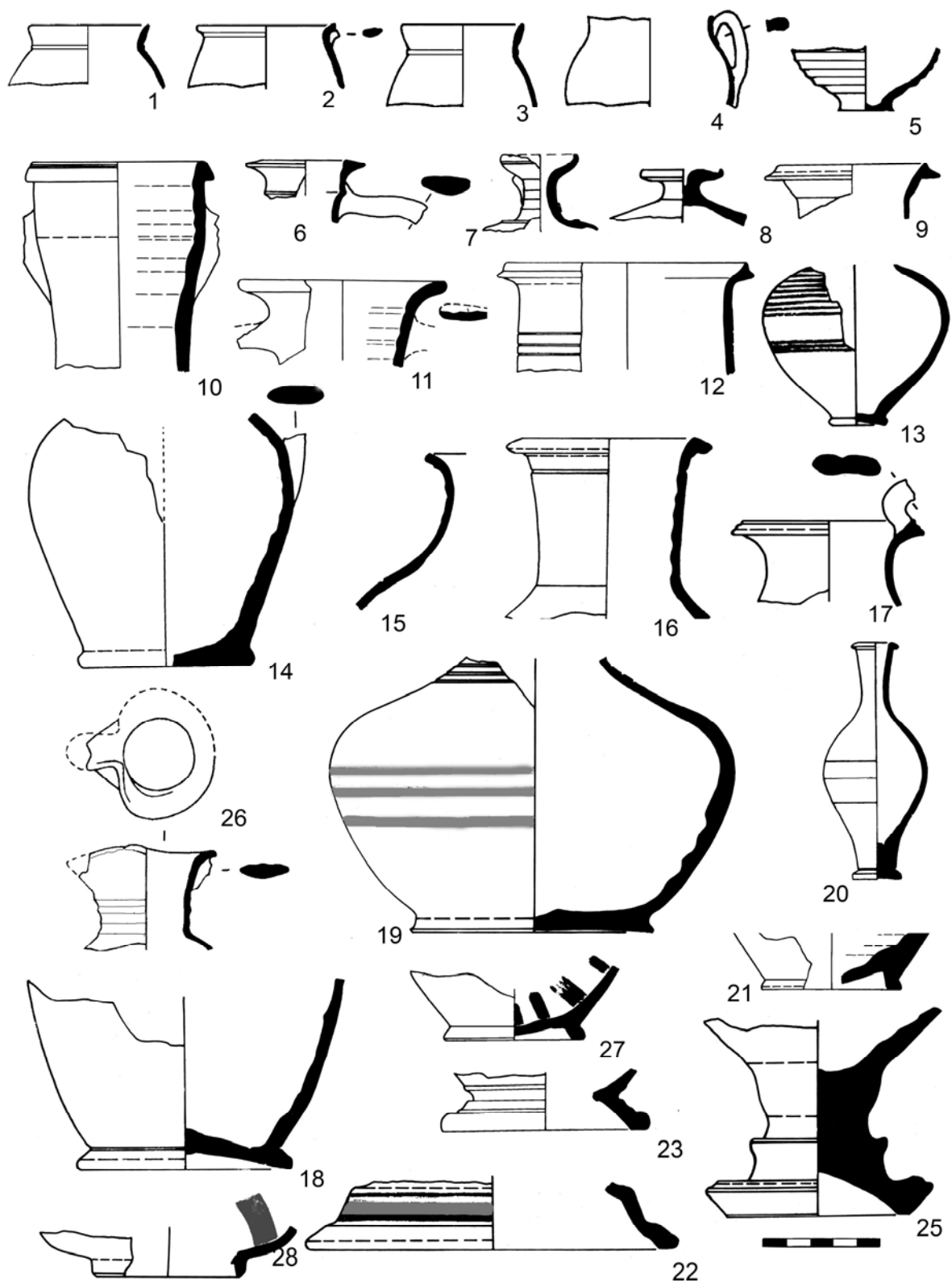

Рис. 7. Столовая посуда (1-25), гончарный кухонный ойнохоевидный кувшин (26), полосатая «ионийская» посуда (27, 28).

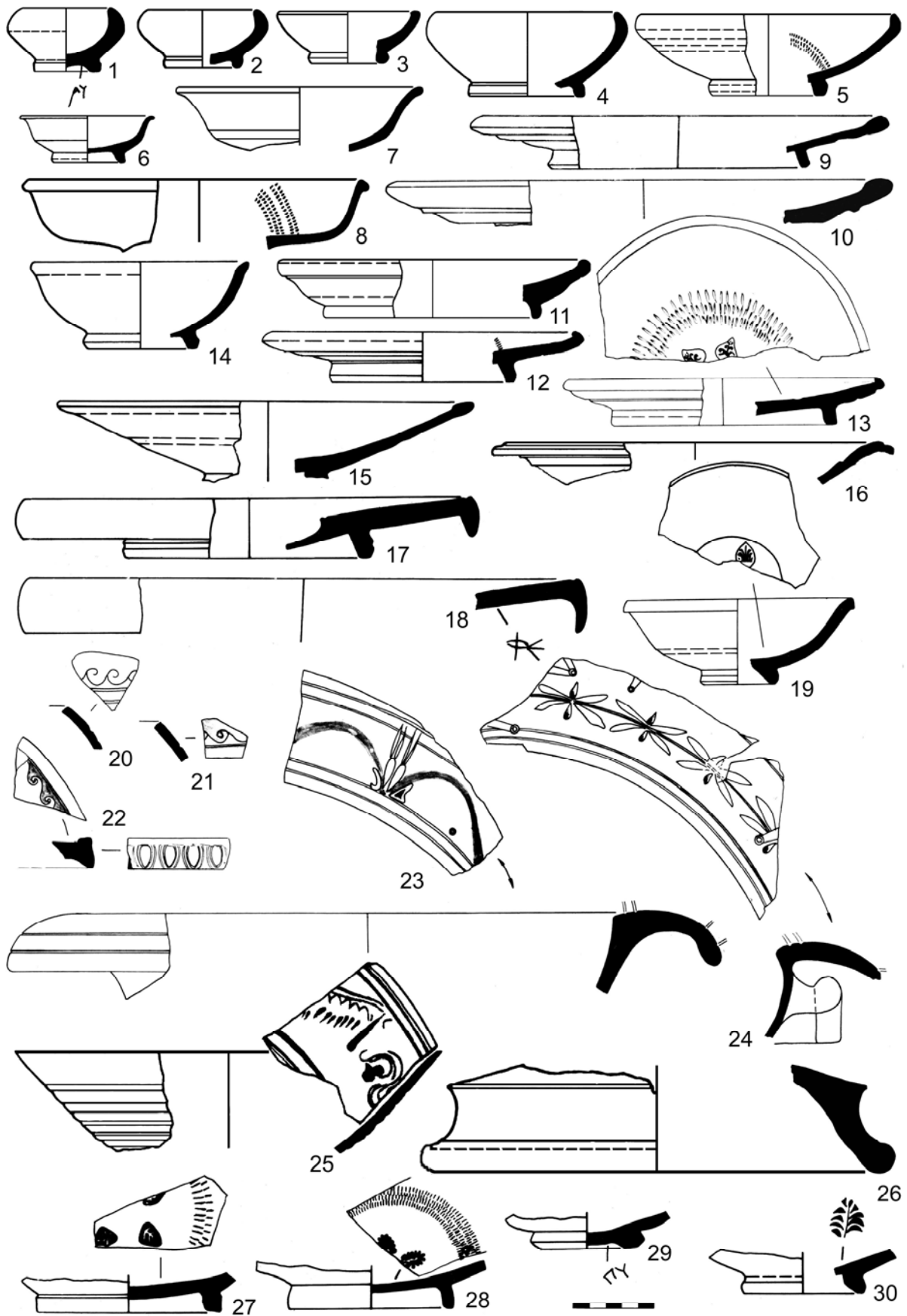
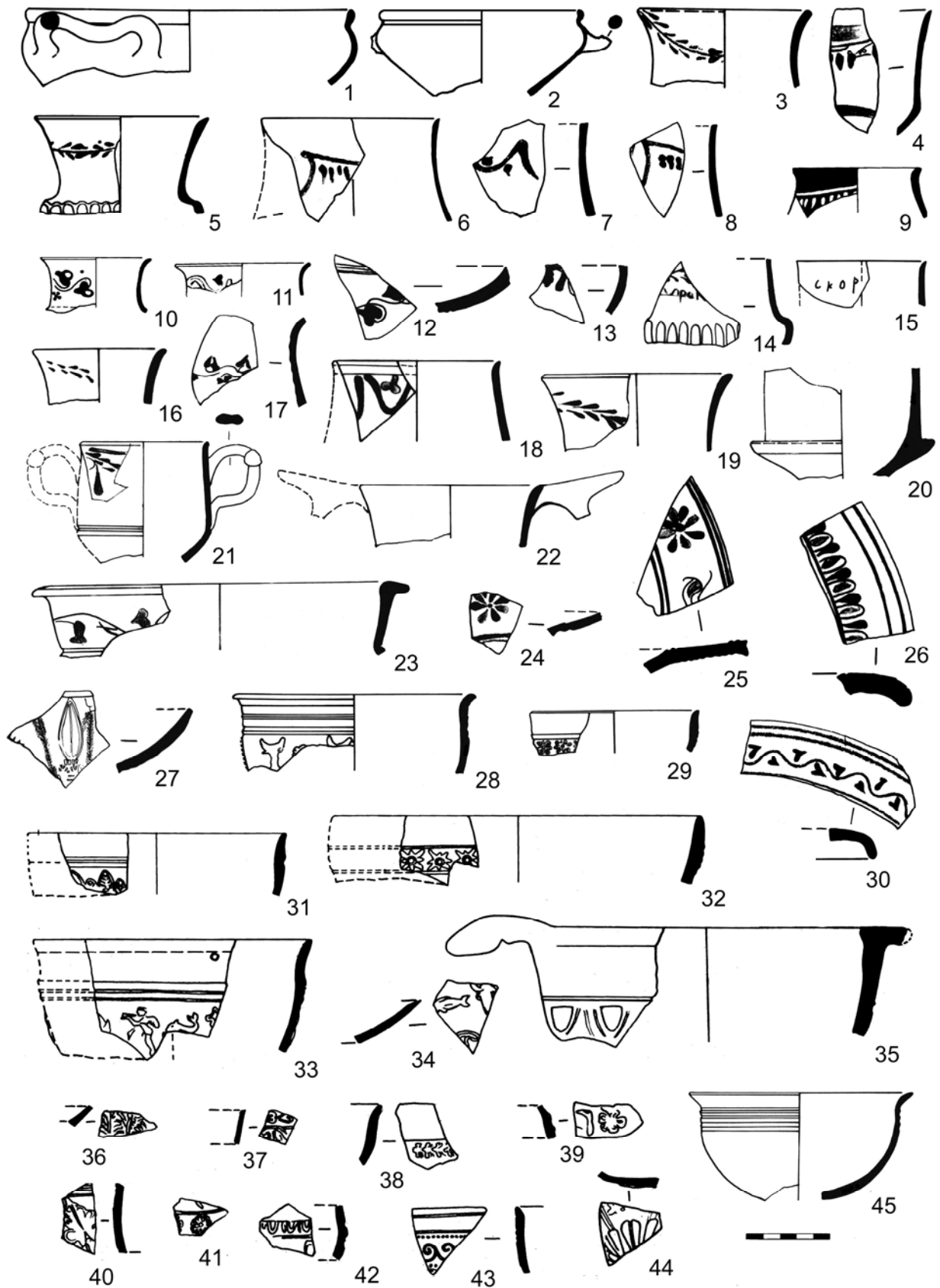

Рис. 8. Черноголаковая керамика.

BLACK GLAZED POTTERY AND MOULDED BOWLS

Рис. 9. Эллинистическая чернолаковая (1-26) и рельефная (27-45) посуда.

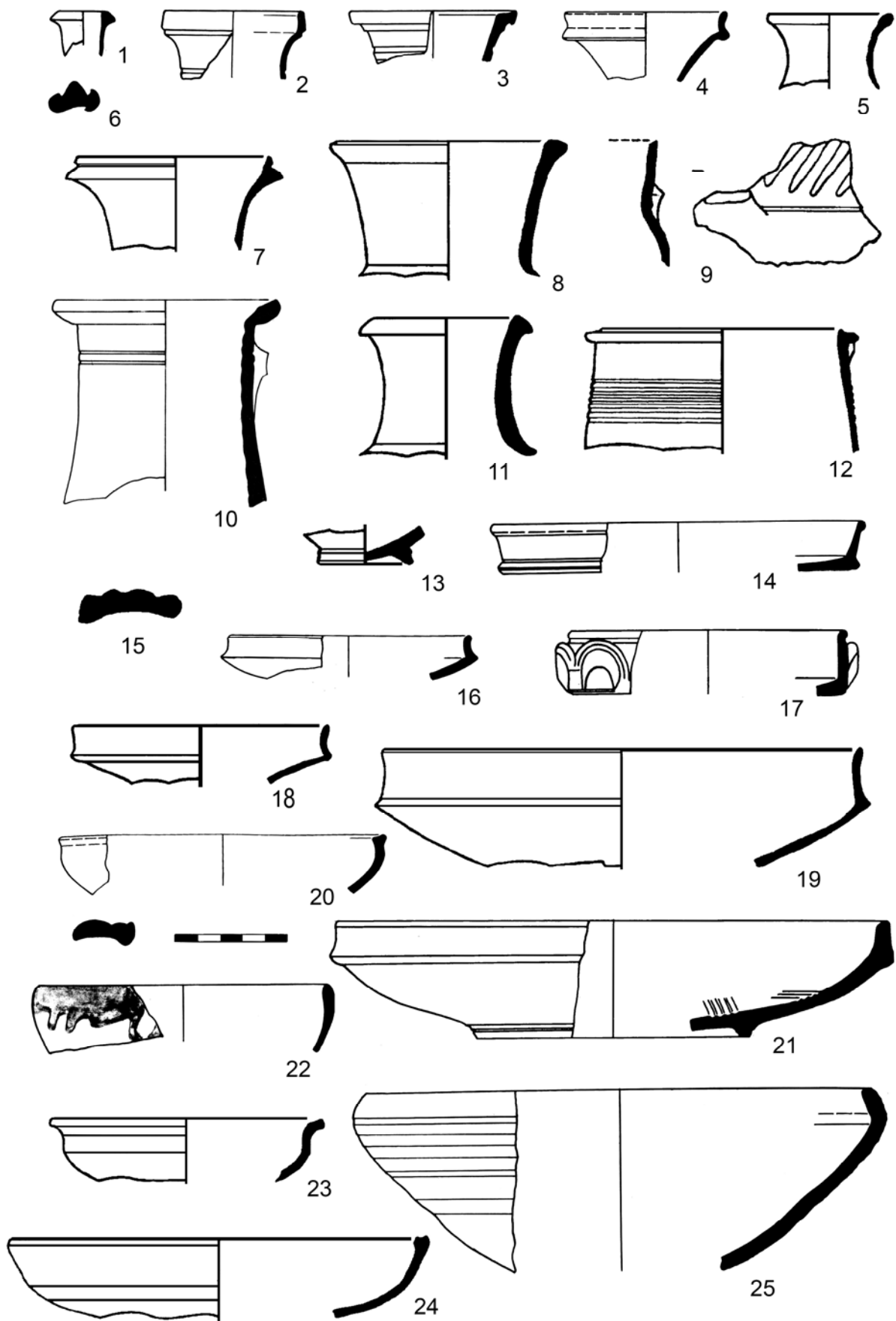

Рис. 10. Краснолаковые кувшины, тарелки и миски.

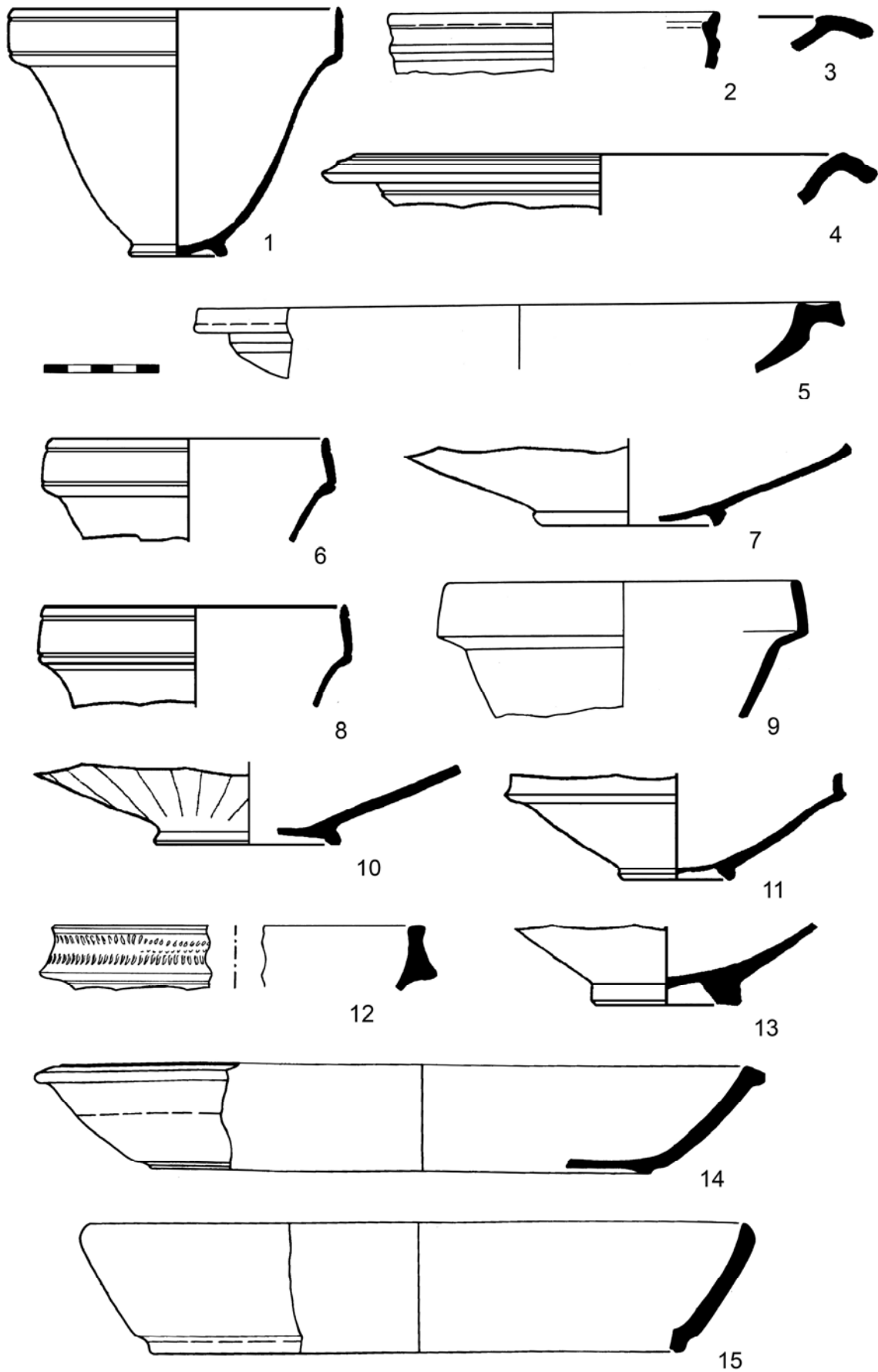

Рис. 11. Краснолаковая посуда.

В.В. Майко

ГРАФФИТИ НА АМФОРАХ ЮГО-ВОСТОЧНОГО КРЫМА VIII–XI ВВ. НАКОПЛЕНИЕ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОЙ БАЗЫ

Решение проблемы граффити на средневековых крымских амфорах, как справедливо указывают многие исследователи, находится в настоящее время на стадии накопления материала [1]. Вместе с тем, ни у кого не вызывает сомнений, что различные знаки и буквы на средневековой, прежде всего тарной керамике, являются ценным источником для реконструкции тех или иных аспектов жизнедеятельности оставившего их населения.

Изучение этой многоплановой темы для любого исторического периода, в том числе и раннего крымского средневековья, наталкивается на ряд объективных трудностей, что не раз отмечалось в археологической литературе. Во-первых, совершенно очевидно, что тема это междисциплинарная, требующая знаний не только конкретного археологического материала, но и специальной филологической подготовки, связанной в нашем конкретном случае со знанием греческого языка и смысла древних византийских лигатур. Во-вторых, фрагментарность многочисленных граффити не всегда позволяет дать их верную реконструкцию и соответственно атрибуцию. В-третьих, даже обладая целыми изображениями, невозможно в большинстве случаев определить, связаны ли они с именем владельца сосуда или мастерских где их производили, с вместимостью или содержанием того или иного сосуда, с этническим или родовым происхождением мастера или владельца. Возможны и любые другие варианты. Усложняет ситуацию и отсутствие стандартизации средневековых тарных, прежде всего крымских сосудов. Совершенно очевидно, что при работе с граффити, необходимо учитывать тот факт, нанесены ли они по сырой или сухой глине, что связано с тем, принадлежат ли они мастеру или пользователю изделия. На стадии накопления материала важную информацию содержит соотнесение каждого из зафиксированных граффити с определенным типом тарного сосуда в тот или иной хронологический период. Возможно, есть смысл и в фиксации месторасположения граффити на том или ином сосуде.

Исходя из всех этих объективных и субъективных критериев, в данной работе рассмотрены граффити на амфорах юго-восточного Крыма VIII – начала XI вв. Основу публикации составляют экземпляры, полученные при раскопках закрытых

комплексов и слоев средневековой Сугдеи, памятника на плато Тепсень и поселения Тау-Кипчак. Для аналогий использованы материалы раскопок синхронных горизонтов Боспора, сельских поселений Керченского полуострова и материалов раскопок гончарных мастерских в Канакской балке и близ с. Морское (урочище Чобан-Куле). В подавляющем большинстве это праболгарские салтово-маяцкие комплексы и комплексы разноэтничного населения Сугдеи второй половины X – начала XI вв.

Синхронные граффити на аналогичных амфорах юго-восточного Крыма, происходящих из Керчи и салтово-маяцких памятников Керченского полуострова, уже рассматривались в литературе [2]. Начато осмысление знаков и букв на средневековых амфорах Херсонеса [3]. Представленная же сводка, содержащая в основном неопубликованный материал, должна пополнить банк данных по этой проблеме. Повторим еще раз, что, во-первых, все приведенные в работе граффити распределены по типам амфор. Во-вторых, типология носит предварительный характер и построена по простейшему принципу разделения всех знаков по степени их усложнения т. е. на собственно простейшие знаки, буквы, лигатуры, слова, изображения и т.д. Безусловно, этот принцип не всегда соответствует действительному значению того или иного знака.

Вначале рассмотрим граффити на амфорах причерноморского типа и причерноморских амфорах с зональным рифлением середины VIII – первой половины X вв.

Все публикуемые в данном разделе граффити распределены на традиционные четыре группы: 1) простые знаки, 2) сложные знаки, 3) тамгообразные знаки, 4) греческие буквы, 5) греческие слова и христианские знаки. Предварительно заметим, что, во-первых, граффити на этой категории посуды Крымского производства крайне малочисленны, во-вторых, в процентном соотношении большая часть знаков приходится на причерноморские амфоры с зональным рифлением. Группа 1: простые знаки в виде одной или нескольких линий соединенных между собой в виде угла или пересеченных в виде буквы «С» (Рис. 1, 1,8,9,11; Рис. 2, 1,9). В эту группу можно отнести и знаки в виде перевернутой латинской буквы «Z» (Рис. 1, 1) и несколько граффити в виде простого креста

(Рис. 2, 12, 14). В отношении последних, трудно судить являются ли они в данном случае христианскими символами. Группа 2: сложные знаки, образованные пересекающимися линиями, либо в виде сетки (Рис. 2, 3), либо в виде сложного геометрического узора (Рис. 1, 7; Рис. 2, 6, 7, 13), напоминающего, иногда, какую-то лигатуру (Рис. 2, 17). К этой группе относятся знаки в виде острого угла, расположенного под горизонтальной линией (Рис. 2, 11) и знаки в виде угла с двумя горизонтальными чертами, расположенными над ним и тремя точками справа от угла (Рис. 2, 8). Последний знак зафиксирован на ручке амфоры причерноморского типа. Так же на ручке аналогичной амфоры зафиксирован знак, выполненный «гусеничным» штампом, в виде угла с несоединенными сторонами (Рис. 2, 20). Вершина его примыкает к линии с углом. Последняя выполнена тем же штампом. Группа 3: достаточно многочисленная группа граффити в виде тамгообразных знаков. Двухзубцы представлены «рюмкообразными» изображениями (Рис. 1, 4; Рис. 2, 19) и двухзубцами, основаниями которых служит острый угол (Рис. 1, 10). Последний знак имеет аналогии среди изображений процарапанных на блоках оборонительной стены Сугдеи середины IX в. Встречено и граффити двухзубца основание которого перечеркнуто горизонтальной чертой (Рис. 2, 10). Трезубец, основание которого выполнено в виде креста в литературе атрибутируется как «крест на голгофе» [4]. Подобные двухзубцы известны как на причерноморских амфорах с зональным рифлением [5], так и на амфорах второй половины X в. с венчиком в виде «отложного воротничка» [6]. Трезубцы представлены как «классическим» изображением (Рис. 1, 5), так и различными по морфологии знаками в виде птичьей лапы (Рис. 1, 3; Рис. 2, 18), иногда с длинным основанием (Рис. 2, 2), включая и знаки в виде прямого угла с прочерченной диагональю (Рис. 1, 6; Рис. 2, 5). Группа 4: отдельные греческие буквы, иногда в сочетании со знаками (Рис. 2, 15, 16). Атрибутировать их сложно, возможно, это фрагменты именных основ. Группа 5: единственное греческое слово, зафиксированное на плече амфоры причерноморского типа, происходящей из раскопок на территории городища Тепсень в 2000 г. Предположительно, это имя «Темас». Единственным экземпляром представлено и граффити в виде креста с расширяющимися лучами, обнаруженное на плесе амфоры причерноморского типа. Последняя происходит из подводных археологических исследований в Коктебельской бухте [7].

Значительно меньше граффити зафиксировано на широко известных на полуострове

т.н. высокогорных кувшинах с ленточной ручкой. Общепринятым считается мнение, что они появились в Таврике в середине IX в. и существовали, по крайней мере, в юго-восточной ее части до середины XI в. Сразу необходимо отметить, что представленные в работе граффити зафиксированы почти исключительно на кувшинах второй половины X – начала XI вв. В комплексах Сугдеи именно этого времени они преобладают над импортной амфорной тарой. На аналогичных кувшинах, встреченных в салтово-маяцких комплексах Сугдеи второй половины IX – первой половины X вв., граффити пока неизвестны. Исключения составляют граффити присутствующие у основания ленточных ручек подобных кувшинов, обнаруженных при раскопках в г. Керчи [8] и поселения Тау-Кипчак (Рис. 2, 4). В последнем случае знак представляет собой острый угол, примыкающий к горизонтальной черте. Он идентичен граффити на причерноморских амфорах, описанных выше. Все граффити, зафиксированные на высокогорных кувшинах, процарапаны по сухой глине.

Группа 1 – сложносоставные знаки, атрибутировать которые сложно (Рис. 1, 13, 25). Не исключено, что один из них представляет собой фрагмент греческой лигатуры (Рис. 1, 25). Оба они присутствуют у основания ленточных ручек. Группа 2 – греческие буквы и лигатуры, зафиксированные как на стенках, так и на днищах сосудов. В одном случае это буква «Н» (Рис. 1, 14), в другом – стилизованное изображение буквы «В» (Рис. 1, 15), в третьем – лигатура, основу которой составляют буквы «FHR» (Рис. 1, 21). Не исключено, что это фрагмент именной основы, атрибутируемой как *Qe3gnostoz* [9]. Группа 3 – различные по технике исполнения трезубцы (Рис. 1, 20, 22), в одном случае с нижним основанием (Рис. 1, 20). Оба зафиксированы на днищах. Морфологически они ничем принципиально не отличаются от трезубцев на амфорах причерноморского типа, описанных выше. Уникальным экземпляром представлено единственное клеймо в виде буквы "К" (Рис. 1, 12), присутствующее на горле высокогорного кувшина, обнаруженного М.А. Фронджуло при раскопках горизонта дома-пятстенки второй половины X – начала XI вв. на участке т.н. Приморского укрепления. Аналогии этому клейму автору неизвестны.

Остальные граффити обнаружены исключительно на сосудах, появляющихся в юго-восточном Крыму в середине X в. и существующих до начала XI в.

Отдельную крайне малочисленную категорию граффити составляют знаки на тонкостенной кухонной посуде юго-восточного и южного Крыма этого времени [10]. Три

обнаруженных знака представляют собой различные буквы греческого алфавита и зафиксированы в двух случаях на стенках (Рис. 1, 17, 18) и в одном на ручке сосудов (Рис. 1, 16). В двух случаях можно с уверенностью утверждать, что это буква «В» (Рис. 1, 18) и стилизованная буква «U» (Рис. 1, 16), в одном – предположительно две стилизованные буквы «Г» (Рис. 1, 17). Кроме того, на ручке кухонного сосуда, типа 1, присутствует и единственное граффити в виде креста [11]. Исключение составляет единственный подобный сосуд происходящий из раскопок С.Б. Адаксиной на территории монастыря Св. Апостолов Петра и Павла в Партенитах. На его стенках присутствует несколько греческих слов, атрибутировать которые пока сложно [12].

Единственным экземпляром представлено и граффити, расположенное под ручкой лощеного кувшина. Последний принадлежит к лощеным типам кувшинов с характерным прорезным орнаментом в виде кружков, соединенных диагональными линиями. Как показывают стратиграфические наблюдения, появляются они в Крыму и за пределами полуострова именно с середины X в., о чем уже упоминалось в отдельных работах [13]. Граффити представляет собой обычный трезубец (Рис. 3, 3), типологически близкий знакам обнаруженным на стенках причерноморских амфор с зональным рифлением и амфор причерноморского типа, рассмотренных выше.

Наибольшее количество граффити, приведенных в данной работе, обнаружено на стенках и ручках византийских амфор именно второй половины X - начала XI в.

Отдельную категорию граффити составляют знаки на светлоглиняных амфорах с грушевидным рифленным туловом и массивными уплощенными ручками, отходящими непосредственно от валикообразного венчика с ярко выраженным пазом для крышки. В современной археологической литературе они известны как амфоры группы клейм АВ [14]. Клейма на этой достаточно редкой для Таврики группе амфор неоднократно становились предметом специального рассмотрения. Граффити же на них специально не рассматривались. Судакская коллекция насчитывает, к сожалению, всего три экземпляра. Два из них обнаружены на ручках амфор, одно – на плече сосуда. Один из знаков, исходя из его неполной сохранности, является, очевидно, трудно атрибутируемой греческой лигатурой (Рис. 3, 7). Основу второго составляет стилизованная буква «А», вершиной которой является прямой угол (Рис. 3, 8). Третий знак, присутствующий на плече амфоры является, возможно, фрагментом

слова. Различить можно только буквы «А» и, вероятно, «q» (Рис. 3, 6).

Четвертое граффито, обнаруженное на фрагменте ручки амфоры именно этого типа, является пока уникальным для памятников Таврики этого времени. Сам фрагмент ручки был найден в заполнении зольника на участке куртины XV Судакской крепости в 1990 г. В данном случае перед нами знак в виде двух букв славянского алфавита «Аз» и «Буки», разделенных крестом, под которыми расположено трудно атрибутируемое граффито, возможно в виде паруса судна (Рис. 3, 2). Это граффито несколько раз упоминалось в литературе, но опубликовано так и не было. По мнению И.А. Баранова, основанному на датировках данных амфор в рамках второй половины IX в., это древнейшее свидетельство деятельности Константина Философа в Крыму по созданию славянской азбуки [15]. Ранее мной высказывалась точка зрения о том, что появление граффити связано с проникновением дружин руссов X-л-гу Кембриджского Анонима на полуостров во время похода последнего в Таврику 940-941 гг. [16]. Однако в настоящий момент в связи с публикацией древнерусских надписей на византийских амфорах Тамани наиболее аргументированной выглядит точка зрения о появлении древнерусских граффити в Сугдее в связи с деятельностью древнерусского монастыря Тмутаракани. В любом случае, интерпретация этого знака во многом зависит от хронологии типа амфор, на которых оно обнаружено. Как уже указывалось, в салтовских комплексах, по крайней мере Сугдеи, данные амфоры появляются в первой половине X в. в виде отдельных фрагментов и существуют до середины XI в. Горизонты Судакского зольника, где была обнаружена ручка, однозначно датируются серединой - второй половиной X в., что позволяет сузить датировку публикуемого граффити и, таким образом, конкретнее рассматривать его атрибуцию.

Остальные граффити зафиксированы на стенках амфор с венчиком в виде «отложного воротничка» и ранних амфор константинопольского производства т.н. типа Ганос с клиновидным венчиком и ручками, расположенными под ним и отходящими, в большинстве случаев, перпендикулярно к горлу амфоры. Отметим, при этом, что на амфорах первого типа граффити значительно больше. При этом, знаки на амфорах обоих типов принципиально ничем не отличаются. Это дает возможность рассматривать их в комплексе без необходимого разделения по типам амфор. Подчеркнем, что публикуемые граффити обнаружены в большинстве случаев на стенках амфор,

значительно меньше их зафиксировано на ручках сосудов.

Предваряя описание непосредственно граффити, нельзя не упомянуть об уникальных метках-дипинти на стенках амфор с венчиком в виде «отложного воротничка». Одно из них было обнаружено в 1990 г. при исследовании уже упоминавшегося зольника на участке куртины XV Судакской крепости (Рис. 3,) [17]. В данном случае оно четко датируется второй половиной X в. К сожалению, дипинти, нанесенное черной краской, сохранилось фрагментарно, что не позволяет произвести его однозначную интерпретацию. Во всяком случае, в опубликованном каталоге константинопольских меток-дипинти, точные аналогии отсутствуют [18]. Второй фрагмент амфоры с дипинти обнаружен в 2009 г. при раскопках в портовой части средневековой Сугдеи. Метка в виде четко прописанных греческих букв нанесена на горле сосуда красной краской. К сожалению и она сохранилась фрагментарно (Рис. 3,15). В литературе бытует мнение, что за пределами Константинополя подобные находки не встречаются [19]. Однако, находка второго фрагмента подтверждает мысль В.В. Булгакова о непосредственных торговых контактах Сугдеи с Константинополем.

Все граффити на амфорах с венчиком в виде «отложного воротничка» и ранних константинопольских амфорах типа Ганос с клиновидным венчиком традиционно распределены на: 1) знаки, 2) буквы греческого алфавита и лигатуры, 3) греческие слова, в большинстве случаев представляющие именные основы и 4) рисунки. Рассмотрим все граффити по мере их усложнения.

Первую, наименее многочисленную группу составляют отдельные знаки. К простым знакам можно отнести изображения креста (Рис. 6,11) и знака, образованного двумя разомкнутыми линиями между которыми помещено 9 параллельных черточек (Рис. 6,14). Не исключено, что это своеобразный счетный знак. Только один раз на стенке константинопольской амфоры с грушевидным рифленным туловом и клиновидным венчиком зафиксирована пентаграмма (Рис. 3,4). Встречены и более сложные знаки атрибутировать которые, из-за неполной сохранности пока сложно (Рис. 6,3,13). Зафиксированы и знаки, так же сохранившиеся фрагментарно, которые можно рассматривать и как сложные греческие лигатуры (Рис. 6,1; Рис. 4,11,12).

Вторую традиционно наиболее многочисленную группу образуют отдельные греческие буквы, буквенные сочетания и самые разнообразные лигатуры. Чаще всего встречены буквы «Н» (Рис. 5,3,4,6-8,13) и «N» (Рис. 5,5,10-12,14,16,18), часто стилизованные

и усложненные дополнительными линиями и черточками. Несколько раз они присутствуют и в сочетании друг с другом (Рис. 3,11; Рис. 6,2), что уже отмечалось в литературе [20]. В одном случае зафиксировано четкое сочетание буквы «Н» и «О» (Рис. 4,7). Не исключено, что в одном случае буква «N» сочетается с буквой «п», расположенной выше (Рис. 6,10). Двумя экземплярами представлена буква «В» (Рис. 5,9,19). В одном случае в сочетании с другой буквой, возможно так же «В». Смыкаясь вершинами, они образуют своеобразный прямой угол (Рис. 5,9). Дважды встречена и буква «К» (Рис. 5,1,2), один раз в сочетании с буквой «п» (Рис. 5,2). Дважды, возможно в виде лигатуры, встречена и буква «D». В одном случае две аналогичные буквы смыкаются вершинами (Рис. 6,4), в другом – основанием буквы «D» является буква «пи» (Рис. 5,24). В свою очередь буква «пи» отмечена только один раз в сочетании с плохо сохранившейся буквой, расположенной справа (Рис. 3,14). Не исключено, что изображением именно буквы «пи» является сильно стилизованный знак с отходящим от него знаком, напоминающим трезубец (Рис. 3,10). Единичными экземплярами представлены греческие буквы «е» (Рис. 5,17), стилизованная «S» (Рис. 5,21) и, возможно, лигатура, состоящая из букв «π» с «титлом» над ними (Рис. 5,15). Отдельную группу граффити составляют лигатуры основой которых являются буквы «Q» и «R». Представлены варианты единичного изображения «f» с расположенной справа буквой, сохранившейся частично (Рис. 3,12) и собственно сложные лигатуры типологически похожие одна на другую и отличающиеся дополнительными линиями и черточками (Рис.1,23,24; Рис. 3,5,9; Рис. 6,12). Отдельную группу лигатур составляет две хорошо известные монограммы имени Иисуса Христа. В одном случае слева от монограммы находится какая-то сложная лигатура или знак (Рис. 3,13), в другом – остатки клейма, атрибутировать которое из-за чрезвычайно плохой сохранности сложно (Рис. 4,10). Возможно, это клеймо с именем «Константин» [21]. К сожалению, достаточно много греческих лигатур из-за плохой сохранности атрибутировать пока невозможно (Рис. 5,20,22,23; Рис. 6,5-9).

Третью, так же традиционную группу составляют греческие слова. Однако расшифровать некоторые из них из-за плохой сохранности либо очень сложно (Рис. 4,3,6), либо невозможно дать однозначный перевод (Рис. 4,9). В двух случаях четко просматриваются буквы «Тн», третью различить сложно (Рис. 4,5) и буквы «Nππ», усложненные дополнительными черточками (Рис. 4,2). Однозначно атрибутируются только слова

«Стефан» (Рис. 4,1) и знак, обозначающий, возможно, цифру 500 (Рис. 4,4). Интересно, что этот последний знак известен и на античных амфорах греческого производства.

Четвертую группу составляет пока единственное достаточно реалистичное изображение корабля (Рис. 4,8). Исходя из его датировки (середина X в.) и аналогий, известных благодаря раскопкам средневекового монастыря на г. Аю-Даг, некоторые исследователи считают его свидетельством похода дружин русов Н-л-гу Кембриджского Анонима в Таврике [22].

Только двумя экземплярами представлены амфоры с венчиком в виде «отложного воротничка», сохранившиеся в археологически целом виде. Это позволяет рассмотреть в комплексе все помещенные на них граффити. На одной амфоре (Рис. 7,5) присутствуют три знака в виде различных по исполнению двузубцев, расположенные под ручками сосуда (Рис. 7,3,4). На тулове зафиксированы знаки в виде креста (Рис. 7,1) и, расположенных под ним, греческой буквы «В» и сложного знака образованного многочисленными пересекающимися линиями (Рис. 7,2). Под ручкой другой амфоры (Рис. 7,6) расположен типологически близкий вышеописанному сложный знак в виде пересекающихся линий (Рис. 7,7) и, возможно, греческие буквы «п» и «I», образующие лигатуру (Рис. 7,8).

В отдельную своеобразную хронологическую группу выделены граффити обнаруженные на стенках и ручках самого позднего варианта амфор с венчиком в виде «отложного воротничка». Характерное их отличие заключается прежде всего в максимальной приподнятости овальных в сечении ручек, отходящих непосредственно от края манжетовидного венчика. Эти амфоры являются промежуточным звеном между «классическими» амфорами с венчиком в виде «отложного воротничка» и веретенообразными амфорами с гребенчатым рифлением на тулове и высокоподнятыми над венчиком ручками. В комплексах Сугдеи рассматриваемые амфоры датируются с середины XI в. Верхнюю хронологическую границу их бытования определить пока сложно. В целом, это первая половина XII в. Граффити принципиально ничем не отличаются от проанализированных выше. Они представлены различными знаками в виде лесенки (Рис. 8,11), квадрата с прочерченными диагоналями (Рис. 8,8) и пересекающихся линий (Рис. 8,7). Отдельную, наиболее многочисленную категорию составляют греческие буквы и лигатуры. В двух случаях это буква «Н» (Рис. 8,5,10), в другом – стилизованная «N» (Рис. 8,9), в третьем – стилизованная «A» (Рис. 8,4). Отдельную группу граффити составляет

изображение буквы «В» в сочетании с другими буквами и трудноразличимыми знаками (Рис. 8,3,6) и два одинаковых граффити в виде двух букв «В», расположенных под прямым углом одна по отношению к другой (Рис. 8,13,14). И, наконец, на одной из амфор этого варианта (Рис. 8,12) зафиксированы два граффити. Одно в виде трезубца, другое, вероятно, является фрагментом лигатуры, где четко различимы только две последние буквы «Т» и «пи» (Рис. 8,2).

Таким образом, подавляющее большинство проанализированных граффити свидетельствуют о знании жителями юго-восточного Крыма греческого языка как в период середины VIII - первой половины X вв., так и во второй половине этого столетия и середины следующего. Вместе с тем, на сосудах всех типов обоих хронологических периодов присутствуют и граффити в виде двузубцев и трезубцев, являющихся по мнению большинства специалистов тюркскими родовыми знаками.

С другой стороны, до сих пор сложно сказать, что именно обозначала эта знаковая система, помещенная на стенках и ручках сосудов. Нельзя не отметить в этой связи, что подавляющее большинство граффити зафиксировано все же на тарной керамике, поступавшей в Таврику с территории византийской империи. Не исключено, что все же большая часть граффити связана именно с организацией и осуществлением товарной деятельности.

Примечания

1. *Зеленко С.М.* Кораблекрушения IX-XI вв. в Судакской бухте // *Морська торгівля в Північному Причорномор'ї*. К., 2001. С. 90.
2. *Балонкина Е.В.* Граффити на средневековой керамике из Керчи // *Проблемы археологии и истории Боспора*. Керчь, 1996. С. 17–18; *Занкин А.Б.* Коллекция граффити на амфорной таре из раскопок в г. Керчи // *Морська торгівля в Північному Причорномор'ї*. К., 2001. С. 46–51.
3. *Дюженко Т.В.* Средневековые граффити и клейма из раскопок цитадели Херсонеса // *Морська торгівля в Північному Причорномор'ї*. К., 2001. С. 93–103. В этой же работе можно ознакомиться и с краткой историографией проблемы атрибуции Херсонесских средневековых граффити.
4. *Занкин А.Б.* Указ. соч. С. 48.
5. Там же. С. 50. Рис. 5, 3.
6. *Зеленко С.М.* Подводные археологические исследования в Восточном Крыму // 60-лет кафедре археологии МГУ. М., 1999. С. 224. Рис. 1, 5. Отметим в этой связи, что значительно больше напоминает «крест на голгофе» граффити, так же происходящее из подводных

- исследований в бухте пос. Новый Свет: Зеленко С.М. Подводные археологические исследования... С. 224. Рис. 1, 7.
7. *Зеленко С.М.* Итоги исследований подводно-археологической экспедиции Киевского Университета имени Тараса Шевченко на Черном море в 1997-99 гг. // *Vita Antiqua*. № 2. К., 1999. С. 42. Рис. 12. Выражаю признательность С.М. Зеленко за возможность использовать неопубликованный материал: *Зеленко С.М.* Отчет о подводных археологических исследованиях на участке побережья между мысом Киик-Атлама и мысом Меганом и в бухте пгт. Н. Свет в 1998 г. // Архив КФ ИА НАНУ. Папка № 951. Инв. Кн. 4, № 575.
 8. *Занкин А.Б.* Указ. соч. С. 49. Рис. 4, 1.
 9. *Булгаков В.В.* Метки-дипинто византийских амфор XI в. // *Морська торгівля в Північному Причорномор'ї*. К., 2001. С. 154. Рис.1, 35.
 10. *Майко В.В.* Керамічний комплекс населення південно-східного Криму другої половини X століття // *Українське гончарство*. Кн. 4. Опішне, 1999. С. 55-60. Рис. 5-10.
 11. Там же. С. 56. Рис.6, 1.
 12. *Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л.* Отчет о раскопках храма монастыря святых Апостолов Петра и Павла в Партените в 2000 г. Рис. 86. СПб., 2001 // Архив КФ ИА НАНУ.
 13. *Баранов И.А., Майко В.В.* К вопросу о типологии столовой лощеной посуды юго-восточного Крыма второй половины X в. // *Херсонесский сборник*.- Т. X. Севастополь, 2000. С. 287-290.
 14. *Волков И.В.* О происхождении двух групп средневековых клейменных амфор // *Морська торгівля в Північному Причорномор'ї*. К., 2001. С. 131-135.
 15. *Баранов И.А.* Болгаро-хазарский горизонт средневековой Сугдеи // *Проблеми на прабългарската история и култура*. София, 1991. С. 156-157.
 16. *Майко В.В.* К вопросу о хронологии некоторых типов византийских амфор юго-восточного Крыма // *Морська торгівля в Північному Причорномор'ї*. К., 2001. С. 121.
 17. Упоминание об этом фрагменте амфоры см.: *Булгаков В.В.* Метки-дипинто византийских амфор ... С. 162.
 18. *Булгаков В.В.* Метки-дипинто византийских амфор...С. 153-164.
 19. Там же. С. 153-164.
 20. *Дюженко Т.В.* Указ. соч. С. 97.
 21. *Булгаков В.В.* Византийские амфорные клейма XI в. с монограммой имени Константин // *Морська торгівля в Північному Причорномор'ї*. К., 2001. С. 148. Рис. 2.
 22. *Тесленко И.Б.* Изображение корабля на стенке средневекового сосуда из раскопок христианского храма на северо-восточном склоне г. Аю-Даг в Крыму // *Българите в Северното Причорноморие*. Т. VII. В. Тырново, 2000. С. 125-129.

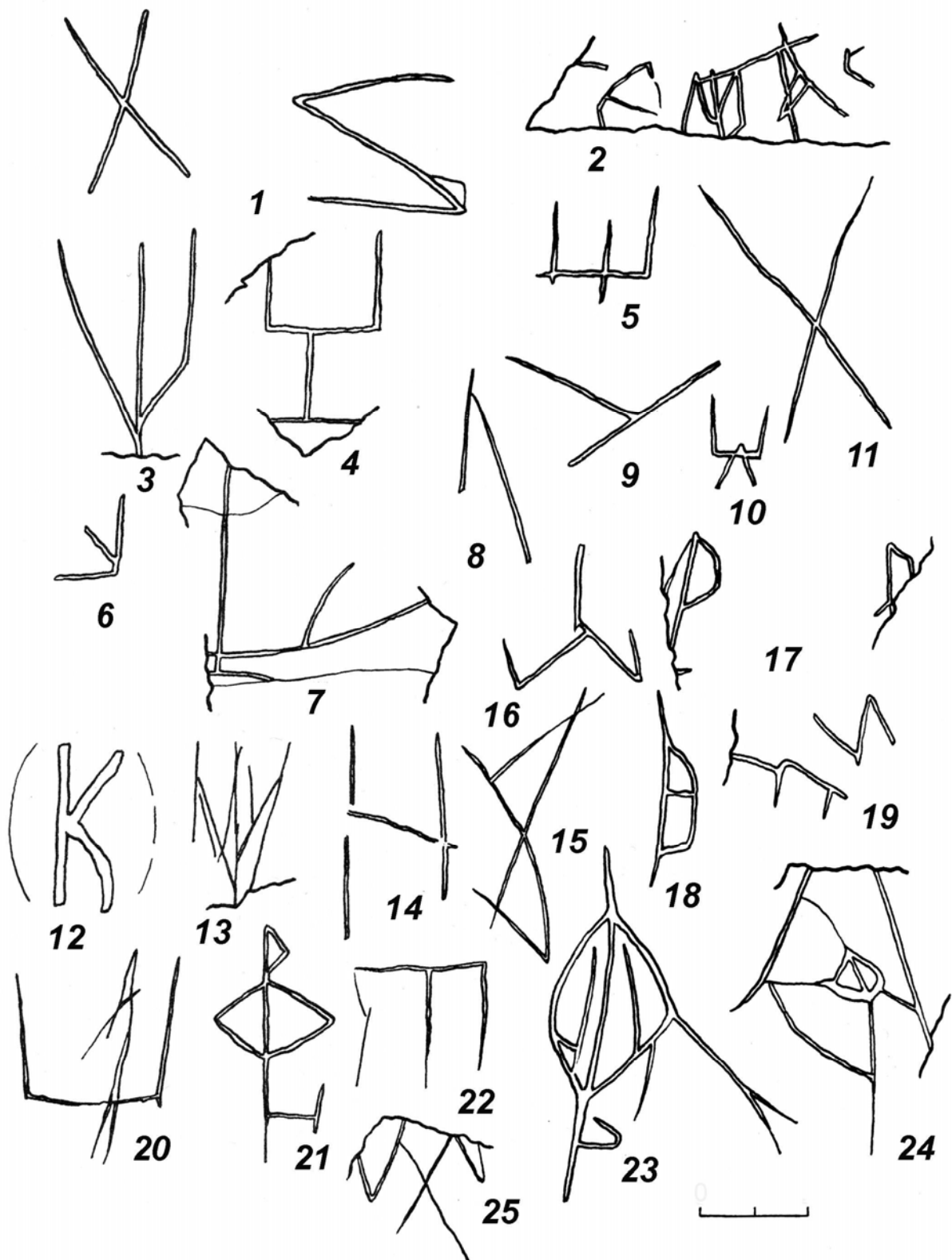

Рис. 1. Граффити на амфорах причерноморского типа, причерноморских амфорах, высокогорлых кувшинах, кухонной керамике и амфорах второй половины X в. 1,3-24 – Сугдея; 2 – Тепсень

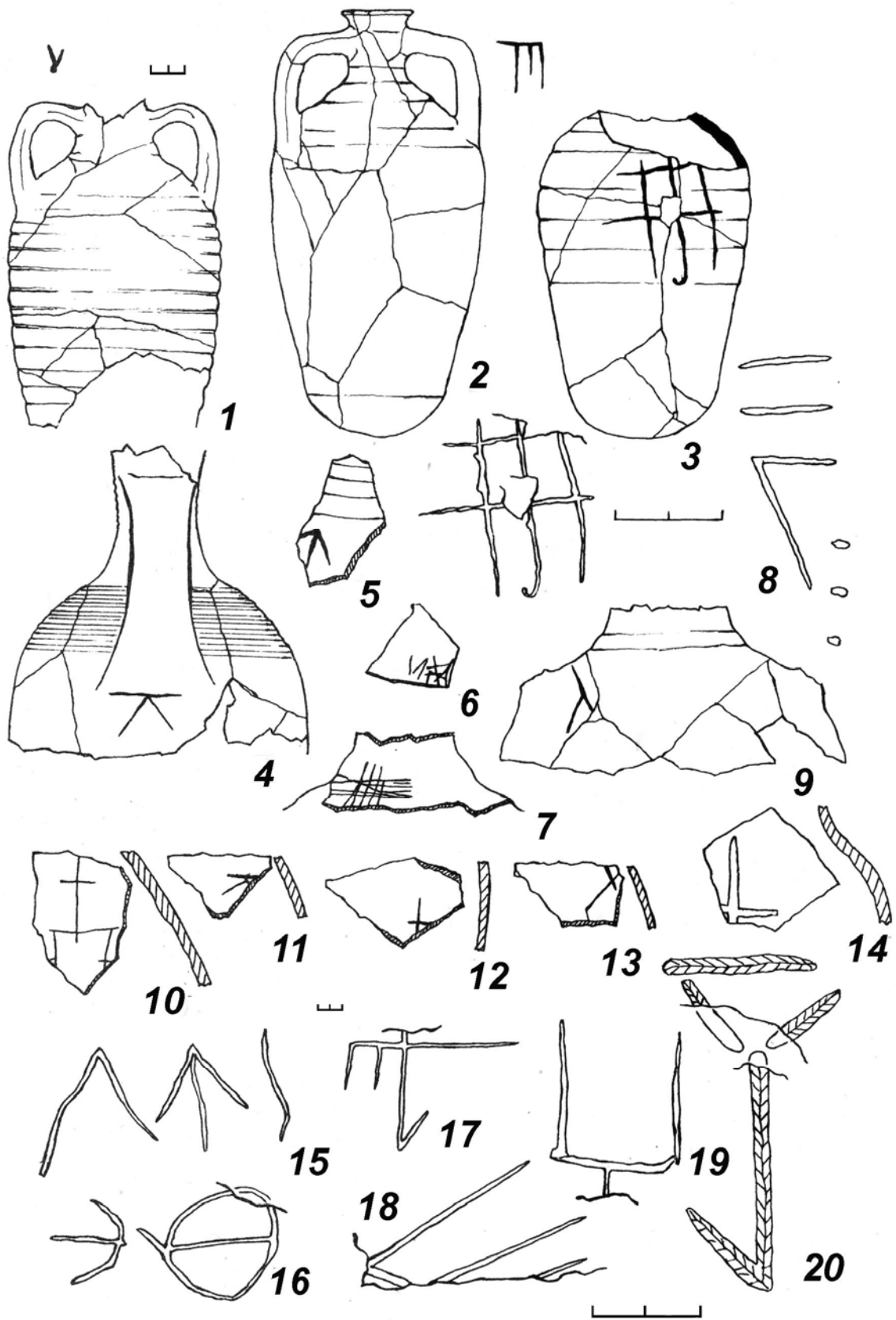

Рис. 2. Граффити на амфорах причерноморского типа, причерноморских амфорах и высокогорлом кувшине. 1-14 – Тау-Кипчак; 15-20 – Сугдея

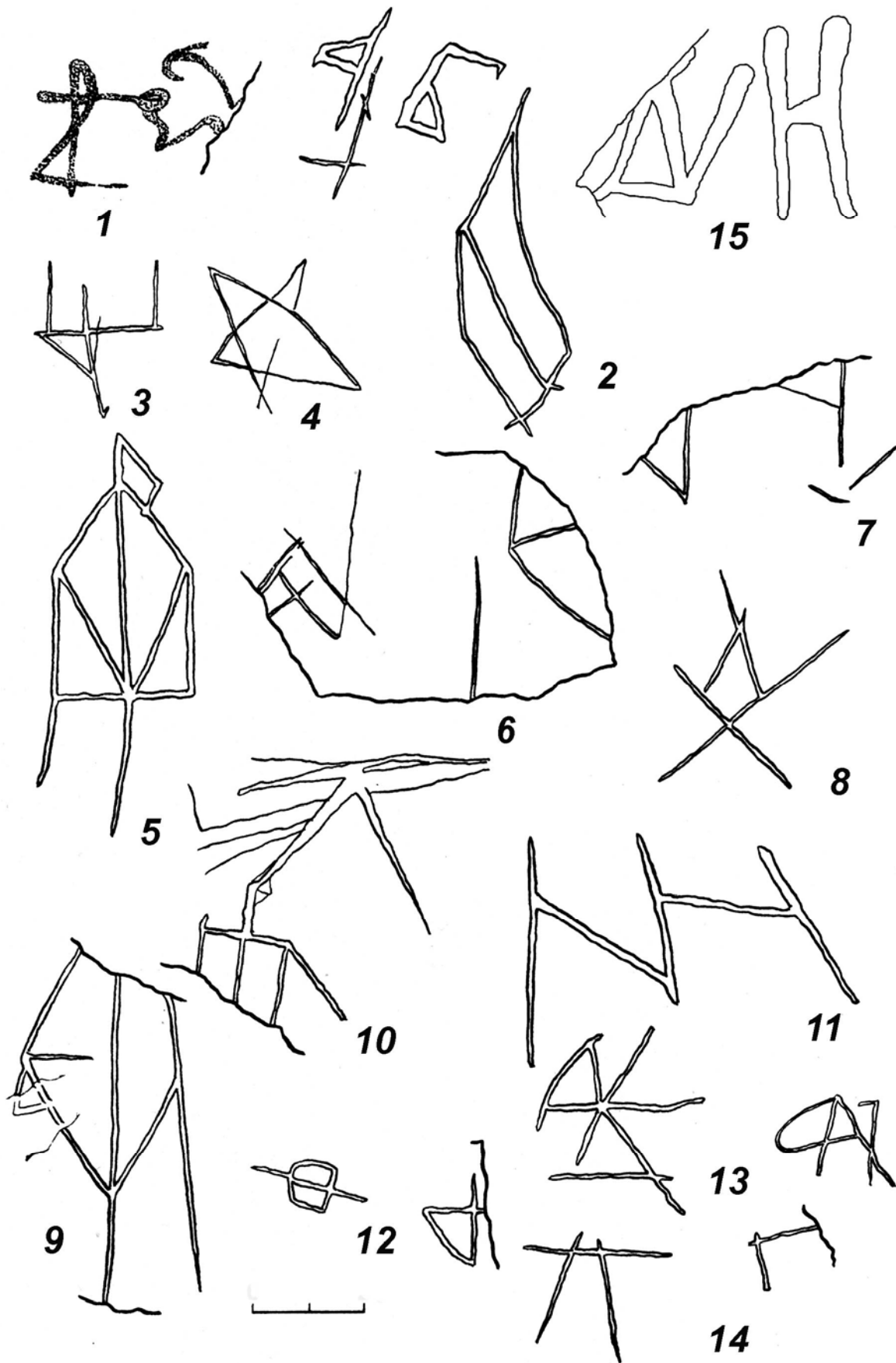

Рис. 3. Граффити и дипинти на амфорах второй половины X в. 1-15 – Судгея

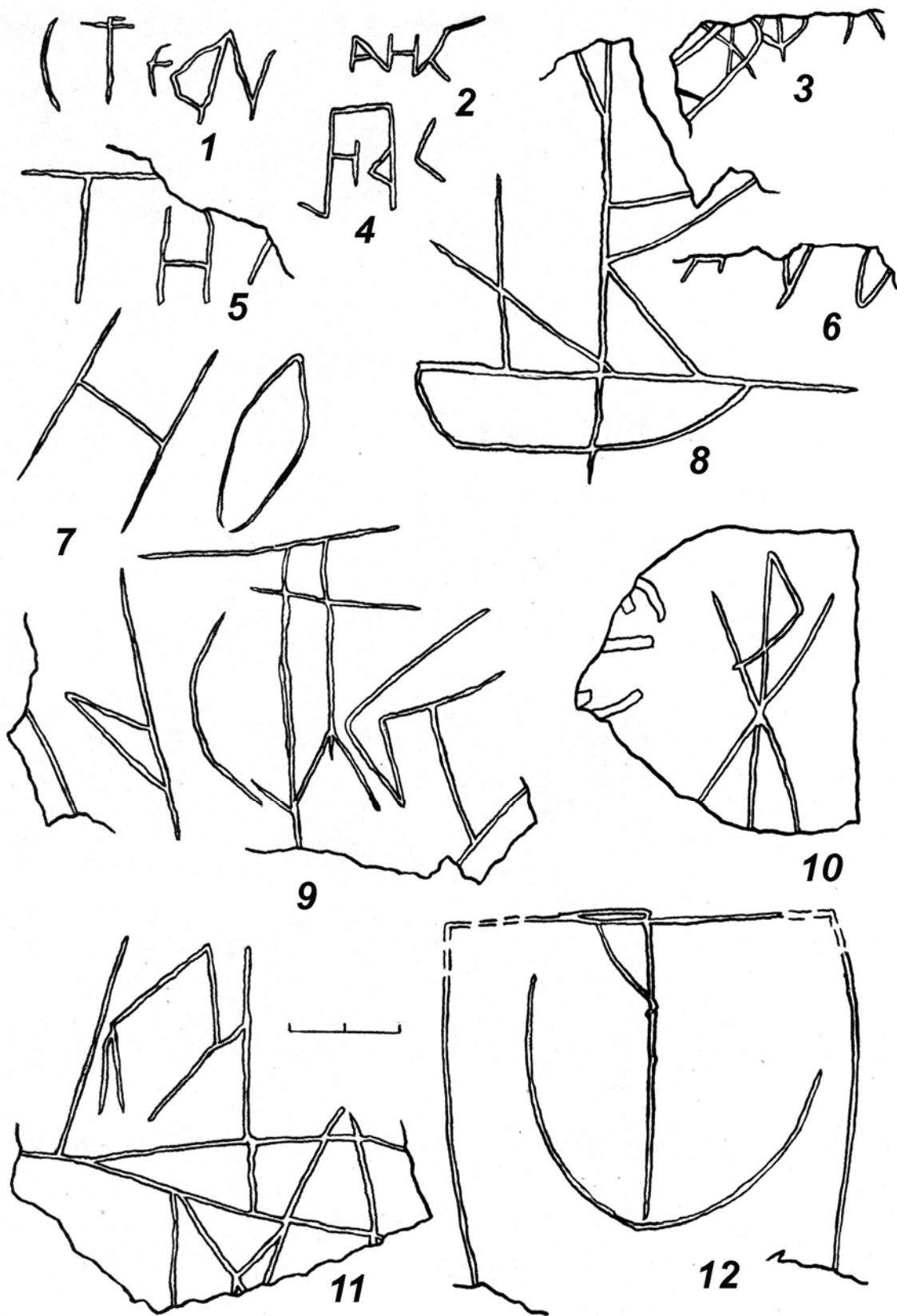

Рис. 4. Граффити на амфорах второй половины X в. 1-12 – Сугдея

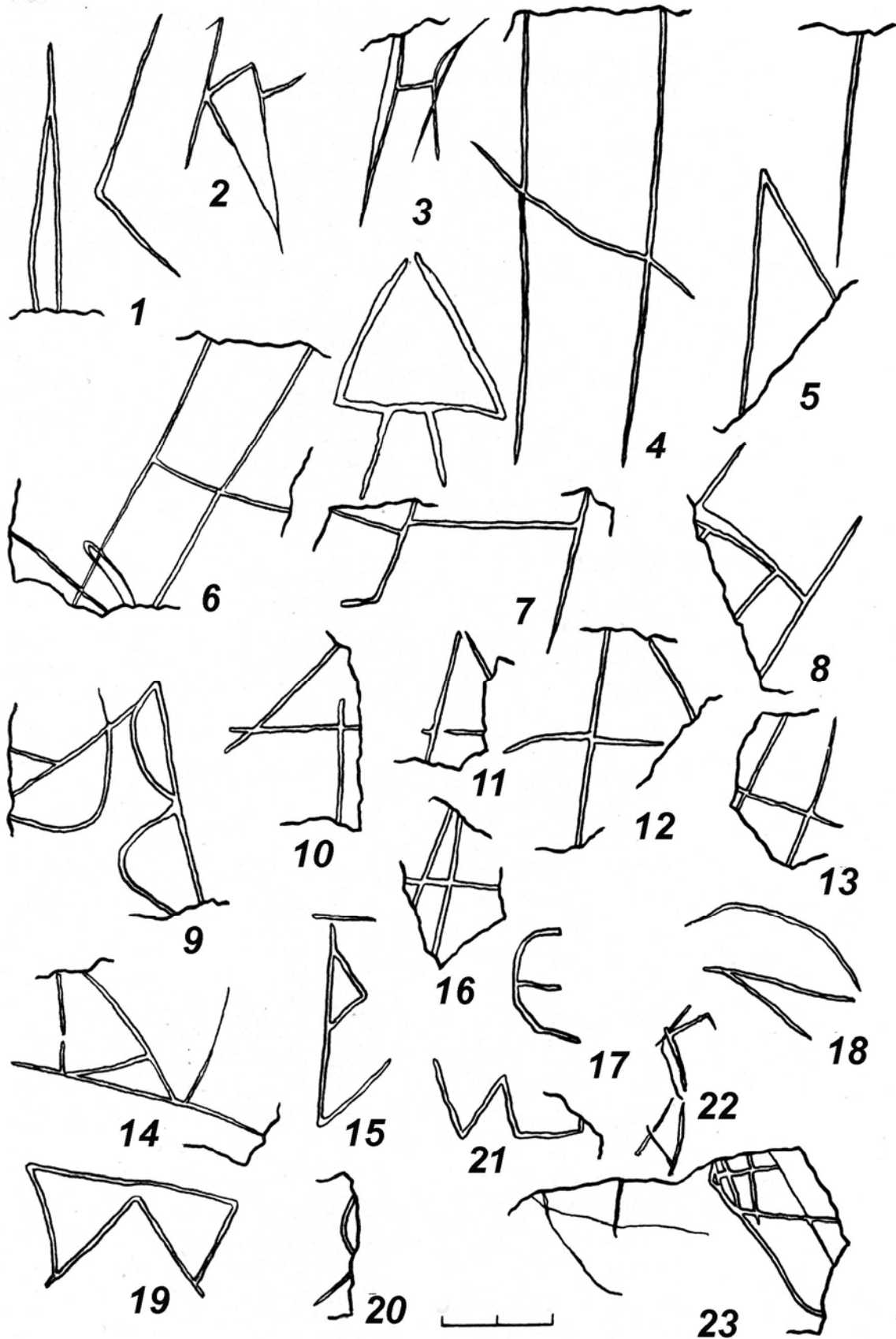

Рис. 5. Граффити на амфорах второй половины X в. 1-24 – Сугдея

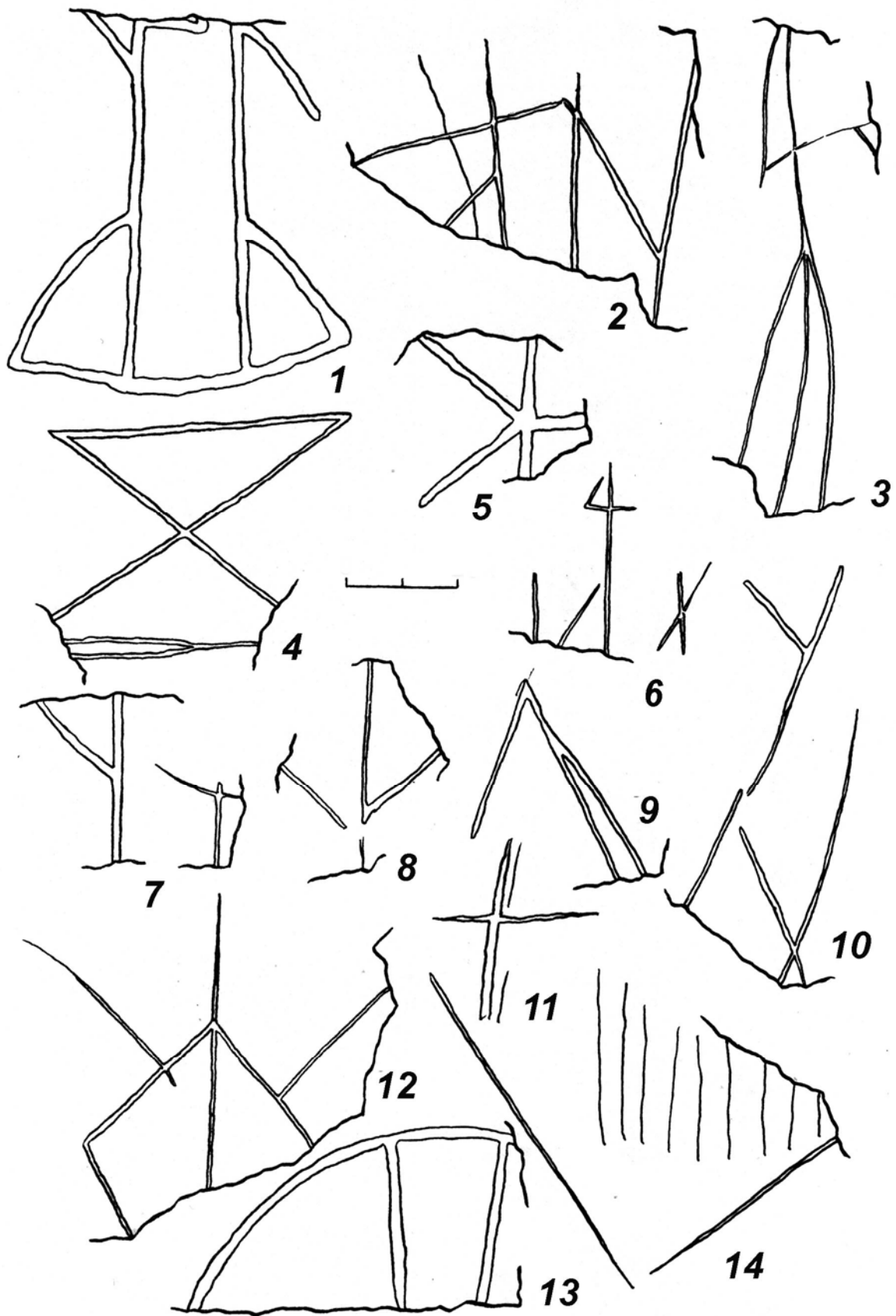

Рис. 6. Граффити на амфорах второй половины X в. 1-14 – Сугдея

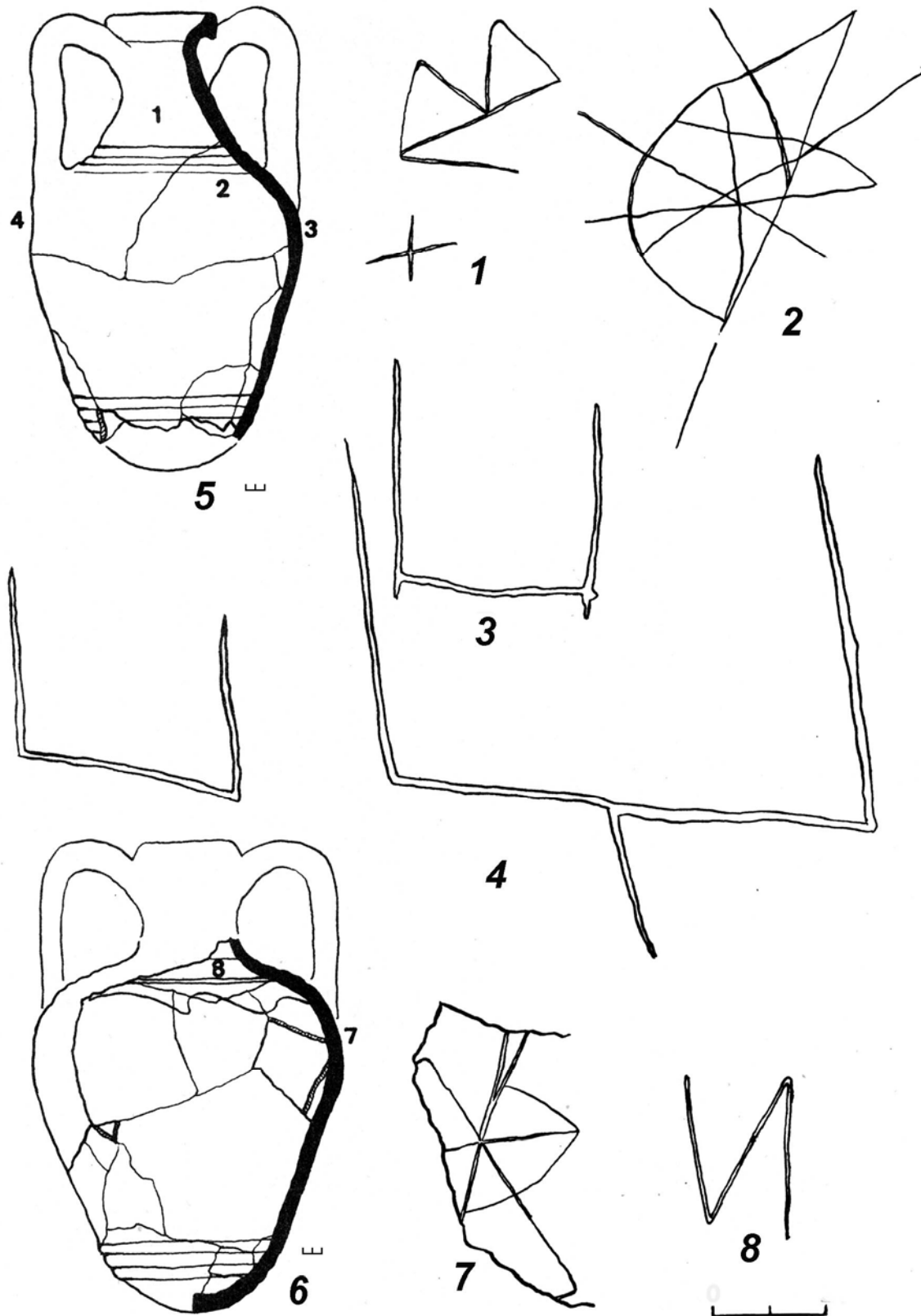

Рис. 7. Граффити на амфорах с венчиком в виде «отложного воротничка». 1-8 – Сугдея

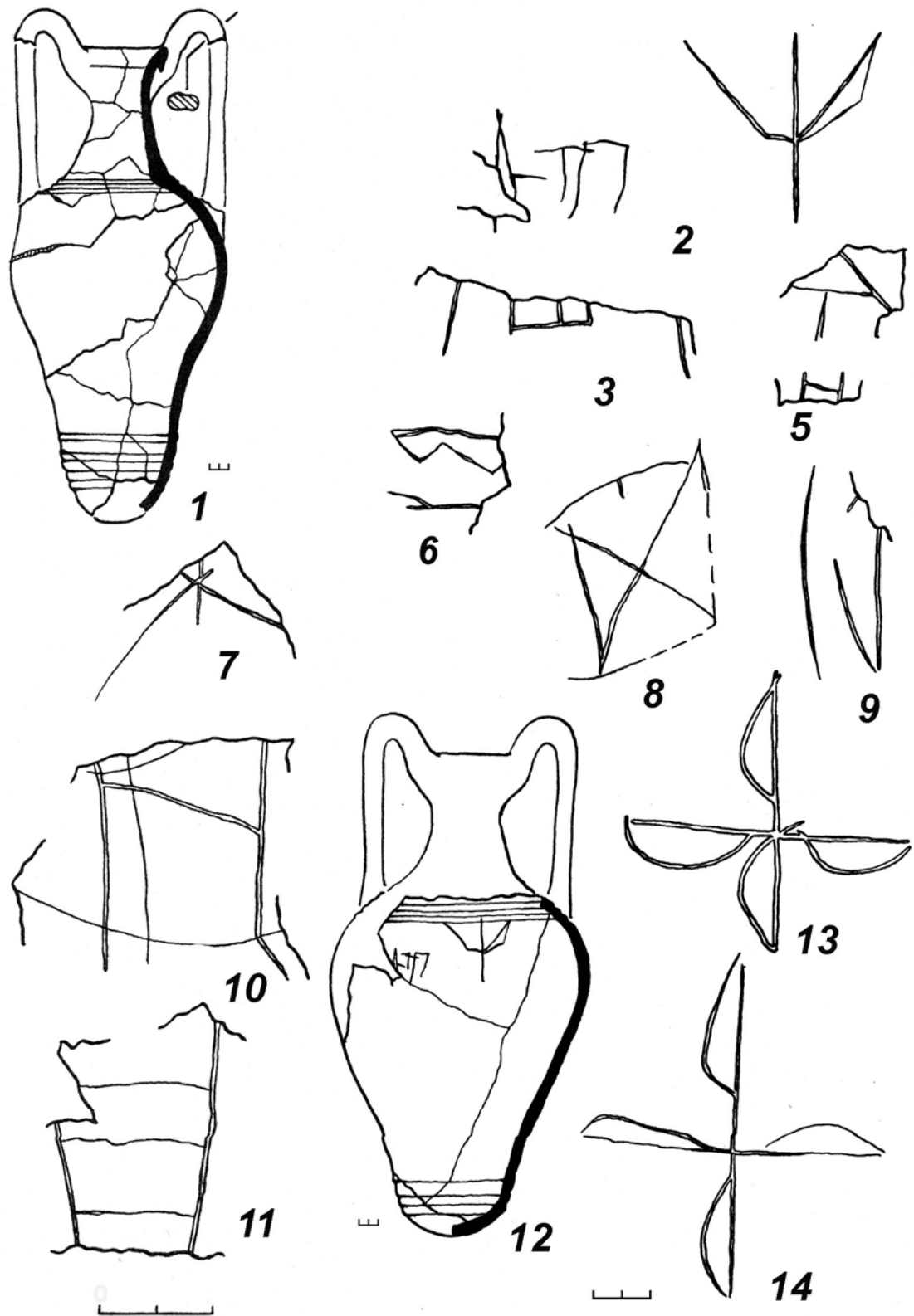

Рис. 8. Граффити на амфорах с венчиком в виде «отложного воротничка» позднего варианта. 1,3-11,13,14 – Сугдея; 2,12 – Новый Свет

Н.В. Днепровский

ВНОВЬ ОТКРЫТЫЙ ПЕЩЕРНЫЙ КОМПЛЕКС В ГЕОРГИЕВСКОЙ БАЛКЕ (СЕВАСТОПОЛЬ)

Со времен А.Л. Бертье-Делагарда считается, что пещерные комплексы в Георгиевской балке были уничтожены при строительстве железной дороги. Вот как описывал «патриарх крымоведения» сам процесс разрушения: «Далее, по южному берегу рейда, есть, ещё лучше сказать были, пещеры в двух местах. Почти прямо над водою, на западной стороне (левой) Георгиевской балки круто выдавались скалы нуммулитового известняка, в которой была церковь с несколькими пещерами; подножье этой скалы было пробито маленьким туннелем водопровода... Для проложения железной дороги пришлось срезать значительную часть этой скалы, причём почти исчезли и туннель и церковь с пещерами, от неё остался только след на высоте 6–7 сажень от земли. Так как эта группа пещер близка к городу, легко доступна и встречалась первою для многих посетителей, то она и была описана довольно подробно Монтандоном, Дюбуа, Аркасом и Струковым. Особенно подробно описание Дюбуа, с планами и разрезами; г. Струков дал план абсиды и довольно полное описание; Аркас ограничился несколькими размерами и видом скалы снаружи. Прибавлю, что упомянутые описания и размеры во многом не согласны между собою. В настоящее время можно определить только направление алтаря, бывшее на чистый восток – редкий случай в пещерных церквях; ничего более невидно и проверить описания невозможно...» [1].

В последние годы район был повторно обследован Ю.М. Могаричевым и Т.А. Бобровским. Первый из них пишет, что «на этом месте сохранились лишь следы нескольких помещений..., которые видны и до настоящего времени» [2] (фото 2). В личной беседе с автором данной статьи в октябре 2008 г. он также подтвердил, что остатки срезанных помещений, находящиеся над железнодорожным полотном, являются единственными известными ему скальными памятниками Георгиевской балки. Что же касается Т.А. Бобровского, то он посвятил памятникам Инкерманской долины две специальные работы, в первой из которых отмечает, что «в 2002–2004 гг. нами были осуществлены осмотр указанных памятников,

а также обследование окрестных скал в отрогах Мекензиевых гор и Сапун-горы с целью фиксации общей спелеоархеологической ситуации в Инкерманской долине». Действительно, в работе фиксируются даже отдельные помещения и естественные гроты. Однако в отношении древних скальных сооружений Георгиевской балки и в этой работе сказано следующее: «Комплекс в устье Георгиевской балки. Около десятка вырубных помещений (в т.ч. пещерный храм), расположенных в 2-3 яруса. В настоящее время комплекс почти полностью уничтожен строительными работами» [3]. Очевидно, в силу этого в следующей работе исследователя, посвящённой памятникам Инкерманской долины (где также фиксируются даже отдельные помещения вроде отшельнической кельи на Сапун-горе), Георгиевский скит упоминается только в ходе перечисления памятников и в сводной таблице с повторением утверждения о количестве помещений «около 10», причём он квалифицируется как «общежительный монастырь» [4].

Около десяти лет назад мы начали фотофиксацию памятников культовой скальной архитектуры Крыма. В ходе этого в октябре 2008 года посетили Георгиевскую балку. При этом мы решили осмотреть находящиеся на вершине скалы гроты и уточнить, не имели ли они к монастырю какого-либо отношения. К нашему крайнему удивлению оказалось, что прямо под ведущей туда тропинкой расположен хорошо сохранившийся комплекс искусственных пещер, упоминания о которых мы нигде не встречали (фото 3, 4).

Мы обратились к ведущим крымским археологам. Но никто из них ничего не знал об этих сооружениях. Как видим, вновь найденный пещерный комплекс Георгиевской балки оказался не введенным в научный оборот. Попытаемся восполнить этот пробел.

Скальный массив, в котором высечен пещерный комплекс, формирует левый (западный) склон балки и состоит из трёх ярусов. Первый ярус в настоящее время срезан строительными работами и представляет собой отвесный обрыв. Пещеры вырублены во втором ярусе на расстоянии

около 150 м к югу от оконечности скалы и железнодорожного полотна (фото 5). Скальный выход второго яруса представляет собой типичный для нуммулитового известняка сглаженный природным воздействием «бараний лоб» и ориентирован с севера на юг со средним отклонением против часовой стрелки около 10 градусов. Его расположение в 3-5 м от кромки обрыва первого яруса и находящиеся на этой кромке густые заросла ежевики делают пещеры невидимыми почти с любого ракурса.

Пещерный комплекс на сегодняшний день включает в себя четыре помещения. План комплекса приведен на рис. 1.

Помещение № 1 в настоящее время является смежным с помещением № 2 и имеет неправильную трапецеидальную форму. Общая длина помещений 1 и 2 достигает 10,3 м. Пол помещения № 1 завален землёй и камнями, причём этот уровень на 0,25 – 0,3 м ниже уровня пола помещения № 2.

Максимальная высота помещения № 1 над уровнем грунта, покрывающего пол, составляет 2,1 м. Восточная стена почти полностью отсутствует, сохранился только её северный участок длиной 0,8 м. Длина отсутствующей части – 3,44 м. Направление стены – с севера на юг с отклонением на 10° против часовой стрелки. Есть основания предполагать, что на определённом этапе стена была сложена из камня, развал которого существует и поныне. С наружной стороны на фасаде помещения сохранились горизонтальные подрубки (фото 6). Неизвестно, имело ли это помещение первоначально отдельный вход.

Северная стена ориентирована точно с запада на восток и имеет ширину 2,24 м. Возле стены лежат две большие каменные глыбы (фото 7).

В северо-западном углу помещения имеется характерная карстовая промоина. Под этой промоиной вырублена небольшая ниша, размер и форма которой позволяют предполагать, что в неё устанавливался сосуд для сбора воды (фото 8). Нижний край ниши расположен на расстоянии 0,73 м от потолка помещения [5], высота её 0,27 м, ширина 0,17 м и глубина 0,16 м.

Западная стена в своей северной части на протяжении примерно 1,5 м ориентирована точно с севера на юг, а затем отклоняется против часовой стрелки на 10 градусов и удерживает такое направление на расстоянии около 1,5 м, после чего снова начинает отклоняться к востоку, и в юго-западном углу это отклонение достигает 22 градусов. На расстоянии 2,9 м от северной стены здесь

имеется ещё одна карстовая промоина с нишей для водосборной ёмкости (фото 9). Ниша треугольной формы имеет высоту 0,5 м, ширину основания 0,24 м и максимальную глубину 0,17 м. Её основание находится на расстоянии 1,2 м от потолка помещения.

На расстоянии 1,08 от северной стены помещения в западной стене имеется широкая (0,43 м) вертикальная вырубка высотой от пола до потолка и глубиной 0,14 м (фото 10). В полу помещения по оси этой вырубki имеется овально отверстие размерами 0,12 x 0,1 м и глубиной 0,1 м (фото 11). Аналогичное отверстие глубиной 0,12 м имеется и в потолке (фото 12). Судя по характеру вырубki с отверстиями, не исключено, что здесь находилась массивная дверь или подвижная перегородка, ось вращения которой была закреплена в отверстиях пола и потолка, и которая отделяла часть помещения от остального пространства. Рядом с вертикальной вырубкой на полу лежит большая глыба камня.

Южная стена (фото 13) большей частью разрушена и сохранилась в своей восточной части на ширину около 0,6 м. Сохранившийся фрагмент стены ориентирован с востока на запад с отклонением на 10 градусов против часовой стрелки. В нём сохранилась горизонтальная подрубка длиной 0,5 м, высотой 0,15 м и глубиной 0,1 м. Ширина разрушенной части около 2,1 м. Западная часть проёма и юго-западный угол помещения № 2 завалены грудой камней.

Помещение № 2 имеет форму неправильного многоугольника. Южная часть помещения имеет прямоугольную форму и ориентацию стен точно по сторонам света (фото 14). Северная часть трапецеидальная (фото 15). Максимальная длина помещения – 6,5 м, ширина – 3,8 м, высота – 2,1 м.

Северная стена имеет направление с востока на запад с отклонением на 22 градуса по часовой стрелке, большей частью разрушена (прослеживается по потолку) и содержит проход в помещение № 1. Ширина проёма – 2,1 м, ширина западного простенка – 1,55 м, восточного – 0,43 м. Пол у западного простенка завален грудой камней, в остальной части помещения пол расчищен до скального основания, и культурный слой отсутствует. Северо-западный угол представляет собой нишу сложной формы (фото 16).

Западная стена в своей северной части (фото 17) ориентирована точно с севера на юг. Здесь на ней имеется выступ наподобие скамьи длиной 1,45 м, высотой 0,35 м и шириной 0,4 м (фото 18). Северная оконечность выступа разрушена, не

исключено, что некогда он доходил до северной стены. Затем на участке около 1,5 м западная стена плавно отклоняется по часовой стрелке на угол до 10 градусов, а затем снова принимает чисто южное направление. В южной её части (фото 19) имеется проём шириной 1,8 м, ведущий в помещение № 3. Пол помещения № 3 ступенчато поднят на 0,3 м относительно пола помещения № 2, высота входного проёма над этой ступенькой составляет 1,65 м. В полу помещения № 2 практически от порога помещения № 3 в направлении на северо-северо-восток тянется канавка или, быть может, трещина. Над проёмом имеются две подрубки (фото 20). Правая (большая) из них имеет размеры 0,1 x 0,1 м при глубине 0,12 м, причём этой подрубке соответствуют: слабо выраженная подрубка в пороге помещения № 3, а также ясно видимое изменение характера обработки западной стены помещения № 3. На 0,5 м правее входа в помещение № 3 на высоте 1,44 м в западной стене помещения № 2 расположена арочная ниша. Глубина ниши 0,22 м, ширина 0,66 м и высота 0,5 м (фото 21).

В юго-западном углу помещения № 2 в полу имеется круглое углубление диаметром 0,34 м, затёкшее землёй (фото 22), над которым в стене на разной высоте расположены две гнездовидные подрубки (фото 23). Ещё два аналогичных круглых углубления расположены в юго-восточной части пола помещения, вдоль южной стены (фото 24). Диаметр восточного углубления – 0,2 м при глубине в 0,25 м, диаметр западного – 0,25 м при глубине в 0,3 м.

Южная стена помещения ориентирована точно с востока на запад и имеет длину 3,2 м. Обработка стены неоднородна: в нижней части юго-западного участка следы обработки представляют собой косые пересекающиеся борозды, в то время как на остальной плоскости – точечные насечки. Почти в центре южной стены помещения № 2 вырублены две арочные ниши: одна – на высоте 0,8 м, шириной 0,42 м, высотой 0,38 м и глубиной 0,27 м – отстоит от восточной стены на 1,28 м. Другая – на высоте 1,04 м, шириной 0,58 м, высотой 0,58 м и глубиной 0,3 м – расположена в 1,67 м от восточной стены (фото 25, 26). Под каждой из ниш, ниже её примерно на 0,4 м, имеется плохо сохранившаяся подрубка. Над большей (западной) нишей имеется подобие высеченного в камне прямоугольного обрамления. Возможно, к этой части стены в своё время было пристроено что-то вроде шкафа или стеллажа. Левее ниш на плоскости стены просматриваются ещё три небольшие подрубки.

Восточная стена помещения № 2 имеет сложную форму и, по-видимому, несёт на себе следы многочисленных переделок. Почти в центре стены расположен прямоугольный дверной проём высотой 1,77 м и шириной 1,52 м. Нижняя часть проёма разрушена природным воздействием. На фасаде комплекса над проёмом высечена подрубка в форме фронтона (фото 27). Изнутри помещения в верхних частях откосов проёма имеются прямоугольные гнёзда, по-видимому, от притолоки, размером 0,14 x 0,14 x 0,12 м (фото 28). Однако нельзя не отметить, что гнездо в южной части дверного проёма находится практически точно напротив соответствующей подрубки в западной стене (над притолокой проёма в помещение № 3). В силу этого обстоятельства, а также, учитывая большую ширину дверного проёма, нельзя исключить, что он был растёсан, а в подрубках восточной и западной стен крепились перегородка, отделявшая южную часть помещения № 2. Пол помещения расположен на 0,1 м ниже уровня современной дневной поверхности. В настоящее время в качестве порога в дверях положено несколько крупных камней.

Правее дверного проёма во всю ширину южного простенка восточной стены на высоте 0,5 м имеется подрубка наподобие полочки шириной около 0,1 м (фото 29). В средней части простенка эта полочка расширяется в нишу глубиной 0,2 м, шириной 0,23 м и высотой 0,27 м. На 0,4 м выше этой полочки и на 0,4 м правее (южнее) дверного проёма вырублен прямоугольный оконный проём шириной 0,8 м и высотой 1,02 м. Нижняя часть его разрушена природным воздействием. С севера в этой нижней части имеется прямоугольная вырубка глубиной 0,16 м и шириной 0,2 м. Снаружи над этим приёмом во всю его ширину на фасаде высечена горизонтальная прямоугольная подрубка. С внутренней стороны помещения в верхней части южного откоса оконного проёма расположена половина срезанной ниши высотой 0,4 м, шириной 0,23 м и глубиной 0,1 м. Это, как и чётко очерченные контуры оконного проёма, позволяет предположить, что он был основательно растёсан в позднейшее время. При этом и была наполовину срезана ниша. Немного ниже этой ниши находится небольшая, плохо сохранившаяся подрубка.

На 0,25 м левее разрушенной части дверного проёма (фото 30), на высоте 0,5 м имеется ниша высотой 0,3 м, шириной 0,26 м и глубиной 0,17 м. Над ней, на 1,5 м над уровнем пола помещения, находится сквозное, сильно разрушенное природным воздействием

отверстие максимальной высотой 0,57 м и максимальной шириной 0,27 м. Возможно, оно представляет собою одно из первоначальных окон. Ширина простенка между этим отверстием и верхней прямоугольной частью дверного проёма составляет 0,5 м. Этот простенок на расстоянии 0,25 м от внутренней кромки дверного проёма и на высоте 1,45 м от современной дневной поверхности пробит сквозным отверстием диаметром 0,04 м. На 0,25 м левее предполагаемого первоначального окна и на высоте 1,07 м над уровнем пола имеется другой оконный проём правильной прямоугольной формы высотой 1,01 м и шириной 0,98 м. Чётко очерченная форма проёма и плоские откосы с острыми краями позволяют предположить, что он был растёсан в сравнительно позднее время. Перемычка между «первоначальным» и «новым» оконными проёмами в своей верхней части разрушена, как и верхняя часть «нового» проёма. В северо-восточном углу помещения имеется ниша глубиной и высотой 0,17 м и шириной 0,25 м, расположенная на высоте 0,32 м над уровнем пола.

Помещение № 3 в настоящее время имеет практически прямоугольную форму и размеры: длину – 2,88 м, максимальную ширину – 1,77 м, максимальную высоту – 1,6 м. Его пол расположен на 0,3 м выше пола помещения № 2. Культурный слой в помещении отсутствует. Стены ориентированы практически точно по сторонам света. Заметно, что первоначально оно имело более округлую форму и меньшие размеры, но впоследствии было растёсано. Так, на северном участке западной стены обработка похожа на Т.1 по классификации Ю.М. Могаричева [6], в то время как на южном участке её следы представляют собой параллельные близко расположенные борозды (фото 31). Северная часть помещения имеет слегка скруглённые углы (фото 32), в то время как в южной части углы острые (фото 33). Вертикальная граница этих участков хорошо просматривается. Напротив этой границы в пороге помещения имеется подрубка, а в притолоке, со стороны помещения № 2 – гнездо размерами 0,1 x 0,1 x 0,1 м (фото 20). Очевидно, помещение или было разделено какой-то перегородкой, или перегородкой было разделено помещение № 2, а помещение № 3 первоначально было вырублено с какой-то одной стороны этой перегородки заподлицо с ней. В южной стене помещения № 3 на высоте 0,76 м и на расстоянии в 0,6 м от восточной стены имеется вытянутая по вертикали ниша высотой 0,52 м, шириной 0,2 м и максимальной глубиной 0,15 м. В юго-восточном углу

помещения на разной высоте имеются две небольшие подрубки.

Восточная стена разделена входным проёмом на два простенка. Ширина южного простенка – 0,87 м, северного – 0,22 м. В южном простенке на высоте 0,9 м вырублена ниша высотой 0,22 м, шириной 0,33 м и глубиной 0,11 м (фото 34).

Помещение № 4 расположено отдельно от остального комплекса на расстоянии 2,3 м к югу от него (фото 35). Форма помещения близка к трапецеидальной (рис.2). Максимальная ширина помещения – 2,16 м, ширина входного проёма – 1,37 м, максимальная глубина по потолку – 1,36 м, по полу – 2,2 м, максимальная высота – 1,32 м. Западная стена имеет слегка вогнутую форму, но в своей средней части ориентирована точно с севера на юг. Вдоль стены расположен выступ – «лежанка» высотой 0,33-0,35 м (фото 36). Ширина «лежанки» в южной части – 0,47 м, в средней – 0,5 м. В северной части она увеличивается до 0,57 м за счёт неглубокой ниши высотой 0,33 м и шириной 0,77 м.

Входной проём ориентирован в целом на восток. В боковых стенах проёма имеются косые, с наклоном наружу около 10 градусов, пазы шириной 0,08-0,09 м (фото 37). Эти пазы совершенно непригодны для установки дверной коробки, но удобны для закрытия входа в помещение вертикально задвигаемой плитой. Расстояние от западной стены до верхней части южного паса – 1,24 м, северного – 1,54 м. Впоследствии, вероятно, в помещении пытались устанавливать обычную дверную коробку, от которой остались подтёски. Над входным проёмом имеется вырубка, имитирующая фронтоны (фото 38). На её чисто декоративный характер указывают как небольшая глубина, так и наличие сходящихся к центру канавок, по которым вода неизбежно попадала бы внутрь помещения. Между тем, выше по скале над помещением имеются настоящие водоотводные канавки. По-видимому, эта пещера, вопреки её малым размерам, в чём-то существенно выделялась, поскольку декоративный орнамент на её фасаде – единственный во всём комплексе. Данная декоративная вырубка практически идентична рельефу надгробной плиты из церкви св. Джурджа (Георгия) в Поповичах (Хорватия), с тем лишь отличием, что стилизованный фронтон плиты из Поповичей заключён в углубление, имеющее вид стрельчатой ниши (фото 39) [7]. К сожалению, плита из Поповичей была обнаружена не *in situ*, а после её вторичного использования, что не даёт возможности произвести археологическую датировку Поповичского захоронения, а,

следовательно, и – по аналогии – строить предположения о времени создания объекта в Георгиевской балке.

Однако, судя по размерам, выявленным архитектурным особенностям и декоративному оформлению фасада помещения № 4, мы имеем все основания предполагать, что оно представляло собой усыпальницу [8].

Учитывая сложную конфигурацию и вышеописанные особенности выявленного нами комплекса, строить предположения о его назначении нелегко. Почти наверняка на определённом этапе своего существования он использовался в хозяйственных целях, и первоначальный облик его был в значительной степени искажён, в частности, были сильно растёсаны проёмы. Видимо, растёсано было также помещение № 3. Вопросы вызывает и ориентация фрагментов стен помещения строго по сторонам света при одновременной неправильной форме как остальной части стен, так и помещений в целом.

Однако нельзя не отметить следующего.

Во-первых, если помещение № 4 действительно являлось усыпальницей, то логичным является предположение о культовом характере выявленного пещерного комплекса в целом.

Во-вторых, размеры ниш водосборников в помещении № 1 слишком малы, чтобы они могли иметь серьёзное хозяйственное значение. Однако вода зачем-то собиралась в столь малые ёмкости. Если бы надо было просто осуществить водоотведение, проще было бы вырубить канавки до пола и организовать там резервуар гораздо большей ёмкости. Если же комплекс действительно имел культовый характер, то упомянутые водосборники могли носить характер агиасм. Примером подобного «капельного» святого источника является знаменитая пещера «слёз св. Давида» в монастыре Давид-Гареджи в Грузии (которая, кстати, от самого монастыря расположена примерно на таком же удалении, как выявленный нами комплекс от уничтоженного скита св. Георгия).

В-третьих, внимательное изучение помещений № 3 и 4 заставляет обратить внимание на то, что первоначально южная часть помещения № 2 была, возможно, отгорожена от остального объёма. При этом в центральной стене отгороженного объёма в стене имеется большая ниша, левее которой имеется другая, а правее, возможно, был первоначальный вход в помещение № 3. Более того, под центральной нишей нетрудно заметить остатки расширяющегося кверху выступа. Все эти детали невольно вызывают ассоциации с литургическими устройствами пещерных

храмов Горного Крыма – алтарной преградой, примыкающим к стене и расширяющимся кверху престолом, заалтарной нишей, нишей протесиса и входом в ризницу. Заметим, что кроме левой ниши в центральной стене, мы имеем также половину срезанной ниши в восточной (тоже левой) стене отгороженной части помещения № 2, которая также могла бы использоваться для проскомидии.

Наиболее существенным аргументом против первоначально церковного характера помещения № 2 является ориентация его отгороженной (т.е. предполагаемой алтарной) части строго на юг, в то время как в крымских пещерных церквях ориентация алтарной части северо-восточная (реже - чисто восточная или чисто северная). Однако отбрасывать такое предположение в категорической форме, по нашему мнению, было бы преждевременно.

Поэтому мы считаем, что выявленный пещерный комплекс представляет интерес для детального исследования. Если он имеет отношение к уничтоженному скиту в северной оконечности скалы, то это, с одной стороны, позволяет, в совокупности с имеющимися документальными свидетельствами, попытаться уточнить датировку последнего. С другой стороны, это ставит под вопрос утверждение Т.А.Бобровского и Е.Е.Чуевой об общежительном характере Георгиевского скита, скорее подтверждая предположение Ю.М. Могаричева о том, что «возможно, в округе были и другие отдельные кельи отшельников, которые или ещё не выявлены, или абсолютно разрушены» [9].

Нам не удалось выяснить, кто, когда и для чего проводил расчистку части помещений комплекса. Судя по многолетним зарослям ежевики, это произошло не сегодня. Не исключено, что это работа «чёрных археологов» или местных жителей. В пользу последнего говорит толстая проволока, предназначенная для спуска в помещения.

Удивительным, на первый взгляд, представляется и тот факт, что скальные сооружения так долго оставались вне поля зрения исследователей. Но следует иметь в виду, что пещеры совершенно не видны сверху, их входы закрыты сплошными зарослями ежевики, а растёсанные окна и подрубки на фасаде заставляют предполагать, что эти помещения долгое время использовались местными жителями в хозяйственных целях. По-видимому, авторитет А.Л. Бертье-Делагарда как предельно скрупулёзного исследователя был настолько велик, что после его сообщения об уничтожении скита в Георгиевской балке длительное время никому и в голову не

приходило перепроверять его сведения - ведь в своей работе он описывает даже отдельные помещения в отрогах Сапун-горы [10]. А затем провести эту проверку стало, скорее всего, уже невозможно. Дело в том, что в начале 1930-х гг. в штольнях скалы, где некогда располагался Георгиевский скит, началось строительство подземной электростанции, завершённое только в 50-е гг. [11]. На спутниковом снимке с сайта Google.com (фото 5) хорошо видны три железнодорожные ветки, уходящие в скалу. Пещеры оказались на самой бровке обрыва между порталами двух туннелей, в нескольких метрах от их подпорных стен. Между тем, ещё 23.02.1929 г. вышло Постановление СНК РСФСР, запрещавшее без специального разрешения ОГПУ «производство фотографических, кинематографических, глазомерных, панорамных, планировочных, инструментальных и всякого рода иных съёмок ... а) полигонов, аэродромов, военных портов, военных складов, военных заводов и оборонительных сооружений, ... б) мостовых сооружений, тоннелей, станционных, оборонительных и всякого рода иных сооружений, находящихся на землях, предоставленных железнодорожному транспорту...» [12]. Очевидно, что расположение комплекса в Георгиевской балке соответствовало сразу нескольким пунктам этого постановления и, вдобавок, он сам попал в запретную зону. Поэтому он, скорее всего, оказался вне доступа учёных, как на долгие десятилетия оказались окрестности Фиолента, Маячный полуостров, мыс Айя и т.д. Кроме того, большое количество материалов, собранных в предвоенные годы сева­стопольскими исследователями, погибло во время Великой Отечественной войны.

В настоящее время проход к пещерам свободный. Прямо над ними проходит тропа, а в 100 метрах к югу расположены жилые дома.

С нашей точки зрения, выявление сохранившегося пещерного комплекса в считавшейся хорошо изученной Инкерманской долине указывает на перспективность систематического и планомерного обследования некогда закрытых для посещения территорий Юго-Западного Крыма.

Примечания

1. Бертъе-Делагард А.Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // ЗООИД. Одесса, 1886. Т. XIV. С. 234-235. На самом деле, Д.М.Струков оставил нам гораздо больше

сведений о заинтересовавшем нас комплексе, чем считал А.Л. Бертъе-Делагард. К сожалению, объективные обстоятельства, в первую очередь, финансовые, не позволили Д.М.Струкову завершить исследование и опубликовать свои материалы.

2. Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997. С. 27.
3. Бобровский Т.А., Чуева Е.Е. Пещерные комплексы Инкерманской долины (Юго-Западный Крым) // Причерноморье, Крым, в истории и культуре (Материалы II Судакской международной научной конференции). Киев-Судак, 2004. Ч. II. С. 29.
4. Бобровский Т.А., Чуева Е.Е. К вопросу о характере пещерных комплексов Инкерманской долины в юго-западном Крыму) // Сугдейский сборник. Киев-Судак 2005. Вып. II. С. 24.
5. Мы даём привязку по высоте к потолку помещения, поскольку пол на этом участке загромождён камнями.
6. Могаричев Ю.М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992. С. 47.
7. Žeravica Z, Kovačić L. Konavle: srednjovjekovna groblja. Dubrovnik, 2002. S.15, Tab.6.
8. Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. С. 28.
9. Стилизованное изображение фронтона на фасаде помещения № 4 и на плите из Поповичей невольно вызывает в памяти старинное русское слово «домовина». Заметим попутно, что и церковь в Поповичах, и скит в Георгиевской балке (насколько это известно) были посвящены одному и тому же святому – св. Георгию.
10. Впрочем, А.Л. Бертъе-Делагарду тоже случалось ошибаться. Так, он пишет: «Караулов тоже только называет урочище Кара-коба в числе пещерных жилищ, уверяя будто оно около деревни и горы Ай-Тодор, что совершенно неверно (7 верст западнее), а горы этого имени и вовсе не имеется» (См.: Бертъе-Делагард А.Л. Указ. соч. С. 237). И лишь в 1927 г. был открыт (судя по всему, повторно) пещерный монастырь Челтер-коба на мысе Ай-Тодор в долине р.Бельбек.
11. Объект «Крот» (подземная электростанция) // URL: <http://sevdig.sevastopol.ws/issl/krot.html> (дата обращения: 28.02.2010).
12. О порядке производства фотографических, кинематографических и прочих съёмок на территории РСФСР // Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений правительства РСФСР. М., 1959. Т. 2. С. 11–12.

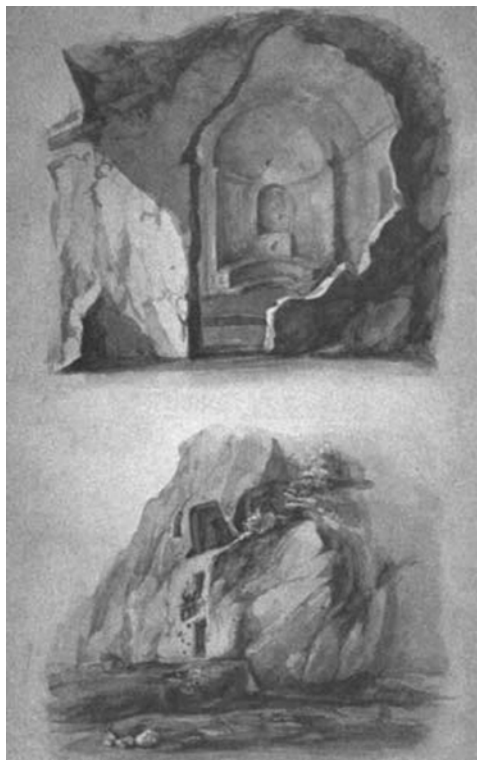

Фото 1. Георгиевский скит. Акварель Д.М.Струкова. Отдел ИЗО РГБ, топографический шифр 105/5378. Л.35. Фото с сайта http://www.moscow-crimea.ru/duhovny/strukov_2.html (дата обращения: 28.02.2010)

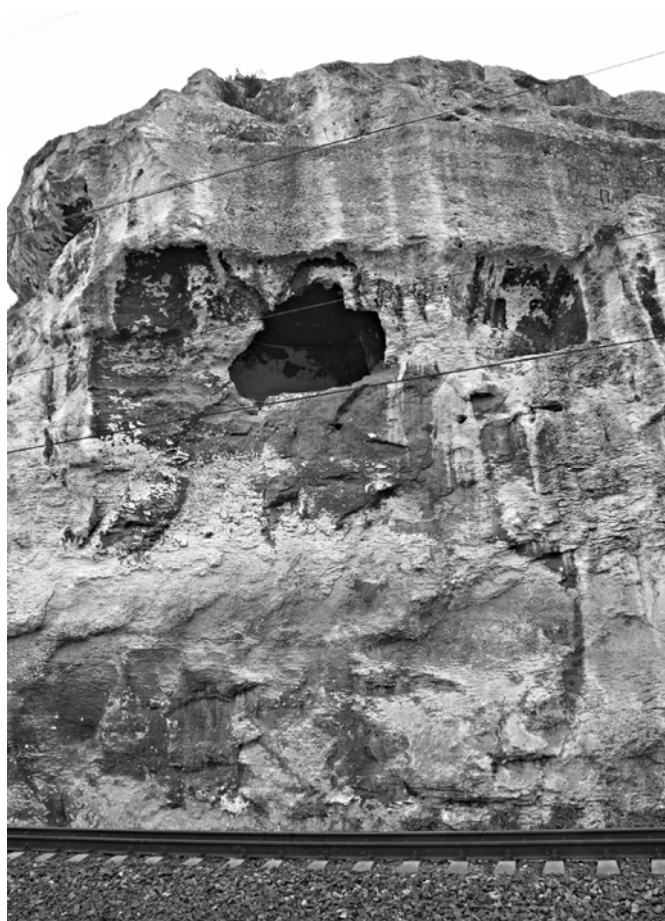

Фото 2. Остатки Георгиевского скита. Современный вид

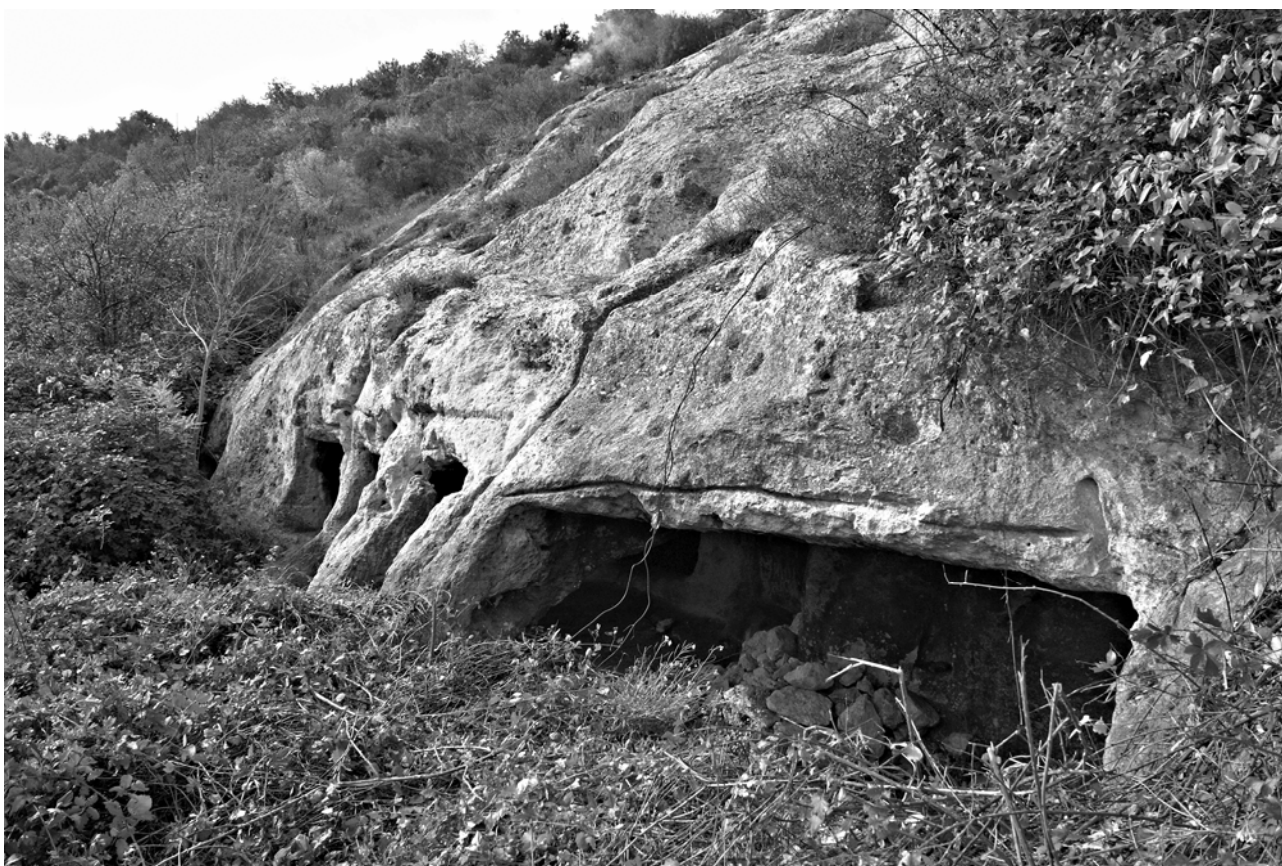

Фото 3. Пещерный комплекс в Георгиевской балке. Вид с северо-востока

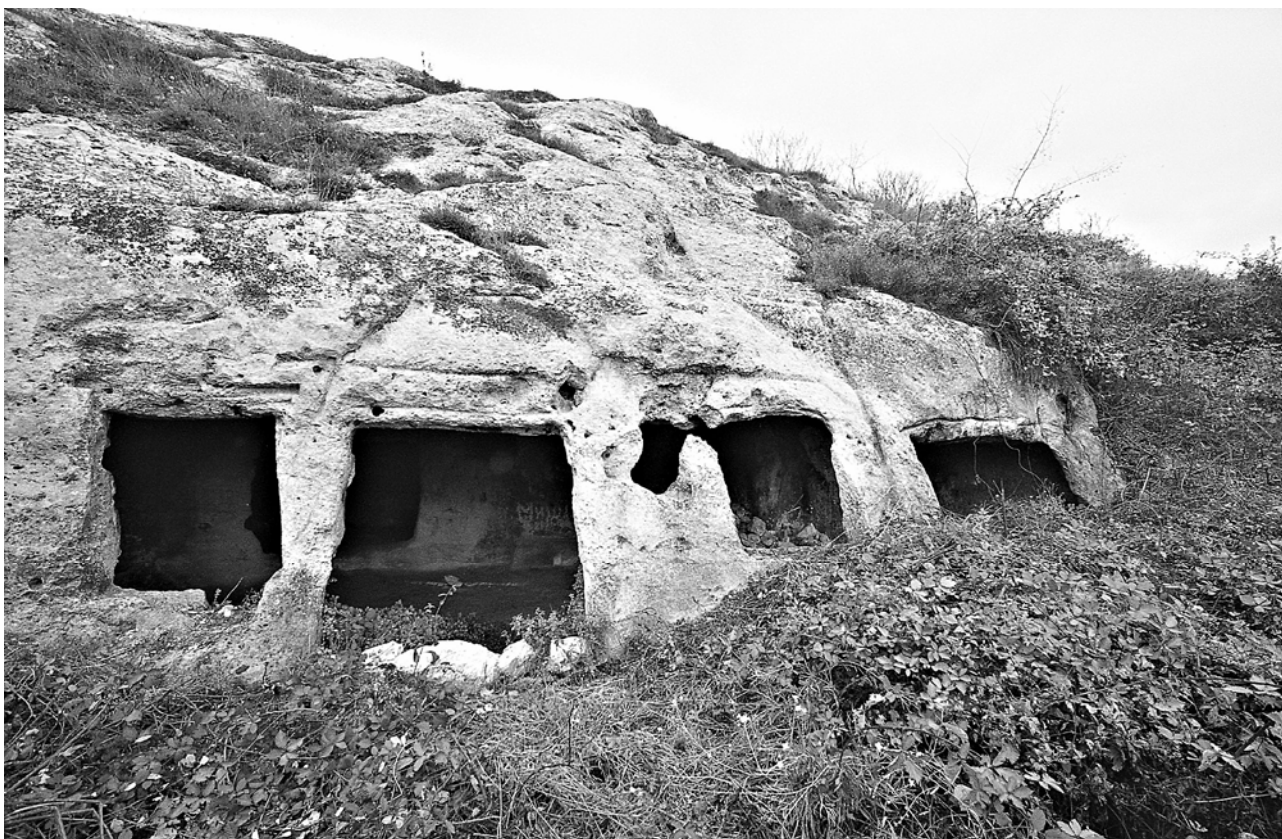

Фото 4. Пещерный комплекс в Георгиевской балке. Вид с юго-востока

Фото 5. Спутниковый снимок устья Георгиевской балки. Фото с сайта Google.com. Цифрами обозначены: 1 – местоположение разрушенного пещерного скита св. Георгия, 2 – местоположение уцелевшего пещерного комплекса

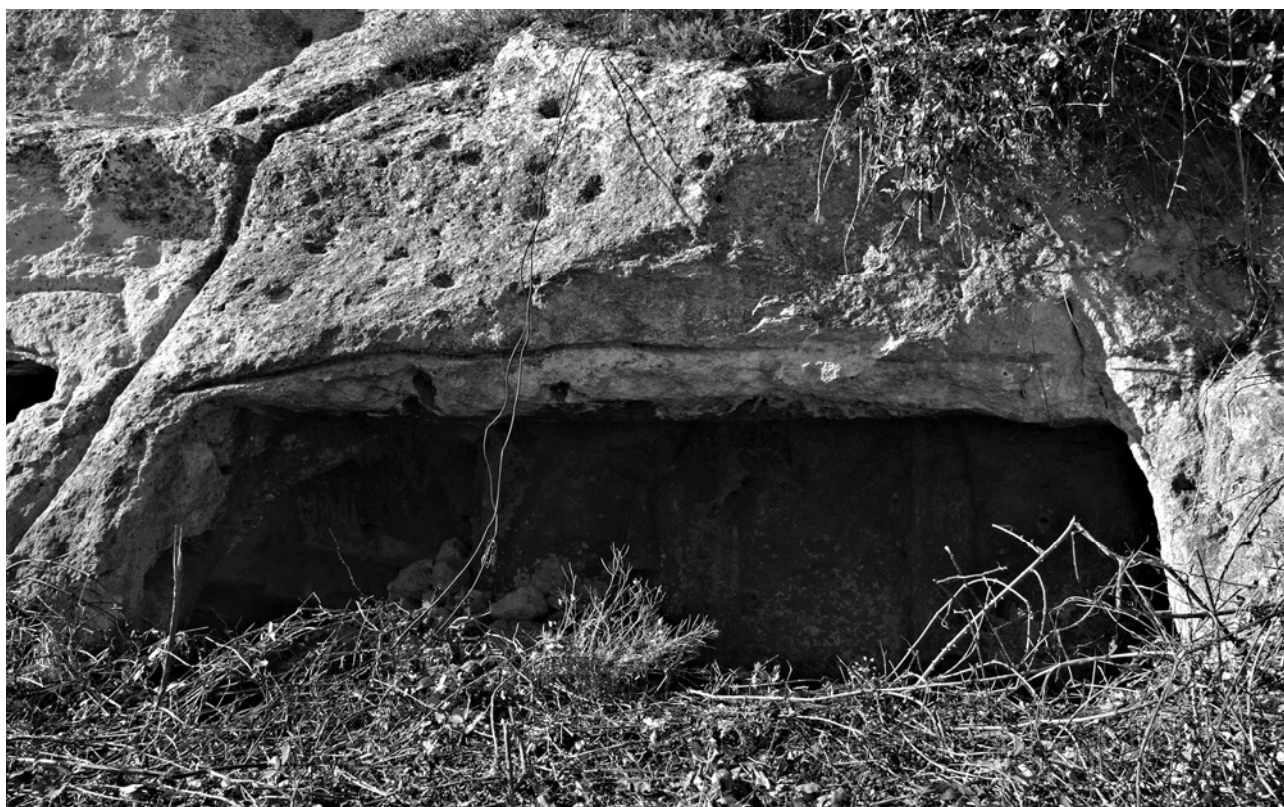

Фото 6. Фасад помещения №1

Фото 7. Помещение №1. Вид с юга

Фото 8. Водосборник в северо-западном углу помещения №1

Фото 9. Водосборник на западной стене помещения №1

Фото 10. Выемка в западной стене помещения №1

Фото 11. Подрубка в полу помещения №1

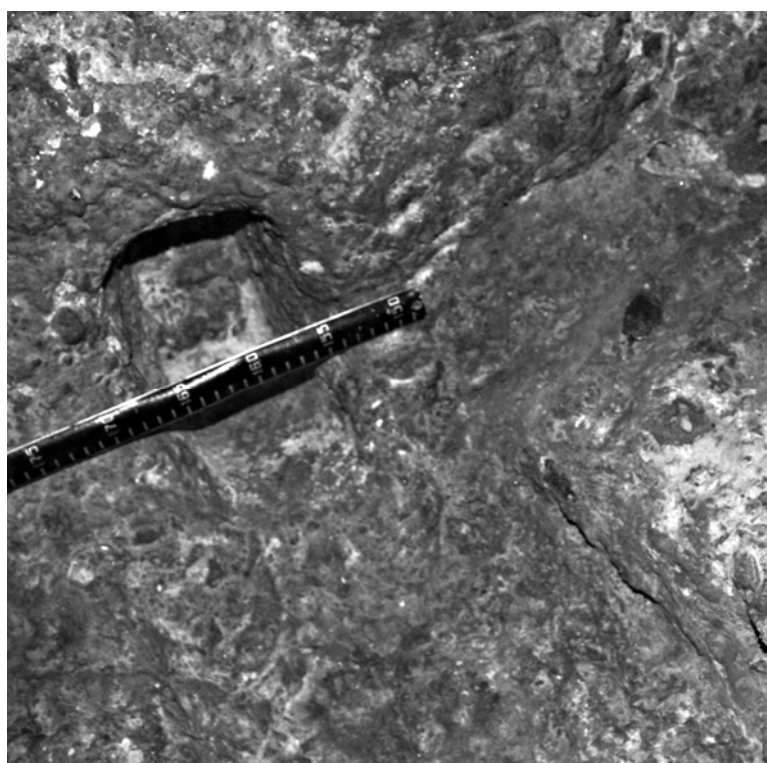

Фото 12. Подрубка в потолке помещения №1

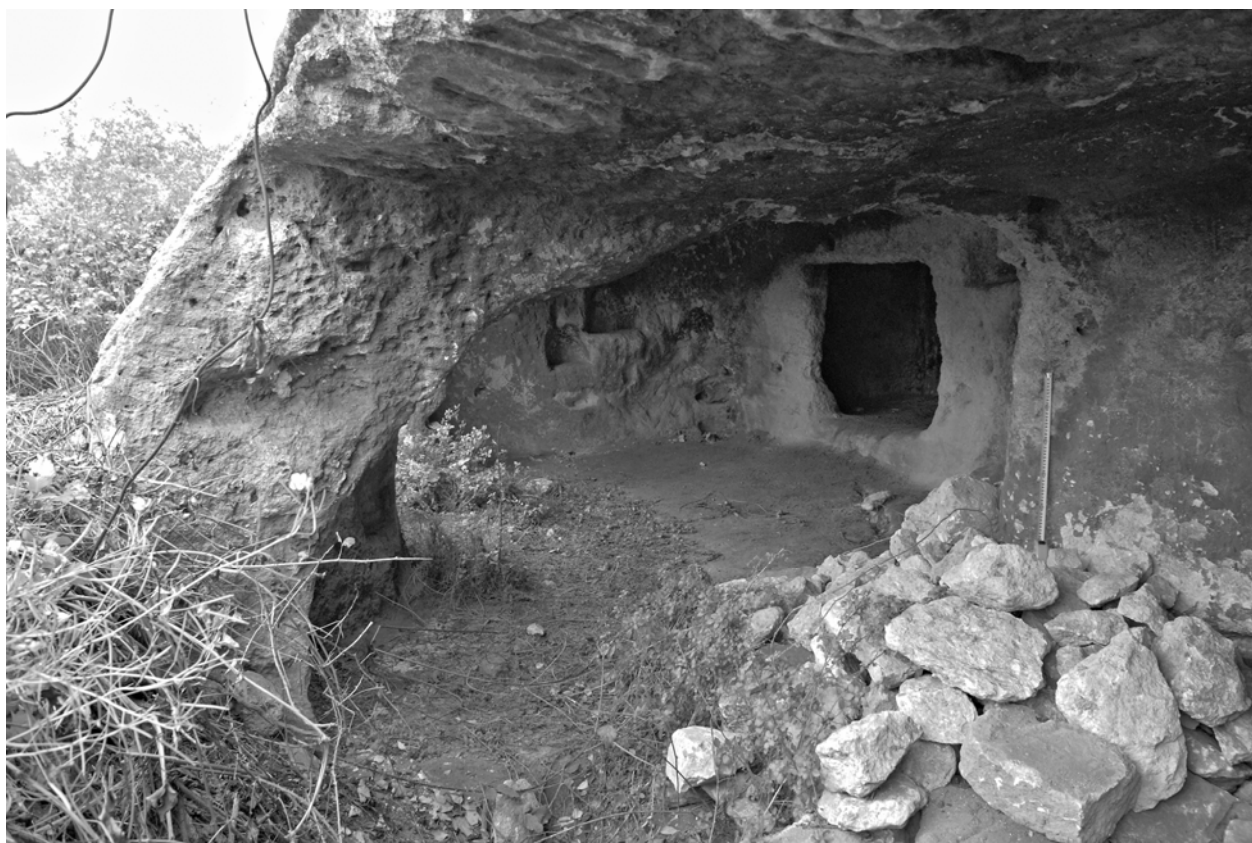

Фото 13. Южная стена помещения №1

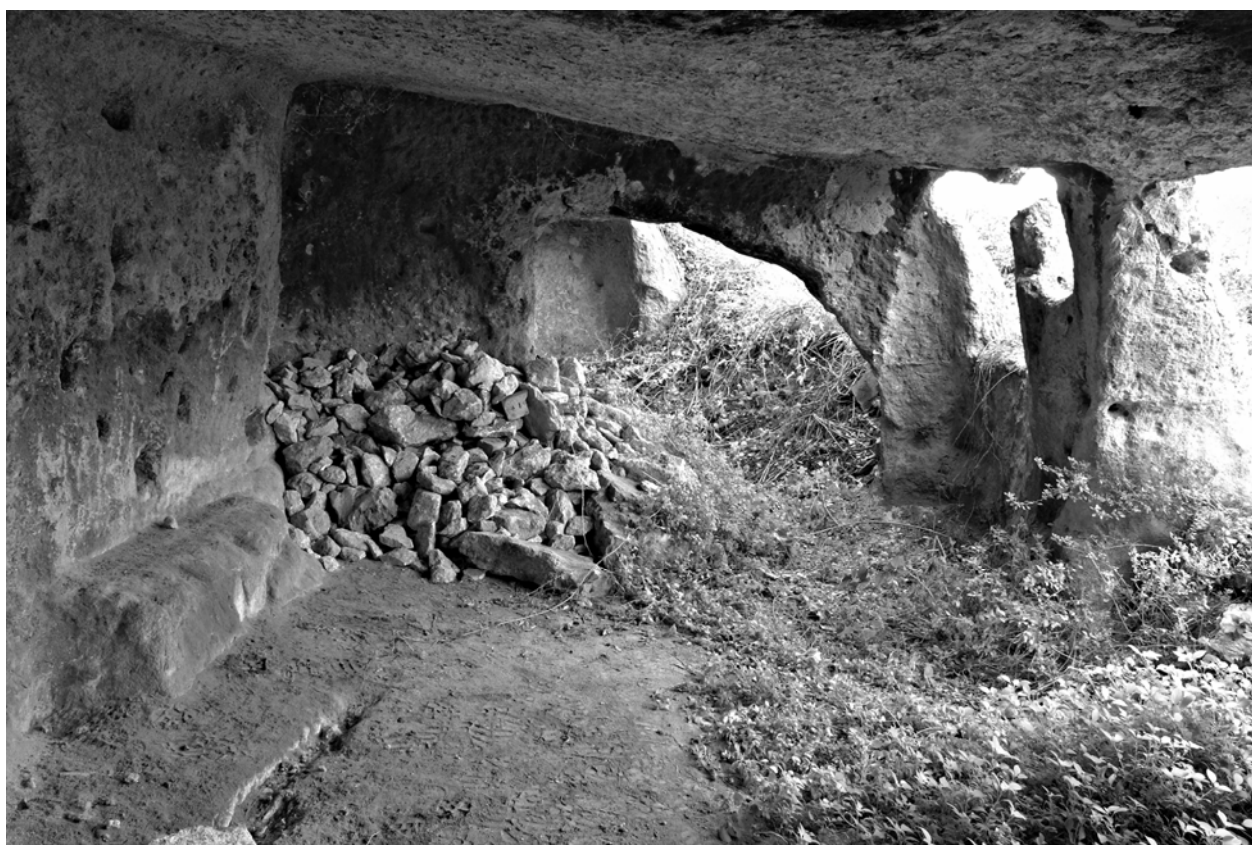

Фото 14. Помещение №2. Вид с юга

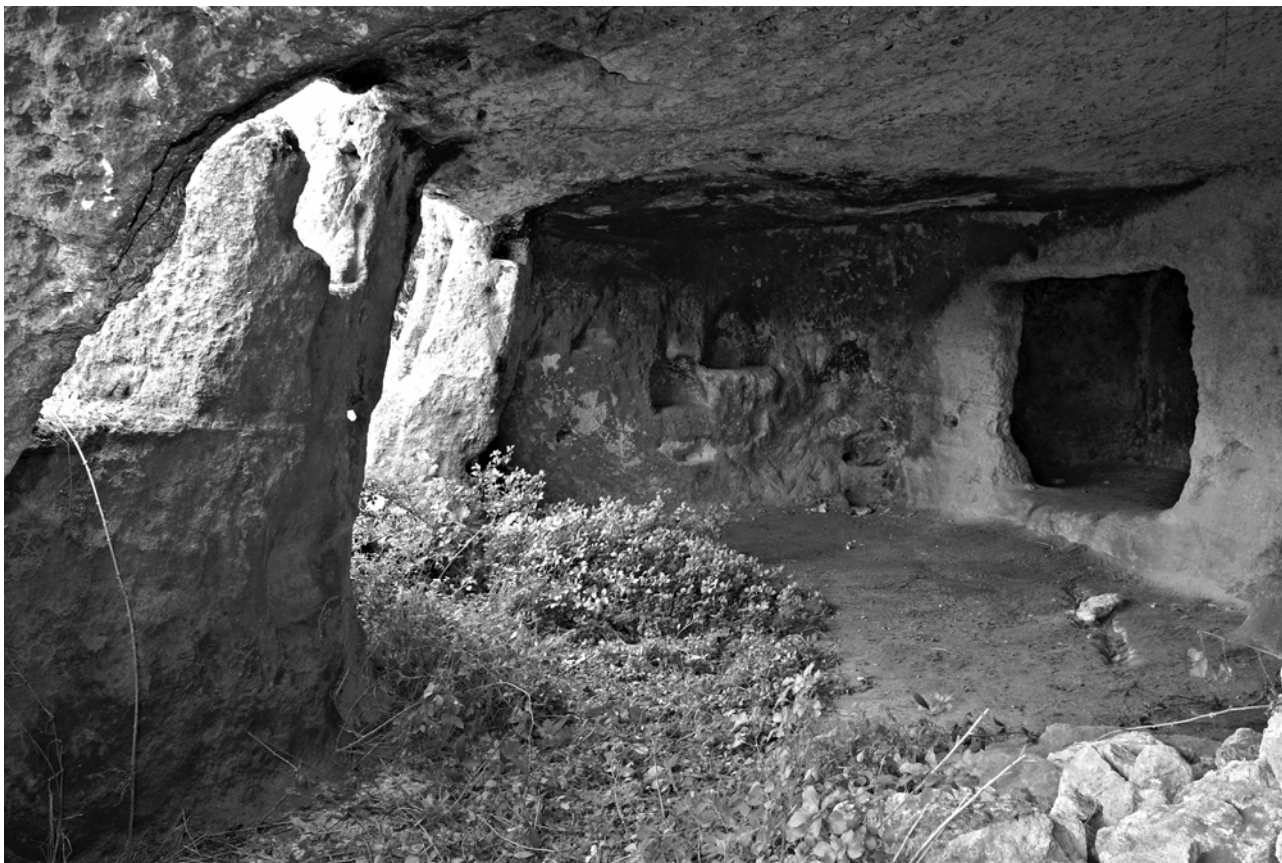

Фото 15. Помещение №2. Вид с севера

Фото 16. Северо-западный угол помещения №2

Фото 17. Северная часть западной стены помещения №2

Фото 18. Выступ на западной стене помещения №2

Фото 19. Южная часть западной стены помещения №2

Фото 20. Подрубки над проемом в западной стене помещения 2

Фото 21. Ниша в западной стене помещения №2

Фото 22. Углубление в юго-западном углу помещения №2

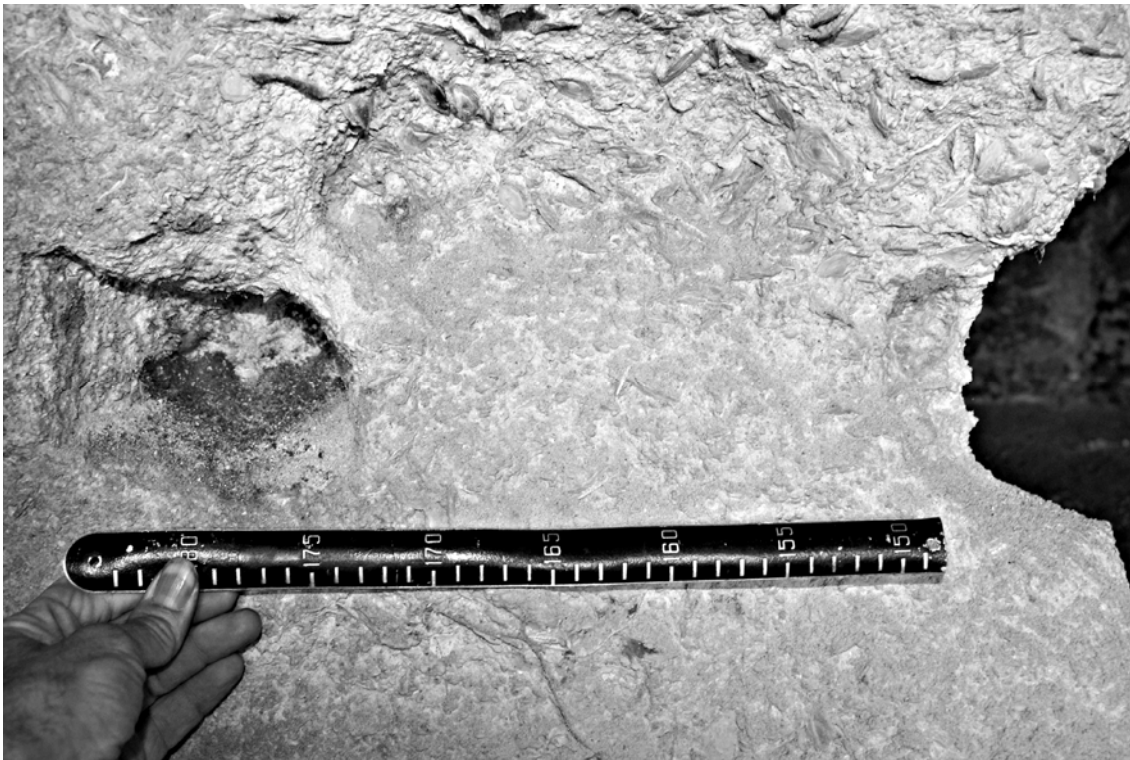

Фото 23. Подрубки в юго-западном углу помещения №2

Фото 24. Углубления в юго-западном углу помещения №2

Фото 26. Ниши в южной стене помещения №2

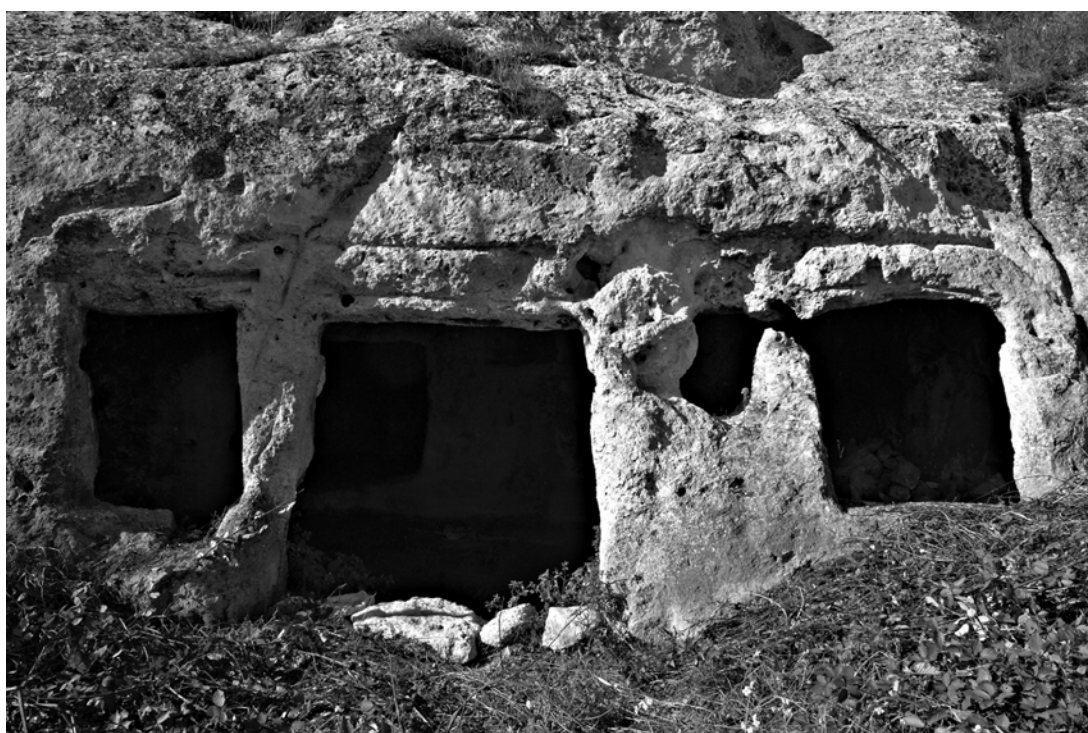

Фото 27. Фасад помещения №2

Фото 28. Южный простенок восточной стены помещения №2

Фото 29. Подрубка в дверном проёме помещения №2

Фото 30. Северный простенок восточной стены помещения №2

Фото 31. Западная стена помещения №3

Фото 32. Северная стена помещения №3

Фото 33. Южная стена помещения №3

Фото 34. Юго-восточный угол помещения №3

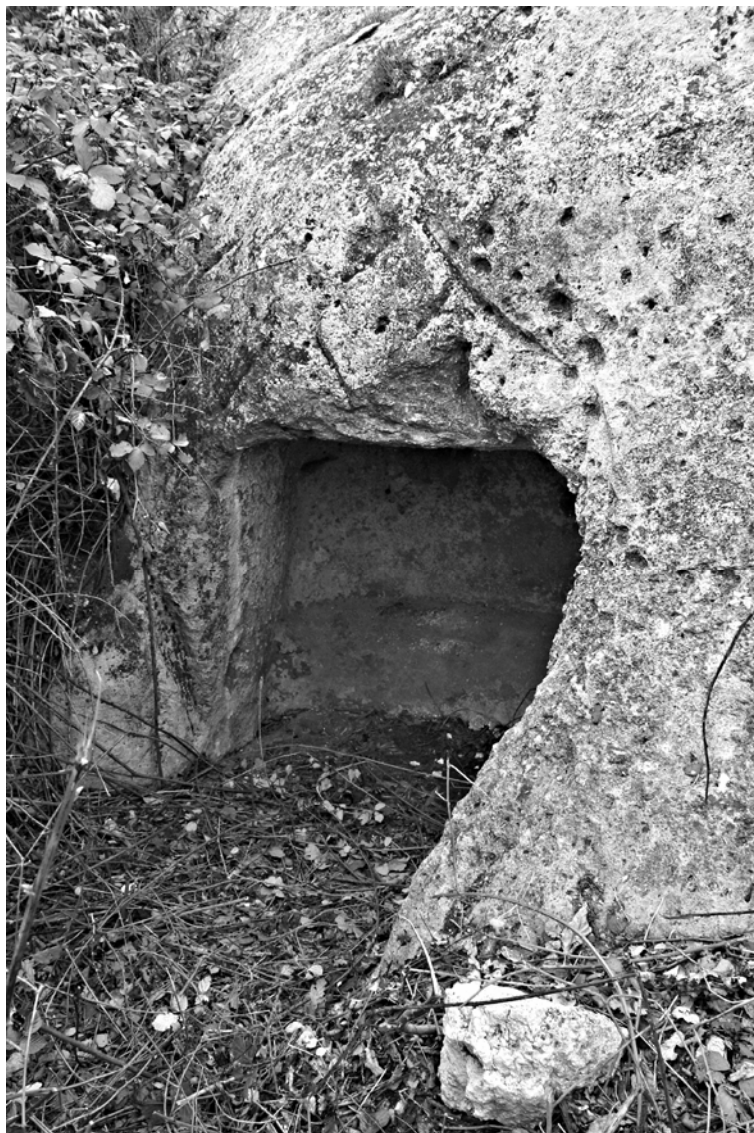

Фото 35. Помещение №4. Общий вид

Фото 36. «Лежанка» в помещении №4

Фото 37. Входной проём помещения №4

Фото 38. Декоративное оформление фасада помещения №4

Фото 39. Надгробная плита из церкви св. Джурджа (География) в Поповичах (Хорватия)
(См.: Žeravica Z., Kovačić L. Op. cit. S. 15. Tab. 6)

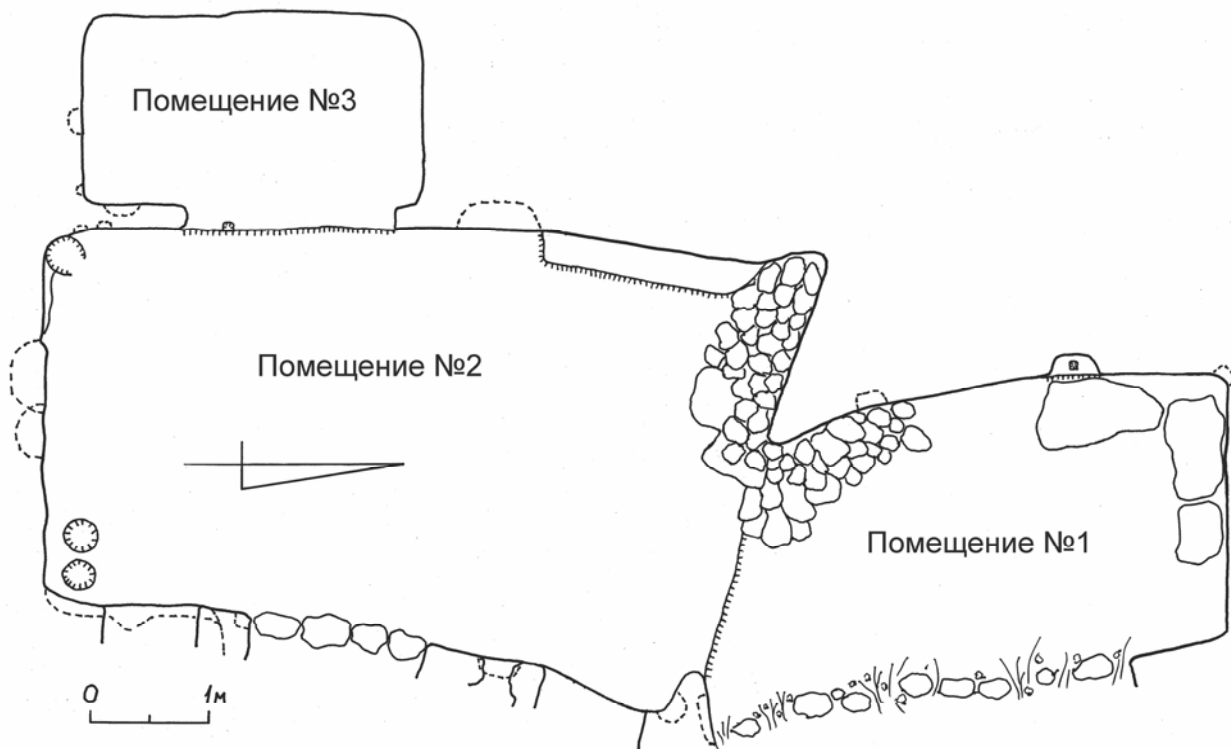

Рис.1. План пещерного комплекса в Георгиевской балке

ИСТОРИЯ

А.О. Олешкевич

К ПРОБЛЕМЕ КОЛОНИЗАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА

Колонизация побережья Боспора Киммерийского является остро дискуссионной проблемой в отечественном антиковедении. Связано это прежде всего с крайне слабым отражением в источниках истории боспорского региона VI в. до н. э. Данная работа посвящена отдельному аспекту этой проблемы – концепции так называемой внутренней колонизации Боспора. Эта идея была высказана в свое время С.А. Жебелевым, который считал, что греческие колонисты ограничились основанием единичных колоний в боспорском регионе, к которым он относил Пантикапей, Феодосию, Фанагорию, Гермонассу и Кепы, то есть те города, сведения о метрополиях которых содержит античная традиция [1]. Остальные же поселения ученый отнес к следствию вторичной, внутренней колонизации района, осуществлявшейся под эгидой пантикапейских властителей, отказывая им в отличие от первопоселенцев в полисном статусе [2]. В новейшее время концепция С.А. Жебелева была критически разобрана, переосмыслена и развита в работах Ю. А. Виноградова [3] и Е.А. Молева [4], которые и хотелось бы рассмотреть подробнее.

Ю.А. Виноградов выделил три группы источников, позволяющих говорить о наличии у ранних боспорских городов полисной структуры или ее отсутствии – данные античной традиции о метрополиях отдельных городов, эпиграфические материалы, содержащие демотикон, и нумизматические материалы. Совокупность этих источников позволила исследователю добавить к пяти апойкиям, выделенным С.А. Жебелевым, Нимфей [5], а также Горгиппию (Синдскую гавань) [6]. Остальные же греческие поселения Боспора он связал с колонизационной деятельностью первоначальных апойкий. На Керченском полуострове Виноградов выделил таким образом лишь два самостоятельных полиса – Пантикапейский, в состав которого вошли поселения

северо-восточной части полуострова, и Нимфейский, распространивший влияние на его юго-восточную часть [7].

Считаю возможным выразить свое несогласие с подобным видением ситуации. Слабая сторона аргументации Виноградова состоит в выборе им ограниченного комплекса источников по данной проблеме, полное игнорирование им археологических данных, которые могут являться порой единственным источником информации относительно хронологии основания и развития того или иного поселения. Стоит отметить, что источники, подобранные исследователем, относятся к более поздним временам, отстоящим от эпохи боспорской колонизации порой на столетия. Так, наиболее ранние эпиграфические и письменные свидетельства относятся к IV в. до н. э. Античная письменная традиция могла и не сохранить свидетельства относительно основания небольших боспорских полисов, учитывая их малую роль в истории государства, внимание же античных авторов было приковано к более крупным полисам, вокруг которых разворачивались драматические перипетии боспорской жизни, или городам, обладающим удобными гаванями и экономическим потенциалом в области морского транзита (последнее было свойственно авторам периплов). Тем не менее, сведения о ранних апойкиях и их метрополиях, донесенные письменными источниками, являются важнейшими в признании за ними полисного статуса.

Менее важным источником следует признать наличие или отсутствие демотикона гражданина того или иного города. Учитывая единичность их упоминания даже для боспорской столицы, стоит ли говорить о распространении подобных источников для малых городов Боспора? В этой связи Виноградов отмечает, что в эпиграфических документах отсутствует даже демотикон второй боспорской столицы – Фанагории,

хотя и засвидетельствованный в письменной традиции [8]. Примечательно, что Виноградов умалчивает об эпитафии Исократу ахиллийцу из Тамани (КБН. 1059) V-IV вв. до н. э. и надписи храмового стола III в. н. э. о сооружении «отчизной китейцев» храма безымянному «богу гремящему» (КБН. 942). Таким образом, следуя логике Виноградова, азиатский Ахиллий и европейский Китей также следует отнести к боспорским полисам. Возможность выхода демотикона из употребления и формирования общепоспорского гражданства [9] говорит о ненадежности его использования в качестве источника по определению полисного статуса боспорских городов.

Нумизматический материал является важным источником для определения положения боспорских городов. Чеканка городской монеты Пантикапеем, Феодосией, Нимфеем и Фанагорией представляется бесспорным доказательством их независимости и самостоятельности. Однако отсутствие собственной монеты у других боспорских городов вовсе не говорит об их подчиненном положении. Чеканка монеты в данном случае может свидетельствовать прежде всего о более развитой экономике данных полисов по сравнению с соседями, и прежде всего об экономическом росте Пантикапея, которому принадлежит самая ранняя монетная серия в регионе, датируемая В.А. Анохиным 540–530 гг. до н. э. [10].

Именно лидирующее положение Пантикапея, его роль в создании боспорского объединения и дальнейшее столичное положение, на наш взгляд, и способствовали созданию статуса Пантикапея как метрополии боспорских городов, приданию ему образа колонизатора в боспорском регионе. А подобная модернизация истории представляется недопустимой. Так, Е.А. Молев, ссылаясь на свидетельства весьма поздних источников – Страбона, где он говорит о том, что пантикапейская земля простиралась вплоть до Акры (Strab. XI, 2, 8), и Аммиана Марцеллина, который называет Пантикапей «метрополией всех милетских поселений Боспора» (Am. Marc. XXII, 8, 26), приходит к выводу о том, что такие небольшие города, как Тиритака, Мирмекий и Корокондама были основаны при участии пантикапейцев [11]. Подобная

интерпретация весьма сомнительна, если учесть значительную хронологическую отдаленность самих источников от VI в. до н. э., так и их содержание. Необходимо заметить, что Страбон в данном пассаже, по-видимому, отражает положение вещей, характерное для его времени, что весьма согласуется с привилегированным положением Пантикапея, но уже в период существования Боспорской державы. Если же экстраполировать это сообщение на эпоху колонизации, то придется признать, что не только «малые» боспорские города были колониями Пантикапея, но и город Нимфей, что не согласовывается с другими источниками. Сообщение же Аммиана Марцеллина парадоксально по своей сути, так как боспорские поселения названы им «милетскими», но в то же время Пантикапей выступает их метрополией. Видимо, в данной связи стоит отождествлять слово «метрополия» с понятием «столица», не склоняясь к буквальной интерпретации.

Попытки проследить отражение ранней внутрибоспорской колонизации в античной традиции приводят Е.А. Молева к сообщениям Псевдо-Скимна об основании Синдской гавани «эллинами, пришедшими из ближайших местностей» (Ps.-Skymn. 888), и азиатского Киммерия – боспорскими тиранами (Ps.-Skymn. 896-899), которые, по мнению исследователя, и являются доказательствами ее существования [12]. Не подвергая сомнению правдивость данных сведений, стоит отметить, что отражают они, видимо, действительно события внутренней колонизации Боспора, проходившей, однако, в более позднее время, скорее всего, под эгидой правящих боспорских династий. О прямом участии в колонизации Киммерия последних прямо говорится в источнике. Так как античная традиция не знает никаких боспорских тиранов доархеанактидовского периода, то речь об этом этапе колонизации можно вести лишь с 480 г. до н. э., а скорее всего – гораздо позже, учитывая сложную обстановку на Боспоре этого времени. Нахождение на поселении слоев конца VI в. до н. э. может означать, что Псевдо-Скимн говорит не о первоначальном основании колонии, а о выводе в уже существующую апойкию группы дополнительных переселенцев – эпойков. Ситуация с Синдской гаванью

была во многом аналогичной, по крайней мере, сообщение Псевдо-Скимна позволило в свое время Е.М. Алексеевой отнести это событие к IV в. до н. э. и связать с основанием Горгииппии на месте старой апойкии [13].

Е.А. Молев сделал даже предположение о том, что Пантикапей практически сразу после своего основания (на рубеже VII – VI вв. до н. э.) выводит отдаленную апойкию в Северо-Восточное Приазовье – Таганрогское поселение, которое было основано «с разведывательными целями» [14]. Исследования В.П. Копыловым комплекса источников, прежде всего керамического материала, позволили отнести возникновение Таганрогского поселения к третьей четверти VII в. до н. э. и предположить, что метрополией этой апойкии был Милет [15]. Не вдаваясь в споры о метрополии данного поселения, можно сделать вывод о том, что Пантикапей, даже принимая ранний рубеж его возникновения, к которому склоняется Е.А. Молев, – конец VII в. до н. э., не мог участвовать в образовании данного населенного пункта. Проникновение боспорских греков в Северо-Восточное Приазовье действительно зафиксировано, но относится оно уже к более поздней эпохе – ко второй половине IV в. до н. э. [16].

Теперь стоит обратиться к хронологии возникновения поселений европейского Боспора, которая может прояснить процесс возникновения отдельных апойкий, и здесь данные археологии будут являться для нас единственным источником. Традиционно считалось, что первым в Северо-Восточном Причерноморье появился Пантикапей, а время его основания относилось к концу VII в. до н. э. [17]. Но, как мы заметили выше, в Приазовье возникает более ранняя колония. Новейшие археологические данные позволяют пересмотреть и датировку возникновения будущей боспорской столицы относительно других поселений региона. Сейчас можно говорить о практически единовременном основании Пантикапея, Нимфея, Феодосии, Мирмекия, Тиритаки на рубеже первой-второй четверти VI в. до н. э. [18], несколько позже возникает Порфмий [19]. Таким образом, существенных хронологических разрывов между возникновением

этих апойкий не наблюдается. Их расположение на побережье удобных бухт, естественных возвышенностях, близ источников пресной воды, рядом с плодородными равнинами свидетельствует о типологическом единстве данных поселений и условий, которые выбирали первые колонисты. Особенности раннего домостроительства этих населенных пунктов также подтверждают их схожесть – на раннем строительном этапе подавляющее большинство боспорских городов было застроено землянками и полуземлянками, в которых жили колонисты [20]. В этом отношении многие боспорские города VI в. до н. э. представляли из себя небольшие поселки, застроенные примитивными жилищами, с небольшим населением. Даже Пантикапей до последней трети VI в. до н. э. ничем от них не отличался, и его трудно было назвать городом, ибо наземное строительство в нем начинается только в этот период [21]. Возникает закономерный вопрос – мог ли столь незначительный полис в первые годы и десятилетия своего существования развить столь широкую колониционную политику, причем на территории не только близлежащих земель, но и таманского побережья (в случае с Корокондамой), и Северо-Восточного Приазовья (Таганрогское поселение), как это представляется Е.А. Молеву? Ответ может быть только отрицательным. Еще С.А. Жебелев в свое время, оспаривая мнение М.И. Ростовцева о том, что милетяне основали многочисленные колонии на европейском берегу Боспора, утверждал, что у Милета вряд ли бы хватило людских ресурсов для этого [22]. Тем менее вероятно наличие этих ресурсов у раннего Пантикапея.

Примечательно, что Е.А. Молев не выделяет причин, которые бы могли подвинуть Пантикапей на столь экстраординарные меры, как выведение ряда собственных колоний, но их приводит Ю.А. Виноградов. По его мнению, выведение Пантикапеем серии аграрных городков было видом освоения им хоры европейского Боспора. Выбор именно подобного типа поселений был связан с опасностью, исходившей от кочевавших через Керченский пролив скифов, так как крупные поселения, расположенные на берегу пролива в местах, удобных для

обороны, на небольшом расстоянии друг от друга были более жизнестойкими, чем выдвинутые в степь деревни. Вновь прибывающих колонистов, как считает Виноградов, Пантикапей направлял в эти пункты [23]. Концепция Виноградова имеет ряд слабых мест. Во-первых, как уже было указано, под категорию «аграрного городка» в этот период попадает и сам Пантикапей, мало чем отличаясь от других боспорских поселений. К тому же необходимо учитывать своеобразие античного города, который всегда являлся поселением аграрным, основу благополучия и гарантию самого существования которого представляло сельское хозяйство. Во-вторых, исследователь в своей концепции явно преувеличил фактор внешней опасности. Ситуация в регионе в первой половине VI в. до н. э., то есть во время возникновения первых апойкий, была стабильной, о чем свидетельствует сам факт их существования. Положение, видимо, меняется к началу последней трети VI в. до н. э., когда фиксируются разрушения и следы пожаров на ряде боспорских городов, что, видимо, можно связать с вторжением новой орды номадов из степей Северного Причерноморья. Однако данный эпизодический момент вовсе не стоит абсолютизировать и переносить на все столетие. Действительно, в Мирмекии и Порфмии засвидетельствованы остатки древнейших фортификационных сооружений во всем Северном Причерноморье, относящиеся ко второй половине VI в. до н. э. [24], но их постройка еще не является следствием общей внешнеполитической напряженности, а может означать и следование ими общегреческой колонизационной практике, когда во вновь созданном поселении сооружались укрепления [25]. Интересно, что в самом Пантикапее столь древних оборонительных стен не обнаружено. Если исходить из признания постоянной военной напряженности в боспорском регионе в VI в. до н. э., то крайне странными выглядят попытки укрепления Пантикапеем своих поселений дальней хоры, растраты им собственных воинских и рабочих резервов в ущерб нуждам полиса. Учитывая достаточно небольшой контингент первопоселенцев, логичнее было бы не распылать собственные силы и средства, а

сосредоточить их в одном месте перед лицом внешней угрозы. В-третьих, возникает вопрос о целесообразности освоения дальней хоры Пантикапеем на столь раннем этапе. Археологическое изучение хоры городов европейского побережья Боспора Киммерийского позволяет говорить, что на раннем этапе их существования (вторая-третья четверть VI вв. до н. э.) боспорские эллины ограничивались обработкой близлежащих земель без каких-либо долговременных построек на хоре, что, по-видимому, было связано с адаптацией их к местным условиям. Ко второму этапу освоения хоры В.Н. Зинько относит период с последней четверти VI – первую четверть V вв. до н. э., который характеризуется увеличением хоры и возникновением первых небольших сельских поселений [26]. По мнению Зинько, численность колонистов изначально не превышала одну-две сотни семей [27], поэтому вряд ли стоит говорить о проблеме стенохории на Боспоре в ранний период существования апойкий, которые обходились распашкой прилегающих плодородных равнин, не сталкиваясь с интересами друга в спорах о земле.

Таким образом, древнейшие поселения европейского Боспора, такие как Пантикапей, Феодосия, Нимфей, Мирмекий, Тиритака и Порфмий можно признать апойкиями, то есть выселками метрополий Эллады. Соглашаясь с Е.А. Молевым, который утверждал о том, что все основанные эллинами поселения должны были иметь форму полисной организации, а других форм государственного устройства Эллада в то время не знала [28], следует отнести это и ко всем вышеперечисленным городам.

Стоит обратить также внимание и на другие, более поздние памятники европейского Боспора. Условно их можно объединить в две группы: поселения северо-восточной части Керченского полуострова в Приазовье и причерноморские поселения юго-восточной части полуострова. В Приазовье А. А. Масленников выделил два древнейших поселения, начало существования которых датируется рубежом VI – V вв. до н. э. – Чокракский Родник и Зенонов Херсонес, которые, по его предположению, могли быть самостоятельными, со своей небольшой

хорой первопоселениями очередной волны греческих колонистов [29]. Также к этой группе Масленников отнес и поселение на г. Опук (Киммерик) на побережье Черного моря, в чем его поддержал В. Н. Зинько [30]. В юго-восточной части Керченского полуострова выделяются три поселения, которые также можно датировать рубежом VI – V вв. до н. э. – Киммерик, Китей и Акра [31]. Их основание некоторые исследователи связывают с широкой колонизационной деятельностью ионийских метрополий и считают невозможным отнесение их к хоре Нимфея, поселения которой тяготели к самому городу, не удаляясь от него далее 5 километров [32]. Если принять вполне обоснованную версию о наличии так называемой «третьей колонизационной волны», вызванной поражением ионийского восстания против персов [33], то азовскую и черноморскую группы поселений вполне можно признать самостоятельными ионийскими апойкиями, тем более что время их возникновения с указанным событием совпадает.

Таким образом, можно признать, что эллинская колонизация Боспора не ограничилась основанием единичных апойкий, а нашла распространение во множестве независимых полисов, в чем и заключается ее феноменальность для всего Северного Причерноморья. Мы ограничились характеристикой лишь европейского Боспора, но во многом сходную картину можно наблюдать и в его азиатской части. Причин такого явления, на наш взгляд, несколько. Во-первых, Боспор Киммерийский был колонизирован несколькими эллинскими метрополиями. Вполне возможно, что проживание на достаточно ограниченной территории различных этнических и гражданских коллективов способствовало возникновению между ними определенных антагонизмов, следствием которых было нежелание отдельных групп проживать в одном полисе. Во-вторых, греческая колонизационная практика показывает, что существовала определенная система неравенства между первопоселенцами и вновь прибывающими группами колонистов – эпойками. Заклучалась она в распределении земельных наделов в пользу первых и ущемлении гражданских прав последних [34]. Вряд ли приходится

говорить о стенохории на ранних этапах развития полисов, здесь подразумевается, что эпойки получали худшие наделы по сравнению с первопоселенцами и их потомками, следствием чего являлись невозможность получения ими высших магистратур и ограничения в правах. Некоторые группы вновь прибывающих переселенцев, возможно, не желали мириться с подобным положением вещей и терять привилегии, которыми были наделены в метрополии, поэтому основывали новые апойки на территориях, не попавших под юрисдикцию первых полисов.

Примечания

1. Жебелев С.А. Возникновение Боспорского государства // Северное Причерноморье. М. – Л., 1953. С. 64.
2. Жебелев С.А. Образование Боспорского царства // Северное Причерноморье. М. – Л., 1953. С. 160.
3. Виноградов Ю.А. К проблеме полисов в районе Боспора Киммерийского // Античный мир и археология. Саратов, 1993. Вып. 9. С. 79–96; Он же. Некоторые дискуссионные проблемы колонизации Боспора Киммерийского // ВДИ. 1995. № 3. С. 152–160.
4. Молев Е.А. Политическая история Боспора в VI – IV вв. до н. э. Н. Новгород. 1997. С. 5–23.
5. Виноградов Ю.А. К проблеме полисов... С. 86.
6. Он же. К проблеме становления древнегреческих городов в районе Боспора Киммерийского // ΣΙΣΣΙΤΙΑ. СПб., 2000. С. 228.
7. Он же. Некоторые дискуссионные... С. 154.
8. Он же. К проблеме полисов... С. 84.
9. Завойкин А.А. Боспор: территориальное государство и полис // Боспорский феномен. СПб., 2001. Ч. I. С. 24.
10. Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 17.
11. Молев Е.А. Политическая история... С. 6.
12. Там же. С. 7.
13. Алексеева Е.М. К изучению сельских поселений вокруг Горгиппии // Горгиппия. Краснодар, 1980. Т. I. С. 18.
14. Молев Е.А. Политическая история... С. 5.
15. Копылов В.П. Таганрогское поселение в системе раннегреческих колоний Северного Причерноморья // ВДИ. 1999. № 4. С. 174.
16. Марченко К.К. Греческие поселения в Северо-Восточном Приазовье // Боспорский феномен. СПб., 1999. С. 233.
17. Блаватский В.Д. Пантикапей. М., 1964. С. 23.
18. Бутягин А.М. Колонизация Боспора Киммерийского // Проблемы изучения античной

- археологии Северного Причерноморья. СПб., 2005. С. 81.
19. *Вахтина М.Ю.* Порфмий – укрепленное поселение греков у переправы через Киммерийский Боспор // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2008. С. 51.
20. *Бутягин А.М.* Особенности домостроительства архаического Боспора // Боспорский феномен. СПб., 1999. С. 112.
21. *Толстиков В.П.* Пантикапей – столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 62.
22. *Жебелев С.А.* Возникновение Боспорского государства. С. 69.
23. *Виноградов Ю.А.* Некоторые дискуссионные... С. 156.
24. *Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А.* Еще раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского // Боспорский феномен. СПб., 2001. Ч. I. С. 42–44.
25. *Яйленко В.П.* Древнегреческая колониционная практика // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979. С. 69.
26. *Зинько В.Н.* Хора городов европейского побережья Боспора Киммерийского // Боспорские исследования. Симферополь – Керчь, 2007. Вып. XV. С. 61.
27. Там же. С. 42.
28. *Молев Е.А.* Политическая история... С. 9.
29. *Масленников А.А.* Эллинская хора на краю Ойкумены. М., 1998. С. 42.
30. *Зинько В.Н.* Хора городов... С. 60.
31. *Молев Е.А.* Основные этапы истории Китея // Таманская старина. СПб., 2000. Вып. 3. С. 42; *Куликов А.В.* О хронологии культурных слоев античного городища Акра // Боспорский феномен. СПб., 2004. Ч. I. С. 161-162.
32. *Куликов А.В., Столяренко П.Г.* О начальных этапах истории городов юго-востока Европейского Боспора – Киммерик, Китей, Акра // Иресиона. Античный мир и его наследие. Белгород, 2006. Вып. 3. С. 48.
33. *Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д.* Греческая колонизация Боспора // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 24.
34. *Яйленко В.П.* Древнегреческая колониционная... С. 70.

М.М. Чореф

ИЗОБРАЖЕНИЯ ИМПЕРАТОРОВ ДИНАСТИИ ЮЛИЕВ–КЛАВДИЕВ НА ЗОЛОТЕ, СЕРЕБРЕ И МЕДИ ХЕРСОНЕССКОГО ЧЕКАНА

Античные монеты, как правило, изготавливали на высоком художественном уровне. Во всяком случае, определимы практически все элементы их оформления, что, в свою очередь, делает возможным и датировку. Т.е. достаточно объяснить появление и истолковать изображения, расшифровать буквенные обозначения, если они, конечно, присутствуют, и полученное в результате этого определение можно смело выносить на научное обсуждение. Именно так ныне принято атрибутировать монеты античных государств. Причем эллинистические и римские выпуски чаще всего определяют по портретам правителей – важнейшим элементам оформления. Такой метод исследования нумизматического материала называют иконографическим. Применим он и для датирования денежных выпусков государств Северного Причерноморья, в частности, Херсонеса Таврического. По крайней мере, его использовали уже первые исследователи монетного дела этого города. Так, еще Г.К.Э. Кёллер предположил, что на лицевых сторонах двух разновидностей бронз Херсонеса: с венком и с Никой на реверсе (Рис. 3,2; 4,2) были помещены бюсты Марка Антония [1] и Гая Октавия Цезаря Августа (30 г. до н.э. – 14 г. н.э.) [2]. А на предположительно херсонесских монетах с портретами на обеих сторонах [3] ученый определил изображения Гая Юлия Цезаря и его вышеупомянутого приемного сына [4]. По мнению нумизмата, на аверсе остальных вариаций денег городского чекана помещали фигуры Аполлона, Артемиды, Асклепия, Афины Паллады, Афродиты, Геракла, Зевса, а так же Пана [5]. Причем изображения первого из перечисленных божеств Г.К.Э. Кёллер видел на меди крупнейшего номинала времен элевтерии [6].

Заметим, что нумизмат не столько выдвигал собственные гипотезы, сколько развивал, обосновывал или опровергал постулаты своих предшественников. Дело в том, что если изображения вышеперечисленных божеств различали практически все исследователи денежного дела Херсонеса [7], то М. Миллин описал еще и монеты Луция Элия Аврелия Коммода (181–193 г. н.э.), Луция Септимия Севера Пертинакса (193–211 г. н.э.) и Марка Аврелия Антонина Севера Александра (222–

235 г. н.э.) [8], а Т.Е. Мионне и Д. Сестини издали бронзы Бруттии Криспины и Фурии Сабинии Транквиллины [9], чеканенные, по их мнению, в этом же городе. Но Г.К.Э. Кёллер не согласился с их определениями. Дело в том, что нумизмат не заметил явного сходства мужских и женских бюстов, размещенных на аверсах херсонесских бронз с хорошо известными изображениями вышеперечисленных императоров и членов их семей. Как видим, Г.К.Э. Кёллер первый занялся научной критикой гипотез, выдвинутых к тому времени исследователями монетного дела Херсонеса. Именно это обстоятельство, с нашей точки зрения, и стало его важнейшей научной заслугой. Считаем, что величайшим достижением Г.К.Э. Кёллера стало создание и обоснование критического метода изучения нумизматического материала. Причем следует признать, что ему удалось доказать ошибочность ряда общепринятых на тот момент гипотез. К примеру, одной из самых известных разновидностей монет Херсонеса является крупная медь с квадригой на аверсе. На ее оборотной стороне оттискивали фигуру коленопреклоненного обнаженного воина, которую в начале XIX в. считали изображением Ахилла [10]. Однако Г.К.Э. Кёллер заметил, что у мужчины хорошо видна борода, которой явно не могло быть у погибшего молодым героя. А так как на голове у воина был коринфский шлем, то исследователь, развивая свою гипотезу, предположил, что на заинтересовавших его монетах могли выбить фигуру Одиссея, которого обычно изображали в таком головном уборе [11]. Отметим, что преемники Г.К.Э. Кёллера, используя разработанный им метод, не раз выдвигали новые датировки монет этого типа. Ныне, после выхода трудов В.А. Анохина, принято считать, что обнаженный коленопреклоненный воин появился на дихалках Херсонеса, выпущенных в 350–330 г. до н.э. [12].

Считаем, что приведенная нами история атрибуции только одной разновидности монет чекана Херсонеса достаточно показательна. За почти двухвековой период исследования денежного дела этого города было выработано множество противоречивых теорий. Причем большинство таких гипотез, сформулированных в конце XVIII – начале XIX вв. оказались

либо ошибочными, либо так и остались недоказуемыми. В любом случае, их создатели никаких убедительных доказательств так и не выдвинули. Можно сказать, что первых исследователей монетного дела Херсона логический аппарат вовсе не интересовал. Как правило, они, разрабатывая свои гипотезы, основывались на весьма спорном и субъективном сходстве изображений с известными им античными памятниками.

Впрочем, эти исследователи обращали внимание не только на изображения. Они пытались разбирать и надписи. Однако, даже выделив в этих текстах буквосочетание «CER», трактуемое ими как сокращение названия города *Cers3nhso-*, (*новоатт. Cerr3nhso-*) – «Херсонес», или как первый слог демотикона *Cersonhsit^n* – «херсонеситы», они и не пытались объяснить наличие в монетных легендах «лишних» символов. Как правило, ученые того времени не анализировали даты и монограммы. А если они и разбирали лигатуры, то делали это без системы, не ставя перед собой цели выработать общее правило прочтения.

Такое положение в нумизматике Херсонеса наблюдалось до выхода в свет монографий Б.В. Кёне, составившего первый систематизированный каталог монет Херсонеса. Дело в том, что этот историк, учитывая все известные ему факты, подошел к вопросу атрибуции нумизматического материала намного осторожнее, чем его предшественники. Б.В. Кёне считал, что монеты Херсонеса и при римлянах «сохраняют свой древний тип» [13], т.е. продолжают оформляться в том же стиле, что и в период независимости. Правда, он соглашался с точкой зрения Г.К.Э. Кёллера и его предшественников о возможности городских эмиссий от имен римских императоров. Но все же Б.В. Кёне подверг ревизии и некоторые гипотезы, разработанные этими исследователями. Ученый, заново изучив нумизматический материал, заключил, что на аверсе монет, изданных Г.К.Э. Кёллером, (Рис. 3,2; 4,2) были изображены не Марк Антоний, а Тит Флавий Домициан (81–96 гг. н.э.) и не Гай Октавий Цезарь Август, а Марк Ульпий Нерва Траян (98–117 гг. н.э.). Б.В. Кёне настаивал на том, что низкий художественный уровень оформления этих бронз не соответствовал высоким стандартам начала императорской эпохи. Да и мужчины, изображенные на их аверсах, по мнению ученого, были больше похожи на правителей конца I – начала II вв. н.э., чем на Божественного Юлия и его приемного сына. Историк считал, что только при последнем Флавии и при его преемниках мог уже наблюдаться

столь заметный упадок культуры [14]. Но по вопросу атрибуции изображения молодого мужчины в лавровом венке на лицевой стороне элевтерийных медных монет крупнейшего номинала у него новых предположений не возникло. Б.В. Кёне на них видел изображение Аполлона [15]. Поддержал он и атрибуцию медной монеты с изображениями голов мужчин на аверсе и реверсе. Б.В. Кёне, как и его предшественник Г.К.Э. Кёллер, был уверен в том, что на ней были оттиснуты портреты Гая Юлия Цезаря и Гая Октавия Цезаря Августа [16]. В то же время ученый опроверг и некоторые гипотезы нумизматов конца XVIII – начала XIX вв., принятых в свое время Г.К.Э. Кёллером на веру. В частности, он не нашел оснований для отнесения трех разновидностей херсонесских монет к эмиссиям от имени Луция Элия Аврелия Коммода, Бруттии Криспины и Фурии Сабинии Транквиллины [17].

Таким образом, уже к середине XIX в. были сформулированы основные постулаты, ставшие отправной точкой для всех позднейших исследователей нумизматики Херсонеса. Со времен Б.В. Кёне принято считать, что на монетах этого города, как правило, размещали только изображения богов и их священные символы, в том числе животных и птиц. Только в римскую эпоху на деньгах херсонесского чекана появились стилизованные изображения императоров. Однако низкий уровень художественного мастерства местных монетариев, по мнению большинства нумизматов второй – третьей четвертей XIX в., как правило, не давал возможности уверенно атрибутировать эти важнейшие элементы оформления.

Можно сказать, что глубокая теоретическая проработка нумизматического материала, проведенная Б.В. Кёне, позволила продолжить исследование монетного дела Херсонеса на научной основе. Вследствие этого во второй половине позапрошлого столетия изучение памятников денежного обращения античной Таврики значительно активизировалось. Исследователи, работавшие в тот период, не только вводили в научный оборот новый нумизматический материал, но и стремились ревизовать предположения своих предшественников. К примеру, П.О. Бурачков попытался обоснованно опровергнуть гипотезу Г.К.Э. Кёллера и Б.В. Кёне о принадлежности к чекану Херсонеса медной монеты с портретами мужчин на обеих сторонах. Исследователь обратил внимание на тот факт, что на ней нет монограмм, наличие которых в его время считалось отличительным признаком большинства эмиссий этого

таврического полиса [18]. А так как тогда полагали, что выпуск элевтерийных серий в Херсонесе начался только при Тите Флавии Домициане [19], то нумизмат смело опроверг предположения Г.К.Э. Кёллера и Б.В. Кёне. Учитывая вышеперечисленные обстоятельства, он не считал возможным отнести заинтересовавшую его монету к выпускам Херсонеса [20]. Так же П.О. Бурачков пересмотрел атрибуции монет, выделенных его предшественниками в эмиссии от имени римских императоров I в. н.э. По его мнению, на меди этих разновидностей не было никаких обозначений, позволяющих установить личность изображенных. Нумизмат предположил, что на них были оттиснуты бюсты пока еще «неизвестных лиц» [21]. П.О. Бурачков занимался и золотом херсонесского чекана. Он предположил, что на аверсах статеров этого города выбивали изображение Аполлона [22]. Однако на лицевых сторонах крупнейших номиналов элевтерийных бронз Херсонеса исследователь разглядел не только бюст этого бога, но и «голову» какого-то неизвестного местного женского божества [23].

Заметим, что постулаты П.О. Бураčkова в целом не получили признания в научном мире. Уже А.Л. Бертье-Делагард уделил большое внимание их проверке и опровержению. В частности, исследователь, тщательно изучив нумизматический материал, раскритиковал предложенные П.О. Бурачковым атрибуции «неясных голов». По мнению «патриарха кримоведения», монеты с ними были настолько плохой сохранности, что нельзя было и мечтать об обоснованной атрибуции изображений на их аверсе [24]. Но А.Л. Бертье-Делагард все же поддержал разработанное П.О. Бурачковым определение монеты с оттисками мужских бюстов на обеих сторонах. Он не нашел никаких оснований для отнесения ее к эмиссиям Херсонеса [25].

Можно сказать, что «патриарх кримоведения», как правило, соглашался с атрибуциями Б.В. Кёне. К примеру, он считал, что на аверсе золотых статеров [26] херсонесской чеканки помещали исключительно изображение Аполлона [27]. Лишь иногда А.Л. Бертье-Делагард принимал сторону П.О. Бураčkова.

Новый этап исследования монетного дела Херсонеса был связан с научной деятельностью выдающегося российского нумизмата А.В. Орешникова. Этот период стал, по сути, важнейшей эпохой в изучении монетного дела города. Бесспорная историческая значимость работ А.В. Орешникова требует от нас внимательного анализа его научного наследия. Дело в том, что за десятилетия изучения монетного дела Херсонеса–Херсона его

взгляды на нумизматику этого города испытали заметную трансформацию. Так, приступая к изучению монетного дела Херсонеса, А.В. Орешников в целом соглашался с мнениями Б.В. Кёне и А.Л. Бертье-Делагарда. Тогда ученый считал, что на бронзах Херсонеса периода «второй элевтерии» выбивали изображения Аполлона [28]. Однако он все же не решался атрибутировать изображения мужчин, принятых рядом его предшественниками за портреты римских императоров [29]. Правда, позже А.В. Орешников, вслед за П.О. Бурачковым, предположил, что на аверсе монет этого города, выпущенных в I–III вв. н.э. выбивали изображения женского божества, вернее всего – Херсонас. По мнению ученого, она олицетворяла городскую общину. А.В. Орешников допускал, что на аверсе золотых и медных монет херсонесского чекана, выпущенных в период боспорского господства, могли оттискивать ее изображение, а не Аполлона [30], о культе которого в этом городе, кстати, тогда практически ничего не было известно [31]. Так же нумизмат заметил сходство мужских бюстов на лицевой стороне анонимных оболов херсонесского чекана с аналогичными изображениями на меди того же номинала, выпущенной в первой половине I в. до н.э. понтийскими эмиссионными центрами. Выявленное обстоятельство позволило ему трактовать эти знаковые элементы оформления как портреты одного из Митридатидов [32].

Убедительные и логичные гипотезы А.В. Орешникова надолго определили ход развития нумизматики Херсонеса. Они не только получили всеобщее научное признание, но и стали постулатами, на которых базировались позднейшие исследования. Так, к примеру, А.Н. Зограф не только разделил точку зрения А.В. Орешникова по вопросу об атрибуции анонимных оболов херсонесского чекана, но и, развивая гипотезы своего предшественника, предположил, что выявленные аналогии в оформлении денег Пантикапея и Херсонеса могли возникнуть в период зависимости этих государств от Понтийского царства. Ученый допустил, что их появление на таврических монетах римской эпохи свидетельствуют не столько о симмахии этих государств, сколько о подчинении Херсонеса Боспору [33]. Развивая свою гипотезу, исследователь заключил, что на лицевой стороне бронз Херсонеса с надписями $\text{E}\rho/\text{nh}\text{-Sebast}\tilde{\nu}$ – «*Мир августа*» на аверсе и с $\text{Cersonaseit}^{\wedge}\text{n}$ – «*херсонеситов*» на реверсе был помещен портрет одного из боспорских царей, вернее всего – Тиберия Юлия Рискупорида II (69–93 гг. н.э.), по его

мнению, легко узнаваемого по длинным волосам, диадеме и бороде [34]. Хотя это предположение спорно, к примеру, его автору так и не удалось убедительно объяснить сочетание на изученных им бронзах славословия в честь римских императоров и изображения клиентального царя, но сама попытка разработать правила атрибуции античного монетного портрета заслуживает всяческого уважения. Мы уверены, что методология, предложенная этим исследователем, позволяет атрибутировать любое античное изображение.

Однако для дальнейшего развития нумизматики Херсонеса оказался куда важнее тот факт, что А.Н. Зограф разделил точку зрения А. фон Заллета, предположившего, что на аверсах херсонесских статов, выпущенных при Тиберии Клавдии Друзе (41–54 гг. н.э.), могло быть оттиснуто его изображение. Дело в том, что ученые заметили явное сходство в оформлении аверса херсонесских и боспорских статов 40-х гг. н.э., на котором присутствует бесспорно определяемый портрет императора [35].

Отметим, что не все современные исследователи согласны с этими утверждениями А.Н. Зографа и А. фон Заллета. По крайней мере, В.А. Анохин и нумизматы его школы, опираясь на авторитет А.В. Орешникова, склонны трактовать изображения бородатого длинноволосого мужчины на крупной меди нач. 90-х гг. х.э. и безбородого человека на золоте 81 и 83 гг. х.э. не как портреты конкретных исторических деятелей, а как две из множества известных персонификаций Херсонас [36]. Впрочем, эти исследователи считают возможным атрибутировать таким образом практически все мужские и женские бюсты, известные на золоте и на крупнейших номиналах бронз Херсонеса I–III вв. Правда, сам В.А. Анохин выделил монеты этого города с портретами Марка Аврелия Антонина (Каракаллы) (211–217 гг. н.э.), Юлии Домны, Марка Аврелия Антонина Августа (Элагабала) (218–222 гг. н.э.), Марка Аврелия Антонина Севера Александра (222–235 гг. н.э.) и, возможно, Публия Лициния Валериана (253–260 гг. н.э.) [37], причем обрамленных все теми же надписями *Cerson/sou }ELeuqira-* – «Свободного Херсонеса» в разных сокращениях. Однако даже эти обстоятельства не подвигли его отказаться от привычной точки зрения или хотя бы проверить ее.

Уже в последние годы крымский исследователь В.А. Сидоренко попытался развить гипотезу А.Н. Зографа и А. фон Заллета. Нумизмат вынес на научное обсуждение свое

видение на определение изображений мужчин на аверсе статов Херсонеса I–II вв. [38]. Согласно его теории, все они являлись портретами одного римского императора, по мнению исследователя – Тиберия Клавдия Друза [39]. Несколько позже известный севастопольский собиратель И.В. Шонов, основываясь на этом утверждении как на постулате, счел возможным возразить А.В. Орешникову и В.А. Анохину, переопределив предположительные изображения божества Херсонас. Коллекционер практически всех их атрибутировал как портреты верховных правителей Рима [40]. К сожалению, И.В. Шонов не уточнил, изображения каких именно императоров он выявил на херсонесских монетах. Кроме того, судя по приведенным в его книге иллюстрациям, собиратель просто переиздал все золото, серебро и медь херсонесского чекана, опубликованное В.А. Анохиным, причем всецело доверяя его датировкам. Но, как нам известно, вышеупомянутый оппонент уважаемого коллекционера атрибутировал эти монеты, в основном полагаясь на результаты изучения изображений Херсонас и Девы на их аверсе и реверсе [41]. И, если И.В. Шонов счел доводы В.А. Анохина неубедительными, то ему следовало бы предварительно разработать и вынести на научное обсуждение свое видение истории денежного дела Херсонеса. Однако этого сделано не было. Следовательно, у нас нет никаких оснований принимать точку зрения И.В. Шонова, так как она, во-первых, недоказуема, а во-вторых, спорна по своей сути.

Однако мы все же считаем, что большинство упомянутых гипотез достаточно интересны. Правда, не все они должным образом аргументированы. Только А. фон Заллет, А.Н. Зограф и В.А. Сидоренко сочли необходимым тщательно обосновать свою точку зрения [42]. Их концепция чрезвычайно интересна и плодотворна, так как она заключается в поиске аналогий между изображениями людей на монетах двух активно контактирующих государств Таврики: Боспорского царства и Херсонеса. И мы с удовольствием воспользуемся этой методикой в своей работе. В то же время прочие исследователи попросту высказывали недоказуемые или спорные гипотезы, причем толком и не пытаясь их обосновать, или, что чаще, попросту сослались на авторитет своих предшественников, не удосуживаясь проверить их выводы или хотя бы сопоставить со своими заключениями. В результате этого в отрасли нумизматики, занимающейся изучением монетного дела Херсонеса

Таврического, до сих пор так и не выработана объективная точка зрения по вопросу атрибуции предположительно портретных изображений. Мы не считаем необходимым останавливаться на анализе всех перечисленных гипотез. Отметим только то, что монеты с хорошо читаемыми надписями: CERCONHCOU, CERCONHC[OU], CERCONHCCOU (*Cerson\sou*) – «Херсонеса» и CERSONASEITWN, CERSONNHSEIT[WN] (*Cersonaseit^n*) – «херсонеситов» были хорошо известны А.В. Орешникову и В.А. Анохину [43]. Бесспорно, сокращения этих слов размещали на монетах с единственной целью – для обозначения места денежной эмиссии. Кроме того, хорошо известное буквосочетание «CER», представляющее собой сокращение или названия города *Cers3nhso~*, *новоамт. Cerr3nhso~*, или демотикона *Cersonhsit^h*, однозначно трактуемое В.А. Анохиным как имя божества Херсонас, не могло им являться, так как на самом деле такой богини не было. Судя по результатам эпиграфических исследований, херсонеситы почитали Деву Херсонассу [44]. Заметим, что буквосочетание «CER» в любом случае не могло быть первыми буквами имени божества. Дело в том, что оно известно на всех монетах этого города. Причем аббревиатура «CER» сопровождала не только изображения мужчин и женщин, а так же хорошо узнаваемых богов и богинь и их священных символов, но и животных или птиц, к примеру, быков и орлов [45]. Следовательно, нам не остается ничего другого, как предполагать, что т.н. Херсонас могла почитаться в образе мужчины, женщины, а так же всех иных живых и неживых существ, и, в таком случае, представляла бы собой невероятный синтез всех греческих божеств, или все же отказаться от ошибочного предположения А.В. Орешникова и В.А. Анохина и согласиться с логичным априорным утверждением, согласно которому разнообразные надписи, различимые на монетах Херсонеса, содержащие «CER», представляли собой не что иное, как указания на время, место и обстоятельства денежной эмиссии.

Заметим, что не менее спорна и безусловная атрибуция всех мужских бюстов на монетах Херсонеса как изображений императоров. Дело в том, что, к примеру, практически все они, отчеканенные на золоте и меди этого города, не схожи с каноническими портретами принципсов. Причем это стало очевидным задолго до начала нашего исследования [46]. Кроме того, в Херсонесе было принято использовать один и тот же штамп аверса для формования монет разных правителей. Очевидно, что прослеживаемое

обстоятельство трудно объяснить только сложностями при изготовлении чеканов. Ведь в результате одними и теми же штампами аверса были отчеканены монеты как низложенных, так и сменивших их императоров. К примеру, по данным В.А. Сидоренко, одним чеканом были выбиты золотые Тита Флавия Домициана, Марка Кокция Нервы (96–98 гг. н.э.) и Марка Ульпия Нервы Траяна [47]. Очевидно, что помещение на аверсе монеты, выпускавшейся, кстати, исключительно по разрешению римских властей, портрета низложенного императора при отсутствии какого-либо упоминания о правящем должно было быть воспринято в то время как явное свидетельство нелояльности. Откровенно скажем, что такое явление было даже теоретически невозможно. И, действительно, монетные мастера периодически меняли штемпели лицевых сторон. К сожалению, причины этих модификаций нам не известны. Объяснить их исключительно тривиальным износом чеканов не удастся. Очевидно только то, что на аверсе переизданных В.А. Сидоренко статов конца I – начала II вв. н.э., приписываемых им к эмиссиям одних и тех же правителей, часто просматриваются портреты разных мужчин. К примеру, чеканами с несхожими изображениями императора были отчеканены лицевые стороны статов Тита Флавия Домициана [48], Марка Ульпия Нервы Траяна [49], а так же Публия Элия Траяна Адриана (117–138 гг. н.э.) [50]. Причем ни одно из них не схоже с выделенным А. фон Заллетом, А.Н. Зографом и В.А. Сидоренко портретом Тиберия Клавдия Друза. Только на части монет римского Херсонеса были размещены бесспорно узнаваемые изображения правителей. Да и на аверсе нескольких разновидностей бронз того периода были выбиты пока не атрибутированные женские бюсты. Обо всех них мы постараемся написать в свое время. Но на данный момент считаем возможным только полагать, что на аверсе большей части золота и меди херсонесского чекана I–III вв. н.э. были отчеканены пока не идентифицированные изображения мужчин и женщин. Таким образом, мы вынуждены оставить вопрос атрибуции портретов на большинстве разновидностей монет этого полиса все еще открытым. Бесспорно, что наличие обозначений даты по х.э. позволяет нам датировать как медь, так и золото чекана Херсонеса правлениями римских цезарей. Но у нас пока нет никаких оснований относить все эти выпуски, поступившие в обращение в I–III вв. н.э. к императорским эмиссиям, так как большинство разновидностей мужских и

женских бюстов, размещенных на их аверсе, так и не удалось атрибутировать.

Как видим, за последние двести лет мы практически не продвинулись по пути изучения нумизматики Херсонеса второй половины I – первой половины III вв. н.э. Считаю эту задачу кардинально важной и планирую заняться ее разрешением в ближайшем будущем.

Основной причиной столь плачевного положения нумизматики Херсонеса, как нам кажется, является слабое знакомство многих исследователей с общим курсом истории Древнего Рима. К примеру, большинство современных нумизматов склонны трактовать слабо изогнутую линию, просматривающуюся на всех вариациях аверса херсонесских золотых первой половины I в. н.э. и на лицевых сторонах ряда ранних разновидностей его медных монет, как изображение змеи. Мы не можем согласиться с этой точкой зрения. Начнем с того, что отсутствие заметных витков в основной части этой фигуры не дает нам оснований атрибутировать ее подобным образом. Кроме того, на аверсах римских столичных и провинциальных монет неизвестны изображения пресмыкающихся рядом с портретами императоров. Зато на золоте и серебре ранней империи регулярно помещали хорошо узнаваемые культовые символы, весьма схожие с ними по очертаниям. Самым распространенным из них являлся литуус – ритуальный жезл авгура. Судя по хорошо известным изображениям, он был слабо изогнут в основной части. Только его навершие было закручено в спираль. Мы знаем, что принадлежностью к этой жреческой коллегии на рубеже н.э. чрезвычайно дорожили. В качестве примера приведем цитату из биографии Гая Цезаря Германика (Калигулы), взятую нами из «Жизни двенадцати цезарей» Гая Светония Транквилла. Историк писал, что: «*Deinde augur in locum fratris fui Drusi destinatus, prius quam inauguraretur, ad pontificatum traductus est, insigni testimonio pietatis, atque indolis: cum deserta, desolataque reliquis subsidii aula...*» [51] – «*Затем он был назначен авгуром на место своего брата Друза, но еще до посвящения возведен в сан понтифика. Это было важным знаком признания его родственными чувствами и душевными задатками, так как Двор (прим. М.Ч. – династия Тиберия) уже лишен был всякой иной опоры...*». Как известно, все императоры из дома Юлиев–Клавдиев были авгурами. И, с нашей точки зрения, совершенно естественно, что изображения литуусов выбивали при них как на римских столичных, так и на провинциальных монетах.

Кстати заметим, что нам практически ничего не известно о почитании змей в римском Херсонесе [52]. Следовательно, мы не можем и ожидать появления изображений этих пресмыкающихся рядом с предполагаемыми портретами императоров.

В свое время Б.В. Кёне стал пионером в атрибуции этого элемента легенды монеты как литууса. Он был уверен, что только жезл авгура мог сопровождать изображения императоров на монетах Херсонеса [53]. Но, к сожалению, нумизмат не смог привести убедительных доказательств гипотезы. Вероятно, он считал свое утверждение аксиомой. Однако уже его ближайшие последователи, вероятно, не так хорошо знакомые с историей Древнего Рима, выработали недоказуемую и спорную теорию о наличии змеи на аверсах монет Херсонеса римского времени, которая, не смотря на свою явную абсурдность, к сожалению, практически общепринята и до сих пор.

Однако вернемся к положениям Б.В. Кёне. Да, мы согласны с предложенной исследователем атрибуцией заинтересовавшего нас символа. Однако у нас нет оснований согласиться с его датировками херсонесских монет римских императоров с литуусом на аверсе. Ведь, эту фигуру, если следовать мнению Б.В. Кёне, размещали на херсонесском золоте Тита Флавия Домициана и Марка Ульпия Нервы Траяна. Однако его предположение не укладывается в общепринятые представления о монетном деле императорского Рима. Дело в том, что на столичных выпусках этих правителей нет изображений литууса [54]. Вообще, этот символ исчез с лицевых сторон столичных выпусков еще при Гае Октавии Цезаре Августе. Однако уже при Гае Цезаре Германике (Калигуле) на реверсах столичных бронз появилось изображение императора, державшего в левой руке жезл, увенчанный фигурой парящего орла, т.е. скипетр консула [55]. При Авле Вителлии (69 г. н.э.) этот символ власти появился и на серебре. На реверсах денариев этого императора часто оттискивали портрет его отца – бывшего цензора и консуляра Луция Вителлия, державшего в руке такой же скипетр [56]. Вообще, этот символ власти размещали на римских монетах довольно долго. К примеру, он встречается еще на ауреусах и антонинианах Марка Аврелия Проба (276–282 гг. н.э.) [57], а так же на солидах, милиарисиях, силиквах, фоллисах и медальонах Гая (Луция или Марка (?)) Флавия Валерия Константина (306–337 гг. н.э.) [58]. Следовательно, у нас есть все основания ожидать появления литууса и скипетра консула, на монетах,

чеканенных в традиционном лояльном Риму Херсонесе в I–III вв. н.э.

Мы считаем, что наша атрибуция жезлов, заметных на аверсе ряда разновидностей монет херсонесского чекана достаточно правдоподобна. Но на всякий случай разберем иные трактовки этих символов власти. Ведь существует незначительная вероятность того, что заинтересовавшие нас фигуры могла быть топорами – символами понтификов. По крайней мере, эти культовые символы встречались на монетах Гая Юлия Цезаря [59], Марка Юния Брута [60], Гая Антония [61] и Домиция Кальвина [62]. Но так как топор не известен на монетах Гая Октавия Цезаря Августа, то у нас нет оснований ожидать его появления на деньгах чекана его преемников. Кроме того, заинтересовавший нас элемент монетного оформления не может быть атрибутирован ни как оливковая или пальмовая ветвь, ни как какой-либо иной растительный элемент, встречающийся на монетах римского Херсонеса. Хорошо видно, что он все же изогнут, да и листья на нем не различимы.

Итак, проведя небольшое нумизматическое исследование, мы вынесли на обсуждение нашу трактовку небольшого, но, с нашей точки зрения, очень важного элемента оформления аверсов ряда разновидностей золота и меди чекана Херсонеса. Ведь, судя по месту размещения, он мог быть только символом власти. Мы уверены, что изогнутую линию на аверсе следует атрибутировать не как необъяснимое и невероятное изображение змеи или весьма необычно переданную безлистую оливковую или пальмовую ветвь, а как традиционные литуус или скипетр консула. В любом случае, этот элемент монетного оформления являлся символом власти, сопровождающим изображения императоров.

Таким образом, мы не можем поддержать предположение В.А. Сидоренко, утверждающего, что существовала определенная связь «эмблемы–атрибута змеи с портретами Клавдия», позволяющая, по его мнению, безошибочно атрибутировать золотые монеты Херсонеса Таврического [63]. Как мы установили, на их аверсе не обязательно изображали только Тиберия Клавдия Друза, при котором, кстати, никаких дополнительных элементов оформления, как-то литуус или скипетр, на лицевых сторонах херсонесских статеров не размещали (Рис. 4,4–5). Да и пресмыкающихся на монетах этого города, чеканенных в I–III вв. н.э., как выяснилось, не было. Следовательно, у нас на данный момент нет оснований трактовать все мужские бюсты на херсонесском золоте как портреты только

одного из римских императоров. Считаем, что эта гипотеза справедлива и для городской меди.

Но вернемся к предмету нашей статьи. К сожалению, В.А. Сидоренко исследовал только золотую и серебряную чеканку римского Херсонеса. Куда более многочисленные и разнообразные медные выпуски этого города, за исключением эмиссий времен Тиберия Клавдия Друза, к сожалению, так и не оказались в поле его зрения. Мы же, в свою очередь, считаем, что именно разменная монета, регулярного поступавшая в денежное обращение, является куда более информативным нумизматическим памятником, чем предположительно экстраординарные или, по крайней мере, чрезвычайно редкие или вообще известные в единичных экземплярах золото и серебро городского чекана. Продолжая исследование, начатое Г.К.Э. Кёллером, Б.В. Кёне, А. фон Заллетом, А.В. Орешниковым, А.Н. Зографом, В.А. Анохиным и В.А. Сидоренко, попытаемся атрибутировать изображения людей на аверсе меди этого таврического полиса, выпущенной в I–III вв. н.э. Однако, понимая сложность задачи, вынесем сначала на научное обсуждение только итоги нашего изучения эмиссий Херсонеса времен Юлиев–Клавдиев. В процессе исследования мы попытались выработать приемлемую методику анализа нумизматического материала. Причем наша работа облегчается тем, что в ходе изучения нам удалось выявить безусловно узнаваемые изображения римских императоров на меди Херсонеса.

Для удобства изложения материала приведем краткие сведения по истории монетного дела римского Херсонеса. Как известно, в период «первой элевтерии» в основном сложилась денежная система, основанная на использовании медной разменной монеты городского чекана. Она существовала в Херсонесе до середины III в. н.э. [64]. Базировалась эта система на монетах двух достоинств, сохранившихся в обращении практически до конца денежной эмиссии: тетрахаков–ассариев и оболлов–дупондиев. Уже в первые годы второй половины I в. до н.э. в Херсонесе наладили выпуск меди этих двух номиналов. Правда, монетная система Херсонеса со временем менялась. Так, во второй половине I в. н.э. в обращение поступили тетрассарии, а в период «второй элевтерии» были выпущены трессисы [65]. К концу II в. н.э. ассарии выпали из обращения, а дупондии стали наименьшей монетой городского чекана. Интересно то, что со временем херсонесскими монетариями были

выработаны безусловно узнаваемые денежные типы, пригодные для обозначения номинала. Так, на реверсе ассария, как правило, изображали идущую Нику с венком и с пальмовой ветвью в руках, на лицевой и оборотной сторонах дупондия размещали фигуры Девы, охотящейся на лань и бодающегося быка, трессисы украшали образами Асклепия и Гигеи, а на аверсе тетрассариев, как правило, выбивали бюст Аполлона (по мнению В.А. Анохина – Херсонас) и охотящейся Девы. В процессе обоснования наших гипотез мы будем учитывать и это обстоятельство.

Приступим к изложению хода исследования и к анализу его результатов. Первым делом мы определились с критериями отбора нумизматического материала. Придерживаясь заявленной цели, выделили в изучаемую подгруппу только те монеты, на аверсах которых видны портреты людей, предположительно правителей, узнаваемых как внешне, так и по наличию лавровых венков разных конфигураций. Для анализа этих изображений воспользовались методикой, разработанной Г.К.Э. Кёллером и Б.В. Кёне и усовершенствованной А. фон Заллетом, А.В. Орешниковым, А.Н. Зогафом, В.А. Анохиным и В.А. Сидоренко. В процессе атрибуции монетного материала были проанализированы все элементы оформления аверса и реверса, в т.ч. обозначения дат х.э. [66], а также бесспорно различимые монограммы и надписи. При проверке наших выводов были проанализированы результаты исследований эпиграфических памятников из восточных провинций Римской империи, в том числе и из Северного Причерноморья, основополагающие труды по истории античной глиптики, а так же материалы из коллекций крупнейших музеев Европы.

1. Монетное дело Херсонеса при Гае Октавии Цезаре Августе

К эмиссиям от имени этого императора можно отнести две разновидности медных монет. Первая из них была издана еще первооткрывателями денежного дела Херсонеса Таврического, а вторую выделили только в третьей четверти XIX в. Правда, сейчас и ту и другую не относят к императорским эмиссиям. Мало того, ныне монеты первой из этих разновидностей даже не считают херсонесскими. Заметим, что в ходе многовекового обсуждения атрибуций заинтересовавшей нас меди уже были выдвинуты доводы, достаточно убедительные для того времени, но довольно слабые на

настоящий момент. К примеру, П.О. Бурачков не считал возможным отнести монету с изображениями мужских голов на аверсе и на реверсе к чекану Херсонеса, т.к. «Время появления монет с надписью, означающей свободу города, нам не известно... они вошли в употребление при Домициане... Тем более что на ней нет монограмм» [67]. Заметим, что именно эти аргументы сейчас не могут считаться убедительными. В то же время бронзы второй разновидности вовсе не были изучены иконографически. Вероятным объяснением этого стал тот факт, что все их исследователи всецело разделяли точку зрения В.А. Анохина на атрибуцию мужских и женских изображений на аверсах херсонесских монет.

Как видим, ситуация довольно запутанная. С целью разрешить ее, попытаемся определить эти монеты самостоятельно. Опишем их в соответствии с порядком ввода в научный оборот.

1.1. Обол–дупондий с изображениями Гая Октавия Цезаря Августа на аверсе и Марка Випсания Агриппы на реверсе

Начнем с монеты (Рис. 1, 1–2), описанной в свое время К.Г.Е. Кёллером, Б.В. Кёне и П.О. Бурачковым [68]. Последним издал весьма небрежный ее рисунок московский художник В.И. Петров [69]. Позднейшие публикации этой монеты нам неизвестны. По свидетельству Б.В. Кёне, ее диаметр составил 2,9 см [70]. К сожалению, вес этой монеты нам не известен. Дело в том, что нумизматы XIX в. не считали необходимым приводить в своих работах все столь востребованные сейчас физические параметры. Определенно можно быть уверенным только в том, что ее выпустили при Гае Октавии Цезаре Августе. Ведь только этого правителя на разменных монетах провинциального чекана, как правило, именовали попросту *Sebast3-* – «*Август*». Уже ближайшие его преемники, такие, к примеру, как Тиберий Нерон Цезарь и Гай Цезарь Германик (Калигула) стали добавляли у этому почетному прозвищу свои имена, а позднейшие Юлии–Клавдии и вовсе заменили его когноменом *Caesar*, передаваемом на греческом языке как *Ka_sar* или *Ka_saro-* [71]. Единственным, но веским доказательством херсонесского происхождения этой монеты является наличие на ее реверсе слова **ELEUQERIA** (**6leuqerja**) – «свобода» [72]. Дело в том, что такой девиз появился на деньгах Херсонеса Таврического в период «первой элевтерии», т.е. после дарования ему свободы Гаем Юлием Цезарем в 46–45 г. до н.э. [73]. Да

и писали его в то время на монетах этого города именно таким образом – через «U» [74]. Однако П.О. Бурачков не счел эти доводы убедительными. Этот исследователь не счел возможным приписать эту монету к выпускам римского Херсонеса. Правда, мы вынуждены заметить, что подобные заключения П.О. Бурачкова не всегда были безукоризненными. Складывается впечатление, что он был весьма слабо эрудирован как нумизмат. Начнем с того, что этот археолог, вслед за Б.В. Кёне [75], объединил все виды дупондиев с Девой на аверсе и с быком на реверсе в одну группу с однотипными монетами, выпускавшимися, как ныне принято считать, во II в. н.э., т.е. во время «второй элевтерии» [76]. Хотя ряд отличительных признаков, в первую очередь – большой вес (ок. 15 г), позволяет нам выделить часть их разновидностей в эмиссии времен «первой элевтерии». Кроме того, монограммы различных конфигураций, в частности, лигатура Ϸ встречаются отнюдь не только на монетах Херсонеса [77]. Зато таких аббревиатур нет на безусловно атрибутированной меди этого таврического города, выпущенной во время «первой элевтерии» [78]. Как видим, совпадает все – монеты со значительно большим весом имеют отличительные признаки в оформлении, позволяющие выделить их в отдельную эмиссию, а в нашем случае – отнести к выпускам «первой элевтерии». Следовательно, доводы П.О. Бурачкова ошибочны. Считаем, что в данном случае наличие слова **ELEUQERIA** даже при отсутствии лигатуры Ϸ и позволяет нам уверенно отнести эту монету к эмиссии Херсонеса времен «первой элевтерии».

Как видим, мы нашли доводы, обосновывающие предположения К.Г.Е. Кёллера и Б.В. Кёне по вопросу о месте и времени выпуска изучаемой монеты. Однако у нас есть основания сомневаться в правильности предложенной ими трактовки мужских изображений. Да, на аверсе монеты был оттиснут портрет Гая Октавия Цезаря Августа. В этом нас убеждает как заметное его сходство с каноническими изображениями императора, так и собственно надпись. Вопросы возникают при атрибуции портрета на реверсе. Дело в том, что мужчина, изображенный на оборотной стороне изучаемой монеты, определенно не похож на Божественного Юлия. Как видим, у него нет никаких атрибутов вышеупомянутого покровителя династии. Он не закутан в тогу, а над его головой нет кометы или звезды – обязательных символов этого римского божества. Да и выглядит этот мужчина не старше Гая Октавия Цезаря

Августа. В таком случае, нам остается только предполагать, что или изображение на реверсе стилизовано, и, следовательно, неопределимо, или на оборотной стороне этой монеты мог быть помещен портрет не внучатого деда, а какого-то иного современника этого императора, вернее всего, одного из его сподвижников или родственников. Считаем, что второе допущение явно предпочтительно, так как позволяет продолжить исследование. Однако проблема заключается в том, что у Гая Октавия Цезаря Августа было достаточно много родичей [79] и соратников, воспользовавшихся правом на монетную регалию. К примеру, при нем на деньгах столичного и провинциального чекана появились пасынок принцепса Тиберий Клавдий Нерон [80], усыновленные внуки Гай и Луций Юлии Цезари [81] и Агриппа Юлий Цезарь (Постум) [82], а так же зять, друг и соратник Марк Випсаний Агриппа [83]. Так же известны выпуски легатов принцепса, к примеру: Публия Каризия, вместе с Гаем Анистием Ветом подавившего в 24–19 гг. до н.э. восстание кантабров [84] и Луция Пинария Скарпа, в 30 г. до н.э. изменившему Марку Антонию и передавшему легионы, базирующиеся под его началом в провинции Киренаика Корнелию Галлу – африканскому легату Гая Октавия Цезаря Августа [85]. Наместники многих сенатских и императорских провинций так же воспользовались монетной регалией. Так, к примеру, инициалы и имена правителей Бэтики и Тарраконской Испании известны на меди провинциальных полисов [86]. Сицилийский город Агригент выпускал монеты в честь проконсула Луция Клодия Руфа [87]. На Кипре чеканили монеты с именем консуляра Авла Плавтия [88]. Проконсул Сиртики Луций Волусий удостоился в Гергисе выпуска меди со своими инициалами [89]. Наместники Киренаики при Гае Октавии Цезаре Августе традиционно размещали свои имена на разменных монетах провинциального чекана. К настоящему времени выделены эмиссии Луция Лоллия [90], Авла Пупия Руфа [91], Луция Фабриция Пателия [92], проконсула Скато [93], претора Паликана [94] и квестора Капитона [95]. Кроме того, известны многочисленные выпуски с именами двуумвиров и триумвиров – римских чиновников, отвечающих за денежную эмиссию. Чтобы излишне не переутомлять читателя, рассмотрим только столичные эмиссии с подобными обозначениями [96]. При первом принцепсе в обращение поступили монеты, отчеканенные от имени: Публия Петрония Турпилиана [97], Луция Аквиллия Флора [98], Марка Дурмия [99], Квинта Рустия

[100], Квинта Элия Ламии [101]. Гая Марция Цензорина [102], Марка Санквиния [103], Публия Лициния Стола [104], Тиберия Семпрония Гракха [105], Люция Месциния Руфа [106], Луция Виниция [107], Гая Антистия Ветия [108], Гая Ассиция Галла [109], Гая Кассия Целера [110], Гая Галлия Луперка [111], Гнея Пизона [112], Луция Невия Сурдина [113], Гая Плотия Руфа [114], Гая Мария [115], Гая Сульпиция Платорина [116], Гая Антистия Регина [117], Коссия Корнелия Лентулла [118], Луция Лентулла [119], Луция Каниния Галла [120], Ламии, Силия и Анния [121], Пульхра, Тавра и Регула [122], Публия Лурия Агриппы, Марка Мецилия Туллия, Марка Сальвия Отона [123], Авла Лициния Нервы Силиана, Секста Нония Квинтилиана, Волусия Валерия Месаллы [124], Апрония, Галла, Мессаллы и Сисенны [125], а так же Публия Бетилиена Басса, Гая Невия Капеллы, Гая Рубеллия Бланда, Луция Валерия Катупла [126]. Причем изображения только одного из них – Марка Випсания Агриппы традиционно помещали как на римских, так и на провинциальных деньгах [127]. Оно, кстати, не только безошибочно определимо иконографически, но и, кроме того, никогда не обрамлялось легендой со словами Caesar, *Ka_sar* или *Ka_saro-*. Кстати, известно, что при Гае Октавии Цезаре Августе безусловно узнаваемое изображение Марка Випсания Агриппы появилось и на боспорских золотых [128]. Мало того, важнейшие города этого царства: Пантикапей и Фанагория были названы в честь принцепса и его друга Кесареей и Агриппией. Ныне эти явления принято объяснять активным вмешательством этого сподвижника правителя в жизнь понтийских государств. Предполагаем, что изображение Марка Випсания Агриппы могло появиться в период его империума и на монетах Херсонеса. Мы можем утверждать это с большой долей уверенности, т.к. молодой мужчина на реверсе изучаемой монеты определенно похож на канонический прижизненный портрет друга Гая Октавия Цезаря Августа (Рис. 1,1–2,3). Тот же разрез глаз, короткий прямой нос, волевой массивный подбородок и характерная линия энергично поджатых губ.

Если ход наших рассуждений верен, то у нас есть основания сделать некоторые исторические выводы. В свете нашей атрибуции херсонесской монеты с мужскими головами на обеих сторонах можно предположить, что Марк Випсаний Агриппа перестраивал жизнь не только Боспорского царства, но и Херсонеса Таврического. По крайней мере, этот факт был отмечен монетной эмиссией. А раз так, то получается,

что при Гае Октавии Цезаре Августе Херсонес не зависел от Боспорского царства.

Но не будем пока делать столь серьезные исторические выводы, основываясь исключительно на нумизматическом материале. Мы еще слишком плохо знаем эту эпоху. Отметим только, что если это предположение верно, то у нас появляется возможность по-новому осветить историю Херсонеса Таврического во второй половине I в. до н.э. Весьма возможно, что элевтерия, дарованная Гаем Юлием Цезарем, была подтверждена Гаем Октавием Цезарем Августом. Участие в судьбе этого города мог принять и Марк Випсаний Агриппа. Заметим, что мы не видим в этом случае противоречия со свидетельством Стабона. Ведь совершенно неизвестно, в каком году он написал свою знаменитую фразу: «*Ἐξ ἑκεῖνον δὲ τὸ Βοσποροῦν δυνάσται ὁ τῆν Ἰερρονήσιτον πόλιν ἑπέκοον ὑποτάξασθαι τοῖς ἐπιτάξασιν τοῦ βασιλέως*» – «С тех пор и до настоящего времени полис херсонесцев подчинен властителям Боспора» [129]. Дело в том, что географ и историк закончил ею описание походов Диофанта (113–111 гг. до н.э.). [130] А нам известно, что жил Страбон на удивление долго для того времени – ок. 80 лет. Да и, наверное, он не раз объезжал Понт. Следовательно, у нас есть все основания считать, что в окончательный текст «Географии» эта фраза могла попасть из какой-то ранней редакции, составленной ученым еще в молодости, т.е. вскоре после гибели Митридата VI Евпатора (120–63 гг. до н.э.). Кроме того, мы должны учесть и то обстоятельство, что Страбон большую часть фактического материала для своего труда даже о хорошо известных ему землях почерпнул не из своих путевых записок, а из многочисленных относительно ранних периплов, которые он практически дословно цитировал. Известно, что географ пользовался трудами Эратосфена Киренского, Артемидора Эфесского, Полибия и, особенно, Посидония [131]. Так что у нас есть все основания ожидать от него не объективного описания своих путешествий, а тривиального компилирования на тот момент уже неактуальных географических и исторических текстов. Заинтересовавшись этим вопросом, мы постараемся в ближайшем будущем вынести на научное обсуждение разбор некоторых фрагментов текста «Географии», содержащих важные сведения по истории Таврики.

Но вернемся к нашей монете. Дело в том, что даже скудные метрические данные, известные нам из трудов нумизматов прошлого, позволяют установить достаточно

важные сведения о ней. Дело в том, что ее диаметр практически соответствует размерам обол-дупондиев времен «первой элевтерии». Вернее всего, изучаемая нами медь и весила примерно столько же. В таком случае, и номинал у нее должен быть тот же. Предполагаем, она так же была обол-дупондием.

Допустим, что мы правы. Но, в таком случае, получается, что в Херсонесе в период «первой элевтерии» выпускали две разновидности крупных медных монет наибольшего номинала. Вряд ли их могли пустить в обращение одновременно. Ведь таких прецедентов нумизматическая практика не знает.

Попробуем объяснить это противоречие. Для этого вспомним, что «первая элевтерия» была дарована Херсонесу Гаем Юлием Цезарем. Как известно, при нем на монетах еще не выбивали прижизненные портреты политических деятелей. Основными элементами оформления римских денег в то время оставались изображения божеств, священных предметов и животных. Следовательно, к периоду его правления можно отнести крупные монеты Херсонеса с Девой и быком на лицевой стороне. Но, если мы правы, то на аверсе и реверсе херсонесских обол-дупондиев второй разновидности были отчеканены изображения Гая Октавия Цезаря Августа и Марка Випсания Агриппы. Кстати, выявленное обстоятельство позволяет датировать их правлением этого императора и периодом империума его друга на Востоке, т.е. в 13–12 гг. до н.э. В таком случае получается, что в Херсонесе элевтерийные монеты чеканили как при Гае Юлии Цезаре, так и при его приемном сыне.

Итак, если мы правы, то в денежное обращение Херсонеса в период «первой элевтерии» последовательно поступили две серии монет. На аверсе первых были отчеканены традиционные изображения почитаемых в городе богов и их священных животных. При Гае Октавии Цезаре Августе была выпущена медь второй группы – обычные провинциальные монеты с портретами императора на лицевой стороне. Причем крупнейшие из них могли быть только обол-дупондиями, к которым, кстати, их можно смело отнести так же и по стилю оформления [132]. Вернее всего, они поступили в обращение в 13–12 гг. до н.э.

Понимаем, что вынесение на научное обсуждение столь масштабных выводов только в результате анализа описаний уникальной монеты, сделанных только в XIX в., видится и нам чрезвычайно смелым. И мы не

будем настаивать на правоте нашей точки зрения. Но, в любом случае, на данный момент у нас есть все основания оспаривать атрибуцию монет этой разновидности, предложенную П.О. Бурачковым. Накопленный за более чем столетие багаж нумизматических знаний убедительно опровергает все его доказательства. Присутствие же на нашей монете определенно читаемых надписей и безусловно атрибутируемых изображений говорит о том, что она была выпущена в Херсонесе при Гае Октавии Цезаре Августе.

1.2. Ассарии Гая Октавия Цезаря Августа с изображениями Девы на реверсе

Обратим внимание на медную монету (в дальнейшем будем называть ее ассариями первой разновидности), отнесенную В.А. Анохиным [133] к анонимным выпускам конца I в. до н.э. – начала I в. н.э. (Рис. 1,5–6). На ее аверсе хорошо видно развернутое вправо изображение молодого сильного мужчины в лавровом венке. У него большие глаза, волнистые, небрежно уложенные волосы, одна из прядей которых легла ему на правую щеку. У изображенного крупный, но тонкий, сильно выдающийся и слегка вздернутый нос с горбинкой, являющийся как бы продолжением линии высокого лба. Примечательна мускулистая длинная шея и волевой подбородок. Как видим, изображение весьма портретно. Примечательно его сходство с изображением Гая Октавия Цезаря Августа, выявленного нами на вышеописанной монете. С нашей точки зрения, это не случайно. Вернее всего, на меди этих разновидностей был выбит портрет одного человека, или, в крайнем случае, близких родственников. Правее изображения размещена крупная шестиконечная звезда.

Рассмотрим реверс этой монеты. На нем хорошо видно изображение Девы. Не смотря на малый размер монетного кружка, мастеру удалось передать порывистое движение богини. Она как будто бежит вправо, причем складки ее широкого платья свободно развеваются. Вернее всего, Дева защищается. Мы видим, что она замахнулась на врага дротиком, который держит в правой руке. В то же время ее левая рука с луком вытянута вперед в явном жесте протекции. Слева у ног Девы просматривается монограмма Ϟ . Известно, что ее помещали на монетах Херсонеса довольно долго. Эта лигатура известна как на подражаниях тетрадрахамм Лисимаха (305–281 гг. до н.э.) [134], так и на бронзах, выпущенных уже после смерти Митридата VI Евпатора [135]. По мнению В.А.

Анохина, ее размещали на монетах Херсонеса, чеканенных еще в конце I в. до н.э. [136].

Попробуем датировать эту монету. Понятно, что определить время ее выпуска исключительно по монограмме не удастся. Так же проблемно будет установить его по изображению Девы, ведь резчик, скорее всего, воспроизводил почитаемую в городе статую богини [137]. Зато у нас есть реальные шансы определить период эмиссии этой меди, атрибутировав изображение мужчины на аверсе. Очевидно, что он не мог быть эллинистическим царем или олимпийским божеством. Судя по прическе и лавровому венку, мужчина, изображенный на лицевой стороне монеты, мог быть одним из правителей ранней Римской империи. Как мы уже писали, он определенно похож на изображение Гая Октавия Цезаря Августа, выбитое на аверсе обола-дупондия херсонесского чекана. Кроме того, практически идентичные портреты этого принцепса известны на монетах римской столичной (Рис. 1,4) и провинциальной чеканки 13–12 гг. до н.э. [138]. Те же черты лица, прическа и лавровый венок. Примечательно и наличие на аверсе изучаемой херсонесской монеты шестиконечной звезды [139] – символа божественного Юлия, сыном которого был провозглашен Гай Октавий Цезарь Август. А именно этот элемент довольно часто размещали на монетах первого принцепса [140]. Как видим, у нас есть все основания предполагать, что исследуемая монета была выпущена так же при Гае Октавии Цезаре Августе.

Но в таком случае получается, что при приемном сыне Божественного Юлия в Херсонесе выпускали монеты двух номиналов: обол-дупондий и тетрахалк-ассарий. Вернее всего, они поступили в обращение одновременно. Как уже было установлено, монеты наибольшего номинала были выпущены незадолго до смерти Марка Випсания Агриппы, т.е в 13–12 гг. до н.э. Их эмиссия была крайне непродолжительна. К 12 г. до н.э. их перестали выпускать. Только этим можно объяснить редкость этих монет. Непродолжительность эмиссии портретных обол-дупондиев не позволила утвердиться его монетному типу. Как и прежде, основная часть крупных денег городского чекана представляла собой ранние эмиссии меди этого же номинала, выпущенных при Гае Юлии Цезаре. И их монетный тип со временем стал обозначением номинала дупондия. Уже значительно позже были выпущены ассарии с портретом императора на аверсе и с Девой на реверсе. Мы датировем их эмиссию периодом с 13/12 гг. до н.э. по 14 г. н.э. Отметим, что наше предположение

обосновывается с помощью иконографического метода. Как мы уже писали, на аверсе этой херсонесской меди был помещен весьма неординарный портрет императора – с прядью волос, ниспадающих на правую щеку. А именно эта отличительная черта была свойственна римской монетной чеканке последнего года жизни Марка Випсания Агриппы. Только в 13–12 гг. до н.э. на монетном дворе Рима были выпущены денарии, на аверсе которых было оттиснуто весьма схожее изображение императора [141]. Кроме того, косвенным подтверждением нашей правоты является факт эмиссии меди близкого типа при преемниках этого императора. Об этих монетах речь пойдет немного ниже.

Но пока, в любом случае, у нас есть веские основания считать, что в Херсонесе выпуск денег от имени римских императоров начался не при Тиберии Клавдии Друзе, как считает В.А. Сидоренко, а значительно раньше. Вернее всего, при Гае Октавии Цезаре Августе или при его ближайших преемниках в денежное обращение Херсонеса поступили эта и прочие бронзы, отнесенные В.А. Анохиным к анонимной эмиссии второй четверти I в. н.э., а так же монеты, изданные в последние годы.

2. Монетное дело Херсонеса при Тиберии Клавдии Нероне

К эмиссиям этого императора можно отнести датированные золотые, серебряные, а так же недатированные медные монеты, на которых буквенные обозначения дат и монограммы реверсов были заменены сокращениями демотикона «CE» и «CER». На реверсе ассариев, драхм и статов этого правителя Дева всегда изображена анфас. Предполагаем, что эти особенности оформления являются общими признаками херсонесского монетного чекана времен Тиберия Клавдия Нерона. В то же время многочисленность эмиссий этого правителя позволяет нам описывать их в хронологической последовательности. Рассмотрим эти серии по порядку их поступления в обращение. Начнем с бронз, так как они практически полностью соответствуют монетному типу, разработанному в Херсонесе при Гае Октавии Цезаре Августе.

2.1. Ассарии с изображением императора на аверсе и с Девой и с аббревиатурой «СЕ» на реверсе

На лицевых сторонах этих монет [142] (будем называть их ассариями второй разновидности) просматривается стилизованное изображение безбородого человека в лавровом венке (Рис. 2,3–5). Его голова горделиво поднята вверх. У него широко открытые глаза, волнистые волосы, сильно выдающийся вперед, слегка вздернутый нос с заметной горбинкой, пухлые губы, волевой подбородок и мускулистая шея. На его голове лавровый венок. Правее изображений просматриваются маленькие шестиконечные звезды разных конфигураций, а под ними – изображения литуусов. На реверсе этих монет видна Дева, у ног которой слева и справа расположены «С» и «Е» – первые символы названия города.

Ассарии первой и второй разновидностей определенно похожи друг на друга. Однако заметны и некоторые незначительные отличия. Начнем с того, что резчик штемпелей для ассариев второй разновидности убрал с реверса монограмму и добавил вместо нее первые буквы демотикона. Он также изобразил богиню в другом ракурсе. На меди второй разновидности она анфас. Видно, что лицо божества обрамляет капюшон. Других различий мы не заметили. Считаю, что заметная стилизация изображений на аверсе этих монет под идеализированный портрет основателя династии, а также знаковые модификации легенды реверса позволяет нам выделить их в эмиссии ближайших преемников Гая Октавия Цезаря Августа, т.е. датировать их к принципатами Тиберия Клавдия Нерона или Гая Цезаря Германика (Калигулы) (37–41 гг. н.э.). Более точная атрибуция на данный момент невозможна, так как на изучаемых разновидностях меди Херсонеса не просматриваются обозначения даты. Мы можем только предполагать, что монеты с Девой анфас на реверсе (Рис. 2,3–5) были выпущены при одном правителе, вернее всего, при первом из них – Тиберии Клавдии Нероне.

Конечно, наша гипотеза – смела и пока плохо доказуема. Но мы уже в этой статье читатель найдет ей обоснование. Наша задача облегчается тем, что выдвинутые гипотезы обосновываются хорошо известными нумизматическими фактами.

2.2. Статер 52 г. х.э. с изображением императора на аверсе и с Девой, монограммой Ϸ и с датой на реверсе

В 2006 г. во втором выпуске приложения к интернет–каталогу «Roman Provincial Coinage», издаваемом сотрудниками ряда ведущих западноевропейских музеев [143], приведена фотография и краткое описание, с нашей точки зрения, чрезвычайно интересной золотой монеты (Рис. 2,2). Начнем с того, что издатели обоснованно отнесли ее к чекану Херсонеса. Учтем, что до недавнего времени нумизматы, изучающие монетное дело этого полиса, были совершенно уверены в том, что эмиссия золота в нем началась только при Тиберии Клавдии Друзе. Но, как видим, на аверсе опубликованной монеты левее лица изображенного действительно просматривается очевидное сокращение демотикона «СЕР». Да и по стилю оформления этот золотой безусловно должен быть отнесен к эмиссиям Херсонеса первой половины I в. н.э.

Опишем эту монету. Начнем с того, что большую часть площади ее лицевой стороны занимает весьма художественно исполненное изображение правителя (по мнению издателей – божества Херсонеса) [144], выполненное в высоком рельефе. Бюст императора развернут влево. Его голова горделиво поднята. У него волнистые волосы, на них лавровый венок. Одна из длинных лент головного убора свободно опустилась на шею, а вторая как бы парит в воздухе. Глаза у изображенного мужчины большие, нос – с горбинкой. Хорошо видны пухлые губы. Очевидно, что перед нами канонический портрет Тиберия Клавдия Нерона. По крайней мере, очень схожие изображения известны как на столичных, так и на провинциальных монетах, в т.ч. и боспорского чекана [145]. Весьма схожий профиль императора известен и на римских камнях (Рис. 2,1) [146]. Левее бюста просматривается уже упомянутое буквосочетание «СЕР», выполненное в низком рельефе, причем неровными, неуверенными линиями. Изображение и надпись вписаны в окружность из крупных точек. На оборотной стороне монеты видно изображение Девы, исполненное весьма угловато и неумело. Богиня расположена анфас. Видно, что она бежит влево, замахивая дротиком, который держит в правой руке. Правую руку с луком и стрелой она выдвинула вперед, как бы защищаясь. Под дротиком просматривается монограмма Ϸ , ниже которой видно обозначение даты «BN» – 52 г. х.э. Если перевести ее на наш календарь, то получится, что монета была выбита в 28 г. н.э. Изображения и надписи реверса

выполнены в низком рельефе. Они обрамлены точечной окружностью. Судя по весу (7,95 г), наша монета являлась полноценным статером. Отметим, что на Боспоре в конце I в. до н.э. – первой трети I в. н.э. чеканили золотые такого же веса [147].

Как видим, у нас есть все основания считать, что этот статер был выпущен в Херсонесе при Тиберии Клавдии Нероне. Об этом говорит все: бесспорно атрибутируемое изображение, и сокращение демотикона, и дата местной эры. Но мы пока не можем объяснить ни причину его выпуска, ни установить, когда могла начаться и как долго продолжалась эта эмиссия херсонесского золота. Попробуем ответить на эти вопросы несколько позднее, а теперь обратим внимание не менее редкую серебряную монету римского Херсонеса.

2.3. Драхма чекана 62 г. х.э.

Правлением Тиберия Клавдия Нерона следует датировать и уникальную серебряную монету чекана Херсонеса, изданную В.А. Сидоренко. На ее аверсе (Рис. 2,6) различимо изображение молодого мужчины, весьма схожее с описанным нами на ассариях второй разновидности (Рис. 2,3–5). Обратим внимание хотя бы на широко открытые глаза, волевой подбородок, массивный вздернутый нос, пухлые губы и мускулистую шею. Судя по стилизации изображений, штемпели для аверса серебряной монеты и вышеописанной меди резал один мастер. Нашему предположению не противоречит присутствие на реверсе исследуемой монеты следов даты. На фотографии, изданной В.А. Сидоренко, левее фигуры Девы под монограммой XP отчетливо видна буква «X». Как известно, этот символ мог использоваться для обозначения числа «60». Левее него просматривается еще одна, к сожалению, слабо различимая буква. По логике вещей, она должна была обозначать единицы. По мнению В.А. Сидоренко, это могла быть или «S», приведенная в форме «L», или «Z». Однако на фотографии явно видно, что интересующая нас буква не похожа ни на тот, ни на другой символ. Действительно, ее левая часть весьма схожа с «L», что и подметил В.А. Сидоренко. Однако в средней части этой буквы явно виден еще один элемент – небольшой отрезок, параллельный верхней и нижней линиям и пересекающий левую гасту. Правее этих определенно различных элементов видны слабые следы полукругов, соединяющих все три параллельные линии. Вернее всего, это могла быть только буква «B», обозначающая цифру «2».

Кстати, аналогичное начертание этого символа известно на тетрассариях серии «E χ /nh-Sebast $\bar{\nu}$ » [148]. Как видим, нет никаких оснований сомневаться в верности нашего прочтения легенды реверса этой серебряной монеты. Следовательно, заинтересовавшее нас серебро могло быть выпущено в 62 г. х.э., т.е. в 36–37 гг. н.э.

Обратим внимание на фигуру Девы. Как видим, мастер запечатлел статую божества в том же ракурсе, который уже был использован для разработки композиции реверса ассариев Тиберия Клавдия Нерона. Как видим, Дева передана анфас. Лицо богини обрамляет капюшон. Так же, как и на ассариях, развивается ее платье. Складывается впечатление, что штампы реверса для изучаемой серебряной монеты (Рис. 2,6) и для меди этого императора (Рис. 2,3–5) вырезал один монетчик.

Кстати, в нижней части реверса просматриваются, если верить фотографии, два символа, не замеченные В.А. Сидоренко. Если внимательно приглядеться, то левее изображения Девы, под обозначением даты, можно разглядеть литеру «C», а правее, под луком и стрелой, определенно виден символ, весьма схожий с «E». Если это действительно так, то на оборотной стороне этой монеты, так же как и на меди Херсонеса времен Тиберия Клавдия Нерона, были выбиты первые буквы из названия города.

Попытаемся сделать предварительные выводы. Считаем, что предлагаемая нами датировка этого серебра не противоречит нашему предположению о возможности выделения всех херсонесских монет с однотипным изображением императора на аверсе и Девы на реверсе к эмиссиям Тиберия Нерона Цезаря.

Считаем нужным обратить внимание читателя еще на один аспект. Дело в том, что В.А. Сидоренко предположил, что описанная им монета представляла собой денарий херсонесской чеканки [149]. Для обоснования своей гипотезы исследователь ссылается на В.В. Латышева, опубликовавшего шесть надписей, найденных на территории Херсонеса [150], в которых цены на строительные материалы приведены в этих денежных единицах. Действительно, херсонеситы не могли не знать о римских денариях. Но у нас нет никаких оснований и предполагать, что они могли наладить эмиссию монет такого номинала. Ведь денарии зависимые от Рима полисы, как правило, не чеканили. В то же время известно, на греческом Востоке продолжали выпускать драхмы и их фракции по местным монетным

стопам. С большой долей уверенности можно сказать, что римляне повсеместно сохранили денежные системы покоренных областей. К примеру, в Египте, в Каппадокии, в Понтийском царстве и в Сирии была продолжена эмиссия драхм и их фракций по традиционным для этих стран монетным стопам. Кроме того, деньги из драгоценных металлов выпускали не только в вышеперечисленных провинциях, являвшимися важнейшими в экономическом смысле регионами империи, или, что реже, базами крупных воинских группировок. В I в. н.э. монеты чеканили практически повсеместно – в большинстве крупных полисов и во всех клиентальных царствах [151]. Понятно, что сам факт эмиссии денег из драгоценных металлов в Херсонесе не может быть случайным. Конечно, Таврика не могла быть столь же важной житницей империи, как провинции Египет или Проконсульская Африка. Мало вероятно и то, что в окрестностях Херсонеса, как близ Антиохии на Оронте или Кесарее Каппадокийской [152] уже при Гае Октавии Цезаре Августе и при Тиберии Клавдии Нероне находились значительные воинские контингенты, для снабжения которых могла быть организована регулярная чеканка монет из драгоценных металлов. Да и редкость херсонесского золота и серебра свидетельствует об эпизодичности их эмиссии. Вернее всего, херсонесские монеты из драгоценных металлов с изображением Тиберия Клавдия Нерона были выпущены в память о каких-то важных событиях в истории города.

К сожалению, на данном этапе исследования нам будет трудно проследить эти явления. Только некое приближенное представление об их значимости мы можем получить из того факта, что все клиентальные цари Боспора со второй половины I в. н.э. именовали себя Тибериями Юлиями. Очевидно, что они приняли официальные *praenomen* и *nomen* Тиберия Клавдия Нерона.

Но вернемся к теме нашего исследования. Попытаемся установить номинал херсонесской серебряной монеты. Для этого обратимся к эпиграфическим исследованиям. Сразу же заметим, что у нас нет никаких оснований датировать изданные В.В. Латышевым тексты, в которых упоминаются римские денарии, I в. н.э., как это делает В.А. Сидоренко. Напомним, что в них идет речь о пожертвованиях средств на колонны неизвестного нам храма или общественного здания. Судя по надписям, эти архитектурные элементы стоили от 300 до 500 денариев [153]. В то же время, судя по изданной В.В. Латышевым надписи, Аврелий Гермократ сын Мирона передал на возведение части храма 3000 денариев из $t| \sim 6x3dou t| \sim$

agoranonja – «расходных сумм агораномии». Но дело в том, что все эти суммы для I в. н.э. были весьма внушительны. Ведь даже в начале следующего столетия вилла в Италии стоила всего 7500 денариев [154]. Отметим, и тот факт, что в свое время сам великий эпиграфист не решился датировать эти тексты. К счастью, к нынешнему времени ситуация несколько прояснилась. По данным Э.И. Соломоник, эти надписи, судя по конфигурации буквы «S», можно отнести к концу II в. н.э. Ведь именно тогда этот символ начали писать как «C» [155]. Мы считаем такую датировку весьма обоснованной. Дело в том, что только к концу века Антонинов и при Северах порча монеты могла привести к столь значительной инфляции, приведшей к зафиксированному в херсонесских надписях удорожанию строительных материалов. В любом случае, тексты, изданные В.В. Латышевым, не могли быть выбиты позже третьей четверти III в. н.э., так как к тому времени денарии совершенно обесценились [156].

Кстати, заметим, что результаты графологического разбора херсонесских надписей, выполненное Э.И. Соломоник, позволяет уверенно опровергнуть ошибочное утверждение В.А. Сидоренко о возможности написания прописной «S» как «C» на херсонесской монете I в. н.э. Совершенно очевидно, что последний символ не найти на монете времен Юлиев-Клавдиев.

Отметим еще одно важное обстоятельство. Судя по текстам, трое из донаторов: Аврелий Гермократ сын Мирона, Аврелий Дионисий сын Приска и Аврелий сын Ксанфа (?) являлись римскими гражданами и носили родовое имя Аврелиев [157]. Причем все они, судя по построению имен, были квиринами только в первом поколении. Ведь у их отцов были обычные греческие имена. С нашей точки зрения, это не могло быть случайным. Можно, конечно, считать, что кто-то из императоров – Аврелиев или какой-то его наместник с неизвестной нам целью дал права римского гражданства отдельным представителям херсонесской знати. И те пожелали увековечить это событие возведением культовых сооружений. Но, с нашей точки зрения, куда вернее предполагать, что все эти лица стали квиринами по эдикту (*Constitutio Antononiana*) Марка Аврелия Антонина (Каракаллы) (195–217), даровавшего в 212 г. н.э. римское гражданство всем свободным жителям империи, кроме *dediticii* – «крестьян – потомков несвободных» [158]. Отметим, что именно в тот период времени в многочисленных текстах, составленных по всей империи, появились упоминания о лицах, носящих

номен Аврелиев, а так же греческие или варварские имена. Учтем и то обстоятельство, что отцы упомянутых лиц не принадлежали к римским гражданам. По крайней мере, Аврелиями они не являлись [159]. Следовательно, мы смело можем датировать херсонесские надписи первой половиной III в. н.э.

Но вернемся к теме нашей статьи. Как видим, у В.А. Сидоренко не было оснований предполагать, что если в Херсонесе при Северах и их ближайших преемниках цены на товары определяли в денариях, то и в более ранний период, т.е. в I в. н.э. римская валюта занимала доминирующее значение в городском обращении. Ведь находки италийских денег того периода на полуострове единичны. Да и оформлена заинтересовавшая нас серебряная херсонесская монета совсем не в стиле римских денариев. Как известно, на этих монетах в I в. н.э. никогда не размещали указаний на место эмиссии. Кроме того, на денариях как столичной, так и провинциальной чеканки всегда отсутствуют даты. Собственно, эти монеты вообще можно атрибутировать только по изображениям и титулатуре императоров. А на херсонесской серебряной монете, как верно установил В.А. Сидоренко, различима дата по местной эре.

Итак, проанализировав все эти доводы, мы считаем необходимым опровергнуть атрибуцию серебра чекана римского Херсонеса, выдвинутую ее первооткрывателем. Считаем, что в Херсоне при Тиберии Клавдии Нероне выпустили серию драхм. Однако специфика местного обращения обусловила скорое выпадение этого вида денег из обращения. Оно, как и раньше, обслуживалось в основном только медью городского чекана. По крайней мере, высокий рельеф изображений и надписей на изучаемой монете не дает нам сомневаться в том, что ходила сравнительно недолго. Это же обстоятельство позволяет нам допускать, что ее современный вес не намного отличался от первоначального. Вряд ли сильно изменился и ее вес. Вернее всего, херсонесские драхмы Тиберия Клавдия Нерона выпускали по стопе кистофоров. Предполагаем, что их стандартный вес должен был составлять 2,5–3 г. Заметим, что именно столько весили драхмы первой половины I в. н.э., выпускавшиеся в полисах южного берега Понта и в Малой Азии [160].

Хотя выяснение иконографических особенностей монет и не является основной целью нашего исследования, заметим, что портрет императора на штемпеле аверса статера изготовил один мастер, а надписи и

изображение Девы – другой. Их стили трудно спутать. Вернее всего, первый резчик выполнил чеканы для медных монет Гая Октавия Цезаря Августа. Обратим внимание на характерную обрисовку нижней челюсти и на длинную прядь, спадавшую на щеку. Кажется, что мастер резал штамп, привычно размещая хорошо отработанные элементы изображения. Вообще, он был искусный монетчик. К сожалению, этого нельзя сказать о втором резчике. Он, правда, никогда и не брался за портреты правителей. Но вырезанные им изображения Девы и надписи убедительно свидетельствуют о его неуверенности и полном отсутствии мастерства. Вернее всего, он слабо владел техникой резьбы и знал об этом. Третий мастер изготовил чеканы для драхмы и для меди второй разновидности. Его почерку были свойственны широкие плавные и глубокие линии при общем низком уровне художественных навыков. Складывается впечатление, что он был простым копиистом, стремившимся как можно точнее воспроизвести оригинал – портрет Тиберия Клавдия Нерона на херсонесском статере. По крайней мере, изображения на золоте, серебре и меди похожи друг на друга, но последние, вернее всего, являлись не оригинальными портретами, а посредственными копиями с художественно выполненного бюста, украшающего эту золотую монету. Заметно, что третьему резчику равно не удавались глаза, нос и шея правителя. Он не смог даже составить композицию. Его император смотрит прямо вперед, зато нос у него неправдоподобно вздернут. Затылок у изображенного скошен. Голова правителя несоразмерно мала, а лавровый венок непропорционально велик. Зато глаза переданы в той же технике, а губы так же пухлы. Низким уровнем мастерства резчика можно объяснить как непропорциональность лица, так и произвольное размещение символов по монетному полю реверса.

Заметим, что выясненные нами обстоятельства появления херсонесского золота и серебра позволяет осветить слабо изученные аспекты истории его монетного двора. Он явно не был большим и постоянно работающим предприятием. И, вернее всего, в его деятельности были значительные перерывы. Ведь если первый и второй мастера совместно вырезали чеканы только для статера, выпущенного в 52 г. х.э. то третий, самостоятельно изготовивший штампы для драхмы и медных монет второй разновидности, работал значительно позже. По крайней мере, на серебряной монете, оттиснутой его штампами,

видна дата 62 г. х.э. Следовательно, мы можем предполагать, что монетная эмиссия из драгоценных металлов в Херсоне проходила эпизодично, причем явно только в экстраординарных случаях. Ведь на его денежном дворе в интересующий нас период не прослеживается преемственность мастеров.

Но, в любом случае, получается, что эмиссия золота в Херсонесе началась задолго до Тиберия Клавдия Друза. И их выпуск никак нельзя связать с римско-боспорской войной 45–49 гг. н.э. Но мы пока не будем и пытаться искать какое-либо объяснение этому факту. Можем только предположить, что Херсонес при первых Юлиях-Клавдиях напрямую зависел от империи. Вероятно, уже при Тиберии Нероне Цезаре в Херсонесе или в его ближайшей округе был размещен значительный контингент римских войск и эскадра военного флота. Для их снабжения могли открыть денежный двор, на котором, судя по монетам, прошло две эмиссии золота и серебра местных номиналов.

Отметим, что подобная практика повсеместно использовалась властями империи. Причем, как правило, короткие периоды функционирования таких монетных дворов точно совпадали с периодами активизации римской политики в регионе. Как мы уже писали, при Гае Октавии Цезаре Августе многочисленные эмиссии золота и серебра провинциального чекана прошли в беспокойных регионах, в которых были сконцентрированы войска. То же наблюдалось и при Тиберии Клавдии Нероне. К примеру, при нем ауреусы чеканили исключительно в Лугдуне [161]. Известно, что в Сирии единственная в I в. н.э. эмиссия золота прошла от имени Тита Флавия Сабина Веспасиана (69–79 гг. н.э.) в период Гражданской войны (68–69 г. н.э.) [162]. Таким образом, у нас есть основания считать, что все провинциальные эмиссии монет из драгоценных металлов были обусловлены необходимостью снабжать воинские контингенты.

3. Ассарии Гая Цезаря Германика (Калигулы)

Но вернемся к херсонесской меди. Если предположение о возможности эмиссии в Херсонесе от имени Гая Октавия Цезаря Августа и Тиберия Клавдия Нерона верно, то у нас появляется возможность выделить в эмиссии Гая Цезаря Германика (Калигулы) ассарии (отнесем их к третьей группе) с выполненным в другом стиле изображением императора на аверсе и с венком с надписью «CER» на реверсе [163] (Рис. 3,2–3). Заметим,

что эти монеты кажутся нам крайне интересными. Дело в том, что портрет правителя на них выполнен в новом стиле, несвойственном меди, выпущенной предположительно при Тиберии Клавдии Нероне. Заметно, что штампы были исполнены весьма выразительно, но на низком художественном уровне. Заметно, что верхняя часть черепа правителя сильно скошена. Однако мастеру удалось передать полноту сил и агрессивность молодого императора. Видно, как энергично он сморщил лоб, и как целеустремленно смотрит вперед. Впечатление усиливает глубоко посаженный маленький колючий глаз под выдающейся надбровной дугой, крупный выступающий нос и острый волевой подбородок. С не меньшей тщательностью и продуманностью передана корона правителя. Выступающий вперед лавровый венок с крупными листьями как бы подчеркивает высокий ранг изображенного и говорит о его стремлении к расширению своей власти. Не менее выразительно исполнен и реверс этой монеты. Мастеру удалось тщательно изобразить лавровый венок, в центр которого вписано сокращение демотикона «CER».

Вообще, как сама разработка нового монетного типа, так и оригинальность проработки изображений явно говорит о том, что монеты с Девой анфас и венком на реверсе не могли быть выпущены при одном правителе. Вернее всего, выявленные нами эмиссии городской меди разделяет большой временной промежуток. Считаем, что только этим можно объяснить отсутствие преемственности в технике резчиков, выбивших монеты этих разновидностей. Но, к сожалению, отсутствие каких-либо обозначений даты и монограмм правителей или чиновников на разменной монете третьей разновидности на данном этапе исследования не дает нам возможности уверенно ее датировать. Мы можем быть уверены только в том, что все же достаточно оригинальное, по сути, портретное изображение правителя не могло быть стилизованным изображением гипотетического божества Херсонас. Предполагаем, что на аверсах бронз этой разновидности был размещен бюст Гая Цезаря Германика (Калигулы). Уверенность придает нам как заметное сходство изучаемого изображения с каноническими портретами этого императора, известными на его столичных и провинциальных монетах (Рис. 3,1) [164].

Кроме того, у нас есть возможность проследить развитие этого монетного типа при преемнике правителя, что, как нам кажется, подтверждает правоту последнего предполо-

жения. Дело в том, что к настоящему времени выявлены бронзы с тем же изображением на реверсе, но с иным, безусловно узнаваемым портретом на аверсе.

4. Монетное дело Херсона при Тиберии Клавдии Друзе

Бесспорно, к чекану Тиберия Клавдия Друза стоит относить не только уникальные статеры (Рис. 4,4–5), но и ординарные медные ассарии (Рис. 4,2–3,6–8, 5,1–8), причисленные В.А. Анохиным к анонимным эмиссиям второй четверти I в. н.э. [165]. Ведь портретное сходство т.н. «божества Херсонас» на аверсе золота (Рис. 4,4–5) и меди (Рис. 4,2–3,6–8, 5,1–8) херсонесского чекана 40–50 гг. н.э. и изображения этого императора на парадных камнях (Рис. 4,1) [166] очевидно. Не менее примечательно и сохранение на одной из разновидностей портретных ассариев Тиберия Клавдия Друза (Рис. 4,2–3) легко узнаваемого венка и сокращение демотикона, впервые появившегося на меди Гая Цезаря Германика (Калигулы) (Рис. 3,2–3). И, наконец, стоит обратить внимание на датированную медь чекана 70–80 гг. х.э. с изображениями лани и Ники на оборотной стороне (Рис. 4,6–8, 5,1–8). Предполагаем, что все эти монеты была выпущена при Тиберии Клавдии Друзе. И, с целью обосновать нашу гипотезу, опишем эти выпуски в порядке их поступления в обращение.

4.1. Медь с изображением императора на аверсе и с венком, в который вписан демотикон «СЕР» на реверсе

Мы не случайно выделяем в первую херсонесскую эмиссию Тиберия Клавдия Друза недатированные ассарии (отнесем их в четвертую группу) с изображением венка и с надписью «СЕР» на реверсе (Рис. 4,2–3). Дело в том, что само сохранение легко узнаваемого венка и сокращения демотикона на реверсе, используемого в качестве главного элемента оформления городской меди при Гае Цезаре Германике (Калигуле) крайне примечательно. Складывается впечатление, что оборотные стороны всех этих бронз (Рис. 3,2–3, 4,2–3) были сформованы одним штампом. Обратим внимание на аналогичное изображение венка, а так же на идентичное написание букв «С», «Е» и «R». Следовательно, у нас есть все основания предполагать, что эмиссия бронз с венком на оборотной стороне началась при одном правителе, а закончилась при втором. Так как последний из них – Тиберий Клавдий Друз – безусловно признан, то мы можем

уверенно отнести бронзы с иным изображением императора к чекану Гая Цезаря Германика (Калигулы).

Предполагаем, что монеты с венком на реверсе выпускались в начале 40-х гг. н.э., причем относительно недолго, так как при их чеканке использовали только один штампель реверса.

4.2. Статеры Тиберия Клавдия Друза

К настоящему времени статеры Херсонеса, чеканенные при Тиберии Клавдии Друзе, уже достаточно хорошо изучены. В многочисленных публикациях этих монет, первые из которых вышли в свет еще в конце XIX в., содержатся их исчерпывающие описания. Вопросы возникали только при атрибуции изображения на аверсе этих золотых. Так, если А. фон Заллет – первооткрыватель статера 73 г. х.э., считал, что на лицевой стороне изучаемой им монеты был выбит портрет императора [167], то П.О. Бурачков трактовал это же изображение как бюст Аполлона [168]. На настоящий момент самую объективную атрибуцию мужского бюста аверса статеров 73 и 75 гг. х.э. предложил В.А. Сидоренко. Исследователь доказал, что на лицевых сторонах золотых Тиберия Клавдия Друза был размещен портрет этого императора [169]. Насколько нам известно, это предположение В.А. Сидоренко было безоговорочно принято научным миром.

Мы согласны с атрибуцией этого крымского исследователя. Добавим только, что саму их эмиссию можно определенно связывать с римско–боспорской войной 45–49 гг. н.э. Кроме того, судя по почерку, штампели для статеров резал тот же монетчик, который, в свое время изготовил штампы для ассариев с венком на оборотной стороне. Его рука хорошо просматривается передаче портрета правителя на аверсе, а так же в написании сокращений демотикона на реверсе этих монет. Кроме того, на золотых Тиберия Клавдия Друза появилась монограмма PP . Фотографии статеров Тиберия Клавдия Друза приводим на Рис. 4,4–5.

4.3. Датированные медные монеты с портретом Тиберия Клавдия Друза на аверсе и ланью на реверсе

Длительное правление Тиберия Клавдия Друза было отмечено, кроме всего прочего, несколькими датированными эмиссиями херсонесской меди. В 73 и 74 гг. х.э. в денежное обращение этого таврического города поступили ассарии (выделим их в

пятую группу) с легко узнаваемым портретом правителя в лавровом венке на аверсе и с ланью на реверсе (Рис. 4,6–8) [170]. Судя по почерку, над штампами для монет этой разновидности работало два монетчика. Первый из них изготовил чеканы для ассариев 73 г. х.э. (Рис. 4,2–3). Его почерк лучше всего заметен на аверсе. Как мы уже помним, главной особенностью стиля этого монетчика был довольно редкий, можно сказать, уникальный стиль изображения мужской головы – на аверсе золота и меди верхняя часть черепа заметно скошена. Однако штампы для меди 74 г. х.э. вырезал иной монетчик. Заметно, что ему значительно лучше, реалистичнее удавалось изобразить мужскую голову (Рис. 4,8). Причем своеобразие его художественного стиля проявилось не только в правдоподобном отображении человеческой фигуры. Заметно, что монетчик стремился как можно лучше передать индивидуальные черты императора. Только этим можно объяснить своеобразную трактовку лица Тиберия Клавдия Друза, самым заметным элементом которого, по мнению резчика штемпелей, являлся крупный нос. Нам остается только предполагать, что монетчик старался как можно лучше передать черты лица правителя, для чего, вернее всего, скопировал одну из многих его статуй, возможно, схожую с хранящейся в Мадридском музее [171] (Рис. 4,9).

Интересно и то, что на ассариях этой серии известны дополнительные обозначения. На лицевых сторонах этих монет вновь появился литуус, со времен Тиберия Клавдия Нерона не встречавшийся на аверсах денег херсонесского чекана. На реверсе ассариев этой разновидности обязательно присутствует символ «D», размещенный правее и выше лани. На реверсе известного экземпляра меди 74 г. х.э. чуть ниже фигуры животного видна плохо сохранившаяся монограмма, вернее всего, L . В то же время над ланью хорошо видно стандартное LX . Как видим, на оборотной стороне ассарии 74 г. х.э. было выбито две монограммы.

Считаем это обстоятельство весьма важным. Ведь обилие буквенных обозначений на меди с ланью на реверсе не могло быть случайным. А так как ни «D», ни плохо различимая монограмма на ассарии 73 г. х.э. не могли служить обозначением номинала или даты эмиссии, так как, во-первых, в городе чеканили тогда из меди только ассарии, а, во-вторых, символы, обозначающие год выпуска этого статера уже выделены, то получается, что «D» и монограмма L , вернее всего, являлись метками городских магистратов.

Заметим, что это явление было свойственно монетному делу Херсонеса периода независимости и эпохи гегемонии Митридатидов [172]. В таком случае, если смысловая нагрузка буквенных обозначений не изменилась, то на ассариях с ланью на реверсе появились метки городских чиновников. Но, в таком случае, заинтересовавшие нас обозначения могут трактоваться как свидетельство о контроле города над денежной эмиссией.

Понимаем, что выявленное обстоятельство кардинально меняет наши представления о политической ситуации в этом городе в конце 40-х гг. I в. н.э. Поэтому мы не будем настаивать на принятии научной общественностью этого положения. Будем ждать находок монет этого типа, причем лучшей сохранности.

Но вернемся к анализу основных элементов монетного оформления ассариев этой разновидности. В настоящее время мы можем только предполагать обстоятельства этих преобразований. Конечно, жезл авгура и священное животное Артемиды появились на монетах Херсонеса не случайно. Отметим, что изображение лани уже помещали на последней серии серебра автономного Херсонеса, чеканенного в 120–110 гг. н.э. [173]. Известно оно и на тетрадрахмах Митридата VI Евпатора [174]. Но вряд ли монетарии Херсонеса могли при Тиберии Клавдии Друзе вернуться к столь архаичным символам. Считаем, что стоит обратить внимание на тот факт, что лань при этом императоре появилась на бронзах Ефеса [175], ее изображение продолжали оттискивать на разменных монетах киликийской колонии Анемуриум [176] и лидийского города Иерокесареи [177], на бронзах Ликийской лиги [178] и Фокеи [179]. Следовательно, священное животное Артемиды могло появиться на монетах Херсонеса не как напоминание о независимости, а по каким-то другим причинам, которые, как мы предполагаем, вполне можно установить. Обратим внимание хотя бы на то, что лань стала важным элементом оформления монет городов, в которых испокон веков почитали Артемиду. Естественно, что римский император, он же *pontifex maximus* – «*верховный жрец*» официального культа, должен был поддерживать провинциальные святыни. А нам известно, про практически все принцепсы из дома Юлиев–Клавдиев так и поступали. В частности, мы знаем, что Тиберий Клавдий Друз опекал святыни всех религий [180]. И его благочестие прославлялось всеми доступными средствами, в том числе и с помощью монет [181]. Вернее всего, мы имеем дело с официально провозглашен-

ным римскими властями пиететом императора и со своеобразным декларированием покровительства над местными святынями. Как видим, при Тиберии Клавдии Друзе в Херсонесе, как и во всей империи, придерживались норм общегосударственной религиозной политики, по мере сил и возможностей пропагандируя официальный римский и традиционный городской культуры.

4.4. Ассарии 75–78 гг. х.э. с Никой на реверсе

Значительное изменение монетного типа произошло в Херсонесе в 51 г. н.э. С этого момента и до конца правления Тиберия Клавдия Друза в Херсонесе чеканили ассарии (выделим их в шестую группу), основным элементом оформления реверса которых стало изображение шагающей влево Ники с пальмовой ветвью и с лавровым венком в руках [182] (Рис. 5,1–8). К настоящему времени известны такие монеты 75 (Рис. 5,1–2), 76 (Рис. 5,3), 77 (Рис. 5,4) и 78 (Рис. 5,5–8) гг. х.э. Даты эмиссии на этих ассариях размещались на аверсе, ниже сокращения демотикона «СЕР». На реверсе монет первого года выпуска помещали монограмму P (Рис. 5,1–2). В дальнейшем она была заменена на лигатуру P (Рис. 5,3–8). Важной особенностью ассариев последнего года правления Тиберия Клавдия Нерона является нечеткое написание буквы «Н» в дате **НО** – «78». На большинстве известных монет она передана как **NO**. Не удивительно, что первые исследователи нумизматики Херсонеса именно так и прочитали это буквосочетание. Вернее всего, именно это обстоятельство не позволило им датировать сами монеты. Ведь «N» использовалось для обозначения числа «50», а «O» – «70».

Кстати, этим обстоятельством можно объяснить и тот факт, что, хотя такие монеты были введены в научный оборот значительно раньше многих прочих разновидностей херсонесской меди, но причина появления изображения Ники на оборотных сторонах городских ассариев до сих пор так и не была установлена [183]. Можно только предполагать, что победная символика могла появиться на них в ознаменование каких-то значительных военных успехов, причем, вернее всего, не херсонесского, а римского оружия. Ведь ополчение этого полиса каких-то существенных успехов в борьбе с варварами и Боспором в конце I в. до н.э. – в первой половине I в. н.э. так и не добилось [184]. Ни одну из войн этого богатого на конфликты периода Херсонес не провел без помощи Рима. Мало того,

ополчение горожан участвовало в них только в качестве вспомогательных отрядов римской армии [185]. Но, судя по монетным датам, так отметили не присоединение Британии (43 г. н.э.), умиротворение Мавритании (41–42 гг. н.э.) или Фракии (46 г. н.э.), а какую-то другую победу. Предполагаем, что монеты с изображением Ники с венком были выпущены в обращение в память об окончании римско-боспорской войны 45–49 гг. н.э., завершившейся пленением Митридата III(VIII) (39 – 45 гг. н.э.).

Правда, возможно и другое объяснение этого явления. Дело в том, заинтересовавшая нас победная символика регулярно появлялась на монетах абсолютно невоенного Тиберия Клавдия Друза, за свое долгое правление удостоившегося большего числа императорских провозглашений, чем опытный полководец Тиберий Клавдий Нерон [186]. Позволим себе только заметить, что в середине I в. н.э. изображения Ники или Виктории с венком и с пальмовой ветвью было характерно для монет как римского столичного, так и провинциального чекана разных годов выпуска [187]. Подобный способ декларирования непобедимости правителя активно использовался на протяжении всего периода существования империи. Следовательно, появление победных символов на меди Херсонеса при Тиберии Клавдии Друзе вряд ли может являться следствием какого-то одного, пусть и важнейшего успеха римского оружия. Вернее всего, в столице и в ряде провинций с помощью монет попросту декларировалась непобедимость императора. Но, все же мы, учитывая дату эмиссии, предполагаем, что медь Херсонеса с Никой на реверсе могла быть выпущена в память о победе над Боспором. Ведь только в этом случае можно как-то объяснить длительность использования этой победной эмблемы, размещавшейся на оборотной стороне городских ассариев еще при Нероне Клавдии Цезаре [188].

Считаем необходимым отметить и то, что на аверсе монет этой разновидности были отчеканены весьма достоверные портреты императора. Все они примечательны стилизацией под канонический образ Гая Октавия Цезаря Августа. На всех них у императора длинный нос, переходящий по прямой линии в высокий и чистый лоб, острый волевой подбородок и спокойный взгляд больших глаз.

Интересно и то, что победная херсонесская эмиссия последних лет правления Тиберия Клавдия Друза так же прославляла и благочестие императора. На аверсе всех

известных монет этой разновидности просматривается хорошо узнаваемый литуус. Заметим, что эта эмблема к тому времени исчезла с римских монет столичного чекана.

Относительно большое количество известных экземпляров ассариев с Никой на реверсе позволяет, кроме всего прочего, установить процесс их производства. Складывается впечатление, что штемпели монет этой разновидности изготовил один резчик. Выполненные им портреты императора чрезвычайно похожи друг на друга. Мастер на удивление тщательно передал длинный нос, высокий лоб, большие спокойные глаза и волевой подбородок правителя. Единственным хорошо заметным отличием является положение головы. Так, если на ассариях 75 г. х.э. она гордо поднята вверх, то на более поздних бронзах, выпущенных в 76, 77 и в 78 гг. х.э. император смотрит прямо. Заметно, как четкими и уверенными линиями резчик передал буквы легенды, благодаря чему, кстати, стали заметны свойства его оригинального почерка. Особенно хорошо они просматриваются в монограмме $\overline{\text{L}}$, размещавшейся на реверсе монет этой разновидности, выпущенных в 76–78 гг. х.э. [189]. Складывается впечатление, что мастер начинал ее резать с буквы «L». По крайней мере, на всех известных монетах она всегда передана рельефнее остальных символов. Только как ограничение ее сверху и слева понимал резчик левую и верхнюю галсту «G». Зато букву «R», традиционно сочетаемую с правой вертикальной линией «P», он совместил со срединной «L». В настоящее время мы не можем предложить убедительного прочтения этой аббревиатуры. Но все высказанные к настоящему времени ее расшифровки мы считаем ошибочными [190]. Постараемся в ближайшем будущем разрешить и этот вопрос [191].

Можно сказать, что выпуск монет с Никой на реверсе был первой значительной эмиссией городской меди римского Херсонеса. Правда, она продолжалась недолго – всего четыре года, зато в 78 г. х.э. аверсы этих ассариев формовали по крайней мере тремя штемпелями. Вероятной причиной столь значительной активизации монетного производства стала ощутимая потребность в деньгах. Видимо, не случайно эмиссия ассариев продолжилась и при Нероне Клавдии Цезаре.

5. Монетное дело Херсонеса при Нероне Клавдии Цезаре

К настоящему времени вопрос о возможности херсонесских эмиссий этого императора так и остался неразрешенным. Да, медные монеты этого города, чеканенные при Нероне Клавдии Цезаре, т.е. в 85, 88 и 90 гг. х.э. [192] уже давно и хорошо известны. Однако спор по поводу атрибуции изображений на их аверсе до сих пор не окончен. Дело в том, что большинство современных нумизматов, вслед за А.В. Орешниковым и В.А. Анохиным, как мы уже писали, склонны трактовать портреты на их аверсе как изображения т.н. «божества Херсонас». Не будем оспаривать эту гипотезу. Заметим только, что, судя по монетным датам, в правление Нерона Клавдия Цезаря в Херсонесе были выпущены датированные ассарии того же типа, что и последние выпуски Тиберия Клавдия Друза, а так же тетрассарии, ставшие образцом для оформления всех последующих эмиссий денег этого номинала. Кроме того, мы считаем, что на лицевых сторонах монет Нерона Клавдия Цезаря были оттиснуты узнаваемые портреты этого императора. С целью обосновать наше предположение рассмотрим в поисках доказательств уже изданные нашими предшественниками ассарии и тетрассарии, чеканенные в Херсонесе в 80-х гг. х.э.

5.1. Ассарии с портретом императора на аверсе и с Никой на реверсе

Судя по монетам, при Нероне Клавдии Цезаре в Херсонесе продолжалась денежная эмиссия. При этом принцепсе в обращение продолжали поступать датированные ассарии с Никой на оборотной стороне (Рис. 5,9–12), практически полностью повторявшие типы разменной меди позднейшей серии Тиберия Клавдия Друза. Однако некоторые изменения монетного типа все же произошли. Во-первых, на аверсе вновь выпущенных ассариев стали выбивать портрет молодого человека. На их реверсе появились новые вариации изображения Ники. Кроме того, местоположение легенд несколько изменилось. На части ассариев Нерона Клавдия Цезаря сокращение демотикона «CER» было перенесено с аверса на реверс (Рис. 5,9–12). Однако литуус на лицевой стороне сохранился. Как видим, выявленные изменения были достаточно значительны, но в то же время не до такой степени кардинальны, чтобы можно было говорить о смене монетного типа. Следовательно, у нас есть право считать, что при Нероне Клавдии Цезаре в Херсонесе

сохранилось правило размещения портрета императора на аверсе городских денег.

Попробуем обосновать это предположение. Начнем анализ с основных элементов изображения. Судя по монетам, в 85 г. х.э. был впервые использован штемпель, в центре которого было вырезано художественное изображение крупноголового полного мужчины с маленькими косыми глазками, прямым острым носом и пухлым подбородком (Рис. 5,9). Очевидно, что мастер стремился передать облик последнего Юлия–Клавдия – полного и близорукого молодого человека. На монете 88 г. х.э. (Рис. 5,11) сходство стало еще заметнее. Мастер умело отобразил круглую голову, увенчанную лавровым венком. У изображенного не по римскому обычаю длинные волосы. Вообще, его облик больше соответствует греческим нормам. Однако черты лица этого мужчины практически полностью совпадают с выделенными нами на вышеописанном портрете. То же пухлое лицо, прямой нос, маленькие, как бы прищуренные глаза и полный, но острый подбородок. Только само изображение по монете 88 г. х.э. выполнено с большим мастерством.

Именно это обстоятельство позволяет нам уверенно идентифицировать описанные портреты. Выделенные нами черты лица соответствуют каноническому облику Нерона Клавдия Цезаря, хорошо известному по римским и провинциальным монетам [193]. Кстати, о том, что на херсонесских ассариях изображен именно император, говорит наличие литууса, хорошо просматриваемого в нижней правой части аверса.

Попробуем провести более детальный анализ. Как мы уже установили, монеты были оттиснуты разными штемпелями, различными не столько по примененным изобразительным приемам, сколько по самой компоновке изображений. Да, на лицевой стороне монеты все так же выбивали изображение человека, правее которого размещали литуус. Но в то же время на ранних ассариях (85 г. х.э.) часть надписи аверса, а именно сокращение демотикона «CER», переместилось на реверс (Рис. 5,9). Кстати, и написание этого буквосочетания изменилось. Дело в том, что неумелый резчик, изготовивший штемпели для монет этой разновидности, не смог скомпоновать композицию оборотной стороны. Заметно, что у его Ники непропорционально большая и вытянутая биконическая голова соединена с туловищем немисливо длинной и тонкой шеей. Божество держит в руках длинную палку, вероятно, пальмовую ветвь и кружок, возможно, лавровый венок. Левее изображения просматриваются буквы «С» и

«Е», которые, как нам кажется, стоит трактовать как демотикон. Однако буквы даты остались на прежнем месте. Они хорошо видны под бюстом правителя. Таким образом, у нас есть основания выделить эти монеты в седьмую разновидность херсонесских ассариев. Тем более что при Нероне Клавдии Цезаре в денежное обращение Херсонеса поступали другие серии разменных денег, выбитые куда лучше исполненными чеканами.

Вероятно, вскоре после поступления в обращение ассариев 85 г. х.э. на городском монетном дворе началась эмиссия медных монет, реверс которых был оттиснут значительно более художественно выполненным штемпелем (Рис. 5,10). На нем у Ники отчетливо видна пропорциональная голова, увенчанная венком. В руках у божества аккуратно переданная пальмовая ветвь и лавровый венок. Под ним просматриваются следы плохо сохранившейся монограммы N^{P} , выполненной в низком рельефе. Судя по оттиску, демотикон с реверса исчез. К сожалению, мы не можем датировать эту монету, так как на единственном известном нам экземпляре этой разновидности не видна дата. Предлагаем отнести эти монеты к восьмой разновидности.

В последний раз изменилась композиция херсонесских ассариев Нерона Клавдия Цезаря в 88 г. х.э. На монетах этого года сокращение демотикона «CER» опять появился на аверсе (Рис. 5,11). Буквы надписи очень крупные и четкие. Не портит ее даже непропорционально маленькое колечко «R». Под художественно переданным портретом правителя видна дата эмиссии **HP** – 85 г. х.э. Буквы плоские и широкие. Видно, что мастер сначала вырезал изображение императора, а уже потом, где придется, размещал надпись и литуус. В то же время композиция реверса практически не изменилась. Только изображение Ники стало еще более художественным, да монограмма N^{P} стала рельефнее и четче. Значительность отличий в оформлении монет этой серии дает нам возможным вынести их в девятую разновидность.

Предполагаем, что их эмиссия продолжалась довольно долго. На Рис. 5,12 приведена весьма схоже оформленная монета. На ее аверсе аналогичным образом передано сокращение демотикона, а на реверсе размещено художественно исполненное изображение Ники. Монета интересна тем, что изображение правителя на ее аверсе меньше, чем на меди всех описанных выше разновидностей. К сожалению, относительно плохая сохранность этой меди не позволяет

разглядеть на ее аверсе букв даты. Предполагаем, что ее эмиссия проходила если не одновременно, то вскоре после поступления в обращение монет вышеописанного типа. Предлагаем выделить этот ассарий в десятую разновидность.

Таким образом, проведя небольшое нумизматическое исследование, мы выделили четыре типа ассариев Херсонеса, которые, с нашей точки зрения, имеет смысл отнести их к эмиссии Нерона Клавдия Цезаря. Наше предположение основывается на очевидном сходстве изображений мужчины на аверсе монет с каноническими портретами этого императора. Кроме того, оно подтверждается и датами х.э.

Обратим внимание еще на один аспект. Как известно, изображения Ники встречаются на боспорских монетах Нерона Клавдия Цезаря, уверенно датируемых периодом подготовки к большому походу на Восток [194]. Таким образом, у нас есть все основания считать, что при последних Юлиях–Клавдиях пропагандистские победные символы прочно закрепились на монетах как столичной, так и провинциальной чеканки.

5.2. Тетрассарии с бюстом Нерона Клавдия Цезаря на аверсе и с охотящейся Девой на реверсе

Как известно, вопрос об атрибуции изображений молодого человека на тетрассариях Херсонеса времен «второй элевтерии» до сих пор остается одним из самых дискуссионных. Причем его обсуждение активизировалось в последние годы, так как само разрешение этой проблемы позволило бы не только осветить малоизученный период истории города с конца I по вторую четверть II вв. н.э., но и получить фактический материал, пригодный для освещения проблемы официальных культов этого полиса.

Сразу же заметим, что мы не ставим перед собой цели найти решение всех этих вопросов. Понятно, что уверенно атрибутировать все явно стилизованные изображения на аверсе херсонесских тетрассариев I–III вв. н.э. сейчас вряд ли возможно. Мы уверены, что нынешнее состояние нумизматики Херсонеса не позволяет однозначно решить этот вопрос. Считаем, что на данный момент можно только наметить планы дальнейшего исследования, а для начала – определить дату начала эмиссии тетрассариев и попробовать идентифицировать изображения, появившиеся на первых их сериях.

В неоднократно упоминаемом нами каталоге И.В. Шонова [195] приведены

фотографии и описания крупных медных монет чекана Херсонеса с бюстом молодого мужчины на аверсе и со стреляющей Девой на реверсе (Рис. 6,2–3). Судя по весу и по обозначению номинала – «D» – «4» на оборотной стороне, они были тетрассариями. На аверсе лучше всего сохранившихся экземпляров этих монет хорошо читается надпись *Εϛ/ηη~ Sebast|~*, а на реверсе явно было оттиснуто слово *Cersonaseit^n* – «херсонеситов». К настоящему времени известны тетрассарии, выпущенные в Φ (90), Φ D (94), Φ E (95), Φ IA (105) и в RK (120) гг. х.э. С целью разрешить поставленную задачу, обратим внимание на самые ранние монеты этой разновидности, отчеканенные в правление Нерона Клавдия Цезаря. И, так как издатель не удосужился описать их на должном уровне, попробуем сделать это самостоятельно.

На лицевых сторонах монет 90 г. х.э. был оттиснут бюст молодого безбородого полноватого человека с прямым носом и острым, выступающим вперед подбородком. На его пышных и длинных, по греческой моде уложенных волосах хорошо различима диадема. Примечательно то, что у изображенного непропорционально длинная шея, что, впрочем, было характерно для римского монетного искусства второй четверти I – первой половины II вв. н.э. [196]. Бросается в глаза и исчезновение привычного литууса, со времен Тиберия Клавдия Друза традиционно сопровождающего портреты императоров на аверсе медных монет херсонесского чекана. Зато на лицевых сторонах тетрассариев появилась лира [197] и пальмовая ветвь, размещенные правее и левее изображения молодого мужчины (Рис. 6,2–3,5–6).

Обратим внимание на реверс этих монет. На нем было оттиснуто изображение Девы, несвойственное предыдущему периоду. На монетах серии «*Εϛ/ηη~ SebastY~*» она явно атакует, поражая врагов стрелами. Предполагаем, что появление этого изображения объясняется какими-то победами херсонесского и римского оружия. Вернее всего, они были одержаны в ходе похода Тиберия Плавтия Сильвана Элиана в Таврику (период от 63 до 66 гг. н.э.), как известно, освободившего Херсонес от скифской осады [198].

Считаем нужным акцентировать внимание еще на одном обстоятельстве. На монетах этой разновидности нет ординарных для Херсонеса монограмм. Мы считаем этот фактор достаточно значимым и займемся его трактовкой в свое время.

Подведем предварительные итоги. Как видим, достаточно большое число новшеств, отмеченных нами на тетрассариях серии «Eϣ/nh~ Sebastŷ~» требуют своего объяснения. Но займемся, прежде всего, анализом аверса меди этого типа. Тем более что изображение мужчины на нем определенно портретно. Попробуем его атрибутировать. Так как на голове изображенного видна диадема, попытаемся найти схожий с ним хорошо известный портрет правителя второй половины I в. н.э. [199]. На наш взгляд, наибольшее сходство наблюдается с изображениями Нерона Клавдия Цезаря [200]. Те же пышные волосы, обрамляющие полное лицо, тот же нос и острый, выступающий вперед подбородок [201] (Рис. 6,1,3).

Заметим, что нам известно еще одно, правда, косвенное подтверждение нашей гипотезы. Обратим внимание на лиру, заменившую на тетрассариях традиционный литуус. Как известно, Нерон Клавдий Цезарь очень гордился своими музыкальными успехами. Об этом, к примеру, очень красочно писал Гай Светоний Транквилл [202]. Дело дошло до того, что при этом императоре была выпущены серии монет, прославляющая его сценические успехи. Кстати, асс одной из их разновидностей приведен на Рис. 6,4. Так что не следует удивляться тому, что при Нероне Клавдии Цезаре изображение лиры появилось на аверсе тетрассариев Херсонеса.

Допустим, что мы правы, и при последнем императоре из династии Юлиев–Клавдиев в Херсонесе выпускали монеты с изображением верховного правителя Рима. Но, в таком случае, как быть с атрибуцией иных тетрассариев этого же типа «Eϣ/nh~ Sebast|~», на аверсе которых было оттиснуто изображение бородатого мужчины?

Воспользуемся тем же иконографическим методом. Первым делом сравним лица мужчин, изображенных на аверсах монет, приведенных на Рис. 6,2–3,5–6. Заметно, что верхние их части совершенно идентичны. Тот же разрез глаз, тот же слегка скошенный лоб, тот же нос. Но этого нельзя сказать о нижней части их лиц. Хорошо видно, что на (Рис. 6,5–6) изображены бородатые мужчины. Очевидно, что аверсы тетрассариев серии «Eϣ/nh~ Sebast|~» был оттиснуты весьма схожими штемпелями. Мы даже рискуем предположить, что в ход был пущено всего два чекана. Однако, судя по монетам, один из них позже был подрезан – молодому мужчине добавили бородку, скрывшую нижнюю часть его лица. Иных объяснений этой ситуации, с нашей точки зрения, не может быть.

Заметим, что выявленное нами явление довольно неординарное. Дело в том, что если Нерона Клавдия Цезаря и дразнили Агенобарбом, то вряд ли бы в провинции рискнули размещать небритое лицо императора на монетах [203]. Получается, что монетный мастер, добавивший Нерону Клавдию Цезарю бороду, не ставил перед собой цель намекнуть на свою осведомленность о жизни римского двора. Вернее всего, он стремился исказить изображение.

Попытаемся найти объяснение этому явлению. Понятно, что резчик сознательно модифицировал штемпель, вернее всего, преследуя цель убрать с монеты хорошо узнаваемое изображение императора. Заметим, что выявленное обстоятельство видится нам чрезвычайно важным. Дело в том, что в римской политической традиции не было принято бороться подобными методами даже с поверженным противником. Уничтожали изображения низложенных правителей только в исключительных случаях. Так поступали со статуями и изображениями смещенных тиранов или сосланных, да и то только тогда, когда на это была получена официальная санкция верховных носителей власти [204]. К примеру, по сенатскому указу уничтожали статуи и изображения и Нерона Клавдия Цезаря и Тита Флавия Домициана. Понятно, что в те же периоды времени на провинциальных денежных дворах срочно искали замену хорошо узнаваемым изображениям низложенных императоров. И, если на Боспоре в 68 г. н.э. смогли разработать новый монетный тип сестерциев и дупондиев [205], то в Херсонесе, вернее всего, решили попросту подрезать штамп, т.е. преобразовать портрет Нерона Клавдия Цезаря в изображение какого-то почитаемого божества, вернее всего – в Зевса, так как царскую диадему резчик не убрал. Однако надпись Eϣ/nh~ Sebast|~ сочли нужным оставить [206].

Сама переделка штемпеля аверсов тетрассариев, выпускавшихся с 90-х гг. х.э., в результате которого было сознательно искажено легко узнаваемое изображение императора, безусловно, подтверждает наше предположение о возможности выделения этих монет в эмиссию Нерона Клавдия Цезаря.

Выявленные обстоятельства позволяют нам сделать некоторые выводы. Считаем, что тетрассарии серии «Eϣ/nh~ Sebastŷ~» поступили в обращение не раньше 62 г. н.э., а, вернее всего, только к концу правления Нерона Клавдия Цезаря. В любом случае, победная символика в оформлении позволяет нам приурочить их эмиссию к краткому мирному периоду, наступившему после похода

Тиберия Плавтия Сильвана Элиана в Таврику [207]. Выпускали монеты этой разновидности всего несколько лет. По крайней мере, в процессе их производства было задействовано не более двух штемпелей аверса. Вернее всего, тираж этих монет был невелик. После свержения Нерона Клавдия Цезаря в Херсонесе выпускали тетрассарии этого же типа, оттиснутые несколько модифицированным штемпелем аверса – монетчики добавили изображенному мужчине короткую бороду. Однако легенда и обозначение номинала на этих монетах сохранились.

Вряд ли эмиссия таких тетрассариев могла проходить долго. Впрочем, у нас есть косвенная возможность определить период их эмиссии. Считаем, что во время Гражданской войны (68–70 г. н.э.) в Херсонесе выпустили новую разновидность крупной меди (Рис. 6, 7–8). На аверсе этих монет, оттиснутых заново вырезанными штемпелями, было выбито изображение женского божества в шлеме, вернее всего, Афины Паллады (Минервы) или Ромы [208] вправо. В правой руке богиня держит копье с массивным, но коротким наконечником. Правее лица изображенной видны следы плохо оттиснутой надписи. Определенно читается только **SEBASTOS** (**SEBASTOU?**), т.е. **Sebast3~** (**Sebast4u ?**) – «*Август (Августа)*». Очевидно, что в легенде упомянут император, а не его супруга или какая-либо другая родственница, так как в противном случае на монете выбили бы **SEBASTIAS** (**SEBASTH**), т.е. **Sebasti~** (**Sebast\?**) – «*Августа*». Мы настаиваем на нашем прочтении, так как на экземпляре, изданном А.Н. Зографом [209], видно, что легенда лицевой стороны состояла, как минимум, из восьми букв, причем последняя из них, судя по определенно просматриваемому уголку в нижней части, представляла собой прописную «S» (Рис. 6, 7). Немного левее этого текста видна монограмма $\overline{\text{P}}$, размещенная под наклоном примерно в 20° к вертикальной оси композиции аверса.

Куда лучше сохранились изображения и тексты реверса. По крайней мере, хорошо виден весьма художественно выполненный бюст бородатого божества, судя по диадеме – Зевса, окруженный надписью **Cersonaseit^n**. На оборотной стороне просматривается и обозначение номинала – «D» – «4». Иных эмиссионных знаков мы на монете не выявили. Так, на даже хорошо сохранившихся экземплярах тетрассариев этого типа нет никаких обозначений даты их выпуска. Однако у нас есть возможность определить период эмиссии этих монет. Дело в том, что известен тетрассарий, аверс которого был сформован

штампом с изображением богини в шлеме и с копьем в правой руке, а реверс оттиснут чеканом, на котором был вырезан бюст молодого человека и лира (Рис. 6, 9). Следовательно, тетрассарии с богиней в шлеме и с копьем на аверсе и с Зевсом на реверсе были выпущены практически одновременно с последними тетрассариями серии «E~nh~ **SebastY~**».

Считаем, что сам факт эмиссии анонимных и недатированных тетрассариев весьма примечателен. Дело в том, что именно на начальном этапе Гражданской войны, т.е. в период борьбы *legati Augusti* Гая Юлия Виндекса (Лугдунская Галлия), Люция Клодия Мацера (Африка) и Сервия Сульпиция Гальбы (Тарраконская Испания) с Нероном Клавдием Цезарем на многих провинциальных дворах, расположенных на подконтрольных официальному Риму территориях, вернулись к выпуску монет прежних, неримских типов. Впрочем, подобного рода возврат к нормам далекого прошлого наблюдался не только в денежном деле «автономных» или «свободных» полисов. Многие претенденты на императорскую власть тогда выпустили денарии, оформленные в стиле серебра полководцев поздней республики и Гая Октавия Цезаря Августа. Однако чеканили эти монеты по стопе, введенной Нероном Клавдием Цезарем.

Судя по оформлению монет серии с Афиной Палладой (Минервой) или с Ромой на аверсе и с Зевсом на реверсе, в Херсонесе так же решили убрать с монет символику непопулярных последних Юлиев–Клавдиев. На его тетрассариях появились почитаемые во всей Греции и в Риме женские божества и Зевс – царь богов. Но, как видим, напоминание о зависимости Херсонеса от империи убрать все же не решились. На лицевой стороне монет этой группы осталось уже традиционное упоминание о приемном сыне Гая Юлия Цезаря – **Sebast3~** (**Sebast3u ?**) [210].

Интересно и то, что на монетах этого типа нет указаний на дату их выпуска. Вспомним, что эта эмиссионная информация размещалась на всех номиналах чекана Херсонеса с 51 г. н.э. Мы не считаем это явление случайным. Общая для всей империи тенденция к возврату к стандартам «золотого века», а так же вероятное отсутствие разрешений на денежную эмиссию от погрузившегося в анархию Рима позволило городским властям на время отказаться от размещения обязательной прежде информации. Правда, можно сказать, что в Херсонесе обозначение даты заменили на традиционную монограмму $\overline{\text{P}}$, как мы помним, отсутствующую на

тетрассариях Нерона Клавдия Цезаря. Вернее всего, она представляла собой понятную для местного населения аббревиатуру, содержащую, кроме всего прочего и эмиссионную информацию.

В любом случае, выпуск такого рода тетрассариев продолжался недолго. Уже вскоре после окончания Гражданской войны на монетном дворе Херсонеса разработали новые штемпели аверса, на которых были вырезаны стилизованные до неузнаваемости изображения мужчин в лавровых венках. Вернее всего, их уже не считали портретами императоров. Предполагаем, что монетчики Херсонеса выбивали на аверсе городской меди бюсты Аполлона. Ведь лиру – символ этого божества они оставили. Да и надпись **Ex/nh~ Sebast|~** исчезла с лицевых сторон херсонесских тетрассариев. Выпуск таких монет продолжался весь период «второй элевтерии» [211].

Заметим, правда, что на аверсе ряда херсонесских тетрассариев периода «второй элевтерии» были выбиты изображения мужчин и женщин, определенно схожих с римскими императорами и императрицами. Но мы не будем приводить в этой статье результаты исследования этих монет, так как они были выпущены не при Юлиях–Клавдиях.

Подведем итоги нашего исследования. Зависимость Херсонеса от Рима при Юлиях–Клавдиях проявилась, кроме всего прочего, в выпуске золотой, серебряной и медной монеты с изображениями императоров и их сподвижников. В период империума Марка Випсания Агриппы на Востоке в Херсонесе был налажен выпуск портретных оболондупондиев с изображениями Гая Октавия Цезаря Августа и его друга. Выпуск таких монет продолжался недолго. Их чеканка прекратилась вскоре после смерти Марка Випсания Агриппы. Одновременно с оболондупондиями в Херсонесе были выпущены ассарии с портретом Гая Октавия Цезаря Августа на аверсе и с изображением статуи Девы Защитницы на реверсе. Эмиссия императорских монет продолжилась и при Тиберии Клавдии Нероне. При этом правителе появились первые датированные монеты Херсонеса. Причем впервые за почти век римского господства прошли эмиссии городского золота и серебра. Считаем, что правление пасынка Гая Октавия Цезаря Августа было отмечено в Херсонесе выпуском статов и драхм. Монеты из драгоценных металлов чеканили по монетным стопам, свойственным эллинистическим государствам Востока. При Гае Цезаре Германике (Калигуле) в обращение поступили недатированные

ассарии с венком и сокращением демотикона «**CER**» на реверсе. Важные для всего античного мира события, произошедшие в Таврике при Тиберии Клавдии Друзе, нашли свое отражение и в денежной эмиссии Херсонеса. В период правления этого внука Гая Октавия Цезаря Августа херсонесские монетарии выпустили в обращение две серии датированных статов одного типа и три разновидности ассариев. Как мы установили, все эти монеты – портретны. Важно то, что при Тиберии Клавдии Друзе на реверсе медных монет херсонесского чекана впервые появились обозначения даты по местной эре. Предполагаем, что появление этой информации было обусловлено исключительно стремлением римских властей контролировать объем денежной эмиссии. Ведь не случайно датированные монеты регулярно поступали в денежное обращение Херсонеса при Нероне Клавдии Цезаре, при котором, как известно, империя не раз оказывала помощь греческим полисам Причерноморья. Кстати, при этом правителе впервые были выпущены тетрассарии – наиболее ходовая монета херсонесского чекана II–III вв. В то же время ослабление центральной власти в период первой Гражданской войны привело к исчезновению изображений правителей и обозначения даты выпуска с монеты городского чекана. Так, на тетрассариях с изображением богини в шлеме на аверсе и с Зевсом на реверсе кроме монограммы **Α** нет никаких других эмиссионных знаков.

Проведенное исследование позволяет сформулировать нашу концепцию состояния экономики Херсонеса в эпоху Юлиев–Клавдиев. Судя по известному к настоящему времени нумизматическому материалу, монетный двор этого полиса работал при первых императорах этой династии с длительными перерывами. По крайней мере, в технике его резчиков не заметно преемственности. Следовательно, в первой половине I в. н.э. в Херсонесе значительной потребности в деньгах не было. Судя по атрибутируемым нами бронзам, монетное производство в этом полисе активизировалось только при Тиберии Клавдии Друзе, при котором было принято за правило обозначать дату эмиссии на всех деньгах городского чекана. Только с середины I в. н.э., т.е. после окончания Римско–боспорской войны в Херсонесе переходят к регулярным датированным выпускам разменной монеты. Считаем, это явление можно объяснить как умиротворением на полуострове, так и размещением в Хараксе римского гарнизона, расходы на содержание которого стимулировали городскую экономику.

Не следует сбрасывать со счетов и роль эскадры Равеннского флота, размещенной в Херсонесе. Римские военные моряки не только сделали Понт безопасным, но и стали платежеспособными покупателями, создавшими спрос на большинство товаров, производимых в городе.

Но основным результатом нашего исследования, как нам кажется, стала констатация очевидного факта, что в Херсонесе в римскую эпоху выпускали монеты с безусловно определяемыми изображениями правителей. На данный момент нам удалось выявить серии всех императоров из дома Юлиев–Клавдиев. В ближайшем будущем планируем вынести на научное обсуждение наше видение монетного дела Херсонеса при Антонинах, Северах и «солдатских императорах» первой половины III в. н.э.

Примечания

1. Köhler H.K.E. Description des médailles de Chersonésus, ville de Chersonèse-Taurique, auxquelles sont ajoutées deux médailles de Cherson // Serapis. H.K.E. Köhler's Gesammelte Schriften im auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften / Herausgegeben L. Stephani // St. Petersburg, 1850. Teil II. Band II. S. 99, 100, 112. № 91, 92, 93. Pl. VI,2,3.
2. Ibid. S. 99, 100, 112. № 92, 93. Pl. VI,3. Мы приводим это написание имени приемного сына Божественного Юлия, так как считаем его безусловно верным. Дело в том, что так именовали этого императора Гай Светоний Транквилл (См.: [Cajus Suetonius Tranquill] Gaji Suetonii Tranquilli Opera, et In Commentarius Samuelis Pitisci. quo antiquitates romanæ, tum, ab interpretibus doctissimis, Beroaldo, Sabellico, Egnatio, Ursino, Grutero, Torrentio, Casaubono, Marcilio, Voxhornio, Graevio, Babelonio etiam explicatæ, tum ab illis neglectæ, ex auctoribus idoneis permultis, græcis & latinis, veteribus & recentioribus, perpetuo explicantur: huic accedunt index auctorum, ... imperatorum, imperatoresque arctissimo gradu contingentium icones, & figuræ ex veterum monumentis ... Trajecti ad Rhenum [Utrecht]: Ex officina Francisci Halmæ, 1690. Vol. I. P. 226) и Кассий Дион Кокцеян (См.: [Djwn | K=ssio~] Dio's Roman History. London, 1916. Vol. IV–VII). Отметим и то, Г. Дессау в просопографическом словаре Римской империи называл этого правителя Гаем Октавием, Гаем Юлием Цезарем, Императором Цезарем Августом, но никак не Октавианом (См.: Dessau H. Prosopographia imperii Romani. Saec. I, II, III. Berlin, 1897. Pars. II. P. 172–174. № 140). В дальнейшем мы постараемся называть

исторических деятелей их подлинными именами. Напомним, что Гая Октавия Цезаря Августа называл при жизни Цезарем Октавианом или просто Октавианом только Марк Туллий Цицерон (Ibid. P. 174). Сразу же определимся, что Тиберия Клавдия Нерона – пасынка Гая Октавия Цезаря Августа мы не будем называть Тиберием Юлием Цезарем, так как это имя он получил уже в старости и по усыновлению. Зато внуков Гая Октавия Цезаря Августа, адоптированных дедом, считаем нужным именовать Юлиями Цезарями, так как все основные события их жизни произошли после принятия в семью принцепса. Это же правило применим при упоминании Гая Цезаря Германика (Калигулы) – сына Гая Клавдия Нерона Друза Германика, адоптированного Тиберием Клавдием Нероном и Луция Домиция Агенобарба, названного Нероном Клавдием Цезарем после усыновления Тиберием Клавдием Друзом.

3. К настоящему времени вопрос атрибуции этой монеты все еще открыт. Дело в том, что как исключительная редкость бронз этой разновидности, так и отсутствие на известном в XIX в. экземпляре каких-либо меток эмиссионных центров до сих пор не позволило уверенно установить место ее выпуска. Но мы, соглашаясь с мнением Г.К.Э. Кёллера и Б.В. Кёне (См.: Кёне Б.В. Исследования об истории и древностях Херсонеса Таврического. СПб., 1848. С. 126. № 1. Табл. IV,1; Köhne B. von. Beiträge zur Geschichte und Archäologie von Chersonesos in Taurien. St. Petersburg, 1848. S. 115. № 1. Pl. IV,1; Köhler H.K.E. Op. cit. S. 99. № 92), все же считаем, что эта монета была выпущена в Херсонесе. Наши соображения по вопросу ее атрибуции приведем ниже.
4. Köhler H.K.E. Op. cit. S. 99. № 92.
5. Ibid. S. 86–97.
6. Ibid. S. 95–97. № 64–73.
7. Заметим, что этот вопрос был достаточно хорошо изучен уже к концу XVIII в. По крайней мере, в неоднократно нами цитированном энциклопедическом словаре Иоганна Христофора Раша был приведен практически полный перечень изображений божеств, известных на монетах Херсонеса Таврического (См.: Lexicon universale rei numariae veterum et praecipue graecorum ac romanorum cum observationibus antiquariis geographicis chrinologicis historicis criticis et passim cum explicatione monogrammatum / Edidit Io. Cristophorus Rasche, praefatus est Christ. Gottl. Heyne. Lipsae, 1791. T. 6. P. 1. Col. 1414–1417).
8. [Millin M.] Note de M. Millin sur Les Médailles trouvées en Crimée par M.J. Reuilly // Voyage en Crimée et sur Les Bords de La Mer Noire, pendant l'année 1803; Suivri d'un Mémoire sur le

- Commerce de cette Mer, et de Notes sur la principaux Ports commerçans. Dédié a sa Majesté L'Empereur et Roi, par J. Reuilly, Auditeur au Conseil d'État, Membre de la Légion 'honneur, Sous-Préfect de Soissons. Paris, 1806. P. 225. №2. Pl. II.
9. Köhler H.K.E. Op. cit. S. 107.
 10. Ibid. S. 108–109.
 11. Ibid. S. 109.
 12. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э.–XII в. н.э.). Киев, 1977. С. 44, 48.
 13. Кёне Б.В. Исследования об истории и древностях Херсонеса Таврического С. 126–140; Херронес (Севастополь) Окончание // ЖМНП. СПб., 1855. Третье десятилетие. Ч. LXXXVIII. Декабрь. С. 177; Köhne B. von. Beiträge zur Geschichte und Archäologie von Chersonesos in Taurien. S. 115–129.
 14. Кёне Б.В. Исследования об истории и древностях Херсонеса Таврического. С. 128; Köhne B. von. Beiträge zur Geschichte und Archäologie von Chersonesos in Taurien. S. 117.
 15. Кёне Б.В. Исследования об истории и древностях Херсонеса Таврического. С. 132–137. № 27–56; Köhne B. von. Beiträge zur Geschichte und Archäologie von Chersonesos in Taurien. S. 120–126. № 27–56.
 16. Кёне Б.В. Исследования об истории и древностях Херсонеса Таврического. С. 126, 127. № 1; Köhne B. von. Beiträge zur Geschichte und Archäologie von Chersonesos in Taurien. S. 115. № 1.
 17. Кёне Б.В. Исследования об истории и древностях Херсонеса Таврического. С. 135; Köhne B. von. Beiträge zur Geschichte und Archäologie von Chersonesos in Taurien. S. 123.
 18. Бурачков П. Общий каталог монет, принадлежавших эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря в пределах нынешней России. Одесса. 1884. Ч. I. С. 118, Табл. XVI, 88.
 19. Там же.
 20. Там же.
 21. Там же. С. 119.
 22. Там же. С. 111. № 42–45.
 23. Там же. С. 122. Табл. XVI, 106, 109, 111, 114.
 24. Бертъе-Делагард А.Л. Поправки общего каталога монет П.О. Бурачкова. М., 1907. С. 16, 17.
 25. Там же. С. 16.
 26. По мнению В.А. Анохина, их следует считать ауреусами (См.: Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). С. 70). Однако известно, что римские золотые наибольшего номинала в первой половине I в. н.э. весили значительно меньше норм, принятых в Северном Причерноморье. Так, уже при Тиберии Клавдии Нероне средний вес ауреуса составлял 7,72 г (См.: Карышковский П.О. Ольвийские монеты: производство и технология // Stratum plus. ВАШ археологический журнал. СПб. – Кишинев – Одесса, 1999. № 6. С. 56. Табл. 33; Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). Одесса, 2003. С. 66. Табл. 33; Sutherland C.H.V. The Roman Imperial Coinage / Ed. C.H.V. Sutherland, R.A.G. Carson. London, 1984. Vol. I. From 31 BC to AD 69. P. 93). Следовательно, у нас есть все основания считать, что раз на Боспоре и в Херсоне в интересующий нас период продолжали выпускать золотые статеры привычного для населения веса, то монетные системы этих государств и Рима тогда были слабо коррелированы. Отметим также, что с нашей точки зрения имеет смысл придерживаться точки зрения Н.А. Фроловой, предположившей, что государства Северного Причерноморья сохранили монетную стопу римского столичного золота, введенную еще Гаем Октавием Цезарем Августом (См.: Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. Ч. I. С. 88).
 27. Бертъе-Делагард А.Л. Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов Сарматии и Тавриды. М., 1912. С. 25.
 28. Орешиников А.В. Материалы по древней нумизматике Черноморского побережья. М., 1892. С. 26. №18–20. Табл. II, 18–20.
 29. Орешиников А.В. Монеты Воспорского царства и древнегреческих городов, находящихся в пределах нынешней России. Каталог собрания древностей гр. А.С. Уварова. Вып. VII. М., 1887. С. 45, 46. № 303–306.
 30. Орешиников А.В. Херсонас, божество Херсонеса Таврического // ИАК. Петроград, 1918, Вып. 65. С. 144–152.
 31. Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. М.–Л., 1951. Вып. 16. С. 152. К настоящему времени эти представления значительно скорректированы. Да, нам известно, что в Херсонесе культ Аполлона никогда не доминировал. Его почитали в основном только как брата Артемиды – Девы (См.: Скржинская М.В. Древнегреческие праздники в Элладе и в Северном Причерноморье. Киев, 2009. С. 40). Однако мы знаем, что жители этого полиса, как и их предки – колонисты из Делосса, чтити Аполлона Делосского (См.: Тюменев А.И. Херсонесские этюды // ВДИ. 1938. № 2. С. 265; Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы 1996–1997. М., 1999. С. 120; Русяева А.С., Русяева М.В. Верховная богиня античной Таврики. Киев, 1999. С. 105). По крайней мере, известно, что херсонеситы пожертвовали храму этого божества 4000 драхм, на проценты от которых в III в. до н.э. в месяце Ленеоне утраивали праздник – Херсоне-

сии (См.: Тюменев А.И. Указ. соч. С. 271–272). Судя по эпиграфическим данным, в эллинистическую эпоху многие граждане Херсонеса оказали услуги Делоссу и святилищу Аполлона, за что удостоились венков на местных праздниках (См.: *Farnoux D. Delos // Bulletin de Correspondance Hellenique*. Т. 115. 1991. P. 722. Fig. 4). Кстати, о почитании Аполлона в высших слоях херсонесского общества говорит и распространение теофорных имен *`Apoll9nio~* – «Аполлоний», *`Apollwnjdo~* – «Аполлонид» и *`Apollwnja* – «Аполлония», хорошо известных на лапидарных памятниках и на городских монетах (См.: *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). С. 26, 27, 33, 60, 71, 139, 140, 141, 146, 148; *Соломоник Э.И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964. С. 86–87, 113–114. № 37, 56; Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973. С. 17–41, 134, 149–151, 174–175, 198–199, 203–207. № 111, 112, 113, 141, 149, 151, 168, 182, 184). Кроме того, культовые символы Аполлона присутствуют и на монетах херсонесского чекана. Как известно, на реверсе тетраалков этого полиса, чеканенных в последней трети IV в., выбивали изображение грифона – одного из священных животных этого божества. Примечательно и то, что на аверсе монет этой же разновидности размещали фигуру коленопреклоненной Девы. Мы согласны с точкой зрения В.М. Зубаря, предположившего, что «наличие в херсонесской монетной чеканке атрибутов Аполлона... позволяет говорить не только о его почитании от имени гражданской общины Херсонеса, но и о тесной связи этого божества с культом Партенос, а так же об определенных параллелях, имевших место в сакральной жизни Ольвии и Херсонеса» (См.: *Зубарь В.М.* Боги и герои античного Херсонеса. Киев, 2005. С. 53–54).

32. *Зограф А.Н.* Указ. соч. С. 152.

33. Там же.

34. Там же. С. 157.

35. Там же. С. 155; *Sallet A. von.* Königliche Museen zu Berlin. Beschreibung der antiken Münzen. Band I, Taurische Chersonesus, Sarmatien etc., Berlin, 1888. Taf. I,10.

36. *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). С. 148–156. № 208–225, 229–257, 261–276, 283–291, 295–308. Табл. XIV,208–225, XV,229–230, XVI,239–243,245, XVII,250–257, XVIII,262–269, XIX,273–276,283, XX,286–290,295, XXI,296–308.

37. Там же. С. 85–86, 88, 155, 156. Табл. XX,286–290; Табл. XXI,308.

38. *Сидоренко В.А.* Золотая монетная чеканка Херсонеса I–II вв. н.э. // МАИЭТ. Симферополь, 2001. Вып. VIII. С. 436–453.

39. Там же. С. 445–446.

40. *Шонов И.В.* Монеты Херсонеса Таврического. Каталог. Симферополь, 2000. С. 66–80, 82–85, 86–88, 89–90, 93, 94–97, 99. № 89–108, 112–116, 118–120, 123–125, 129, 132–135, 139.

41. *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). С. 62–67.

42. *Зограф А.Н.* Указ. соч. С. 157; *Сидоренко В.А.* Указ. соч. С. 442; *Sallet A. von.* Op. cit. Taf. I,10.

43. *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). С. 79, 148, 150, 153, 154, 163. Обратим внимание и на то, что к настоящему времени известно несколько произношений названия этого города. Так, к примеру, его именовали *Cers3nhso~*, *Cerr3nhso~* (новоатт.) или *Cers3naso~* (См.: *Paulus Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft. Neue bearbeitung / Herausgegeben von Georg Wissowa.* Stuttgart, 1899. Band 3. Col. 2242. Ver. 35–36). Естественно, что сокращения этих слов и размещали на монетах Херсонеса.

44. IOSPE, I² 352. Col. II. Ver. 50–52.

45. *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). С. 17–91. Табл. I–XXI.

46. *Сидоренко В.А.* Указ. соч. С. 445–446.

47. Там же. С. 439–440. № 6, 7, 8, 9.

48. Там же. С. 438–439. № 5, 6–7.

49. Там же. С. 440–441. № 10, 11, 12.

50. Там же. С. 441–442. № 13, 14, 15.

51. [*Cajus Suetonius Tranquill*] *Gaji Suetonii Tranquilli Opera, et In Commentarius Samuelis Pitisci. quo antiquitates romanæ, tum, ab interpretibus doctissimis, Beroaldo, Sabellico, Egnatio, Ursino, Grutero, Torrentio, Casaubono, Marcilio, Voxhornio, Graevio, Babelonio etiam explicatæ, tum ab illis neglectæ, ex auctoribus idoneis permultis, græcis & latinis, veteribus & recentioribus, perpetuo explicantur: huic accedunt index auctorum, ... imperatorum, imperatoresque artissimo gradu contingentium icones, & figuræ ex veterum monumentis ... Trajecti ad Rhenum [Utrecht]: Ex officina Francisci Halmæ, 1690. Vol. I. P. 781–782. Cap. XII:2.*

52. Пожалуй, единственным свидетельством обратного является терракотовая пластина с изображением змееногого существа с головой быка, явно херсонесского производства. Однако стоит заметить, что, по мнению В.М. Зубаря, она являлась изображением Ехидны (См.: *Зубарь В.М.* Боги и герои античного Херсонеса. Киев, 2005. С. 31–32), которую вряд ли могла почитать гражданская община.

53. *Кёне Б.В.* Исследования об истории и древностях Херсонеса Таврического. С. 128; *Köhne B. von.* Beiträge zur Geschichte und Archäologie von Chersonesos in Taurien. St. Petersburg, 1848. S. 116.

54. *Sydenham E.A.* The Roman Imperial Coinage. London, 1926. Vol. II. Vespasian to Hadrian. P. 154–213, 244–313.

55. *Sutherland C.H.V.* Op. cit. Pl. 14,57.
56. *Cohen H.* Description Historique des Monnaies frappées sous l'Empire Romain communément appelées Médailles Impériales. Paris. 1880. Vol. I. P. 367. № 1–3; *Sutherland C.H.V.* Op. cit. Pl. 31,76.
57. *Webb P.H.* The Roman Imperial Coinage / Ed. H. Mattingly, E.A. Sydenham. London, 1972. Vol. V. Part. II. Pl. I,2; II,1,9,11,12; III, 3,6,7,10,12,13,17; IV,3,9; V,1,9.
58. *Bruun P.M.* The Roman Imperial Coinage / Ed. C.H.V. Sutherland, R.A.G. Carson. London, 1966. Vol. VII. Constantine and Licinius. A.D. 313–337. Pl. 2,179, 4,305, 5,31,33,50,442,468,469,470, 6,65, 8,244, 15,40; *Cagnat R.* Cours D'Épigraphie Latine. Paris, 1914. P. 239.
59. *Sear D.R.* Roman Coins and Their Values. London, 2000. P. 267–268. № 1395, 1399, 1400.
60. *Ibid.* P. 274. № 1433.
61. *Ibid.* P. 294. № 1520.
62. *Ibid.* P. 295. № 1525.
63. *Сидоренко В.А.* Указ. соч. С. 445–446.
64. Пользуясь случаем, заметим, что мы не разделяем уверенность В.А. Анохина по поводу атрибуции позднейших тетрассариев чекана Херсонеса. Дело в том, что их нельзя отнести к чекану Публия Лициния Валериана (253–260 гг. н.э.). Ведь, как известно, этот император не носил бороду (См.: *Webb P.H.* The Roman Imperial Coinage. London, 1972. Vol. V. Part. I. Pl. I,1–10), а на позднейших тетрассариях Херсонеса изображен бородатый мужчина (См.: *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). С. 156. Табл. XXI,304–308). Очевидно, что определенно несхожие изображения мужчин на их аверсе не могли являться портретами одного человека. Считаю вопрос выяснения даты окончания денежной эмиссии в Херсонесе чрезвычайно важным и планирую заняться им в ближайшем будущем.
65. *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). С. 80, 82, 153.
66. С гипотезой, объясняющей введение этого летоисчисления, можно ознакомиться в нашей статье (См.: *Чореф М.М.* К биографии А.Л. Бертье-Делагарда: его роль в атрибуции «Надписи Зинона» // Историк и его эпоха. Вторые Даниловские чтения (20–22 апреля 2009, г.Тюмень). Тюмень, 2009. С. 364).
67. *Бурачков П.* Указ. соч. С. 118.
68. Там же. С. 118. № 88. Табл. XVI,88; *Кёне Б.В.* Исследования об истории и древностях Херсонеса Таврического. С. 126. № 1. Табл. IV,1; *Köhne B. von.* Beiträge zur Geschichte und Archäologie von Chersonesos in Taurien. S. 115. № 1. Pl. IV,1; *Köhler H.K.E.* Op. cit. S. 99, № 92. Несмотря на незначительные отличия, это все же одна и та же монета. Обратим внимание на форму монетного кружка и на лица мужчин, изображенных на ее аверсе и реверсе. И это не говоря уже о совершенно идентичных надписях. Небольшие различия во второстепенных элементах изображений, как-то кривая шея Гая Октавия Цезаря Августа и умиротворенное выражение глаз Марка Випсания Агриппы, как нам кажется, объясняются особенностями восприятия изображений у П.О. Бураčkова. Кстати, заметим, что такого рода незначительные искажения наблюдаются практически на всех рисунках монет, приведенных в его каталоге (См.: *Бурачков П.* Указ. соч. Табл. I–XXXII). Однако заметим, что они отнюдь не мешают изучать нумизматический материал.
69. *Петров В.И.* Что такое деньги? Описание монет греческих, римских, еврейских, босфорских и г. Херсонеса. М., 1899. С. 21. Лист 5,5.
70. *Кёне Б.В.* Исследования об истории и древностях Херсонеса Таврического. С. 126. № 1. Табл. IV,1; *Köhne B. von.* Beiträge zur Geschichte und Archäologie von Chersonesos in Taurien. S. 115. № 1. Pl. IV,1.
71. *Sear D.R.* Greek Imperial Coins and their values. London, 2001. P. XI.
72. Известно, что указания на «элевтерию» появилось в тот же период времени и на бронзах ряда городов южного берега Понта. И, следовательно, у ряда исследователей может возникнуть идея отнести нашу монету к их эмиссиям. Однако бесспорные различия в монетных типах Херсонеса и этих городов не дают нам на это никаких оснований. Да, действительно, слово **ELEUQERIA** читается на одновременных монетах Амиса (См.: *Sear D.R.* Greek Imperial Coins and their values. P. 5. № 43). Однако на их аверсе и реверсе выбивали не портреты императоров и их приближенных, а изображения Афины Паллады и Ники, обрамленные легендами **AMISOU ELEUQERAS** и **SEBASTOS** соответственно. Кроме того, судя по диаметру (1,6 см), мелкие монеты этого понтийского города имели определенно меньшее достоинство, чем изучаемая херсонесская бронза. Считаю, что использование легенд, содержащих слова **SEBASTOS** и **ELEUQERAS** говорит об общей тенденции, наблюдавшейся в «свободных» полисах региона. Они, получив «элевтерию», т.е. выйдя из зависимости от местных династов, всеми доступными средствами прославляли своего благодетеля Гая Октавия Цезаря Августа. Как известно, Херсонес в тот период так же получил «элевтерию», введя по этому поводу новую эру (См.: *Чореф М.М.* К биографии А.Л. Бертье-Делагарда... С. 364). Следовательно, у нас нет оснований сомневаться в херсонесском происхождении изучаемой монеты.
73. *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). С. 61, 74; *Беляев С.А.* Херсонес

- // Античные города Северного Причерноморья. М., 1984. С. 51; *Кадеев В.И.* Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981. С. 14; *Ростовцев М.И.* Цезарь и Херсонес // ИАК. Петроград, 1917. Вып. 63. С. 1–21; IOSPE, I² 691.
74. Там же. С. 60; *Sear D.R.* Greek Imperial Coins and their values. P. 5. № 43.
75. *Кёне Б.В.* Исследования об истории и древностях Херсонеса Таврического. С. 125–141; *Köhne B. von.* Beiträge zur Geschichte und Archäologie von Chersonesos in Taurien. S. 115–129.
76. *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). С. 80–81; *Бурачков П.* Указ. соч. С. 121. № 107. Табл. XVI,98.
77. Не будем перечислять все случаи использования этой лигатуры. Отметим только, что ее размещали на монетах Македонии при Филиппе V (220–179 гг. до н.э.) и Персее (179–168 гг. до н.э.), на тетрадрахмах Митридата VI Евпатора (См.: *Sylloge numorum graecorum.* London, 1993. Vol. IX. – Part I: The Black Sea. Pl. XXXIX,1043). Ее выбивали на серебре Синопа (*Ibid.* Pl. LV,1511) и на меди Византия (См.: *Ibid.* Pl. IV,83). При римлянах ее размещали на разменных деньгах чекана Патр (Ахайя) (См.: *Plant R.* Greek coins types and their identification. London, 1979. P. 35, 112, 140. № 385, 2006, 2665), Амфиполиса и Фессалоники (Македония) (См.: *Ibid.* P. 47. 631; *Sear D.R.* Greek coins and their values. London, 1978. Vol. I. P. 148. № 1462) и Панорма (Сицилия) (См.: *Plant R.* Op. cit. P. 75. № 1195). Лигатура Ψ известна и на монетах Ольвии (См.: *Фролова Н.А., Абрамзон М.Г.* Монеты Ольвии в собрании Государственного исторического музея. Каталог. М., 2005. С. 444). К сожалению, мы пока не выявили принцип ее использования. Следовательно, у нас нет возможности обсуждать варианты ее расшифровки. Считаем, что к этой проблеме можно вернуться только после составления корпуса греческих монограмм.
78. Там же. С. 60, 61, 148. Табл. XIII,201.
79. К примеру, памятные драхмы в честь Гая Октавия Цезаря Августа и Тиберия Нерона Цезаря и Ливии Друзиллы Августы были выпущены в Понтийском царстве при Пифодориде (3/2 г. до н.э. – 22/23 г. н.э.) (См.: *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство: Государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996. С. 323–324; *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора. Ч. I. С. 16). Греческие полисы стремились зафиксировать на своих монетах все важнейшие события в жизни императорских семей. Не будем перечислять все их выпуски с изображениями членов императорских семей. Заметим только, что горожане Коринфа сочли нужным выпустить монету в честь Агриппы Юлия Цезаря (Постума) (См.: *Cohen H.* Op. cit. P. 187), усыновленного Гаем Октавием Цезарем Августом в 4 г. н.э. и уже вскоре отстраненного от власти. Вот как описывает Гай Светоний Транквилл заинтересовавшие нас обстоятельства жизни этого правнука Божественного Юлия: «Ex quibus Agrippam breveri ob ingenium fordidum as ferox abdicavit, ferositque Surrentum» (См.: [*Cajus Suetonius Tranquill*] Gaji Suetonii Tranquilli Opera, et In Commentarius Samuelis Pitisci. quo antiquitates romanæ, tum, ab interpretibus doctissimis, Beroaldo, Sabellico, Egnatio, Ursino, Grutero, Torrentio, Casaubono, Marcilio, Boxhornio, Graevio, Babelonio etiam explicatæ, tum ab illis neglectæ, ex auctoribus idoneis permultis, græcis & latinis, veteribus & recentioribus, perpetuo explicantur: huic accedunt index auctorum, ... imperatorum, imperatoresque arcissimo gradu contingentium icones, & figuræ ex veterum monumentis ... Trajecti ad Rhenum [Utrecht]: Ex officina Francisci Halmæ, 1690. Vol. I. P. 433–434. Cap. 65:5) – «Но от Агриппы за его низкий и жестокий нрав он вскоре отрекся и сослал его в Соррент». Ныне считается, что Агриппа Юлий Цезарь (Постум) был отстранен от власти в 7 г. н.э. (См.: *Cohen H.* Op. cit. P. 187).
80. *Sear D.R.* Roman coins and their values. London, 1996. P. 104, № 561B–564; Greek Imperial Coins and their values. P. 16. № 174–178.
81. *Sear D.R.* Greek Imperial Coins and their values. P. 15–16, 20–21. № 162–171, 219–232; Roman coins and their values. P. 102, № 560–561.
82. *Sear D.R.* Greek Imperial Coins and their values. P. 22. № 233; Roman coins and their values. P. 102. № 561A.
83. *Sear D.R.* Greek Imperial Coins and their values. P. 14–15, 16, 20. № 157–161, 172, 214–218; Roman coins and their values. P. 101. № 552–555.
84. *Шифман И.Ш.* Цезарь Август. Л., 1990. С. 117; *Sutherland C.H.V.* Op. cit. P. 41–42. № 1a–10, 11a–25. Pl. 1,2.
85. *Шифман И.Ш.* Указ. соч. С. 88; *Sutherland C.H.V.* Op. cit. P. 25, 84. № 37, 531–535. Pl. 10.
86. *Sear D.R.* Greek Imperial Coins and their values. P. 1–2. № 1–14.
87. *Ibid.* P. 3. № 24.
88. *Ibid.* P. 9. № 105.
89. *Ibid.* P. 12. № 129.
90. *Falbe C.T., Lindberg J.C.* Numismatique de l'ancienne Afrique. Copenhagen, 1860. V. I. – Les Monnaies de la Cyrénaïque. P. 153–157. № 383–421; *Sear D.R.* Greek Imperial Coins and their values. P. 11. № 123.
91. *Falbe C.T., Lindberg J.C.* Op. cit. P. 161–162. № 422–428.
92. *Ibid.* P. 165–166. № 429; Col. 365.
93. *Ibid.* P. 166–167. № 430–433; *Sear D.R.* Greek Imperial Coins and their values. P. 15. № 161;

- Paulus Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft. Neue bearbeitung / Herausgegeben von Georg Wissowa. Stuttgart, 1921. Band 3. Col. 365.
94. Falbe C.T., Lindberg J.C. Op. cit. P. 167–168. № 434–437.
95. Ibid. P. 168–169. № 438.
96. При Гае Октавии Цезаре Августе выпуском монеты от имени сената занимались четырнадцать пар монетариев (См.: *Sutherland C.H.V.* Op. cit. P. 62–78). Упорядочим их имена по хронологическому принципу.
97. Ibid. P. 62–63. № 278–300. Pl. 5,278,283,288,296.
98. Ibid. P. 63. № 301–310. Pl. 6,302,308.
99. Ibid. P. 64. № . Pl. 311–320. Pl. 6,313,316,318.
100. Ibid. P. 64 – 65. №. 321–322. Pl. 6,321,322.
101. Ibid. P. 65. №. 323–324.
102. Ibid. P. 65–66. №. 325–336. Pl. 6,326,327.
103. Ibid. P. 66. №. 337–342. Pl. 6,340.
104. Ibid. P. 66–67. №. 343–347. Pl. 6,344.
105. Ibid. P. 67. №. 348–349.
106. Ibid. P. 67–68 . №. 350–358. Pl. 6,350,356, 7,358.
107. Ibid. P. 68. №. 359–362. Pl. 7,362.
108. Ibid. P. 68–69. №. 363–369. Pl. 7,363,366,367.
109. Ibid. P. 69. №. 370–373.
110. Ibid. P. 70. №. 374–376.
111. Ibid. P. 70. №. 377–379. Pl. 7,379.
112. Ibid. P. 70, 72. №. 380–382, 390–396. Pl. 7,395.
113. Ibid. P. 70, 71. №. 383–386, 390–393.
114. Ibid. P. 71. №. 387–389, 390–393.
115. Ibid. P. 72. №. 397–405. Pl. 7,400,403,404.
116. Ibid. P. 73. № 406–409. Pl. 7,409.
117. Ibid. P. 73. № 410–411. Pl. 7,411.
118. Ibid. P. 73. № 412–414. Pl. 7,412.
119. Ibid. P. 74. № 415. Pl. 7,415.
120. Ibid. P. 74. № 416–419. Pl. 7,419.
121. Ibid. P. 74. № 420–422. Pl. 7,422.
122. Ibid. P. 75. № 423–425. Pl. 7,423.
123. Ibid. P. 75–76. № 426–436. Pl. 8,433.
124. Ibid. P. 76. № 437–442.
125. Ibid. P. 77. № 443–464.
126. Ibid. P. 78. № 456–468.
127. В 13–12 гг. до н.э. Гай Октавий Цезарь Август даровал Марку Випсанию Агриппе право помещать свое изображение на реверсе монет (См.: *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора. М., 1997. Ч. I. С. 33; *Mattingly H.* Coins of the Roman Empire // BMC. London, 1965. V. I. P. LXV).
128. *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 81, 89, 148, 149, 150. № 259–269а, 284–285, 288–289, 293, 297–317. Табл. 10, 259–269а, 11,284–285, 288–289, 293, 297–304, 12,305–317.
129. *Страбон.* География. М., 1964. С. 283. Кн. VII. Гл. 4; [*Strabon*] Strabonis Geographica / Recensuit indicem geographicum et historicum adiecit Gustavus Kramer. Berlin, 1852. Vol. I. P. 351. Lib. VII. Cap. IV. A. 475.
130. *Сапрыкин С.Ю.* Указ. соч. С. 135.
131. Словарь античности / Сост. Й. Ирмшер и Р. Йоне. М., 1989. С. 552; [*Erdmann*] Erdmanniuhsei Lexicon, sive idea historicorum graecorum. Nordhusii, 1724. P. 126.
132. Как правило, портрет Гая Октавия Цезаря Августа помещали на крупнейших номиналах бронз провинциального чекана. На монетах меньшего достоинства обычно выбивали изображения божеств и героев. По крайней мере, именно так оформляли монеты на Балканах, в Египте, в Испании, Македонии и в Малой Азии (См.: *Sear D.R.* Greek Imperial Coins and their values. P. 1–12). Правда, довольно часто портреты императора украшали аверсы монет всех номиналов. По крайней мере, так было в городах Испании, к примеру, в Новом Карфагене (См.: Ibid. P. 2. № 12–13). В то же время на монетах ряда городов в то время вовсе не оттискивали изображения императора. Но это отнюдь не противоречит общему правилу. Ведь, в любом случае, портрет принцепса размещали на монетах крупнейших номиналов.
133. *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). С. 148. Табл. I,208.
134. Там же. С. 34.
135. Там же. С. 61.
136. *Зограф А.Н.* Статуарные изображения Девы по данным нумизматики // ИРАИМК. Петроград, 1922. Т. II. С. 337–360; *Герловица Ф.И.* К вопросу о херсонесской статуе Девы // СХМ. Симферополь, 1963. Вып. III. С. 30–32, 33. Рис. 1,2.
137. *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). С. 62.
138. *Sutherland C.H.V.* Op. cit. P. 43, 44. Pl. 1,28,33b, 2,36b,37a,42b. Длинная прядь на правой щеке императора известна на монетах столичного чекана, выпущенных в 13–12 гг. до н.э. (См.: *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора. Ч. I. С. 32. Табл. I,13; *Grueber H.A.* Coins of the Roman Republic in the British Museum. London, 1910. Pl. LXXI,9–10).
139. К сожалению, вопрос о причине появления звезд на монетах римского Херсонеса все еще не нашел своего благодарного исследователя. И, хотя разрешение этой проблемы не было заявлено нами как одна из преследуемых целей, мы все же попытаемся исправить это упущение. Для начала заметим, что звезды появились на деньгах Херсонеса первоначально в качестве надчеканок. По мнению В.А. Анохина, их выбивали на меди нескольких разновидностей, выпущенной со времен Митридата VI Евпатора до 40-х гг. до н.э. (См.: *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). С. 60, 148. Табл. XII,199). Эту точку зрения разделял и К.В. Голенко (См.: *Голенко К.В.* К датировке некоторых монет Херсонеса // НЭ. М., 1962. Т. III. С. 53). Но, как известно, в Боспорском

царстве на рубеже н.э. так же было проведено контрамаркирование этой же эмблемой нескольких видов разменных денег (См.: *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). С. 60; Монетное дело Боспора. С. 80, 147. Табл. 9,226; *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора. Ч. I. С. 176. Табл. IIIa,21). Позже в денежное обращение этого государства поступили монеты со звездами. Их принято датировать правлением Динамии (21/20–17/16 гг. до н.э.) (См.: *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. С. 80, 148. Табл. 10,253,254,270; *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора. Ч. I. С. 177. Табл. I,1–3,5), признавшей зависимость от Рима (См.: *Ростовцев М.И.* Эллинизм и иранство на Юге России. Общий очерк. Петроград 1918. С. 148; *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора. Ч. I. С. 13, 24; *Rostovtzeff M.* *Iranians and Greeks on South Russia.* Oxford, 1922. P. 52). У нас есть все основания предполагать, что появление этого астрального символа на монетах северопонтийских государств не было случайным. И, в любом случае, оно не могло быть объяснено только политическим влиянием Митридатидов. Дело в том, что представители этой династии в кон. I в. до н.э. – в начале I в. н.э. потеряли монополию на власть, которой в свое время обладал Митридат VI Евпатор. С нашей точки зрения, появление таких знаков на монетах может быть объяснено только как следствие усилившегося влияния Рима, в котором тогда отдавали все возможные почести Божественному Юлию, символом которого была комета или *stella crinita* – «хвостатая звезда», как ее называли римляне (См.: [*Cajus Suetonius Tranquillus*] *Gaii Suetonii Tranquilli Opera, et In Commentarius Samuelis Pitisci. quo antiquitates romanæ, tum, ab interpretibus doctissimis, Beroaldo, Sabellico, Egnatio, Ursino, Grutero, Torrentio, Casaubono, Marcilio, Boxhornio, Graevio, Babelonio etiam explicatæ, tum ab illis neglectæ, ex auctoribus idoneis permultis, græcis & latinis, veteribus & recentioribus, perpetuo explicantur: huic accedunt index auctorum, ... imperatorum, imperatoresque arctissimo gradu contingentium icones, & figuræ ex veterum monumentis ... Trajecti ad Rhenum [Utrecht]: Ex officina Francisci Halmæ, 1690. Vol. I. P. 224. Cap. LXXXVIII:2), изображавшаяся обычно с восемью или с шестью лучами. Заметим, что звезды над полумесяцем, традиционно считающиеся символом Митридатидов, весьма часто отгискивалась на реверсах римских монет, причем как провинциальной, так и столичной чеканки (См.: *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора. Ч. I. С. 31; *Cohen H.* Op. cit. P. 84, 135. № 142, 495). Кстати, заметим, что, по мнению Т. Моммзена, звезда на боспорских статерах являлась обозначением*

номинала *denarius aureus* (См.: *Mommsen T.* Op. cit. S. 699) – «золотого денария, *ауреуса*». Как знак денария ее трактуют и на бронзах этого государства, выпускавшихся в III в. н.э. (См.: *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора. Ч. I. С. 317–323, 327–329. Табл. LXXXIII,8–15, Табл. LXXXIV,1–14, Табл. LXXXV,1–14, Табл. LXXXVI,1–15, Табл. LXXXVII,1–13, Табл. LXXXVIII,1–14, Табл. LXXXIX,1–17, Табл. XC,1–12, Табл. XCIV,3–21, Табл. XCV,1–24; Монетное дело Боспора. М., 1997. Ч. II. С. 10–17, 24–25, 27, 31, 35–37, 66–67. Табл. XIV,7–20, XV,1–16, XVI,1–21, XVII,1–21, XVIII,1–19, XIX,1–18, XX,1–22, XXI,1–20, XXV,13–24, XXVI,1–19, XXVII,1–12, XXVIII,21–25, XIX,1–10, XXX,2–4, XXXII,1–18, XXXIII,1–20, XXXIV,1–18, XXXV,1–20, XXXVI,1–19, XXXVII,1–15, LIX,1–30, LX,1–27, LXI,1–27, LXII,1–6). Следовательно, у нас есть все основания считать эти символы не своеобразными эмблемами понтийских сепаратистов, а хорошо понятными для всего римского мира знаками, имеющими значение своеобразных оберегов. Предполагаем, что на Боспоре в первое время (конец I в. до н.э. – начало I в. н.э.) в них видели напоминание о Божественном Юлии – покровителе первой династии принцев и благодетеля ряда местных полисов.

- ^{140.} *Cohen H.* Op. cit. P. 65, 69, 77, 78, 84, 85, 96, 121, 135. № 18, 44, 95, 97–99, 142, 151, 244, 419, 495; *Sutherland C.H.V.* Op. cit. Pl. 2,37a, 11,23.
- ^{141.} *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора. Ч. I. Табл. I,13.
- ^{142.} *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Табл. XIV,212; *Шонов И.В.* Указ. соч. С. 66–67. № 89–90. Впервые была издана П.О Бурачковым (См.: *Бурачков П.* Указ. соч. С. 119. № 100. Табл. XVI,96).
- ^{143.} *Burnett A., Amandry M., Repollès P.P., Carradice I.* *Roman Provincial Coinage. Supplement 2.* P. 42. S2-I-1936A // URL: www.uv.es/~ripolles/rpc_s2 (дата доступа: 28.02.2010).
- ^{144.} *Ibid.*
- ^{145.} *Sutherland C.H.V.* Op. cit. Pl. 11,3 23,25,30,32–33,38,39, 12,58,86, 13,90; *Sear D.R.* *Greek Imperial Coins and their values.* P. 22–30; *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора. Ч. I. Табл. I,9.
- ^{146.} Античные камеи в собрании Государственного Эрмитажа. Каталог / Сост. О.Я. Неверов. Ленинград, 1988. С. 63. № 73.
- ^{147.} *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. С. 148, 149, 150, 151. № 259–269a, 284–285, 288–289, 297–317, 324–325. Табл. 10,259–269a, 11,284–285, 12,288–289,297–304, 13,305–317,324–325; *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора. Ч. I. С. 160–161. № 1–21. Табл. I,9.
- ^{148.} *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Табл. XV,229.

^{149.} Сидоренко В.А. Указ. соч. С. 437, 442.

^{150.} IOSPE, I² 440–444, 446, 448.

^{151.} Известно, что в Римской империи значительная часть монеты из драгоценных металлов выпускалась на провинциальных монетных дворах. К примеру, при Гае Октавии Цезаре Августе ауреусы, кистофоры, денарии и квинарии чеканили в Эмерите (Бэтика) (См.: *Sutherland C.H.V.* Op. cit. P. 41. № 1a–10. Pl. 1,1a–10), на неизвестных денежных дворах Испании (См.: *Ibid.* P. 43–51. № 26a–153. Pl. 1,28–31, Pl. 2,36–42,50–124. Pl. 3, 128–148), в Лугдунуме (См.: *Ibid.* P. 52. № 162a–226. Pl. 3, 164–187, Pl. 4, 188–237), в неопределенных центрах Северного Пелопоннеса (См.: *Ibid.* P. 79. № 472–474. Pl. 8, 472–474), на монетном дворе Самоса (?) (См.: *Ibid.* P. 79. № 475. Pl. 8,475), в Эфесе (См.: *Ibid.* P. 79. № 476–482. Pl. 8,476–481), в Пергаме (См.: *Ibid.* P. 81, 82–83. № 487–494, 505–526. Pl. 9, 491–519), на неустановленном денежном дворе провинции Азия (См.: *Ibid.* P. 83. № 527. Pl. 10,527), в Киренаике (См.: *Ibid.* P. 84–86. № 531–538. Pl. 10,534–535). Это же положение сохранялось и при преемниках первого принцепса, хотя количество денежных дворов значительно уменьшилось. К примеру, при Тиберии Клавдии Нероне золотую и серебряную монету чеканили в Лунгдунуме (См.: *Ibid.* P. 93–95, № 1–32. Pl. 11,3–32), в Кесарее Каппадокийской (См.: *Ibid.* P. 100, № 84–88. Pl. 13,86) и в Коммагене (См.: *Ibid.* P. 100, № 89–90. Pl. 13,90). Провинциальные монетные дворы активно работали и при Гае Цезаре Германике (Калигуле) (См.: *Ibid.* P. 108, 112. № 1–12, 59–63. Pl. 13,2–12, 15,59–60). При Тиберии Клавдии Друзе золото и серебро чеканили в Эфесе (См.: *Ibid.* P. 130. № 117–119. Pl. 17,118–119), в Пергаме (См.: *Ibid.* P. 131. № 120–121. Pl. 17,120–121) и в Кесарее Каппадокийской (См.: *Ibid.* P. 131–132. № 122–126. Pl. 17,122,124). Заметим, что карта расположения провинциальных денежных дворов менялась со временем. Причем, как правило, они находились в районах концентрации римских войск на наиболее опасных участках границы. Так, если при Гае Октавии Цезаре Августе легионы активно участвовали в боевых действиях как в Испании, так и в Галлии и на Востоке, то при относительно миролюбивых наследниках сына Божественного Юлия горячие точки остались только в Восточном Средиземноморье. Правда, Гай Цезарь Германик (Калигула) попытался совершить поход на Германию (См.: [*Cajus Suetonius Tranquilli*] Gaji Suetonii Tranquilli Opera, et In Commentarius Samuelis Pitisci. quo antiquitates romanæ, tum, ab interpretibus doctissimis, Beroaldo, Sabellico, Egnatio, Ursino, Grutero, Torrentio, Casaubono, Marcilio, Voxhornio, Graevio, Babelonio etiam explicatæ,

tum ab illis neglectæ, ex auctoribus idoneis permultis, græcis & latinis, veteribus & recentioribus, perpetuo explicantur: huic accedunt index auctorum, ... imperatorum, imperatoresque arctissimo gradu contingentium icones, & figuræ ex veterum monumentis ... Trajecti ad Rhenum [Utrecht]: Ex officina Francisci Halmæ, 1690. Vol. I. P. 883–895. Cap. XLIII–XLIX). Не случайно монетный двор Лугдунума заработал именно в 37/8 г., т.е. в период подготовки к этой войне (См.: *Sutherland C.H.V.* Op. cit. P. 108). Вернее всего, на нем были отчеканены монеты, пошедшие на уплату жалования легионерам. Предполагаем, что для этих же целей были открыты денежные дворы Востока. Ведь хорошо известно, что они находились вблизи крупнейших военных лагерей. Об их предназначении, кроме всего прочего, говорит и ассортимент выпускаемой продукции. Не случайно на них чеканили не статеры, кистофоры и драхмы, а ауреусы, денарии и квинарии. В то же время в ряде провинций была разрешена эмиссия монет местных систем. Так, в Александрии Египетской на седьмом году правления Тиберия Клавдия Нерона наладили выпуск билонных тетрадрахм, а так же медных драхм и их фракций (См.: *Feuardent F.* Numismatique Égypte Ancienne. Paris, 1870. P. II. P. 17; *Poole. R.S.* Catalogue of the Coins of Alexandria and the Nomes. London, 1892. P. XXVIII,6; *Sear D.R.* Greek Imperial Coins and their values P. 40–41. № 632–634). Примечательно то, что изначально власти планировали выпускать неполноценную, фактически кредитную монету с искусственно ограниченным ареалом обращения. Дело в том, что тетрадрахма египетского чекана соответствовала не трем, как было принято для кистофоров монетных систем большинства восточных провинций, а только одному денарию (См.: *Feuardent F.* Numismatique Égypte Ancienne. P. XXIX; *Mommsen T.* Op. cit. S. 706, 723). Естественно, что она не могла конкурировать с полноценной монетой, чеканенной, к примеру, в Антиохии или в Кесарее Каппадокийской. Вернее всего, предполагалось, что монетный двор Александрии будет работать только на наполнение денежного рынка Египта. Однако его продукция обращалась не только по всему Средиземноморью. К примеру, ее активно использовали в Афинах (См.: *Kroll J.H.* The Greek Coins // The Athenian Agora. Results of Excavations conducted by the American School of classical studies at Athens. Princeton, 1993. V. XXVI. P. 286–287. № 1020–1030. Pl. 31,1023,1025,1028,1029,1030). Она регулярно поступала даже в Индию (*Крупн К.* История времен римских императоров от Августа до Константина: Историческая библиотека Бека. Ростов-на-Дону, 1997. Т. 2. С. 101–102; *Хвостов*

- М. История восточной торговли греко-римского Египта (332 г. до Р.Х. – 284 г. по Р.Х.) // Исследование по истории обмена в эпоху эллинистических монархий и Римской империи. Ч. I. Казань, 1907. С. 400–403). Как видим, с помощью провинциальных денежных дворов власти империи не только добивались наполнения каналов провинциального обращения полноценной монетой, финансировали воинские контингенты, сконцентрированные в провинциях, но и выпускали деньги, удобные для международной торговли.
152. При Гае Октавии Цезаре Августе важнейшей императорской провинцией на Ближнем Востоке была Сирия. В ней было размещено четыре легиона: III Galica, VI Ferrata, X Fretensis и XII Fulminata (См.: *Bowman A.K. Provincial administration and taxation* // САН. Cambridge, 2008. Vol. X – The Augustan Empire, 43 B.C. – A.D. 69. P. 388). При Тиберии Клавдии Нероне императорской провинцией стала и Каппадокия, бывшая до этого клиентальным царством. О значимости изменений говорит то, что они проходили под руководством Гая Клавдия Нерона Друза Германика – приемного сына императора. Эти провинции управлялись *legatis Augusti* – «*легатами Августа*» в чине пропретора (Каппадокия) и проконсула (Сирия). Имперская пропаганда объясняла подобные преобразования тем, что принцепс будто бы брал под свое управление исключительно недавно завоеванные или беспокойные регионы, для чего и разместил в них римские войска (См.: [*Cajus Suetonius Tranquill*] *Gaji Suetonii Tranquilli Opera, et In Commentarius Samuelis Pitisci. quo antiquitates romanæ, tum, ab interpretibus doctissimis, Beroaldo, Sabellico, Egnatio, Ursino, Grutero, Torrentio, Casaubono, Marcilio, Voxhornio, Graevio, Babelonio etiam explicatæ, tum ab illis neglectæ, ex auctoribus idoneis permultis, græcis & latinis, veteribus & recentioribus, perpetuo explicantur: huic accedunt index auctorum, ... imperatorum, imperatoresque arctissimo gradu contingentium icones, & figuræ ex veterum monumentis ... Trajecti ad Rhenum [Utrecht]: Ex officina Francisci Halmæ, 1690. Vol. I. P. 388–389. Cap. XLVII:1). С началом борьбы за Армению, выросшей в очередную Парфянскую войну (58–63 гг. н.э.), Каппадокия стала проконсульской провинцией (См.: *Bowman A.K. Provincial administration and taxation*. P. 369). Можно сказать, что Каппадокия и Сирия были крупнейшими и важнейшими римскими военными базами в регионе (См.: *Ibid.* P. 394. Fig. 7).*
153. IOSPE, I² 441–443, 446. Отметим, что тексты схожего содержания хорошо известны. К примеру, судя по закладной надписи из Александрии Троадской, Аврелий Онисим и Аврелия Евсебия пожертвовали 2500 денариев на строительство храма в память об Аврелии Евтихии (См.: *Froehner W. Les Inscriptions Grecques*. Paris, 1865. P. 267. № 171).
154. [*C. Plinius Secundus*]. *C. Plinii caecilii Secundi. Epistolae et Panegyricus. Editio nova / Rec. et notis illustravit Johannes. Nic. Lallemand. Paris. 1749. Lib. 3. P. 86. Ep. 19.*
155. *Соломоник Э.И.* Новые эпитафические памятники Херсонеса. Киев, 1964. С. 189.
156. К настоящему времени вопрос порчи монетной стопы в Римской империи достаточно хорошо изучен. Из многочисленных трудов, в которых освещен этот вопрос, стоит отметить хотя бы монографию Т. Моммзена (См.: *Mommsen T. Geschichte des Römischen Münzwesens*. Berlin, 1860) и современное фундаментальное исследование по денежному делу Древнего Рима времен «солдатских императоров», составленное сотрудниками Британского музея (См.: *Webb P.H. The Roman Imperial Coinage / Ed. H. Mattingly, E.A. Sydenham. London, 1972. Vol. V. Part. I*). Судя по этим публикациям, эмиссия окончательно обесцененного денария, в последние годы выпуска уже практически не содержавшего серебра, фактически прекратилась в третьей четверти III в. н.э. (См.: *Mommsen T. Geschichte des Römischen Münzwesens*. S. 757–760; *Webb P.H. The Roman Imperial Coinage* P. 6–8). Заметим, что процессы, происходившие в сфере денежного обращения Римской империи, издавна интересовали не только нумизматов, но и историков. Стоит обратить внимание на фундаментальные выводы, сделанные Э. Ло Касцио (См.: *Lo Cascio E. The government and administration of the empire in the central decade of the third century* // САН. Cambridge, 2008. Vol. XII. *The Crisis of Empire, A.D. 193–337*. P. 162). Дело в том, что этому исследователю удалось с редким даже для нумизмата профессионализмом осветить вопрос вымывания из обращения серебряной монеты и замещением ее кредитными деньгами. Не менее интересно исследование, проведенное М. Кобрие. Ученому удалось проследить историю монетной чеканки Рима в конце II – первой трети IV вв. н.э. (См.: *Cobrier M. Coinage and the taxation: The State's point of view, A.D. 193 – 337* // САН. Cambridge, 2007. Vol. XII – *The Crisis of Empire, A.D. – 193–337*. P. 327–329). Огромный фактический материал был собран и осмыслен великим русским историком М.И. Ростовцевым. Судя по результатам его исследований, объективный процесс разложения рабовладельческого государства сопровождался вытеснением полноценных денег из обращения всевозможными кредитными, что особенно хорошо заметно на примере римского Египта (См.: *Ростовцев М.И.* Общество и хозяйство в

Римской империи. М., 2001. С. 178–181). По мнению историка, это явление привело к обесценению всех видов ходячей монеты, в т.ч. и римского денария в конце II – в первой половине III вв. н.э., и выпадению их из обращения в третьей четверти III в. н.э. (См.: Там же. С. 178–180). Не случайно М.И. Ростовцев акцентирует внимание читателя на том факте, что, к примеру, уже при Луции Домиции Аврелиане (270–276 гг. н.э.) в Египте «реальные деньги» вытеснила **kain4n n3nisma** – «новая монета» с условной стоимостью (См.: Там же. С. 178).

^{157.} IOSPE, I² 440, 443, 448.

^{158.} Ковалев С.И. История Рима. СПб., 2002. С. 724; Ростовцев М.И. Указ. соч. С. 323. Прим. 88; Corpus legum ab imperatoribus romanis ante Iustinianum Iatarum, quae extra constitutionum codices supersunt / Instruxit G. Haenel. Lipsiae, 1857. P. 152. № 965.

^{159.} Мы не считаем нужным перечислять все многочисленные документы такого рода. Сошлемся только на самые интересные из них с нашей точки зрения. Как известно, провинциалы из Египта, получившие по Constitutio Antonina римское гражданство, стали активно использовать дарованное им родовое имя Аврелиев. И оно стало довольно часто встречаться в деловой переписке. К примеру, в египетских папирусах времен правления Марка Аврелия Антонина (Каракаллы) упомянуты Аврелий Сотерих, Аврелий Пакисис (См.: BGU I 159 = W. 408) и Аврелий сын Пуарея (См.: P. Lond. II 322=W. 358). Императорский номен Aurelius в греческой форме **A8r/Iio~** появился в тот период и на многочисленных лапидарных памятниках греческого Востока. Первыми десятилетиями III в. н.э. датируют стелу Аврелия Досифея (См.: Guarducci M. Epigrafia Greca. Roma, 1969. Vol. II. – Epigrafi di carattere pubblico. P. 401. Fig. 84a) и надпись Аврелия Агафимера Евтихия, Аврелия Агафона Агафодота, Аврелий Тимократа, Аврелия Протогена, Аврелия Алкидама Исидора, Аврелия Глипта, Аврелия Иринея Зопирона, Аврелия Исигения, Аврелия Юлиана Афродисия и Аврелия Филина (См.: Froehner W. Les Inscriptions Grecques. P. 179. № 92), найденные в Афинах, текст с именами Марка Аврелия Зинова сына Пирракоса, Марка Аврелия Зинодота сына Зосимы и Марка Аврелия Зинова, происходящих из Париона (См.: Ibid. P. 408. Fig. 87), а так же лапидарные памятники из Египта, в которых упомянуты «homines novi»: Марк Аврелий Аполлоний (См.: Milne J.G. Greek Inscriptions // Catalogue general des Antiquités Égyptiennes du Musée du Caire. Oxford, 1905. P. 32. № 9248), Марк Аврелий Эвдаймон, Марк Аврелий Теофил, Марк Аврелий Исидор,

Марк Аврелий Меккалион (Ibid. P. 21. № 9223), Марк Аврелий Гиеракс (Ibid. P. 15. № 9289) и Аврелий Триптолем (Ibid. P. 103. № 33010). Заметим, что и в северопонтийских городах встречаются надписи, в которых упоминаются лица, получившие римское гражданство, вернее всего, по эдикту 212 г. н.э. (См.: Соломоник Э.И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983. С. 57. № 30; Новые эпитафические надписи Херсонеса. К., 1964. С. 63–64, 139–141. № 22, 63; P. 183–184, 199–204, 405–406, 427; № 170, 184, 185, 440, 443, 479, 484). По мнению В.М. Зубаря, к такого рода памятников можно отнести и вотивную надпись, найденную в Хараксе в 1961 г. (См.: Соломоник Э.И. Две случайные эпитафические находки в Крыму // НЭ. М., 1965. С. 99–102. Рис. 2). Исследователь считал, упомянутый в ней Аврелий Максим получил римское гражданство так же по Constitutio Antonina (См.: Зубарь В.М. Латинские лапидарные надписи римской крепости Харакс // НЭ. М., 2005. Т. XVII. С. 67 – 68. № 11. Табл. VI).

^{160.} Как известно, средний вес тетрадрахм родосской системы, называемых в нумизматической литературе кистофорами, в первой половине I в. н.э. составлял 10,8–12 г (См.: Карышковский П.О. Ольвийские монеты: производство и технология // Stratum plus. ВАШ археологический журнал. СПб. – Кишинев – Одесса, 1999. № 6. С. 57. Табл. 34; Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). Одесса, 2003. С. 67. Табл. 34; Sutherland C.H.V. Op. cit. P. 79–80, 81, 82, 83, 130–131. № 117–121, 476–482, 487–494, 505–510, 527. Pl. 8,476,481,483, 9,491,493,505,507,508, 10,527, 17,118,119).

^{161.} Sutherland C.H.V. Op. cit. P. 87–88, 93–94. Pl. 11,3–5,20.

^{162.} Burnett A., Amandry M., Repollès P.P., Carradice I. Op. cit. P. 93. № S2-II-1905A.

^{163.} Эти монеты описаны в литературе (См.: Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Табл. XIV,214; Кёне Б.В. Исследования об истории и древностях Херсонеса Таврического. С. 127. № 8. Табл. IV,3; Шонов И.В. Указ. соч. С. 68. № 91; Köhler H.K.E. Op. cit. P. 99. № 91. Pl. VI,2; Köhne B. von. Beiträge zur Geschichte und Archäologie von Chersonesos in Taurien. S. 118. № 8. Taf. IV,3).

^{164.} Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. Ч. I. Табл. I,10, XV,14–20, XVI, XVII,1–7; Sutherland C.H.V. Op. cit. Pl. 13,2,5,7,10,13,19,31,33,36, 14,47,48.

^{165.} Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Табл. XIV,214.

^{166.} Либратти А.М., Бурбон Ф. Древний Рим: История цивилизации, которая правила миром. М., 2004, с. 16.

167. Sallet A. von. Die Münzen von Chersonesus in der Krim // ZfN. Berlin, 1874. Band I. S. 28.
168. Бурачков П. Указ. соч. С. 111. № 50. Табл. XV,44.
169. Сидоренко В.А. Указ. соч. С. 437–438. № 2–3.
170. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Табл. XIV,217–218; Кёне Б.В. Исследования об истории и древностях Херсонеса Таврического. С. 127. № 6–7. Табл. IV,4; Köhne B. von. Beiträge zur Geschichte und Archäologie von Chersonesos in Taurien. St. Petersburg, 1848. S. 116. № 6–7. Taf. IV,4.
171. Эта статуя хранится в Национальном Археологическом музее Испании (г. Мадрид). Ныне она выставлена в 21 комнате на первом этаже. Фотография памятника выполнена Луисом Гарсиа.
172. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Табл. II,33–42, III–XIII.
173. Там же. С. 56–57. Табл. XII,179–181,184–188,192–195.
174. Sylloge numorum graecorum. Pl. XXXIV,1037–1043.
175. Plant R. Op. cit. P. 88. № 1468.
176. Burnett A., Amandry M., Repollès P.P. Op. cit. P. 90. № 1706.
177. Plant R. Op. cit. P. 88. № 1478.
178. Ibid. P. 88. № 1474.
179. Sear D.R. Greek Imperial Coins and their values. P. 41. № 448.
180. [Cajus Suetonius Tranquill] Gaji Suetonii Tranquilli Opera, et In Commentarius Samuelis Pitisci. quo antiquitates romanæ, tum, ab interpretibus doctissimis, Beroaldo, Sabellico, Egnatio, Ursino, Grutero, Torrentio, Casaubono, Marcilio, Boxhornio, Graevio, Babelonio etiam explicatæ, tum ab illis neglectæ, ex auctoribus idoneis permultis, græcis & latinis, veteribus & recentioribus, perpetuo explicantur: huic accedunt index auctorum, ... imperatorum, imperatoresque arctissimo gradu contingentium icones, & figuræ ex veterum monumentis ... Trajecti ad Rhenum [Utrecht]: Ex officina Francisci Halmæ, 1690. Vol. II. P. 72–73. Cap. XXII.
181. Sutherland C.H.V. Op. cit. Pl. 15,70,75, 16,95,99,100,102,110, 17,107,113,118–124.
182. Только в XIX в. медь Херсонеса с Никой на реверсе издали Г.К.Э. Кёллер, Н.Н. Мурзакевич, Б.В. Кёне и П.О. Бурачков (См.: Бурачков П.О. Указ. соч. С. 119. № 96. Табл. XVI,89; Кёне Б.В. Исследования об истории и древностях Херсонеса Таврического. С. 126. № 2. Табл. IV,2; Köhler H.K.E. Op. cit. S. 100. № 93. Pl. VI,3; Köhne B. von. Beiträge zur Geschichte und Archäologie von Chersonesos in Taurien. S. 115. № 2. Taf. IV,2; Murzakewicz N. Descriptio musei publici odessani, pars I, continens numophylacium odessanum. Odessae, 1841. P. 40. Tab. I,12). Правда, не все они отнесли ее к чекану этого города. По мнению Н.Н. Мурзакевича, она могла быть выпущена на Боспоре при Рескупориде VIII (См.: Murzakewicz N. Op. cit. P. 40. Tab. I,12).
183. Удивительно, но вопрос о причине появления победной символики на монетах Херсонеса все еще не изучен в полной мере. Правда, Б.В. Кёне вовсе не считал эту ситуацию проблемной, посчитав, что Виктория представляет собой «ein gewöhnlicher Typus auf Römischen wie auf Griechischen Münzen der Kaiser» – «обыкновенный тип многих римских и греческих императорских (прим. – провинциальных) монет» (См.: Кёне Б.В. Исследования об истории и древностях Херсонеса Таврического. С. 128; Köhne B. von. Beiträge zur Geschichte und Archäologie von Chersonesos in Taurien. S. 117). Наши соображения по поводу появления Ники на реверсе херсонесских монет мы приведем ниже.
184. В первой половине I в. н.э. Херсонес ощущал постоянный нажим со стороны варваров. Об остроте ситуации вокруг города мы узнаем из надписи Тиберия Плавтия Сильвана Элиана – императорского легата Мезии в 60–67 гг. н.э. (См.: Wiedemann T.E.J. From Nero to Vespasian // CAH. Cambridge, 2006. Vol. X. – The Augustan Empire, 43 B.C. – 69 A.D. P. 253), отправленного в 63–66 гг. н.э. с экспедиционным корпусом в Таврику для спасения Херсонеса (См.: ILS 986 (Tibur)).
185. О значимости воинских контингентов Херсонеса лучше всего говорит отправка городского ополчения боспорскому царю Полемону I (15/14–9/8 гг. до н.э.), использовавшего его в качестве вспомогательного отряда (См.: IOSPE, I² 419).
186. Тиберий Клавдий Друз был провозглашен императором 27 раз, в то время как Тиберий Клавдий Нерон, правивший, кстати, значительно дольше, стал только восьмикратным императором (См.: Sear D.R. Roman coins and their values. P. 103, 111).
187. Во многих греческих полисах и в римскую эпоху продолжался выпуск монет с Никой на реверсе (См.: Plant R. Op. cit. P. 21. № 59, 66, 69, 72, 75, 79, 80).
188. Именно этим, а не «ярким примером консерватизма» (См.: Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). С. 64), можно объяснить сам факт длительности использования этого символа. Чтобы не переутомлять читателя, но в то же время доказать нашу правоту, заметим, что изображение Ники или Виктории с венком и с пальмовой ветвью в руках выбивали на монетах, чеканенных не только римскими, но и византийскими императорами. Обратим внимание только на столичные эмиссии. Известно, что это знаковое изображение в I–V вв. н.э. размещали на

реверсах золота, серебра и меди серий VICTORIA AVG, VICTORIAE DD AVG Q NN и SECURITAS REI PUBLICAE чекана Рима и провинциальных монетных дворов. Даже после принятия христианства римская традиция провозглашения непобедимости императора не исчезла. Викторину с длинным крестом и державой в руках выбивали на византийских солидах в качестве основного элемента оформления реверса еще при Ираклии (610–641 гг. н.э.) (См.: *Grierson P.* Byzantine Coins. London, 1982. P. 346; *Wroth W.* Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum. London, 1908. Vol. I. Pl. XXIII, I).

^{189.} Кстати, заметим, что в этой лигатуре ни коим образом не могло быть зашифровано слово **Parqino** – «Дева» (См.: *Sophocles E.A.* Greek Lexicon of the Roman and Byzantine periods (from B.C. 146 to A.D. 1100). Cambridge, 1914. P. 859). Начнем с того, что буквы «P» в этой монограмме нет. Как хорошо видно на рисунке, изданном Б.В. Кёне, и на фотографиях, приведенных В.А. Анохиным, у левого символа этой аббревиатуры нет правой вертикальной галги. Кроме того, в рассматриваемой лигатуре отсутствует буква «A», так как горизонтальной перекладки в среднем ее символе нет. Определенно видна только конечная «R». Но ее наличие не дает нам прав отождествлять такие несхожие монограммы, как **AP** и **AR**.

^{190.} Интересную, но ошибочную теорию расшифровки подобных монограмм предложил А.Н. Зограф. По мнению исследователя, аббревиатура **AR**, которую он вместо **AR** видел на херсонесских монетах с Никой на реверсе, могла служить обозначением номинала, судя по его выводам – семиса (См.: *Зограф А.Н.* Указ. соч. С. 156). Вероятно, ученый принял ее за «~». Не считаем нужным опровергать это утверждение. Заметим только, что в надписях, выбитых на монетах античного Херсонеса и средневекового Херсона до сих пор не выявлены конечные строчные буквы. Кроме того, как уже было сказано выше, мы разделяем точку зрения В.А. Анохина по вопросу о достоинстве медных монет этой разновидности.

^{191.} Мы совершенно согласны с мнением А.Н. Зографа, считавшего, что вопрос расшифровки северопричерноморских монограмм «может быть решен лишь в Corpus'e» (См.: Там же). В ближайшее время планируем завершить статью об аббревиатурах, известных на монетах Херсонеса – Херсона.

^{192.} И.В. Шонов опубликовал фотографии и привел краткие описания ассариев 85 и 88 гг. х.э. и тетрассария 90 г. х.э. (См.: *Шонов И.В.* Указ. соч. С. 70, 74. № 94, 99).

^{193.} *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Табл. 13,350,351,352,353; *Фролова Н.А.* Монетное

дело Боспора. Ч. I. Табл. XXVI,21–24; XXVII,1–17, XXVIII,1–10; *Sear D.R.* Greek Imperial Coins and their values. P. 51–63; *Sutherland C.H.V.* Op. cit. Pl. 17,1,6,10, 18,17, 22,32,42,44,50,52,55,63,68,79,80, 19,92,110,130,138,147, 20,202,291,307,357,372, 21,374,381,393,439,458,491,551, 22,607,614,619.

^{194.} *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Табл. 13,350,351,352,353; *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора. Ч. I. Табл. XXVI,21–24; XXVII,1–17, XXVIII,1–10. Вернее всего, император планировал разгромить племенное объединение алан (См.: *Кузнецов В.А.* Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984. С. 12–13; *Бокцианин А.Г.* Парфия и Рим (исследование о развитии международных отношений позднего периода истории античного мира). М., 1966. Ч. II. Система политического дуализма в Передней Азии. С. 208–209; *Wilkes J.J.* The Danubian and Balkan provinces // САН. Cambridge, 2006. Vol. X. The Augustan Empire, 43 B.C. – A.D. 69. P. 558). О существовании таких замыслов у Нерона Клавдия Цезаря хорошо знали и римские историки. Так, об этом писал Гай Светоний Транквилл (См.: [*Cajus Suetonius Tranquillus*] Gaii Suetonii Tranquilli Opera, et In Commentarius Samuelis Pitisci. quo antiquitates romanæ, tum, ab interpretibus doctissimis, Beroaldo, Sabellico, Egnatio, Ursino, Grutero, Torrentio, Casaubono, Marcilio, Boxhornio, Graevio, Babelonio etiam explicatæ, tum ab illis neglectæ, ex auctoribus idoneis permultis, græcis & latinis, veteribus & recentioribus, perpetuo explicantur: huic accedunt index auctorum, ... imperatorum, imperatoresque arctissimo gradu contingentium icones, & figuræ ex veterum monumentis ... Trajecti ad Rhenum [Utrecht]: Ex officina Francisci Halmæ, 1690. Vol. II. P. 191. Cap. XIX:4) и Гай (Публий ?) Корнелий Тацит (См.: [*C. Cornelius Tacitus*] C. Cornelii Taciti Opera omnia ex editione oberliniana cum notis et interpretatione in usum Delphini variis lectionibus notis variorum justii lipsii excursibus recensu codicum et editionum et indice locupletissimo accurate recensita. London, 1821. Vol. 5. P. 2189–2190. Cap. I:6).

^{195.} *Шонов И.В.* Указ. соч. С. 72–75. № 97–100.

^{196.} Такой отход от реализма был характерен для монетного дела Рима со времен Гая Цезаря Германика (Калигулы) (См.: *Sutherland C.H.V.* Op. cit. Pl. 13,33, 14,55). Но особенно популярным он стал при Тиберии Клавдии Друзе. Как правило, этого правителя и его родственников изображали с непомерно длинной шеей (См.: *Sutherland C.H.V.* Op. cit. Pl. 16,93,95,99, 17,107–122). На многих разновидностях монет как столичного, так и провинциального чекана, она превосходила по длине голову. При Нероне Клавдии Цезаре положение несколько измени-

лось. При нем на монетах столичной чеканки выбивали реалистичный портрет принцепса (См.: *Sutherland C.H.V.* Op. cit. Pl. 17,1–10, 18,17,22,32,42,44,50,52,55,63,68,79,88, 19,92,110,138,147, 20,202,291,307). Однако в провинциях, в основном на Востоке, продолжали изображать императора и его родственников с непропорционально длинными шеями. К примеру, монеты с такими портретами чеканили в Кесарее Каппадокийской (См.: *Sutherland C.H.V.* Op. cit. Pl. 22,607,608,610). Не изменили традициям и на Боспоре. На его золоте и меди со времен Тиберия Клавдия Друза изображали римских императоров с необычайно длинными шеями (*Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Табл. 12,332,334, 13,335–344,348–351; *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора. Ч. I. С. Табл. XXII,13–24, XXIII–XXVI). Ситуация не изменилась и при Нероне Клавдии Цезаре. Как правило, императора и его родственников изображали нереалистично (*Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Табл. 13,352–353; *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора. Ч. I. С. Табл. XXVII–XXVIII,1–10). Следовательно, мы имеем дело с явной тенденцией.

- ^{197.} На аверсе крупнейшей меди херсонесского чекана I–III вв. отчетливо видны лиры разных конфигураций. Отметим, что струнные музыкальные инструменты были символами Аполлона (См.: *Скржинская М.В.* Указ. соч. С. 273).
- ^{198.} *Ростовцев М.И.* К истории Херсонеса в эпоху ранней Римской Империи // Сборник статей в честь графини П.С. Уваровой. М., 1916. С. 11–13; Римские гарнизоны на Таврическом полуострове // ЖМНП. Петроград, 1920. С. 149.
- ^{199.} Мы задаем период, определяемый эмиссионными датами.
- ^{200.} Понимая серьезность момента, приведем все доводы, позволяющие проверить и обосновать наше предположение.
- ^{201.} В 62–68 гг. н.э. в Риме были выпущены ассы с изображением императора в виде Аполлона – кифареда на реверсе (См.: *Sutherland C.H.V.* Op. cit. P. 158. Pl. 18,79). На лицевых сторонах этих монет был выбит классический портрет Нерона Клавдия Цезаря, весьма схожий с оттиснутым на херсонесских тетрассариях.
- ^{202.} [*Cajus Suetonius Tranquill*] Gaji Suetonii Tranquilli Opera, et In Commentarius Samuelis Pitisci. quo antiquitates romanæ, tum, ab interpretibus doctissimis, Beroaldo, Sabellico, Egnatio, Ursino, Grutero, Torrentio, Casaubono, Marcilio, Boxhornio, Graevio, Babelonio etiam explicatæ, tum ab illis neglectæ, ex auctoribus idoneis permultis, græcis & latinis, veteribus & recentioribus, perpetuo explicantur: huic accedunt index auctorum, ... imperatorum, imperatoresque arctissimo gradu contingentium icones, & figuræ ex veterum monumentis ... Trajecti ad Rhenum [Utrecht]: Ex officina Francisci Halmæ, 1690. Vol. II. P. 173–176, 192–202. Cap. XII: 8–10, XX–XXI.

- veterum monumentis ... Trajecti ad Rhenum [Utrecht]: Ex officina Francisci Halmæ, 1690. Vol. II. P. 173–176, 192–202. Cap. XII: 8–10, XX–XXI.
- ^{203.} Изображение бородатого Нерона Клавдия Цезаря известно только на монетах Рима (См.: *Sear D.R.* Roman Coins and Their Values. London, 2000. P. 382. № 1927; *Sutherland C.H.V.* Op. cit. Pl. 18,52, 19,110). Правда, значительно чаще ваяли статуи бородатого императора. Но даже на них щеки правителя покрывала лишь легкая растительность, нисколько не искажавшая его облика. В качестве примера приводим фотографию статуи этого императора, хранящейся в Капитолийском музее (Рис. 6,1).
- ^{204.} К примеру, жители Немауса поспешили уничтожить статуи Тиберия Клавдия Нерона, так как считали его сосланным на Родос и окончательно лишенным власти. Мало того, они готовы были по приказу Гая Юлия Цезаря – приемного сына Гая Октавия Цезаря Августа, убить и самого ссыльного (См.: [*Cajus Suetonius Tranquill*] Gaji Suetonii Tranquilli Opera, et In Commentarius Samuelis Pitisci. quo antiquitates romanæ, tum, ab interpretibus doctissimis, Beroaldo, Sabellico, Egnatio, Ursino, Grutero, Torrentio, Casaubono, Marcilio, Boxhornio, Graevio, Babelonio etiam explicatæ, tum ab illis neglectæ, ex auctoribus idoneis permultis, græcis & latinis, veteribus & recentioribus, perpetuo explicantur: huic accedunt index auctorum, ... imperatorum, imperatoresque arctissimo gradu contingentium icones, & figuræ ex veterum monumentis ... Trajecti ad Rhenum [Utrecht]: Ex officina Francisci Halmæ, 1690. Vol. I. P. 693. Cap. XII: 1), сами римляне разбили и уничтожили по «Закону об осуждении памяти» императорские щиты и изображения Нерона Клавдия Цезаря (См.: [*Cajus Suetonius Tranquill*] Gaji Suetonii Tranquilli Opera, et In Commentarius Samuelis Pitisci. quo antiquitates romanæ, tum, ab interpretibus doctissimis, Beroaldo, Sabellico, Egnatio, Ursino, Grutero, Torrentio, Casaubono, Marcilio, Boxhornio, Graevio, Babelonio etiam explicatæ, tum ab illis neglectæ, ex auctoribus idoneis permultis, græcis & latinis, veteribus & recentioribus, perpetuo explicantur: huic accedunt index auctorum, ... imperatorum, imperatoresque arctissimo gradu contingentium icones, & figuræ ex veterum monumentis ... Trajecti ad Rhenum [Utrecht]: Ex officina Francisci Halmæ, 1690. Vol. II. P. 295. Cap. LXIX: 2–3) и Тита Флавия Домициана (См.: *Ibid.* P. 619. Cap. XXIII: 2).
- ^{205.} *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. С. 153. № 370–374. Табл. 14,370–374; *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора. Ч. I. С. Табл. XXVIII,11–19, XXIX.
- ^{206.} Предполагаем, что именно эти монеты изучал А.Н. Зограф. Ведь одну из фотографий тетрассария этой разновидности (Рис. 6,5) мы

взяли из его работы (См.: *Зограф А.Н.* Указ. соч. Табл. XXXVII,8). Мы можем только сожалеть о том, что тетрассарии с изображением бритого молодого человека на аверсе не стали известными этому великому нумизмату.

^{207.} ILS 986 (Tibur).

^{208.} Дело в том, что Деву никогда не изображали в шлеме. Ведь она была богиней-охотницей. Следовательно, божество, изображенное на аверсе херсонесских тетрассариев, могло быть Афиной Палладой (Минервой) или Ромой. Ведь на их головах всегда был шлем, как правило, увенчанный хорошо различимым гребнем.

^{209.} *Зограф А.Н.* Указ. соч. С. 157. Табл. XXXVII,11. Отметим, что на изданном этим нумизматом тетрассарии определенно читается слово **Sebast3-**, а не фраза **Eϣ/nh~ SebastŸ-** (Рис. 6,7). Но, в любом случае, Ρασι – «*Μυρα*», Ραχ – «*Μυρ*» и Ραχ Augusti – «*Μυρ Αυγυστα*» декларировали претенденты, боровшиеся за власть в период Гражданской войны 68–69 гг. н.э. Чаще всего эти девизы встречаются на монетах Сергия Сульпиция Гальбы (68–69 гг.

н.э.) (См.: *Sutherland C.H.V.* Op. cit. Pl. 23,4,34, 27,284,322). Так что у нас есть все основания ожидать появления подобных лозунгов на монетах Херсонеса.

^{210.} Нас не должно смущать сочетание изображения божества и имени императора на тетрассариях Херсонеса. Ведь такие случаи хорошо известны. К примеру, на аверсе уже упоминавшихся бронзах Амиса размещали изображение Афины и надпись **Sebast3-** (См.: *Sear D.R.* Greek Imperial Coins and their values. P. 5. № 43). Изображения божеств в сочетании с императорскими титулами известны и на лицевых сторонах римских монет (См.: *Sutherland C.H.V.* Op. cit. Pl. 5,274, 10,535).

^{211.} *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э.–XII в. н.э.). С. Табл. XV,235–238, XVI,239–246, XVII,250–257, XVIII,262–269, XIX,273–276, XX,286–290, XXI,296–XXI,308.

Рис. 1. Монеты Гая Октавия Цезаря Августа

1,2 – дупондий Херсонеса с изображениями императора и его друга Марка Випсания Агриппы (по Б.В. Кёне и П.О. Бурачкову); 3,4 – портреты Марка Випсания Агриппы и Гая Октавия Цезаря Августа на римских ауреусе (3) и денарии (4); 5,6 – херсонесские ассарии Гая Октавия Цезаря Августа (первая разновидность).

Рис. 2. Монетное дело Херсонеса при Тиберию Клавдии Нероне

1 – гемма с изображением императора; 2 – статер 52 г. х.э.; 3–5 – ассарии второй разновидности; 6 – драхма 62 г. х.э.

Рис. 3. Монеты Гая Цезаря Германика (Калигулы).

Рис. 4. Монеты Херсонеса, выпущенные от имени Тиберия Клавдия Друза до 75 г. х.э.

1 – «Камея Клавдия» из Венского музея истории искусств. Изображение императора помещено в первом ряду слева; 2,3 – ассарии (четвертая разновидность); 4–5 – статеры 71 и 73 гг. х.э.; 6–8 – ассарии 73 и 74 гг. х.э. (пятая разновидность); 9 – бюст Тиберия Клавдия Друза из Национального Археологического музея Испании.

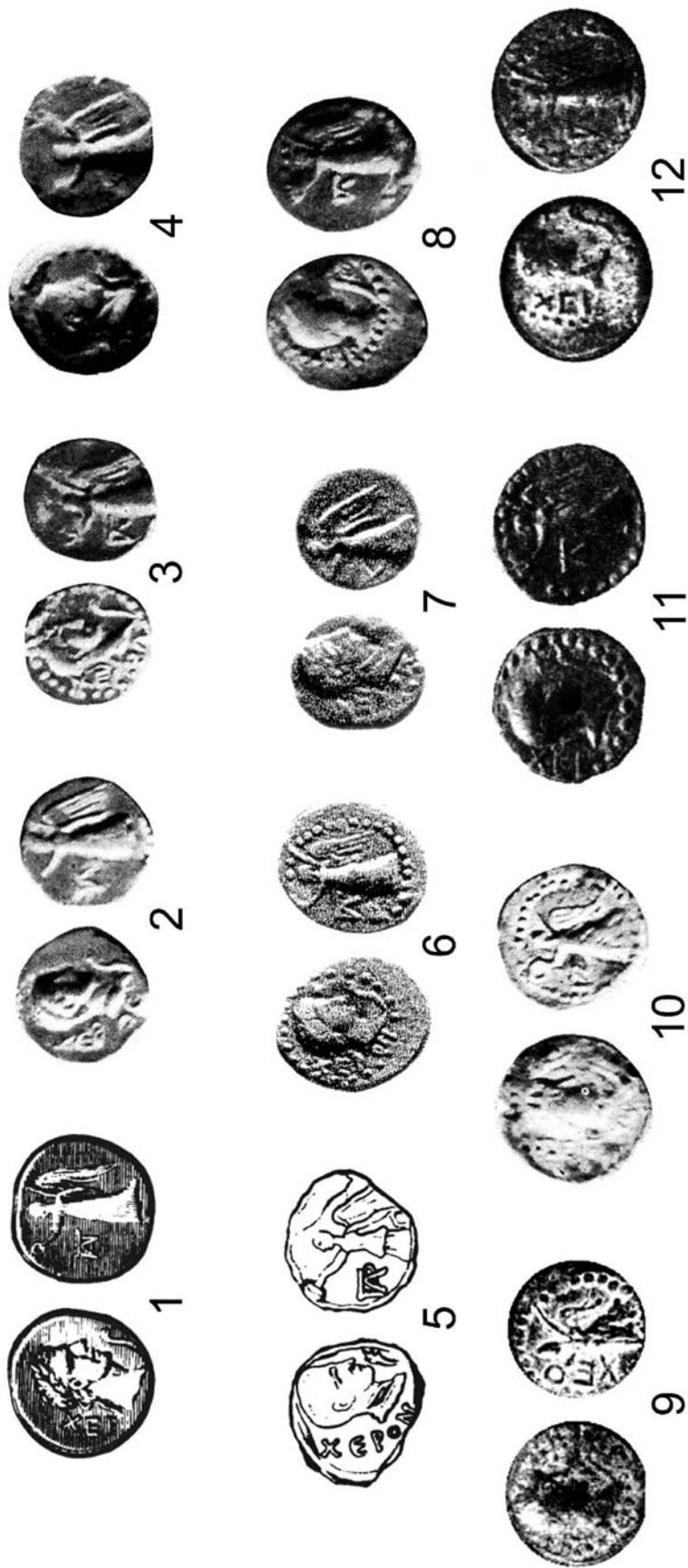

Рис. 5. Ассарии с Никой на реверсе

1–8 – Тиберия Клавдия Друза, чеканенные в 75, 77 и 78 г. х.э. (шестая разновидность); 9–12 – Нерона Клавдия Цезаря (9 – седьмая, 10 – восьмая, 11 – девятая, 12 – десятая разновидности).

Рис. 6. Тетрассарии Херсонеса времен правления Нерона Клавдия Цезаря и периода Гражданской войны 68–69 гг. н.э.

1 – бюст императора (Капитолийский музей); 2,3 – тетрассарии Нерона Клавдия Цезаря чекана Херсонеса (первоначальный вид); 4 – римский асс с Нероном Клавдием Цезарем - кифаредом, 5,6 – тетрассарии, выбитые модифицированным чеканом аверса; 7–9 – тетрассарии, выпущенные во время Гражданской войны 68–69 гг. н.э.

К.К. Акентьев

ДРЕВНЕЙШИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ПОЯВЛЕНИЯ {R^~ НА ВИЗАНТИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ СЦЕНЕ

Prooimion

Наиболее достоверной вехой, «откуда есть пошла Русская земля», остается нападение «росов» на Константинополь летом 860 г. [1] Однако в ареале древнерусского этногенеза X-XI веков в археологических слоях IX века не обнаружено никаких артефактов, которые могли бы быть соотнесены со столь грандиозным предприятием, едва не увенчавшимся падением Царицы городов, величайшего и наиболее укрепленного мегаполиса христианского мира. В этом отношении «Днепровская Русь» остается столь же призрачной, как и «Азовская». Исторические прецеденты сводятся к крупнейшим военным операциям Аварского каганата (626 г.) и Арабского халифата (674-678, 717-718 гг.) в периоды расцвета этих имперских образований.

Столь очевидный парадокс требует пересмотра источников для прояснения существа возникающей проблемы.

Криминалистика различает событие и состав преступления, важнейшим признаком события является его точное время, а решающими признаками состава выступают вещественное содержание, мотивы и субъект деяния. Историк сталкивается с аналогичной ситуацией: верификация и истолкование исторического события опираются на идентификацию его календарной даты и действующего субъекта. Поэтому именно эти два вопроса и выходят на передний план применительно к нападению «росов» на Царьград в 860 г.

Недвусмысленные независимые свидетельства [2] об этом событии немногочисленны. Таковы две гомилии Фотия [3], синачсарь Великой церкви [4], Никита Пафлагонский [5], Продолжатель Феофана [6], плагиаторы недошедшей до нас хроники Симеона Логофета [7] и «Брюссельская хроника» (Cod. Bruxellensis gr. 11376) [8].

Первостепенный интерес представляют обе гомилии Фотия, явившиеся непосредственным откликом на это событие: первая (III) была произнесена в самый драматический момент, когда гибель Города

казалась неминуемой; вторая (IV) резюмирует происшедшее и возносит энкомий Богородице за его спасение.

Однако Фотий не указывает ни одной календарной даты и не называет имя напавшего на Город «с севера» [9] народа. Этноним или этникон {R^~ отсутствует в обеих проповедях и появляется только в их заглавиях, и притом лишь в поздних списках XVI-XVII вв. [10] Более того, Фотий квалифицирует его как «народ к рабам причисляемый, безвестный, лишь походом на нас стяжавший имя» [11]. Однако и это приобретенное имя Фотий не называет. Лишь семь лет спустя, в Окружном послании 867 г., патриарх сообщает о недавнем крещении «того же самого, так называемого [народа] {R^~, который и на Ромейскую державу руку поднял, поработив своих соседей и оттого непомерно возгордившись» [12].

Приняв во внимание то и другое, нельзя не признать остроумным заключение В. Пархоменко [13], что «росами» этот народ назвали византийцы, усмотрев в его нападении на Константинополь исполнение пророчества Иез. 38-39 о явлении в конце времен Гога и Магога, во главе «с князем Роса, Мосоха и Фовела» (38:2-3). Благоприятной почвой для употребления этого слова в качестве этникона явился гебраизм $\hat{A}rcwn$ {R^~, отображающий в LXX плеоназм $\hat{A}rcwn$ в МТ. Разумеется, Фотий не мог не знать об этом обстоятельстве, отмеченном еще Евсевием (*Demonstr. evang.* IX.3.6). Именно поэтому он, по-видимому, и воздержался от употребления этого слова в гомилиях, а в послании ограничился указанием на «так называемый {R^~, едва ли вполне принимая его в качестве этнонима.

Но он все-таки употребил его, быть может, приняв во внимание рассказ *Жития св. Георгия Амастридского* о нападении народа {R^~ на побережье Амастриды предположительно в 830-х годах [14]. Здесь этот народ охарактеризован как «в высшей степени дикий и грубый, ... гибель несущий и делом, и именем» (*to\$to d\ t4 fqoropoi4n kaJ pr=gna kaJ \$noma*) [15]. Такая оценка имени {R^~, по всей вероятности, может оцениваться как результат его соотнесения с $\hat{A}rcwn$ {R^~ в пророчестве Иез. 38-39. И это тем более вероятно, что

столетием спустя Лев Диакон прямо ссылается на него, узрев исполнение пророчества во вторжении «росов» в Болгарию под эгидой Святослава [16].

Но ближайшая параллель содержится в современном житию сообщении *Бертинских annalov* о появлении посольства *gens Rhos* сначала в Константинополе (838 г.), а затем в Ингельгейме (839 г.) [17]. И здесь, напротив, никаких библейских аллюзий нет, *Rhos* фигурирует в качестве этнонима, пусть незнакомого, но употребляемого как таковой. Однако в латинском *Rhos* трудно не признать транслитерацию греческого {R^~, тем более что в Ингельгейм представители этого народа прибыли из Константинополя, с сопроводительным письмом Людовику I Благочестивому от Феофила.

Сопоставляя эти свидетельства, правомерно заключить, что соотнесение этого этнонима или этникона с библейским {R^~ в *Житии св. Георгия Амастридского*, древнейшем византийском источнике, упоминающем это имя, лежит в истоках всей известной традиции его употребления в византийской письменности IX-X вв. После Окружного послания Фотия оно упоминается Продолжателем Феофана, Псевдо-Симеоном, Константином VII Багрянородным [18] и Львом Диаконем. И последний, заключая этот ряд, предоставляет прямое подтверждение справедливости такого вывода.

В связи с этим особого внимания требует тот факт, что древнейший список Типика Великой церкви, Patmos. 266 начала X в., зафиксировал иную огласовку этого этнонима, {Ro\$~, вполне соответствующую этнониму «русь» в славянской (рѹсь), арабской الروس (ar-Rūs) и латинской (Ruzzi / Rusci / Rusi, etc.) традициях, но в Византии распространившуюся лишь в X-XI веках. И это свидетельство нельзя не признать тем более примечательным, что здесь же указан и день спасения города от Руси, 25 июня [19], который согласуется с сообщением Брюссельской хроники о нападении «росов» 18 июня 860 г. [20] Следовательно, именно этот памятник и может послужить отправным пунктом для пересмотра проблемы.

1. Свидетельство синаксаря Cod. Patmos. 266

Под 25 июня здесь указаны «нашествие сарацинов и русов, и лития во Влахерны»: **KaJ t^~n Sarakhn^~n kaJ t^~n {Ro\$~n (?) Ō jleusi~, kaJ lit^~n Blaclrnai~**. Затем следует описание литии, совершавшейся после утрени в Св. Софии [21].

Поскольку нет свидетельств участия арабов в нападении руси на Константинополь в

860 г., в этой памяти приходится предположить либо контаминацию двух разных событий, нашествий арабов и русов, либо их сознательную ассоциацию в силу реального или предполагаемого совпадения их календарных дат. Идентификация нападения арабов сомнений не вызывает. Поскольку известны только два их нашествия, создавших прямую угрозу Константинополю, в 674-678 гг. и в 718 г., а во втором случае арабы отступили от стен города 15 августа, в день Успения Богородицы [22], остается заключить, что речь идет о спасении столицы от пятилетней арабской осады в 678 г. [23]

Вопросительный знак в приведенном эскипте принадлежит издателю, А.А. Дмитриевскому, предупредившему читателя, что рукопись Patmos. 266 переписана «весьма небрежным почерком безграмотного писца (...), а поэтому переполнена массой орфографических ошибок, затрудняющих чтение ее текста». В силу этого «далеко не все палеографические и орфографические трудности» удалось преодолеть, на что и указывают вопросительные знаки издателя [24].

Следовательно, словосочетание **kaJ t^~n {Ro\$~n** могло появиться в результате описки.

Возможны три ее объяснения [25].

Во-первых, здесь весьма вероятно употребление несклоняемой формы {Ro\$~, поскольку заимствованные этнонимы обычно не склоняются. Ближайшую аналогию как раз и предоставляет библеизм {R^~. В этом случае конечная согласная ~ могла превратиться в -n по инерции, вследствие диттографии, графической ассимиляции с предшествующим **kaJ t^~n Sarakhn^~n**.

Во-вторых, нельзя исключать и возможность склонения этнонима или этникона {Ro\$~, как это наблюдается в памятниках XI-XII вв. В частности, возможно слитное склонение {Ro\$~, по аналогии с именем нарицательным @o\$~, «быстрое течение, стремительный поток», в переносном смысле – *стремительный натиск*.

В пользу такого допущения склоняет риторика Фотия, выдающегося филолога, автора знаменитого *Лексикона* и наиболее вероятного инициатора возрождения этимологической экзегезы стоиков в эпоху Македонского ренессанса [26]. Он неоднократно подчеркивает, что ошеломлен стремительным темпом морской атаки [27], вызвавшей в его сознании образы «излившегося» (**βχεσϥη**) на Константинополь «мутного потока (**τρυγία-**) бедствий» и «тучи варваров, затопившей город кровью» (**το~ αμασιν βπικλ vzonta-**) [28]. Этот «безвестный, но походом на нас стяжавший имя (...), вар-

варский, кочующий народ, (...) будто морской вал (*kvma qal=ssh-*), нахлынул на наши пределы и, будто дикий вепрь (*moni4- Āgrio-*), словно сено, солому или ниву, пожрал (*katenem/sato*) населяющих эту землю» [29]. Такой поток ассоциаций вполне мог быть вызван этнонимом, созвучным @o\$, но он же мог сыграть и продуктивную роль, навеять {Ro\$- в качестве этника. Аналогичный риторический прием Фотий применяет, обыгрывая топоним {R9mh в сочетании с его нарицательным омонимом @9mh, «сила, мощь, отвага» (и физическая, и духовная). Обращаясь к Новому Риму, он восклицает: «Твоя неодолимая сила словно выпала в осадок глубочайшего бессилия (#prosm=cht3n sou @9mh e> trvga 6l=sai baqut=th- #rrwstja-), а бессильное и униженное [племя] врагов ... пытается показать на тебе силу (>scvn) [своей] руки и украситься громким именем» [30]. Имя признается громким без указания причин, как нечто самоочевидное. При этом не улавливается никаких аллюзий на {R^~ из Иез. 38-39.

Но привлекательность такой гипотезы не должна заслонять встающие на ее пути препятствия: само слово @o\$ Фотий здесь все-таки не употребляет, а в случае склонения {Ro\$- по его модели в род. п. мн. ч. так же получилась бы форма {R^~n, как и при склонении {R^~.

И наконец, в-третьих, возможно склонение {Ro\$- по модели имен существительных III склонения с основами на дифтонги (с исторической основой на дигамму), в частности по аналогии с bo\$-, «бык». В этом случае в род. п. мн. ч. получилась бы форма {Ro^~n, и писец патмосского списка мог исказить не конечную согласную -n, а гласную -^-, вследствие фонетической ассимиляции, по аналогии с корневым дифтонгом-o\$- в сопротивляющемся склонению {Ro\$-.

Возможны и более сложные формы взаимодействия грамматики и риторики в потоке сознания автора *Лексикона* и *Амфилохий*. Подобно тому, как имя нарицательное @o\$- производно от глагола @lw, «течь, струиться, разливаться, устремляться, нападать», слово bo\$- могло восприниматься как производное от глагола bo=w, «реветь». В этом случае этникон или этноним {Ro\$- мог склоняться по аналогии с bo\$- в русле двойной ассоциации, аналогичной сочетанию «морского вала» с «диким вепрем» в гомилии Фотия.

Косвенное подтверждение такой возможности может быть усмотрено в уникальной этимологии {R^~ в перечне епархий наследников Александра Великого у Пс.-Симеона, которая связывает этот этноним с «неким могучим откликом – @^~ – принявших прорица-

ние по некоему наставлению или божественному вдохновению и возвысившихся над этим народом» [31].

Но какой бы из этих вариантов ни оказался наиболее правдоподобным, первостепенное значение имеет тот факт, что форма {Ro\$~n в синаксаре ни при каких обстоятельствах не могла быть получена из формы {R^~, употребленной в Окружном послании Фотия 867 г. В случае склонения {R^~ получилось бы либо {R^~n, по парадигме слитного склонения, либо {Rws^~n, наподобие более поздней формы {Rous^~n в актах Русского афонского монастыря XI-XII вв. [32]

Вместе с тем возможность одновременного употребления форм {R^~ и {Ro\$-, в послании и синаксаре, подтверждается сообщением Продолжателя Феофана о нападении руси в 941 г., где этникон {R^~ сочетается с производным от {Ro\$- прилагательным {Rousik3- в обозначении «русских судов», svnaxi- t^~n {Rousik^~n plojwn, которым противостоит «ромейское войско», t4 {Rwnaik4n str=teuma [33].

Более того, аналогичное же сочетание Ros-/Ruz- засвидетельствовано так называемым «Баварским географом», памятником Кирилло-Методиева круга, восходящим к началу 870-х годов, где в одном ряду с Sebbi-rozi, Atto-rozi и Vuille-rozi указаны также и русы, Ruzzi, и притом в непосредственном соседстве с хазарами, Caziri [34], облегчающем идентификацию этих «русов».

Следовательно, Cod. Patmos. 266 неопровержимо свидетельствует об употреблении этнонима {Ro\$- в Константинополе вскоре после 860 г., одновременно с употреблением этнонима Ruzzi в качестве транслитерации славянского самоназвания его носителей в пограничной зоне германо-славянских контактов [35].

Поэтому нельзя не признать вероятным, что в распространении этнонима {Ro\$- греческий язык так же сыграл свою роль lingua franca, как и в распространении этнонима Skl=boi, латинская транслитерация которого сходным же образом появляется в конце IX в. [36].

Исчезновение kaJ t^~n {Ro\$~n в последующих списках константинопольского синаксара не только не противоречит этому заключению, но и служит ему дополнительным подтверждением.

В Cod. St. Crucis 40 второй половины X в., восходящем к протографу середины X в. [37], под 25 июня отмечена только память спасения Константинополя от «безбожных сарацин, осадивших наш Царственный город и с суши, и с моря» [38]. Но при этом дословно воспроизводится описание литии во Влахерны,

содержащееся в патмосском списке, хотя совершалась она в память спасения от росов, а не сарацин, как свидетельствуют все описания событий 860 г. В частности, Фотий останавливает внимание на том, как возглавлявшаяся им лития с мафорием Богородицы, хранившимся во Влахернах, обошла стены города, умоляя Матерь Божию о помощи [39]. И это подтверждается всеми плагиаторами Симеона Логофета, сохранившими идентичный рассказ о литии во главе с Фотием во Влахерны за мафорием Богородицы [40], чудотворной силой которого объясняется спасение столицы.

Поэтому исчезновение $kaJ t^n \{RoSn$ в Cod. St. Crucis 40 может оцениваться как купюра, быть может, продиктованная теми же мотивами, которые обусловили *damnatio memoriae* всей деятельности Фотия в историографии Македонской династии [41]. Архив Фотия («семь запечатанных мешков с документами») первого периода его правления (858-867) был конфискован при его аресте в сентябре 867 г., и спасением его сочинений мы обязаны, вероятно, друзьям опального патриарха [42]. От второго же периода его правления (877-886) не сохранилось ни одного его труда, за исключением *Исагоги*, нескольких писем и протоколов выступлений Фотия на Константинопольском соборе 879-880 гг.

Купюра в синаксаре тем более вероятна, что аналогичная тенденция несомненна в *Vita Basilii* Константина VII Багрянородного, который целиком умалчивает деятельность Фотия и приписывает крещение росов патриарху Игнатию (847-858, 867-877), вновь возведенному на престол Василием I после низложения Фотия. Вследствие этого единственным источником, проливающим свет на дипломатические усилия Константинополя после нападения руси в июне 860 г., служит рассказ *Жития св. Константина Философа* о хазарской миссии его героя осенью того же 860 года, вероятно и повлекшей за собой крещение руси, о котором говорит Фотий в Окружном послании 867 г. [43].

Отсюда можно заключить, что Cod. Patmos. 266 сохранил в свою очередь важнейшее свидетельство, перебрасывающее мост от гомилий и Окружного послания Фотия к этому сообщению *Жития св. Константина* и тем самым подтверждающее связь его хазарской миссии с нападением руси [44].

Очевидно, это может пролить новый свет также и на сообщение жития (VIII, 12) о знакомстве св. Константина в Херсонесе с «русьскими письмены», побудив к возобновлению полемики вокруг популярной конъектуры А. Вайана («сурьскими» вместо «русьскими») [45]. Прилагательное «русьскими» в славянской

версии жития может представлять собою вполне тривиальную транслитерацию производного от {Ro\$~ прилагательного *Rousik3~* в недошедшем до нас греческом оригинале. И это тем более вероятно, что именно это прилагательное и употреблено Продолжателем Феофана в отношении «русских судов» на рейде Константинополя в 941 г.

В связи с этим, по-видимому, возможен новый подход и к гипотетической «готской» идентификации этих «русских письмен», с учетом сообщения Валафрида Страбона из Райхенау о богослужении на готском языке «у некоторых скифских народов» в устье Дуная в первой половине IX в. [46].

Но вернемся к патмосскому списку. Предлагаемая оценка этой рукописи представляется тем более правомерной, что ее текст, по всей вероятности, также исходит из канцелярии Фотия и может рассматриваться как Фотиева редакция константинопольского синаксаря. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что в нем уже указана память патриарха Игнатия († 877), вероятно канонизированного по инициативе Фотия вскоре после его кончины [47], но еще не отмечено празднование Дня Православия, первое упоминание о котором содержится лишь в Клиторологии Филофея (899 г.) [48].

Следовательно, Cod. Patmos. 266 свидетельствует об употреблении этнонима {Ro\$~ в его протографе, вышедшем из патриаршего скриптория в 877-886 гг., по свежим следам событий 860 г.

Тем самым еще раз подтверждается уместность обращения к риторике Фотия за объяснением описки в этом слове.

Нельзя не отметить и то обстоятельство, что древнейший славянский месяцеслов Остромирова евангелия 1056/1057 гг. восходит к этой же Фотиевой редакции синаксаря и может быть датирован 869-885 гг. [49], поскольку в нем уже указана память св. Константина Философа под 14 февраля († 869), но еще нет памяти св. Мефодия († 3 апреля 885). По существу этот месяцеслов предоставляет ближайшую параллель «*Книге побратимов*» из Райхенау начала 870-х годов, где имена Кирилла и Мефодия возглавляют списки соответственно усопших и здравствующих братьев [50].

Это нельзя не сопоставить в свою очередь с сообщением *Жития св. Мефодия* (XIII) о посещении им Константинополя и общении с патриархом в 882 г., после реабилитации Фотия на Соборе 879-880 гг. По-видимому, при посещении патриархата Мефодий был снабжен синаксарем новой редакции, антиграфом патмосского списка, который он и перевел на

славянский, создав таким образом прототип синаксаря Остромирова евангелия. В этот прототип он вписал, по всей вероятности, и память брата (14 февраля), и память обретения им в Херсонесе мощей св. Климента Римского (30 января), отсутствующие в греческих синаксарях IX-XII вв. Соответственно из этого же константинопольского источника мог быть извлечен и этноним {Ro\$~ при составлении *Жития св. Константина*.

Следовательно, имя св. Константина в месяцеслове Остромирова евангелия связывается с этим эпизодом *Жития св. Мефодия* не менее очевидным образом, чем этноним {Ro\$~ в синаксаре Cod. Patmos. 266 — с «русскими письменами» *Жития св. Константина*. Видимо, это взаимосвязанные результаты деятельности св. Мефодия.

Особый интерес представляет тот факт, что Cod. Patmos. 266 упомянут в инвентаре библиотеки патмосского монастыря Св. Иоанна Богослова 1200 г. [51], будучи обозначен здесь как *steron biblid3poulon tupik4n t|~ Meg=1h-}Ekk1hsja~* [52]. Как подметил Ф. Томсон, корпус переводной славянской письменности, получившей распространение на Руси, по составу весьма близок этому инвентарю, в силу чего именно он и может указывать на его вероятные истоки [53].

Вектор этих указаний нетрудно прояснить. Инвентарь 1200 г. восходит к аналогичному инвентарю 1103 г. [54], отразившему первоначальный состав библиотеки, собранной св. Христодулом, уроженцем Вифинии и выдающимся книжником, основавшим патмосскую обитель в 1088 г., а прежде подвизавшимся на Олимпе Вифинском и в монастырях Палестины [55]. В связи с этим следует принять во внимание, что в VII-XI вв. Олимп Вифинский играл ведущую роль в ретрансляции палестинских традиций в византийском мире [56]. Именно отсюда они проникли в константинопольский Студийский монастырь, при посредстве св. Феодора Студита, также уроженца Вифинии и воспитанника Олимпа [57]. Отсюда же они могли проникнуть и в древнерусскую письменность в результате перевода на славянский язык монастырской библиотеки аналогичной Патмосскому собранию.

Более того, целый ряд особенностей Cod. Patmos. 266 свидетельствует о том, что и он был переписан либо в самом Иерусалиме, либо в одном из связанных с ним монастырских центров [58], скорее всего на Олимпе. Соответственно св. Христодул мог приобрести его либо в Палестине, либо в своей Alma mater. В связи с этим привлекает внимание также и сообщение *Жития св. Мефодия* (III-IV) о пребывании его героя опять-таки именно на

Олимпе в период хазарской миссии св. Константина. По существу и здесь возникает такая же корреляция, как и в случае с «русскими письменами» *Жития св. Константина*: на Олимп константинопольский прототип патмосского списка мог быть доставлен опять-таки самим Мефодием, позднее положившим его в основу славянского перевода синаксаря.

По всей вероятности, именно Олимп и стал купелью славянской письменности. Видимо, одна из его монастырских библиотек действительно сыграла роль, усмотренную Ф. Томсоном в инвентаре Патмосского собрания. Здесь же, на Олимпе следует искать и прототип «печерки малой», выкопанной «русином» Иларионом на берегу Днепра и положившей начало Киево-Печерской лавры [59]. Афон не знал такой — чисто палестинской — монашеской практики.

В данном же случае примечательно, что древнейший пример употребления византийской формы этнонима {Ro\$~ содержится в рукописи, сохранившейся в Патмосском собрании и переписанной, по-видимому, также на Олимпе.

Едва ли такая сеть корреляций может быть случайной, и едва ли ее можно игнорировать при обсуждении вероятной роли Фотия как в «первом крещении Руси» 860-867 гг., так и в генезисе Кирилло-Мефодиевой традиции — а быть может, и в появлении литературного имени у «варварской и безвестной» Руси.

2. К этимологии «руси»

Рассматривая эти факты во всей их совокупности, нельзя не обратить внимания также и на то обстоятельство, что употребление этнонима {Ro\$~ в патмосском списке может пролить новый свет и на этимологию его славянского эквивалента, *роуць*, по сей день остающаяся *crux interpretum* в историографии древней Руси [60].

В частности, внимание возвращается к «исконно славянской» этимологии этого этнонима в гипотезе С. Роспонда [61], допускающей две исходные общеславянские основы: (1) *rud-/*rus- — *rud-sa < rudъ — «русый, рыжий» и (2) *ru-/*ry- — «плыть, течь» (русск. *русло*, польск. *runo, ruszyć*). Первоначальное образование от одной из этих основ усматривается в северорусском гидрониме Рус(с)а и связанных с ним топонимах Старая Русса, Порусье, из которых и выводится этноним «русь». Историческая аргументация опирается на сообщение Воскресенской летописи: «Прозвашася [словене] Русь реки ради Руссы, иже впадоша во езеро Илмень» [62].

Наиболее серьезным возражением этой гипотезе остается заключение А.В. Назаренко о

невероятности сохранения на исконно славянском субстрате спиранта –s после вторичного –ū-, развившегося из дифтонга [63]. Но изложенные факты подсказывают: если не исходным, то содействующим фактором здесь могла явиться греческая форма {Ro\$~. Бытовавшая уже в 860–886 гг., она вполне могла вступить в интерференцию со славянской формой роуць при употреблении греческого в качестве lingua franca. И это тем более вероятно, что в греческом наблюдается точно такая же бифуркация основы существительного @o\$~ (*rō-/rū-), «быстрое течение, стремительный поток», и прилагательного @ovsio~ (*rūs-), «красный, рыжий, русый», как и в славянском [64].

Предпосылки такого взаимодействия могут восходить к общему индоевропейскому субстрату. Этнонимы и топонимы с иранской основой *gūxs / *goxs, «светлый», в V в. до н.э. — VI в. н.э. распространились в обширном ареале Средней Азии, Северного Кавказа и Северного Причерноморья [65]. В греческом @ovsio~ лишь в значении «красный» заимствовано из латинского (gūsseus, gūssus) [66] – в менее распространенном значении «светлый, русый» более вероятен иранский генезис. В частности, на это указывает перечень народов, покоренных Александром Великим, в версии g византийской *Александрии*, где {Rovsioi соседствуют с авасгами, армянами, сарацинами, сирийцами и аланами и тем самым коррелируют с {Roxolanoj классической традиции [67]. Отметим и тот факт, что Skl=boi здесь следуют за эллинами, ивирами и аварами и примыкают к Ma\$roi [68]. Вместе с тем прямую параллель {Rovsioi предоставляет {R^~ в перечне епархий наследников Александра в хронике Пс.-Симеона, по всей вероятности восходящем к недошедшей до нас версии *Александрии* [69]. Следовательно, версия g может указывать на вторичное происхождение {Rovsio~ по отношению к {Roxolan3~ и {R^~, по крайней мере в русле классической географической традиции.

Более того, бифуркация @o\$~ / @ovsio~ проясняет также и вопрос о том, какая историческая реальность могла бы соответствовать виртуальному историографическому образу шведских «гребцов», *rōðsmæn.

Обычно их производят на предполагаемой древнегерманской основе *rōðs-, мысленно прослеживают их судьбы в непрерывных морских походах, i gurī, и связывают с целым рядом столь же гипотетических композитов на древнескандинавской основе *rōþs-, к которым и возводится финское наименованием шведов, Ruotsi, в качестве непосредственной праформы славянской «руси» [70].

Такие построения не выдерживают ни лингвистической, ни исторической критики.

Во-первых, выделение древне-шведского и других скандинавских диалектов произошло не ранее X–XI вв. [71], в силу чего продуктивность композитов, засвидетельствованных много позднее, источниками XIII–XIV вв., более чем проблематична [72]. И это тем более очевидно, что в эпоху зарождения скандинавской литературы просвещенные византийцы уже выделяли «Святую Русь» в ряду известных им разновидностей троглодитов, скифов, франков и варягов [73].

Во-вторых, шведские «гребцы» могут обрести пристань именно на византийском берегу, где греческие формы @o\$~ / @ovsio~ предоставляют наиболее правдоподобные праформы и славянской «руси», и финских Ruotsi. Константин VII Багрянородный различает @ovsioi и ma\$roi, «красных (рыжих, русских) и черных гребцов царских аграриев» [74]. Современные комментаторы полагают, что речь идет о гребцах «красных» и «черных» судов императорской флотилии, паруса которых были окрашены в соответствующий цвет [75]. Но первичным могло быть размежевание именно самих гребцов, наподобие цирковых партий, тем более что этим же словом, to\$ {Rousjou <mlrou>, Константин и обозначает партию «красных» [76].

В пользу такого объяснения склоняет Лиутпранд, описывая нападение Игоря на Константинополь летом 941 г. Его участников он причисляет к «северному народу», который «греки по внешнему его виду называют Rusios, а мы по месту их жительства зовем Nordmannos», поскольку «на тевтонском языке Nord означает “север”, а man — “человек”, откуда и Nordmannos, то есть “северные люди”» [77]. Поскольку «мы» у Лиутпранда, переселившегося в Саксонию лангобарда, означает «франков», как он сам указывает в другом месте [78], «северяне», по всей вероятности, обозначают скандинавов. И это тем более вероятно, что столетием спустя Адам Бременский счел нужным разъяснить, что «северянами», Nordmanni, «франкские историки» называют «данов», Dani, и все остальные народы, обитающие «за Данией», [79] т. е. на Скандинавском полуострове.

Но если в устах жителей Константинополя 941 г. @ovsioi обозначали данов и других скандинавов, то @ovsioi и ma\$roi в качестве гребцов императорской флотилии нельзя не сопоставить с {Rovsioi и Ma\$roi византийской *Александрии*, помещающей первых рядом с аланами, а вторых рядом со славянами. Поскольку Мавритания в державу Александра не входила, упоминание «мавров»

подказывает, что речь идет о традиционной ассоциации «светлых» и «черных» народов со сторонами света, западом и севером [80]. Поэтому если {Rovsioi} восходят к роксоланам, то последние могли представлять собою «светлых» или «западных» аланов, а Mašroi получают себе параллели в «северянах» и «черной руси» древнерусской летописи. По всей вероятности, здесь историк сталкивается с реликтами взаимосвязей этно- и топонимики в составе архаических лексико-семантических полей.

Именно в этом ряду и могут обрести свое историческое место как цирковые партии Константинополя [81], так и @ovsioi и mašroi гребцы Константина VII Багрянородного, а быть может, и рыжие или русые Ruotsi, с запада приплывавшие к финнам.

Более того, весьма вероятно присутствие здесь также и эсхатологических коннотаций. В то время как Лев Диакон называет этот северный народ «скифами», «тавроскифами» и {R^~}, ссылаясь на Иез. 38:2-3, огласовка {Rovsio~} у Лиутпранда соответствует образу западных «светловолосых народов», t+ xanq+ g1nh, в византийской апокалиптике IX-X веков. В частности, этот образ занимает центральное место в эсхатологических сценариях *Откровения св. Андрея Юродивого* и апокрифического *Видения Даниила* [82]. Поскольку две из многочисленных версий *Видения Даниила* непосредственно пересказываются Лиутпрандом [83], едва ли такая корреляция может быть случайной.

По-видимому, этникон {Rovsio~} так же мог наделяться эсхатологическими коннотациями, как и этникон {R^~}, и притом также восходящими к библейским пророкам.

Ближайшее подтверждение этому опять-таки предоставляет хроника Адама Бременского, написанная около 1072 г., где рассказ об обращении свеонов св. Ансгарием завершается ссылкой на Магога из Иез. 38:2-3 и тем самым сходным же образом наделяется эсхатологическим значением:

«Господь сказал: “И пошлю огонь на землю Магог и на жителей островов”. Некоторые же рассказывают подобное о готах (Gothi), захвативших Рим. Мы полагаем, что эти самые готы обитают в Свеонии, так как вся тамошняя страна состоит из островов» [84].

Отождествление свеонов одновременно и с эсхатологическим Магогом, и с готами, разорившими Рим, заслуживает самого пристального внимания.

3. Этимология и эсхатология

Отождествление свеонов с Магогом нельзя не сопоставить с отождествлением со свеонами народа Rhos в *Бертинских анналах* (839 г.) [85]. Но прямая зависимость этого сообщения от эсхатологической парадигмы Иез. 38:2-3 едва ли вероятна. Как уже отмечалось выше, в анналах Rhos употребляется в качестве этнонима и никак не соотносится с библейским {R^~}. Нет аллюзий на Иез. 38-39 и в древнейшем сообщении о просвещении свеонов (829-830, 852/853) в *Житии св. Ансгария*, написанном не позднее 876 г. [86]. Фотий в гомилиях 860 г. не упоминает ни свеонов, ни {R^~}, а в Окружном послании 867 г. говорит лишь о «так называемом {R^~}», вероятно сомневаясь в реальности этого имени в качестве этнонима. Пс.-Симеон разъясняет этимологию {R^~} в пассаже о наследниках Александра Великого, вне какой бы то ни было связи с более чем проблематичным нападением росов на Константинополь в 907 г. Правда, он упоминает {R^~} также и в связи с нападением Игоря на Царьград в 941 году, подобно Продолжателю Феофана, но оба автора употребляют это имя опять-таки в качестве этнонима, без библейских аллюзий. И лишь *Житие св. Георгия Амастридского* и Лев Диакон не только употребляют имя {R^~}, но и содержат аллюзию на Иез. 38:3 в качестве его источника, предлагая впечатляющую альтернативу этимологии этого имени у Пс.-Симеона.

Отсюда естественно допустить, что Адам Бременский был знаком не только с франкской историографической традицией, восходящей к *Бертинским анналам* и *Житию св. Ансгария*, но также и с традицией византийской, связанной с наследием Александра Великого и библейской эсхатологией.

Примечателен и тот факт, что предпосылки ассоциации столь разнородных традиций улавливаются уже в хронике Видукинда Корвейского (957-968 гг.). Касаясь происхождения саксов, он указывает, что «об этом есть разные мнения: согласно одним, саксы берут начало от данов и норманнов (Видукинд их различает — К.А.), а согласно другим (...) от греков, ибо (...) саксы суть остаток македонского войска, которое, следуя за Александром Великим, после его внезапной смерти рассеялось по всему миру. Но нет сомнения, что [саксы] были древним и благородным народом: о них говорится в речи Агриппы к иудеям, в пересказе Иосифа» [87]. Следовательно, саксы имеют такое же право на свою долю в наследии Александра, как и все прочие его наследники, «рассеявшиеся по всему миру», а их отвага засвидетельствована Иосифом Флавием, отметив-

шим «храбрость германцев» (BJ 2, 16, 4) в перечне народов, подвластных Римской мировой державе – главной наследнице Александра.

Знакомство Адама Бременского с византийской традицией, связавшей {R^ с наследием Александра и библейской эсхатологией, тем более вероятно, что в средневизантийский период эта традиция сохраняла свою популярность. В 1042 г., за тридцать лет до составления хроники Адама Бременского, Георгий Мтацминдели перевел на грузинский язык этиологическое сказание об установлении празднования Субботы Акафиста в память о неоднократных спасениях Константинополя заступничеством Богородицы. Ядро этой компиляции составила «душеполезная повесть» об осаде города совместными силами персов, «скифов» и «варваров» в 626 г., в греческой традиции приписанная Георгию Писиде (BHG 1060) [88], а в грузинской оставшаяся анонимной [89]. Здесь византийская столица именуется Новым Сионом, «в котором пребывает Бог», а ее враги выступают в качестве «народа-богоборца» [90], в котором нетрудно узнать Гога и Магога из Иез. 38:2-3. То и другое перекликается с главным источником сведений об этих событиях, гомилией Феодора Синкелла по случаю спасения Города в 626 г., где он именуется Новым Иерусалимом христианского мира, а его спасение уподобляется спасению библейского Иерусалима от Гога и Магога в Иез. 38-39 и получает эсхатологическое истолкование [91].

Более того, сопоставление с гомилией Феодора Синкелла проясняет, что под «скифами» эта компиляция подразумевала славян, приплывших на «моноксилах», а под «варварами» — аваров, в то время как в сохранившейся грузинской версии «скифы» отождествляются с «русскими», რუსები, повелитель которых так же именуется хаганом [92], как и повелитель «скифов» в греческом оригинале. Тем самым грузинская версия предоставляет ближайшую параллель сообщению *Бертинских анналов* под 839 г. о народе *Rhos* во главе с *Chacanus* [93].

Для адекватной оценки единственного разночтения -o- / -u- в корневом гласном следует принять во внимание, что в латинской традиции это единственный случай такой огласовки (старофранцузские параллели XIII-XIV вв., конечно, не в счет), в то время как რუსები грузинской версии точно соответствует {Rovsio~ / {Ro\$~ / {Rousik3~ византийской *Александрии* VIII-IX вв., константинопольского синаксаря 877-886 гг., *Жития св. Константина Философа* 869-885 гг. и сообщения Продолжателя Феофана под 941 г. В силу этого грузинская версия требует особого внимания.

К сожалению, история этого уникального памятника остается неисследованной. В публикации 1912 г. М.Г. Джанашвили лишь перечислил восемь списков, выделил три редакции и указал, что в 1900 г. им была издана только «часть» пространной редакции по древнейшему списку Грузинского Церковного музея № 500 (471), датированному колофоном 1042 г. Но при этом М.Г. Джанашвили все-таки отметил тот факт, что заглавие краткой редакции точно соответствует заглавию «душеполезной повести» Пс.-Георгия Писиды [94].

Однако публикация 1912 г. осталась неизвестна М. ван Эсброку, и первоначально, в 1976 г., он опубликовал французский перевод только той «части» пространной редакции, которая была издана М.Г. Джанашвили в 1900 г. Тем не менее в статье 1993 г. М. ван Эсброк попытался определить общий состав грузинской компиляции, отметив, что совпадают как заглавия, так и тексты ее первой части и повести Пс.-Писиды. Наряду с этой повестью М. ван Эсброк усмотрел в компиляции также и фрагменты из хроники Льва Грамматика и Бrevиария Никифора или их источников, обширные выдержки из неизвестных источников, образовавшие особую повесть «От Маврикия до Ираклия», и фрагмент заключительного раздела повести Пс.-Писиды (PG 92, 1364 B6-C6). Поскольку же заключительная часть грузинской компиляции, опубликованная М.Г. Джанашвили в 1912 г., М. ван Эсброку осталась неизвестна, он воспользовался ее парафразой в рукописи XVI в. из церкви в Цагери, изданной П. Карбелашвили в 1903 г., и этой парафразой восполнил лауну в публикации М.Г. Джанашвили 1900 г. [95].

Предложенная М. ван Эсброком атрибуция грузинской компиляции также опирается на наблюдения П. Карбелашвили. В великопостном гомилиарии Церковного музея № 431 последний обнаружил маргиналию, приписывающую эту коллекцию проповедей на воскресные дни поста Феодору Студиту, а их грузинский перевод некоему Арсению. Последнего грузинский исследователь отождествил с католиком Арсением Сапарели (X в.) и заключил, что речь идет о переводе более древнем, чем перевод Георгия Мтацминдели. Воспользовавшись этими наблюдениями П. Карбелашвили, М. ван Эсброк не обратил внимания на отсутствие в этом гомилиарии самого интересующего его сказания об установлении Субботы Акафиста. Вместе с тем исследователь не упустил из виду колофон Георгия Мтацминдели на л. 253 рукописи № 500 (471), опубликованный М.Г. Джанашвили 1900 г. и удостоверяющий, что Георгий сам перевел «это душеполезное учение» Феодора

Студита при царе Михаиле, в 1042 г. Суммируя эти факты, М. ван Эсброк заключил, что в обеих рукописях сохранился «панегирикон» Феодора Студита, который упомянут в его житии, хотя и не обнаружен в греческих списках. Соответственно и сказание об установлении Субботы Акафиста М. ван Эсброк также приписал Феодору Студиту, не обратив внимания ни на его отсутствие в гомилии № 431, ни на описание состава рукописи № 500 (471) в издании М. Г. Джанашвили. Из описания же следует, что наряду с упомянутым в колофоне «учением» и житием Феодора Студита сборник включает Мучение св. Феодора, Постановления святых отцов об иконопочитании и Слово на Пасху св. Иоанна Златоуста, вслед за которым и помещено сказание о Субботе Акафиста (лл. 284-322) [96]. Следовательно, ничего похожего на «панегирикон» Феодора Студита в сборнике № 500 (471) не содержится, и предложенная М. ван Эсброком атрибуция сказания повисает в воздухе.

Более того, приняв во внимание также и упущенную М. ван Эсброком публикацию М.Г. Джанашвили 1912 г., в нарисованную им картину следует внести еще целый ряд существенных уточнений.

Во-первых, нет необходимости изобретать деревянный велосипед, обращаться к парафразе из Цагери и рукописи № 431: в переводе М.Г. Джанашвили опубликован целиком весь текст Сказания, с учетом всех списков пространной редакции (№№ 500, 518, 674). Во-вторых, повесть Пс.-Писиды, сочетающая рассказ о событиях 626 г. с рассказами об осадах 678 и 718 гг., положена в основу всей композиции Сказания, от начала до конца (§§ 6-36, 70-88), и последовательно распространяется серией интерполяций: (1) введением о Новом Сионе, «в котором пребывает Бог» (§§ 1-5); (2) повестью «От Маврикия до Ираклия» (§§ 39-50); (3) рассказом о царствовании Фоки (§§ 52-54); (4) рассказом о царствовании Ираклия (§§ 55-65) и (5) повестью о Магомете (§§ 66-68).

Первую интерполяцию, о Новом Сионе, М. Ван Эсброк обошел молчанием. Вторая, по его заключению, отчасти позаимствована из хроники Льва Грамматика или ее источника, а большей частью — из «совершенно новых», т. е. неизвестных источников [97]. Третья интерполяция «точно соответствует» тексту Льва Грамматика или его источника, четвертая извлечена отчасти из хроники Льва Грамматика, отчасти из Бrevиария Никифора либо из общего их источника, а пятая имеет параллели опять-таки у Льва Грамматика и в Эпитоме Зонары [98].

Это крайне поверхностный взгляд. В действительности вторая интерполяция,

именуемая М. Ван Эсброком повестью «От Маврикия до Ираклия», в основном опирается на хронику Феофана Исповедника († 817 или 818) или ее источники. Из более чем двадцати статей этой «повести» не определяются источники лишь трех или четырех [99]. Все остальные восходят к Феофану или его источникам [100] и в большинстве случаев получают параллели в трех опубликованных редакциях хроники Георгия Монаха (Амартола), равно как и в опирающейся на нее древнейшей версии хроники Симеона Логофета, сохранившейся в рукописях Paris. gr. 1711 (1013 г.) и Paris. gr. 854 (XIII в.) [101].

Аналогичная же картина наблюдается и в третьей интерполяции, в рассказе о Фоке, за исключением сообщения о Нерукотворном образе Спасителя и подробностей расправы Ираклия над Фокой. Первое, видимо, представляет собою компиляцию сообщений Писиды, Пс.-Писиды и Феофана, а вторые позаимствованы из Бrevиария патриарха Никифора (780-е гг. [102]) и открывают обширную серию извлечений из этого источника, положенную — наряду со сведениями Феофана — в основу четвертой интерполяции, рассказа о царствовании Ираклия. И наконец, пятая интерполяция, повесть о Магомете, опирается опять-таки исключительно на Феофана или его (сирийский?) источник, а единственная параллель у Симеона вновь подтверждает его зависимость от Сказания или его источников.

Энкомий Новому Сиону в предисловии компилятора к своему труду завершается краткой суммой тех сведений Феофана и Никифора, которые излагаются во второй, третьей и четвертой интерполяциях. Перевод или близкая к тексту парафраза повести Пс.-Писиды также содержит ряд незначительных интерполяций, опять-таки опирающихся на сведения Феофана и Никифора. В итоге композиция Сказания и его источники предстают в более или менее ясном свете.

Вместе с тем примечательно, что в изложении сведений, совпадающих или пересекающихся со сведениями Феофана и Никифора, компилятор нередко (в 12 случаях из 45) отстает от них или обогащает рассказ отсутствующими у них подробностями, вероятно почерпнутыми из источников обоих сводов. В изложении событий 602-641 гг. Хроника Феофана, по-видимому, опиралась на сирийский источник, а Бrevиарий Никифора — на недошедшую до нас константинопольскую «Хронику 641 года» [103].

Отбор и сочетание сведений, позаимствованных у Феофана и Никифора или их источников, свидетельствует об интересе компилятора к занимательным подробностям,

чудесам, реликвиям, при невысоком уровне богословской рефлексии. В частности, он дважды воспроизводит сообщение Феофана о том, что поход Ираклия в Персию продолжался шесть лет и завершился в «год седьмой» триумфальным входом василевса в Иерусалим с Животворящим древом Честного Креста [104], вывезенным персами в 614 г. и теперь возвращенным христианскому миру «в запечатанном ларце» благодаря умелой дипломатии Ираклия. Но при этом компилятор опустил комментарий Феофана, уподобляющий персидский поход Шестодневу Творения и тем самым наделяющий его статусом «священной войны» и «нового творения» [105].

Труднее определить источник вводной части о Новом Сионе, «в котором пребывает Бог» [106]. Здесь очевидна аллюзия на Пс. 45:6 («Бог посреди него — не поколеблется»), служивший аллилуарием богослужебного чина «дня рождения» Константинополя 11 мая. Близкая параллель содержится в послании Фотия католикусу Захарии (860 г.), где тезис о несокрушимости Нового Сиона, возведенного Новым Давидом, св. Константином Великим, обосновывается ссылками на Пс. 45:6 и перекликающийся с ним Пс. 47:2-3 [107], также распевавшийся в этот день. В силу этого зависимость вводной части сказания о Субботе Акафиста также и от гимнографии последования 11 мая, включавшего созвучные Акафисту богородичные тропари, представляется весьма вероятной. И это тем более примечательно, что первое упоминание этого последования, и притом с подробным его описанием, обнаруживается опять-таки в Cod. Patmos. 266 [108], сохранившем Фотиеву редакцию синаксаря 877-886 гг. и древнейший пример употребления этнонима {Ro\$~.

Поскольку его транслитерация, რუსნი, представлена в Сказании, вполне возможно, что эта редакция синаксаря также была использована его компилятором или переводчиком.

Тот факт, что компиляция заканчивается осадой 718 г., свидетельствует о том, что она была составлена до осады 860 г., подтверждением чему может служить также и зависимость от Сказания хроники Георгия Амартола, составленной не ранее 871 г. [109]. Terminus post quem определяется в свою очередь зависимостью Сказания от Феофана († 817 или 818). В итоге Сказание локализуется в интервале 818-860 г. или, скорее, 843-860 г., поскольку оно, по всей вероятности, было скомпилировано ad hoc, в связи с установлением (или восстановлением) празднования Субботы Акафиста после торжества православия в 843 г.

Тем не менее упоминание «русов» в Сказании едва ли может быть поставлено в связь с сообщениями о «росах» в *Житии св. Георгия Амастридского* (ранее 842) и *Бертинских анналах* (839). Этому препятствует контекст Сказания. Этноним რუსნი употреблен здесь дважды, в предисловии компилятора и во второй его интерполяции, повести «От Маврикия до Ираклия» (§§ 11, 67). Но в обоих случаях он использован в очевидных глоссах, поясняющих, что под «скифами», выступающими в союзе с персами и в самом Сказании, и в повести Пс.-Писиды, следует подразумевать русов. В пользу атрибуции обеих глосс не самому компилятору Сказания, а его грузинскому переводчику свидетельствует сходство литературной формы обеих глосс с формой других, в особенности непосредственно примыкающих к ним глосс, грузинское происхождение которых не вызывает сомнений. В частности, глоссы § 66 поясняют, что Мартирополь — это *Мупаракан*, а персидский полководец Варам (**Var=m**) известен как *Баграм Чубин*. Далее, аналогичная же глосса § 80 поясняет, что Кархидон (**Karchd9n**) находится в *Африке*, в то время как у Феофана здесь имеется в виду **Cal kh d 9 n** [110], а глосса § 85 растолковывает, что Трапезунд — это «пограничный город *Мингрелии*», вместо Лазики. О принадлежности таких глосс византийцу, компилятору Сказания, конечно, не может быть и речи.

Отсюда остается заключить, что отождествление «скифов» с «русами» принадлежит Георгию Мтацминдели или переписчику его автографа и, следовательно, восходит к 1042 г., согласно колофону на л. 253 рукописи Церковного музея № 500 (471). По всей вероятности, грузинский книжник соотнес рассказ Сказания о неоднократных нашествиях персов и скифов на Константинополь в 602–626 гг. с сообщениями византийских хронистов и синаксарей о нападениях руси на Царьград в 860 и 941 гг. и отождествил скифов с русью по аналогии. По-видимому, аналогия подкреплялась сходством боевой тактики тех и других, равным образом передвигавшихся на «моноксилах», быстроходных судах-однодревках, применение которых славянами отмечается и Феодором Синкеллом в 626 г., и Константином VII Багрянородным в середине X века — и легко ассоциировалось со словом @o\$~.

Более определенное заключение невозможно без критического издания этого уникального памятника, тем более что остается неясным, что же представляла собою его краткая редакция, содержащаяся в рукописях Церковного музея №№ 5, 140, 162 и 272, по свидетельству Джанашвили [111]. Если она

идентична повести Пс.-Писиды, за вычетом интерполяций компилятора Сказания, то следует принять во внимание, что она сохранилась также и в славянском переводе, причем древнем, относительно высокого качества, дословно воспроизводящем текст Пс.-Писиды, хотя и сохранившемся лишь в поздних списках XV-XVII вв. [112].

Но независимо от возможного уточнения атрибуции Сказания правомерны два немаловажных заключения. Во-первых, подтверждается существование особой «влахернской традиции», связавшей спасение Константинополя от «северных народов» с заступничеством Богородицы и ее святилищем во Влахернах. Тем самым еще раз подтверждается реалистичность предложенного выше объяснения исчезновения {Ro\$~ в последующих списках константинопольского синаксая, в то время как Patmos. 266 отразил первостепенную роль этой традиции в событиях 860 г. Во-вторых, складывается впечатление, что отождествление свеонов с Магогом в хронике Адама Бременского примыкает именно к этой византийской традиции, представленной гомилиями Феодора Синкелла, Пс.-Писиды и Фотия, равно как и сказанием о Субботе Акафиста. Но нельзя исключать и влияние примыкающих к ней памятников, *Жития св. Георгия Амастридского* и хроники Льва Диакона.

В связи с этим следует вспомнить основные этапы ее развития. Истоки ее пока не улавливаются. Но, видимо, близко к истокам восходящее к середине VI в. сообщение Йордана о Роксоланах, «светлых» или западных аланах, помещаемых им к востоку от Готии / Дакии, ab oriente Roxolani [113], что в принципе соответствует их локализации возле Меотидского озера Страбоном (Geogr. 3, 17) и Птолемеем (Ptol., III, 5, 7) [114]. Упоминает Йордан и Каспийские врата, воздвигнутые Александром Великим и «ныне охраняемые племенем лазов, для защиты Римской империи» [115]. Также к середине VI в. восходит упоминание о народе Rōs сирийского автора Пс.-Захарии Ритора, который помещает его в том же регионе, к северо-западу от Каспийских врат, за аvaraми и хазарами, рядом с амазонками. Имя этого народа может соответствовать первой части, Rox/Ros, воспроизведенного Йорданом композита [116]. Примечателен и тот факт, что в обоих случаях речь идет об этнонимах или этниконах, отнюдь не ассоциируемых с библейским {R^~: Пс.-Захария это еврейское слово также употребляет, но в ином контексте, в сирийской транскрипции: *Ris numiqa* или *Ris qtuba* («глава писцов»).

Затем следует гомилия Феодора Синкелла по случаю спасения города от аваров и славян в 626 г. [117]. Здесь, напротив, внимание всецело сфокусировано на образах «Гога и Магога», но {R^~ при этом все-таки не упоминается, как и в хронике Адама Бременского. Такая же картина наблюдается в сирийской *Легенде об Александре*, вероятно восходящей к 630 г. [118], но с двумя немаловажными уточнениями. Во-первых, нечистые народы Гог и Магог помещаются за Каспийскими вратами, примерно там же, где локализован народ Rōs в хронике Пс.-Захарии. Во-вторых, указано, что Александр Великий запечатал Каспийские врата и поместил на них надпись с предсказанием, что они откроются в «конце времен» и нечистые народы Гог и Магог исполнят свою эсхатологическую роль, предвозвещенную в Иез. 38-39. [119]. Эта деталь, по-видимому, отражает вторжение хазар, опустошивших Армению в 629 г. [120].

Затем, в сирийской же *Поэме об Александре*, приписанной Иакову Серугскому, но в действительности восходящей к 630-640 гг., воздвижение Каспийских врат против Гога и Магога истолковывается как важнейшее деяние боговдохновенного царя Александра, в котором усматривается идеальный прототип византийских василевсов [121].

Далее этот мотив подхватывается еще двумя сирийскими псевдоэпиграфами, *Словом о скончании мира Пс.-Ефрема* [122] и *Откровением Пс.-Методия Патарского* [123], первое из которых датируется в интервале 640-680 гг., второе около 692 г., а их греческие и латинские переводы распространяются в конце VII — начале VIII вв. [124].

И наконец, из греческого перевода *Пс.-Методия* и апокрифических *Видений Даниила*, написанных в Италии в 827-869 гг. [125], этот мотив проникает в византийскую *Александрию*, где по соседству с аланами упомянуты уже не Rōs или {R^~, а {Rovsioi, в то время как Skl=boi локализованы к северу от них, рядом с Ma\$roi [126], также упомянутыми Пс.-Захарией (три «черных» или северных народа), судя по контексту, к северо-востоку от Rōs.

Такая ретроспектива, по-видимому, подтверждает реалистичность предложенной выше оценки распределения {R^~ / {Ro\$~ / {Rovsio~ в памятниках IX-XI вв. Одна из двух традиций, сочетаемых Львом Диаконом, через Йордана восходит к классической географии. Судя по всему, она подразумевала вполне реальный, хотя и не поддающийся идентификации этнос, локализуемый в нижнем междуречье Волги и Дона, за Дербентским проходом, и обозначаемый этнонимами или этниконами Roxolani, Rōx/Rōs, {Rovsioi. На

каком-то этапе, отраженном версией ρ византийской *Александрии*, восходящей к VIII в., дифтонг *-ou-* начал вытеснять *-ō-* в качестве ударного корневого гласного. Причины этого явления пока неясны. Можно предположить опять-таки межязыковую интерференцию какого-то производного иранской основы *goxs / *gūxs в значении «светлый» и прилагательного @ovsio~, заимствованного из латинского (gūsseus, gūssus) в значении «красный».

Другая традиция восходит к библейской Книге пророка Иезекиила и оперирует именами нечистых народов Гог, Магог и {R^~. Она актуализируется в русле эсхатологического истолкования, с одной стороны, периодических нашествий на Константинополь различных «северных народов», «скифов» и «тавроскифов», а с другой — традиционного образа Александра Великого, в котором усматривается основатель «священной державы ромеев» и прототип византийских василевсов, в том числе и «последнего царя», грядущего в «конце времен». В сущности, речь идет о «христианском машиахе», наподобие шиитского Махди, своего рода дублере и антиподе христианского Мессии [127]. Первый и последний из этих «северных народов», авары и русь, вероятно, располагали опорными пунктами на территории древних роксоланов или росов, что и могло способствовать соединению этих традиций в *Житии св. Георгия Амастридского*, хронике Льва Диакона и грузинском переводе сказания о Субботе Акафиста.

Следовательно, наряду с такими общеизвестными стимулами обозначения средневековых этносов античными этнонимами, как созвучие имен и близость топографической локализации обозначаемых народов, не менее важную, а быть может, и решающую роль здесь сыграл неизменный эсхатологический сценарий, в котором различным народам отводилась роль действующих лиц и исполнителей. И в конечном счете, в X-XI вв., локализация {R^~, {Rovsioi и прочих «скифов», включая свеонов, в ноуменальном пространстве эсхатологической традиции едва ли не заслоняет их локализацию в реальном географическом пространстве постэллинстической цивилизации.

4. Этимология и история

В этом отношении в высшей степени симптоматичен тот факт, что Адам Бременский отождествляет свеонов не только с Магогом, но также и с «готами, захватившими Рим», которые живут «на островах», как Магог. Здесь улавливается в свою очередь след традиции, рассматривавшей захват Рима Аларихом в 410 г. как исходный исторический прототип всех

последующих нападений варваров на Константинополь, Новый Рим, о чем речь пойдет ниже, при обсуждении экзегезы Феодора Синкелла. Забегая вперед, отметим, что эта традиция усматривала в разорении Рима Аларихом возмездие за разорение Иерусалима Титом [128], что и легло в основу соотнесения всех нападений варваров на Константинополь, соединивший в себе образы Нового Рима и Нового Иерусалима, с разорением Рима и разрушением обоих иерусалимских храмов, как Первого – Навуходоносором, так и Второго – Титом.

Следовательно, в этом отношении у Адама Бременского обнаруживается в высшей степени примечательное сочетание трех разнородных традиций – франкской, латинской и византийской. Причем именно в рассказе о крещении свеонов, необходимом для спасения их душ в конце времен.

Такое переплетение традиций подтверждает впечатление, что предполагаемый сторонниками скандинавской этимологии «руси» композит *rōdsmaen калькирует и сочетает признаки своих греческих коррелятов {Rovsio~, {Ro\$~ и {R^~. В нем соединяются образы светловолосых гребцов быстроходных моносил и «северного народа» из Иез. 38:2-3. По-видимому, лингвистическая мысль двигалась в адекватном направлении, но не верной дорогой, подменив серьезное исследование сохранившихся письменных памятников и отражаемых ими фактов языкового поведения произвольным моделированием попросту излишних лингвистических концептов.

В сущности, такой взгляд на вещи оставляет открытым один-единственный вопрос: почему в XIII-XIV вв. финны стали называть шведов Ruotsi? Возможен кумулятивный эффект: русые или рыжие шведы приплывали к финнам на гребных судах с запада, из Рослагена [129]. Но едва ли этот вопрос может быть связан с вопросом о причинах наименования «русью» и славян в Германии (Ruzzi), и «скифов» в Византии ({Ro\$~) уже к середине IX в. И это тем более очевидно, что в славянском языке, еще раз подчеркнем, основа *ru-/*ry- («плыть, течь») так же связана с представлением о динамике водного потока, как и основа *rō-/*rū- в греческом. В силу этого интерференция роуць / {Ro\$~ в зоне употребления греческого в качестве lingua franca вполне могла способствовать сохранению спиранта в славянской форме. И никаких скандинавских посредников здесь не требуется.

Утверждать обратное можно с таким же успехом, с каким @o= / @o/, женская форма @o\$~, может быть «произведена» из древне-исландского góa, «грести» – исходной матрицы *rōds-

таеп и аналогичных композитов, засвидетельствованных памятниками XIII-XIV вв. Такие совпадения могут восходить к общему индоевропейскому субстрату сопоставляемых языков, но предполагаемая межязыковая интерференция могла возникнуть лишь при совпадении соответствующих лексико-семантических полей, *ρωγς* / {Ro\$-, в условиях употребления греческого в качестве *lingua franca*.

Реалистичность такого заключения подтверждается также и сообщениями о «росах, прозываемых дромитами, а родом франков» ({R^~ о< kaJ Dromtai leg3menoi, о< 6k g1nou~ t^~n Fr=ggwn Snte~), которым Пс.-Симеон и Продолжатель Феофана приписывают нападение на Константинополь в 941 г. [130].

Прозвище **Dromtai** оба автора объясняют опять-таки быстротой их передвижения, #p4 to\$ ʔx1w~ tr1cein, что как минимум не противоречит этимологии этого слова, и П. Карлин-Хэйтер [131] сопоставила их с «проворными данами», преобладание которых в Киеве (*maxime ex velocibus Danis*) Титмар Мерзебургский отметил под 1018 г. [132], ранее охарактеризовав их как «скифов, которые носят с собой свои жилища и питаются зверьем и лошадиным молоком» [134].

Критика этой народной этимологии современной наукой здесь неуместна [135]: сейчас нас интересует не то, что думаем мы, а то, что думали они в интересующее нас время.

Важнее тот факт, что {R^~Dromtai, во-первых, приплыли на {Rousik+ plo_a и, во-вторых, обнаруживаются под 941 г. в тех же источниках, которые упоминают литию во главе с Фотием во Влахерны в 860 г., описанную в гомилии Фотия и связанную с нападением {Ro\$- в Фотиевой редакции синаксаря. И такое совпадение тем более примечательно, что у Пс.-Симеона этимология «дромитов» сочетается с этимологией {R^~, переключившейся с начертанием {Ro\$- в синаксаре и восходящей к византийской *Александрии*, более ранняя версия которой (g) содержит первое упоминание {Rovsioi.

В итоге создается впечатление, что прозвище **Dromtai** сопровождает и компенсирует замену {Ro\$- на {R^~. Именно этим и может объясняться тот факт, что этимологической экзегезой сопровождаются и, видимо, мотивируются одновременно оба новых термина – и {R^~, и **Dromtai**. Причем экзегезой того же типа, восходящего к этимологической экзегезе стоиков, что и вариации Фотия на тему {Ro\$-.

Примечателен и тот факт, что Пс.-Симеон и Продолжатель Феофана точно так же поясняют, что {R^~ — «родом франки», как за столетие до них, в 839 г., *Франкские имперские*

анналы, обычно именуемые *Бертинскими* по местонахождению рукописи в монастыре св. Бертина, пояснили, что Rhos — «родом свеоны» («gentis esse Sueonum») [136]. Поскольку византийцы в IX-X вв. включали в число «франков» практически всех «латинян», не различая жителей Италии, Франции, Германии и Скандинавии, такой параллелизм может указывать на тождество «франков» / {R^~ и «свеонов» / Rhos.

Современного исследователя это может побудить к отождествлению {R^~ / Rhos со «свеонами», невзирая на отождествление ρωγς со «скифами», т. е. славянами, в грузинской версии сказании о Субботе Акафиста, датируемой 1042 г. Но свидетельство сказания подтверждается сообщением Титмара Мерзебургского под 1018 г. о преобладании в Киеве «проворных данов», ранее отождествленных им со «скифами», обитающими «в северном краю». И Титмар не одинок: еврейская *Книга Иосиппон*, составленная около 953 г. на основе латинских источников, утверждает, что «славяне возводят свой род к сыновьям данов, живущих в заливах моря Океана, в стране Данамарка» [137].

Более того, этимология {R^~ у Пс.-Симеона переключается с упоминаемой Саксоном Грамматиком (кон. XII в.) этиологической легендой об основании Роскильда, древней столицы Датского королевства, конунгом Ro, имя которого (естественно, в притяжательном падеже) увековечено названием города: Roskildia [138]. Вероятный источник Саксона, *Хроника королей Лейре* (втор. пол. XII в.), предпочитает форму Roskelda и поясняет, что название города «составлено из его имени и источника», возле которого он его заложил [139]. Далее Саксон сообщает, что брат эпонима по имени Хельге разбил Скалька, короля Склавии, и завладел его страной [140].

Если в Хельге угадывается Олег, а в Скальке – Аскольд русской летописи, то Ro (или Roag в некоторых версиях) вполне сопоставим с Рюриком (у Саксона Грамматика Roricus — лишь потомок Ro в пятом колене), тем более что «славяне возводили свой род к сыновьям данов», согласно *Книге Иосиппон*. Тот факт, что в русской летописи «даны» превратились в «варягов», может объясняться реалиями XI века, однако имя Рюрика удостоверяет значительно более древние истоки сказания об их «призвании».

Не менее существенно и то обстоятельство, что эпоним Ro, объясняющий происхождение топонима Roskelda, легко ассоциируется с «неким могучим откликом» и тем самым переключается с этимологией {R^~ у Пс.-Симеона [141], позволяя предполагать участие «проворных данов» также и в событиях 860-882

годов. Название же основанного этим эпонимом города, RosKelda, «Роев источник», перекликается в свою очередь с этнонимом {Ro\$~ в русле его ассоциации с @o\$~, «стремительным потоком». По существу в этом скандинавском топониме улавливается калька: {R^~+{Ro\$~.

И эта калька опять-таки соответствует сочетанию форм {R^~ и {Ro\$~ в Окружном послании Фотия и Фотиевой редакции синаксаря, {R^~ и {Rousik3~ в хронике Продолжателя Феофана, Rozi и Ruzzi в сообщении «Баварского географа».

Следовательно, следы упоминаемого византийскими источниками народа {R^~ / {Ro\$~ отпечатались и на датской почве, причем именно в Роскельде на острове Зеланд, в «Роевом источнике» на «Морской земле», и здесь переплетаются со следами героев русских летописей.

Возможно, в этом же ряду следует рассматривать и сообщение Ибн Руста рубежа IX-X вв., локализирующее ar-Rūs на заболоченном и поросшем густым лесом «острове размерами три дня пути в длину и ширину»; живут эти русы разбоем и работорговлей, продавая рабов-славян в Хазаране и Булгаре, а «царя русов называют каганом» [142]. Такое описание острова точно соответствует о-ву Зеланд, имеющему именно такую площадь, в ту эпоху заболоченного и имевшего обширный лесной массив, а титул кагана – «королю Rhos прозванием Chacanus» в сообщении *Бертинских анналов* под 839 г. [143] и «хагану русов» в грузинском переводе сказания об установлении Субботы Акафиста.

Сопоставление тем более правомерно, что в ответном послании Людовика II Василию I от 871 г. утверждается, что Людовику неизвестен упомянутый Василием *Chaganus Northmannorum* [144], – и тем самым засвидетельствовано, что таковой был известен Василию. Здесь вновь следует вспомнить, что «нордманнами» франки называли тех, кого византийцы именовали «русами» (Лиутпранд), отождествляя их с данами и «остальными народами за Данией» (Адам Бременский).

И наконец, вероятность прямой связи между историческими реалиями, упомянутыми в *Бертинских анналах* и в послании Людовика II, подтверждается византийским моливдовулом, обнаруженным в Хедебю (в то время главным торговым и политическим центре данов), датированном 820-860 гг. и сохранившем имя Феодосия, которого В. Лоран отождествил с византийским послом, направленном к Лотарю I в 840-842 гг. [145]. По-видимому, его миссия была непосредственно связана с посольством «росов» в Константинополь и Ингельгейм в 838-839 гг.

Именно в этом историческом контексте, с учетом динамики франко-византийских дипломатических связей и сообщения Ибн Руста, и следует рассматривать сообщение *Бертинских анналов* под 839 г.

Перепутать данов со свеонами в Ингельгейме вполне могли: в IX веке их диалекты еще не обособились [146]. Не исключено, что эти люди – «скорее разведчики», по заключению франков, чем послы — сначала объявили себя «росами», а затем прикинулись свеонами, скрывая свое подлинное происхождение, чреватое для них серьезными неприятностями при франкском дворе. И это тем более очевидно, что вслед за этим эпизодом, под тем же 839 г., *Бертинские анналы* сообщают о подготовке к походу «против данов и славян» [147], подтверждая таким образом и столкновение данов с франками, и какую-то форму консолидации их со славянами, засвидетельствованной также *Книгой Иосиппон* и Титмаром Мерзебургским.

Далее, под 850, 854 и 857 гг., в *анналах* трижды упомянут наследник королевского престола данов Rogicus (Rørik) [148], захвативший Фризию, Батавию и Дорестада, которого уже просто невозможно не сопоставить с Рюриком русских летописей [149].

Но еще больший интерес представляет сообщение о нападении данов на славян около 850 г. в *Житии св. Ансгария*, просветителя данов и свеонов, составленном не позднее 876 г. и являющемся наиболее надежным источником сведений об этих событиях. Здесь выявляется еще одно пересечение прослеживаемых традиций.

После нападения на Бирку, отказавшись от первоначального плана ее разграбления, даны задумались, какой же город им разграбить вместо нее, и стали бросать жребий: «И выпал жребий, что им следует идти к какому-то городу, находящемуся далеко оттуда, в пределах склавов. Они, то есть даны, веря, что это приказано им как бы по определению богов (выделено мной – К.А.), ушли из упомянутого места и прямым путем поспешили к указанному городу. Напав на ничего не подозревавших и безмятежных жителей, они с помощью оружия внезапно захватили этот город и, взяв в нем богатую добычу, возвратились к себе» [150].

Археологи могут сопоставить это сообщение со следами разрушений и пожара в Старой Ладоге, в археологическом горизонте E2, датируемом серединой IX в. [151]. Но в данном случае еще более примечательна корреляция с этимологией {R^~ у Пс.-Симеона, связывающей этот этноним, напомним, с «неким могучим откликом @^~ принявших прорицание по некоему наставлению или божествен-

ному вдохновению и возвысившихся над этим народом» [152]. Такое размежевание *принявших прорицание по божественному вдохновению*, и народа, над которым они *возвысились*, вполне может соответствовать рассказу *Жития св. Ансгария* о нападении данов на славян *по определению богов*.

Разумеется, хроники Королей Лейре и Саксона Грамматика содержат реминисценции XII в. Но сообщения *Бертинских анналов*, *житий св. Георгия Амастридского* и *св. Ансгария*, *Ибн Руста*, *Книги Иосиппон*, *Титмара Мерзебургского*, *грузинской версии сказания о Субботе Акафиста* и *Адама Бременского*, видимо, указывают на отраженные ими исторические реалии.

В заключение этого исторического экскурса отметим и то обстоятельство, что сходная же картина выявляется вокруг «варягов».

В скандинавской письменности *væringjar* не встречаются ранее событий, приуроченных к середине XI в., времени появления *b=raggoi* на византийской сцене (1034 г.). Поскольку корневой гласный -а- в древнерусском слове «варяги» не выводим из -æ-, приходится производить его опять-таки из не засвидетельствованного источниками **warangR*, гипостазируя ситуацию, в которой это могло бы произойти. Е.А. Мельникова полагает, что это слово появилось в скандинавской среде на Руси в 944 г., когда Игорь призвал из-за моря наемников и термин **warangR* мог образоваться на основе древнескандинавского *vár*, «верность, обет, клятва», избежав перегласовки а > æ при палатализации [153].

Почему палатализация этому не воспрепятствовала, остается неясным (киевские скандинавы оказались «изолятами»?). Но очевидно, что с большим успехом подобная деривация могла состояться в Византии столетием спустя, когда это слово появляется в византийских источниках в том же значении, в каком позднее оно фигурирует и в скандинавских памятниках («наемное привилегированное подразделение императорской гвардии»).

На Руси картина более сложная. В нашем распоряжении нет свидетельств употребления слова «варяги» на Руси прежде кодификации легенды о «призвании варягов» в период с 1046 по 1118 г., вероятно, в русле династических интересов Ярославичей. Иларион в мае 1046 г. возводит род Владимира к «старому Игорю», не упоминая ни Олега, ни Рюрика, ни иных «варягов» [154].

Если вернуться к гипотезе Д.С. Лихачева о том, что источником летописного рассказа о «призвании Рюрика» мог явиться устный рассказ воеводы Вышаты после его возвращения из византийского плена в 1046 году [155], то

нельзя не признать, что он же мог рассказать и о роли варягов в Константинополе. Не вдаваясь в вопрос об идентификации Вышаты, попавшего в плен в 1043 г. (сын новгородского посадника Остромира или тезоименный ему киевлянин), напомним, что колофон и миниатюры Остромирова евангелия 1057 г. (с месящесловом Фотиевой редакции) свидетельствуют о связях Остромира и его супруги Феофаны с самой элитарной средой Константинополя [156].

Примечателен и тот факт, что нападение руси на Царьград в 1043 г. произошло вскоре после появления в столице *b=raggoi* (1034 г.), молниеносно завоевавших доверие василевсов. Сообщение Титмара о преобладании в Киеве «проворных данов» в 1018 г. подсказывает вероятность взаимосвязи этих событий.

Более того, вместе с образом варягов из византийского опыта могла быть позаимствована также и сама парадигма скандинавского происхождения династии, соответствовавшая матримониальным связям Ярослава и его правнука Мстислава Владимировича, заказчика Мстиславова евангелия (1103-1117 гг.), а быть может, и самой *Повести временных лет* [157]. Истоки Македонской династии (867-1056) восходят к загадочной Евдокии Ингерине, «дочери благородного Ингера» [158], и «многоплодной лозы» державы ромеев [159]. Будучи конкубиной Михаила III, она была выдана им замуж за Василия Македонянина и, видимо, сыграла не последнюю роль в организации переворота 867 г., обеспечившего смену династии. Единственным указанием на возможное происхождение ее отца опять-таки служит сообщение *Бертинских анналов* под 838 г. о первом появлении представителей *gens Rhos* в Константинополе. В Ингельгейме их определили как «разведчиков», летом 860 г. *{Ro\$}* напала на Константинополь, а осенью 867 г., вслед за крещением этого «проворного» народа, «дочь благородного Ингера» взойшла на византийский престол. Здесь немало пищи для размышлений, увы, выходящих за рамки обсуждаемых проблем.

Резюмируя эти наблюдения, остается предположить, что в древнерусском языке «варяги / варязи» появились в результате транслитерации *b=raggoi*, подобно тому как «фряги / фрязи» явились транслитерацией *fr=ggoi*, обозначавших всех «франков», независимо от их этнической принадлежности, как в Византии, так и на Руси. В сущности, новация XI века свелась к тому, что «варягов» стали выделять в ряду прочих «франков» в связи с новой их ролью в Константинополе.

Нельзя исключать и возможность греческой этимологии этого паразитикона: 1) **b=ri~** – судно незнакомого грекам варварского типа; **Ággo~** – сосуд, напротив, в самом широком значении этого понятия; 2) **b=ragco~** – хрипота, хриплый (Hirronax 105.6), возможно «хрипун», изумлявший византийцев своим боевым кличем “hugra!”. Вероятно, стоит вернуться к предположению В.Г. Васильевского, что первоначально слово **b=raggo~** получило распространение в народном языке [160].

В итоге складывается впечатление, что историк попадает в замкнутый круг вполне однородных образов и представлений, вероятно отображаемых сходным языковым поведением взаимодействующих этносов под влиянием греческой lingua franca.

5. Экзегеза Фотия

Но факт остается фактом: в гомилиях Фотия 860 г. ни {Ro\$~, ни {R^~ ни разу не упомянуты, а в Окружном послании патриарха 867 г. все-таки употреблен этноним {R^~, а не {Ro\$~, в отличие от синаксаря Cod. Patmos. 266. То и другое требует объяснения, в поисках которого придется вернуться к сочинениям Фотия.

В обеих гомилиях подчеркнуты неожиданность нападения, заставшего Город врасплох, в отсутствие императора, и невероятная свирепость этого варварского народа, опустошавшего предместья города с невиданной жестокостью. Причина обрушившегося на город «потока таковых и стольких бедствий» усматривается в упадке веры, гордыне и прочих грехах его обитателей.

В центре внимания Фотия образ «Царицы городов», Нового Иерусалима христианского мира, столицы всей вселенной, и нависшая над ней угроза побуждает его обратиться к опыту древнего Иерусалима, к библейским прототипам разворачивающихся событий.

Отправным пунктом служит пророчество Иеремии, 6:22-25, о разрушении Иерусалима войсками Навуходоносора, и этот пассаж целесообразно привести целиком, выделяя библейский материал курсивом:

«Подкрался народ с севера, словно устремившись на другой Иерусалим, и восстал народ от краев земли, держащий лук и копье: он жесток и немилосерден, голос его шумит, как море. Мы услышали слух о них – точнее, воочию увидели сонмище их, – и руки у нас опустились, скорбь объяла нас, муки, как женщину в родах. Не выходите в поле и не ходите по дорогам, ибо меч рядом, со всех сторон!».

Продолжением служит цитата из Плача Иеремии, 2:13: *«Что сказать мне тебе, царственный град? Кто спасет тебя и утешит тебя? Ибо великим сделалось жерло раны твоей, кто исцелит тебя [161] ? Развитие темы плача опирается на целый ряд цитат из Плача Иеремии (1:2, 1:8, 1:13-14; 2:11; 1:20; 2:16) [162] и приводит к единственно возможному ответу: уповать следует на Матерь Божию, «единственную нашу надежду и прибежище» [163].*

Этот вывод получает развитие во второй проповеди, перерастающей в праздничный энкомий Богородице по случаю спасения города. Здесь рассказывается о литии с мафорием Богородицы, хранившимся во Влахернах, вокруг стен осажденного города [164]. И в рассказ вплетаются эпиклезы — «стена неприступная», «стена нерушимая» [165] — из *Акафиста Богородице*, распеваемого в пятую субботу поста, в память спасения города от аваров и славян в 626 г. [166].

Тем самым и раскрывается авторский замысел Фотия: осада 860 г. соотносится не только с библейскими прототипами, но также и с важнейшим историческим прецедентом, осадой 626 г., когда решающая битва развернулась у стен Влахерн и с помощью Богородицы ромеи одолели врагов. Именно поэтому, по всей вероятности, лития во Влахерны и заняла столь видное место как в событиях 860 г., так и в последовании на память спасения города 25 июня 860 г.: она напоминала о прецеденте 626 г., с которым богослужебная традиция связала Акафист. Непосредственным стимулом к этому могли послужить и лития во Влахерны в синаксарном последовании на память спасения города 7 августа 626 года [167], и гомилия Федора Синкелла по случаю спасения города в 626 г., и недошедший до нас греческий оригинал сказания об установлении Субботы Акафиста.

Однако сопоставление экзегезы Фотия с ее наиболее вероятным литературным источником, гомилией Федора Синкелла, выявляет примечательное отличие.

Использованный Фотием пассаж пророчества Иеремии о разрушении Иерусалима войсками Навуходоносора соответствует обширному извлечению Феодора Синкелла из пророчества Иезекиила (38-39) о разрушении Иерусалима в «последние дни» (38:7,16) нечистыми северными народами Гог и Магог, во главе с «князем {R^~, Мосоха и Фовела» (38:2-3, 39:1). В частности, приведенным выше стихам 6:22-25 пророчества Иеремии соответствуют стихи 38:6,9,15-16; 39:2-3 пророчества Иезекиила, где также идет речь о народах «от пределов севера»

(38:6, 15; 39:2), вооруженных луками и стрелами (39:3), поднимающихся как буря и туча (38:9,16).

Но соответствие неполное: в пророчестве Иеремии нет ни «князя {R^~, Мосоха и Фовела», ни «бури и тучи». И если второй из этих двух мотивов Фотий восполнил в серии вариаций на тему «тучи варваров» и «потока бедствий», обрушившихся на город [168], то от соотнесения этих варваров с {R^~ он воздержался.

Это и может быть симптоматичным. Возможно, именно библейский образ {R^~ и побудил Фотия, по-видимому уже знакомого с этнонимом {RoS~, в этом отношении отступить от своего источника и заменить воспроизведенный в нем фрагмент пророчества Иезекиила аналогичным пассажем Иеремии.

Но это не более чем ближайшее объяснение, вытекающее из предыдущих наблюдений. Более глубокое объяснение мотивов отказа Фотия от Иез. 38-39 в пользу Иер. 6:22-25 и Плача 1:2—2:16 подсказывается истолкованием Иез. 38-39 в его источнике.

6. Экзегеза Феодора Синкелла

Гомилия Феодора Синкелла (BHG 1061) [169] была произнесена либо непосредственно по случаю спасения Константинополя от осады в августе 626 г., либо год спустя, при установлении богослужебного поминовения этого события [170].

В центре внимания автора также находится образ Константинополя, Нового Иерусалима христианского мира, истинного «пупа земли», столицы всей вселенной, защищаемой содействием Пресвятой Богородицы, его небесной Госпожи и Заступницы. Но здесь это не серия трюизмов, а первый полноценный образец такой экзегезы, впоследствии ставшей классической [171]. Соответственно осада нового Святого Города объединенными силами аваров и славян уподобляется библейским прототипам этого бедствия, а его чудесное спасение расценивается как исполнение библейских пророчеств.

Тем самым историческая ретроспекция помещается в эсхатологический контекст. Обращение к библейским прототипам предваряется напоминанием пророчества Исаяи 40:9-10 [172] о возвращении евреев из вавилонского плена и заключается обширной парафразой пророчества Иезекиила 38:1-39:12 о нашествии Гога и Магога в конце времен [173]. Сопоставляя пророчество Иезекиила с другими прототипами и прецедентами, Феодор

Синкелл заключает, что в нем были предсказаны отнюдь не осквернение Второго храма Антиохом IV Епифаном и не разрушение его Титом, а бедствия, обрушившиеся ныне на Новый Иерусалим, столицу христианского мира. Спасению города от аварской угрозы придается эсхатологическое значение, разгром аваров и славян уподобляется разгрому Гога и Магога и приписывается прямому заступничеству Богородицы, взявшей Новый Иерусалим под свою защиту.

Именно эсхатологическое истолкование описываемых событий и выступает главной особенностью экзегезы Феодора Синкелла, отличающей ее от экзегезы Фотия, который в этом отношении не последовал за своим предшественником и соответственно не воспользовался библейскими образами Гога и Магога.

Но это отличие не единственное. От пророчества Исаяи, 40:9-10, мысль Феодора обращается к его библейскому контексту, нападению ассирийского царя Сеннахирима на Иерусалим в «14-й год царя Езекии», в котором усматривается непосредственный прототип нападения аваров и славян на Константинополь. И этот прототип настолько увлекает автора, что византийских послов к аварскому кагану он наделяет именами Сомны, Елиакима и Иоаха, послов праведного царя Езекии к Сеннахириму (4 Цар. 18:18) [174].

Более того, в русле этой библейской ретроспекции Феодор Синкелл фокусирует внимание на совпадении календарных вех разрушения обоих иерусалимских храмов – как Первого, так и Второго – и спасения Константинополя в 626 г. Подчеркивается, что город был спасен на *десятый* день осады, который выпал на *пятый* день *седмицы*, выпавший в свою очередь на *седьмой* день *пятого* месяца римского календаря, месяца *августа* [175]. Это сопоставляется с тем фактом, что в *десятый* день *пятого* месяца еврейского календаря, месяца *ава*, Навузардан, полководец Навуходоносора, вступил в Иерусалим и разрушил город и Храм, по свидетельству пророка Иеремии (Иер. 52:12-16). Более того, отмечает Феодор, в тот же день того же месяца, македонянами именуемого *лоосом*, по словам Иосифа Флавия, был разрушен также и второй Храм римлянами под началом Тита [176]. Исходя из этого, Феодор Синкелл не сомневается в стремлении аварского кагана захватить Новый Иерусалим также именно в этот день, наподобие халдеев и римлян. Но Бог рассудил иначе, и в этот день город был спасен заступничеством Пресвятой Богородицы [177].

Такой ряд совпадений Феодор Синкелл оценивает как провиденциальный: спасение

византийской столицы, Нового Иерусалима христианского мира, совершилось в тот же день, в который были разрушены оба иерусалимских храма, что и служит наглядным выражением связи и соотношения двух заветов, Ветхого и Нового.

Однако при ближайшем рассмотрении календарная составляющая экзегезы Феодора Синкелла оказывается далеко не безупречной. Она предваряется нумерологической экзегезой, рассуждением о символической ценности соответствующих чисел – пяти, семи и десяти [178] – и выступает вторичной по отношению к ней. При этом *десятому дню пятого месяца* еврейского календаря уподобляется не *десятый день пятого месяца* римского календаря, а *десятый день осады в пятом месяце* римского календаря. В итоге собственно календарная калькуляция оказывается неадекватной: 7 августа 626 г. отнюдь не выпадает на 10 ава ни в одной известной версии еврейского календаря.

В вавилонском календаре, употреблявшемся евреями вплоть до VIII-IX вв., а сирийцами и в X-XIII вв., этому дню соответствует 6 ава 937 года селевкидской эры [179]. Разница в четыре дня выходит за пределы допустимых расхождений в один – два дня [180], вследствие чего расчет Феодора Синкелла нельзя не признать ошибочным.

По математическому еврейскому календарю, разработанному в IX-X веках вавилонскими гаонами, самому точному солнечно-лунному календарю вавилонской традиции, обеспечивающему максимальное приближение к реальному астрономическому времени, 7 августа 626 г. выпадает на 9 элула 4386 г., и это вполне соответствует реальному времени [181]. Расхождение составляет целый месяц и выходит далеко за пределы возможной технической погрешности.

Однако расчет Феодора Синкелла может быть оправдан переводом указанной Иосифом Флавием даты разрушения Храма в юлианский календарь. По математическому еврейскому календарю этот день (10 ава 3830 г.) выпадает на 5 августа 70 г., а по вавилонскому (10 ава 381 г. с.э.) на 6 августа 70 г. [182]. Следовательно, спасение Константинополя от аваров 7 августа 626 года действительно выпало на день разрушения Второго Храма, с закономерным расхождением в один день, – но в юлианском календаре, а не в еврейском, на который ссылается Феодор Синкелл, опираясь на Иосифа Флавия.

Тем не менее византиец, воспитанный в юлианской календарной традиции, не обращает внимания на это обстоятельство, увлекшись рассуждением о *десятом дне* осады в *пя-*

том месяце, исходя из нумерологических соображений о мистическом значении этих чисел.

Это требует объяснения.

Более того, как уже сказано, в математическом еврейском календаре и реальном физическом времени 7 августа 626 г. приходится на 9 элула и тем самым выпадает – с аналогичным сдвигом в один день – на годовщину не разрушения Храма, а триумфального входа Тита в поверженный Иерусалим, отнесенного Иосифом Флавием к 8 элула (BJ 6.8.5-9.1). Причем датировка этого события в математическом еврейском календаре (8 элула 3830 г. = 2 сентября 70 г.) точно совпадает с его вавилонской датой (8 элула 381 г. с.э. = 2 сентября 70 г.) [183].

Тем не менее Феодор Синкелл, непосредственно опирающийся на рассказ Иосифа, либо не заметил, либо обошел молчанием такое совпадение, хотя в русле его рассуждений оно явилось бы еще более знаменательным: спасение Нового Иерусалима выпало на день падения Иерусалима ветхого, заблудшего в неверии и гордыне.

Счесть такое совпадение случайным препятствует слишком впечатляющий прецедент: на этот же самый день выпал и захват Рима Аларихом 24 августа 410 г. [184], причем опять-таки как в вавилонском (7 элула 721 с.э.), так и в математическом еврейском календаре (8 элула 4170). И эта параллель тем более примечательна, что разграбление Вечного города в течение трех дней, согласно Прокопию Кесарийскому [185], увенчалось вывозом из Палатинского дворца сокровищ иерусалимского Храма, доставленных в Рим триумфатором Титом. Это оценивается как возмездие за разрушение Храма, со ссылкой на слова «какого-то иудея», настолько напугавшие неробкого Юстиниана, что он распорядился немедленно отправить эти сокровища, доставленные Велисарием в Константинополь, обратно в Иерусалим, в христианские храмы Святого города [186].

Вполне возможно, кстати сказать, что отдаленный и уже едва различимый след именно этой традиции и сохранился у Адама Бременского, отождествившего свеонов не только с Магогом из пророчества Иезекиила, но также и с «готами, захватившими Рим».

Однако в гомилии Феодора Синкелла не обнаруживается никаких следов знакомства с этой традицией и, соответственно, никаких признаков соотнесения описываемых событий ни с падением Иерусалима, ни с разграблением Рима. Во внимание принято только разрушение Храма как таковое.

Это также требует объяснения.

На два поставленных вопроса возможны три ответа.

Во-первых, Феодор Синкелл мог быть недостаточно знаком с еврейским календарем, чтобы обратить внимание на столь впечатляющий ряд корреляций. Тот факт, что македонский месяц *лоос* в рассказе Иосифа Флавия он правильно отождествил с еврейским месяцем *авом*, ни самим Иосифом, ни Библией не упомянутым, свидетельствует не более чем о его знакомстве с раввинистической традицией, но отнюдь не о способности к самостоятельным календарным калькуляциям.

Во-вторых, Феодор мог предпочесть разрушение Храма как главную веху еврейской истории, следуя наиболее распространенной раввинистической традиции, всецело сфокусированной на образах разрушения Храма и его грядущего восстановления [187].

И наконец, в-третьих, историческая ретроспекция у Феодора, как уже отмечалось выше, разворачивается в эсхатологическом контексте, предваряется ссылкой на пророчества Исаии 40:9-10 [188] о возвращении евреев из вавилонского плена и заключается обширной парафразой пророчества Иезекиила 38:1-39:12 о нашествии Гога и Магога в конце времен. Вполне возможно, что в таком контексте разрушение обоих иерусалимских храмов в сознании Феодора Синкелла явилось более адекватной «типологической» антитезой чудесному спасению Нового Иерусалима, чем триумфальный вход Тита в Иерусалим.

Какой из этих трех ответов наиболее правдоподобен – предмет специального исследования [189].

Но полученной здесь картины, кажется, достаточно для прояснения мотивов отклонения Фотия от традиции, представленной Иосифом Флавием и Феодором Синкеллом.

Фотий не склонен к эсхатологическому истолкованию описываемых событий, ограничиваясь их историческими прецедентами и библейскими прототипами. И это вполне естественно: он не мистик, а историк, со своей философией истории, восходящей к классической традиции, культивирующей циклическую модель исторического времени [190]. Вместе с тем Фотий критически относился к известному ему эмпирическому еврейскому календарю [191], а с математическим не был знаком, поскольку он был опубликован лишь в середине X в. Не проявляет Фотий интерес и к календарной мистике Иосифа Флавия, хотя в *Библиотеке* трижды обращается к его сочинениям, в том числе дважды к *Иудейской войне* [192]. Соответственно в

гомилиях Фотия нет никаких следов ни самой календарной мистики во вкусе Иосифа Флавия и Феодора Синкелла, ни нечистых народов из пророчества Иезекиила.

Разумеется, это не объясняет отсутствие в гомилиях этнонима {RoS~ вопреки вероятному присутствию подразумевающей его этимологической экзегезы. Но извлекается иной и не менее существенный результат: упоминание «так называемого {R^~» в Окружном послании 867 г. едва ли может содержать аллюзию на Иез. 38:2-3, явно избегаемую в гомилиях 860 г. Поэтому следует вернуться к предположению, что в послании это имя употреблено в качестве условного этника, рассчитанного на адресатов послания, предстоятелей восточных церквей. Отсюда возникает новый вопрос: мог ли Фотий в 867 г. счесть этот этникон достаточно распространенным на византийском востоке?

Приведенные выше сообщения *Жития св. Георгия Амастридского* и *Бертинских анналов* как будто свидетельствуют в пользу положительного ответа [193]. При этом следует еще раз подчеркнуть тот факт, что в этих памятниках этноним {R^~ / Rhos появляется впервые со времен упоминания народа Rōs в хронике Пс.-Захарии Ритора. Во всей традиции, восходящей к сирийской *Легенде об Александре*, упоминаются только Гог и Магог, как и в гомилии Феодора Синкелла. Лишь в хронике ат-Табари, и притом только в персидской ее версии, составленной аль-Балами в 963 г. [194], хазары, с которыми арабы столкнулись у Дербентского прохода в 644 г., сопоставляются с загадочным الروس, вероятно соответствующим Rōs у Пс.-Захарии. И такое сопоставление сочетается со ссылкой на «стену от Гога и Магога», воздвигнутую Александром Великим, а тем самым и на традицию сирийской *Легенды об Александре*, уподобившей Гогу и Магогу хазар, опустошивших Армению в 629 г.

Корневое -ū- в арабской огласовке отнюдь не препятствует такому соотнесению, поскольку варьирование ē / ō в семитских языках вполне тривиально, и الروس точно так же соответствует сирийскому Rōs, как الروم (ar-Rūm), арабское имя Византии, греческой {R9nh. Арабские источники представляют немалый интерес, но в качестве вторичных реминисценций, равно как и скандинавская калька {R^~ / {RoS~ в виде RosKelda, на земле «проворных данов».

Первостепенное значение имеет то обстоятельство, что у Пс.-Симеона и Продолжателя Феофана имя {R^~ появляется опять-таки в качестве этнонима, как в *Бертинских анналах* и *Окружном послании Фотия*, тогда как в *Житии св. Георгия*

Амастридского и у Льва Диакона оно фигурирует в качестве одновременно и этнонима, и персонажа эсхатологического сценария пророчества Иезекиила, в русле экзегетической традиции Феодора Синкелла.

Поэтому отождествление скифов, т. е. славян, «народа-богоборца», с «русами» в грузинском переводе 1042 г. сказания об установлении Субботы Акафиста вполне может восходить именно к этой традиции, по крайней мере в том виде, в каком она представлена в *Житии св. Георгия Амастридского* и у Льва Диакона. На эту же традицию мог опираться и аль-Балами в своей парафразе ат-Табари. Транслитерации {R^~ и {Ro\$~, вероятно, способствовали их интерференции как с созвучными словами чужих языков, так и между собою.

Что же касается самой этой традиции, изложенные факты позволяют заключить, что в ней этноним {R^~, в сущности, так же превратился в библеизм в русле сиро-византийской апокалиптики, как в экзегезе Феодора Синкелла исторический календарь превратился в библейский – в русле календарной мистики Иосифа Флавия.

7. Календарная мистика: факты

Календарная мистика представляет особый интерес.

В ряду последователей Феодора Синкелла выделяется Андрей Кесарийский, автор уникального толкования на *Откровение св. Иоанна Богослова*, вероятно написанного в VII-VIII вв. [195] Неоднократно ссылаясь также и на *Откровение Псевдо-Методия*, он обращается к пророчеству Иезекиила 38-39 и подчеркивает, подобно Феодору Синкеллу, что оно еще не исполнилось ни в нашествии Сеннахирима при Езекии, ни в попытках народов воспрепятствовать восстановлению Иерусалима после вавилонского плена, ни в нашествии Антиоха IV Епифана [196].

Такая устойчивость этого мотива может быть связана с представлением о том, что Антиох IV не только осквернил, но и разрушил иерусалимский Храм, в силу чего следует различать не два, а три его разрушения. След этой традиции, видимо альтернативной по отношению к раввинистической, признающей лишь двукратное разрушение Храма, Навузарданом и Титом, улавливается у Юлиана Отступника, который в одном из писем сообщает о своем намерении восстановить Храм, «трижды сокрушенный и по сей день не восстановленный» [197].

В данном случае эта традиция привлекает внимание постольку, поскольку именно на день осквернения Второго храма Антиохом IV Епи-

фаном, и притом опять-таки в калькуляции Иосифа Флавия, как раз и пришлось нападение руси на Константинополь летом 860 г.

«Брюссельская хроника» датирует это событие 18 июня 860 г. Как уже отмечалось выше [198], подвергнуть сомнению это сообщение практически невозможно: речь идет о редчайшем в византийской историографии случае датировки события по всем пяти возможным параметрам (число, месяц, индикт, год от сотворения мира, год правления царствующего василевса), точно соответствующим друг другу. Более того, заметка о нападении руси завершает вторую часть «списка царей» от Цезаря до Романа III Аргира, а именно от Константина I до совместного правления Михаила III и Василия I, вероятно восходящую к местной константинопольской хронике 867 г. и, судя по всему, сохранившую свидетельства очевидцев или современников событий 860 г. [199].

В вавилонском календаре 18 июня 860 г. выпадает на 21 сивана 1171 с. э., день как будто ничем не примечательный. Но в еврейском математическом календаре нападение росов 18 июня приходится на 26 сивана, а спасение города 25 июня 860 г. – на 3 фаммуза 4620 г., день победы Иисуса Навина над амореями (Нав. 10:12-14) [200]. Поскольку основные параметры этого календаря по существу были согласованы вавилонскими гаонами уже к 835/36 гг., как свидетельствует *Послание эксиларха* из Каирской генизы (TS 8 G7) [201], едва ли такое совпадение можно обойти вниманием. И это тем более очевидно, что обе даты вполне соответствуют реальному астрономическому времени [202], а день нападения выступает еще более значимой вехой, чем день спасения города.

К этому дню, точнее к 25 сивана – опять-таки с закономерным региональным сдвигом в один день, – Иосиф Флавий приурочил и возведение Второго храма Аггеем, и его осквернение Антиохом IV Епифаном. День возведения определен совершенно однозначно: Второй храм простоял 639 лет и 45 дней, и был разрушен Титом 10 ава 381 с. э. = 6 августа 70 г. (BJ 6.4.8), откуда следует, что воздвигнут он был 25 сивана (6+29+10=45). В то же время в самом начале «Иудейской войны» (BJ 1. 1.1) Иосиф указывает, что осквернение Храма Антиохом продолжалось три года и шесть месяцев, в точном соответствии сроку «мерзости запустения» в пророчестве Даниила (7:25, 12:7,11). Вместе с тем Иосиф отнюдь не отказывается от традиционной даты обновления Храма Иудой Маккавеем 25 кислева (AJ 12.7.6). Следовательно, осквернение Второго храма Антиохом оказывается точно так же

Капитолийского храма сторонниками Флавиев и приурочил к его дню как возведение Второго храма Аггеем, так и его осквернение Антиохом. Но при этом опять-таки именно разрушение Капитолийского храма в день освящения первого храма Сатурна и могло подтолкнуть Иосифа к отождествлению дня осквернения Второго храма Антиохом с днем его возведения Аггеем, подкрепив его соответствующим расчетом исходя из дня его обновления Маккавеями и срока «мерзости запустения».

Мотивы Иосифа проясняются тем, что у Тацита возобновление Капитолийского храма 21 июня 70 г. = 25 сивана 381 с.э. выпадает на годовщину присяги Веспасиану римских легионов в Иудее 3 июля 69 г. = 25 сивана 380 с.э. («в пятые ноны июля»: *Hist.* II, 79), положившей начало его принципату. При этом Тацит оговаривает, что впоследствии принципат Веспасиана стали отсчитывать с 1 июля 69 г. = 23 сивана 380 с.э., дня присяги ему египетских легионов во главе с префектом Египта Тиберием Александром. Будучи евреем по происхождению и племянником Филона Иудея, но сторонником Рима, он подавил еврейские выступления в Александрии в 66 г., первым присягнув Веспасиану в 69 г. и стал правой рукой Тита в дни осады Иерусалима, а затем и префектом претория Рима [205]. Однако расхождение в два дня не выходит за пределы закономерного: в Египте новонолуние фиксировалось на день раньше, чем в Палестине [206], вследствие чего вторая половина дня 1 июля 69 г. выпала на 25 сивана. Более того, в реальном астрономическом времени 1 июля 69 г. выпадает именно на 25 сивана [207], подтверждая точность египетского солнечно-лунного календаря. Следовательно, в системе координат египетских евреев Веспасиан был провозглашен в тот же самый день, что и в системе координат палестинских евреев, а именно в день основания Второго храма в калькуляции Иосифа Флавия.

В итоге создается впечатление, что именно этот день и явился исходным пунктом как для римской традиции, приурочившей к нему и начало принципата Веспасиана (династии Флавиев), и возобновление Капитолийского храма, так и для Иосифа Флавия, приурочившего к нему и основание Второго храма Аггеем, и его осквернение Антиохом, и захват Иафы Веспасианом. При этом день осквернения храма Антиохом он, по всей вероятности, подтвердил, исходя из 1 Макк. 4:52 и истолковав как «три с половиной года» маловразумительное указание Дан. 7:25, 12:7 $\text{fw} \sim \text{kairo\$ kaJ kair}^{\wedge} \text{n kaJ fw} \sim \text{Onjsou} \sim \text{kairo\$}$.

Смысл такой калькуляции проясняется контекстами привлекаемых свидетельств.

Главную причину Иудейской войны 66-73 гг. Иосиф Флавий и Тацит увидели в резком обострении мессианских ожиданий в еврейской среде [208], исполнение которых оба усмотрели в воцарении Веспасиана. Соответственно калькуляция Иосифа подтверждала, что римские легионы в Египте и Палестине засвидетельствовали адекватность такого взгляда на вещи, присягнув Веспасиану в день возведения Второго храма, к которому год спустя было приурочено также и основание нового Капитолийского храма. Аналогии предоставляют Маккавейская и раввинистическая традиции, усмотревшие в восстановлении Храма главный признак Машиаха.

По-видимому, речь идет о согласовании иудейской и римской традиций с какой-то важной целью, и ближайшие контексты коррелирующих сообщений Иосифа Флавия и Тацита подсказывают, что они согласовываются в процессе обоснования новой роли Римской мировой державы. Более того, хотя действия Тиберия Александра свидетельствуют, что Иосиф Флавий был отнюдь не единственным евреем, вступившим на этот путь, именно его календарная калькуляция представила все происходившее в Риме, Египте и Палестине в виде единого потока провиденциально взаимосвязанных событий.

Так или иначе, неслучайность указанного ряда совпадений вполне очевидна: осквернение Второго храма Антиохом Иосиф приурочил к дню его воздвижения Аггеем, приуроченному им к дню основания нового Капитолийского храма, указанному Тацитом и совпадающему с годовщиной воцарения Веспасиана, предсказанного Иосифом (BJ 3.8.9) и истолкованного недошедшим до нас общим источником Тацита и Светония, в сущности, как воцарение «машиаха» [209].

Более того, такому согласованию римской и еврейской традиций соответствует тот факт, что впоследствии именно к Веспасиану – *lex de imperio Vespasiani* – римская традиция и возвела легализацию неограниченной императорской власти [210]. Христиане, начиная с Мелитона [211], возводили историю Империи к Августу, сопоставляя его триумфальное вступление в Рим 6 января 29 г. до н.э. с Богоявлением Христа [212], но римская традиция вела ее отсчет с *lex Vespasiana*.

В связи с этим особенно примечателен тот факт, что Веспасиан наложил на иудеев подушную подать в размере двух драхм в пользу Капитолийского храма: очевидная альтернатива иудейской Храмовой дидрахме [213]. Тем самым еще раз было подчеркнуто, что Капитолийский храм именно вытесняет Второй храм, будучи заложен в день его возведения и

осквернения, 25 сивана 381 с.э. = 21 июня 70 г., накануне его разрушения Титом 10 ава 380 с.э. = 6 августа 70 г. [214]. В русле еврейской традиции такой акцент был тем более очевиден, что к 25 сивана она приурочила изгнание из Иерусалима селевкидских сборщиков податей, דְּיִמּוֹסָאִי = *dhmsi[^]nai* (MegTaap, 11) [215], еще одну ключевую веху Маккавейской традиции.

В итоге создается впечатление, что на Империи Флавиев здесь по существу уже возлагается роль «Нового Израиля», задолго до того как ее взяла на себя Церковь.

Во всяком случае, соотнесение – и противопоставление – исторических судеб двух храмов, Иерусалимского и Капитолийского, носит системный характер и восходит к традиции, засвидетельствованной Тацитом и Иосифом Флавием.

Жизнеспособность этой традиции подтверждается тем фактом, что обращение Империи при Константине Великом повлекло за собой христианское *Обновление Иерусалима* в виде освящения построек Константина на Голгофе 13 сентября 335 г. [216] – в день памяти освящения первого храма Юпитера Капитолийского первым консулом М. Горацием Пулвиллом 13 сентября 509 г. до н.э. [216] Более того, вслед за этим празднование Рождества Христова в Риме было перенесено с 6 января на 25 декабря [217], *Dies natalis Solis Invicti*, установленный Аврелианом в 274 г. в альтернативу Сатурналиям [218] и отмечавшийся Лицинием (308-324 гг.) опять-таки 19 декабря [219], в день основания храма Сатурна и разрушения Капитолийского храма 19 декабря 69 г.

Но еще более симптоматичен тот факт, что в вавилонском календаре освящение построек Константина на Голгофе 13 сентября 335 г. приходится на 7 элула 646 г. с.э., день захвата Иерусалима Титом в калькуляции Иосифа Флавия (BJ 6.8. 4), согласно которой на следующий день, 8 элула, состоялся триумфальный вход, *adventus*, Тита в поверженный Иерусалим. Вместе с тем на этот же день, 7 элула, у Иосифа приходится истребление римского гарнизона Иерусалима (BJ 2.17.10), которое для римлян фактически и явилось началом Иудейской войны, а в еврейской традиции засвидетельствовано как день «очищения Иерусалима от римлян» (MegTaap, 16) [220]. Следовательно, в калькуляции Иосифа Флавия 7 элула отмечает начало и конец решающих событий Иудейской войны, от изгнания римлян из Иерусалима восставшими зилотами до захвата города Титом. Благодаря этому события разворачиваются по спирали, и конец являет зеркальную инверсию начала. Следующим витком этой спирали, в сущности,

и выступает христианское *Обновление Иерусалима* в 335 г., а совпадение 7 элула с 13 сентября, днем освящения первого храма Юпитера Капитолийского, вновь акцентирует взаимосвязь еврейской и римской традиций, наполняя такое *Обновление* двойным смыслом, релевантным в обеих традициях.

Вместе с тем в еврейской традиции на 7 элула выпадает также и освящение стен Иерусалима (MegTaap,15) [221], по-видимому, Симоном Маккавеем, через 20 лет после возобновления Второго храма Иудой, которое точно так же ознаменовало восстановление еврейской власти в городе, как *Обновление Иерусалима* в 335 г. ознаменовало его христианизацию. Более того, в Маккавейской традиции это один из ключевых эпизодов (1 Макк. 13:10), за которым следует рассказ о восстановлении независимости Иудеи, воцарении Симона и возобновлении союза Иудеи с Римом (1 Макк. 13:12—14:48). Следовательно, в русле согласования двух традиций, римской и еврейской, 7 элула оказывается важнейшей точкой совмещения трех витков спирали истории Иерусалима: (1) обновления города Маккавеями перед окончательным освобождением страны и возобновлением союза с Римом, (2) романизации города в результате Иудейской войны и (3) христианского *Обновления Иерусалима* при Константине Великом.

Соответственно, следующим витком этой спирали выступает захват Рима Аларихом 7 элула 721 с. э. = 24 августа 410 г. Прокопий говорит о возмездии за разорение иерусалимского Храма, о вывозе Аларихом реликвий Храма, доставленных в Рим Титом, и решении Юстиниана возратить реликвии в Иерусалим, в христианские храмы Святого Города. Тем самым обеспечивается инверсия результатов Иудейской войны и романизации Иерусалима, а христианизация города продолжается путем частичного восстановления его еврейской идентичности в заданных имперской политикой рамках. Однако Орозий по горячим следам событий 410 г. рисует иную картину. В его изложении христианин Аларих точно так же исполняет божественный промысел, вразумляя полуязыческий Рим, как руками Тита был наказан отвергший Христа Иерусалим. Поэтому у Орозия Аларих не вывозит из Рима реликвии Храма, а, напротив, возвращает в базилику Св. Петра церковные сосуды, укрытые от варваров «святой Божией девой», подобно тому как ковчег и жертвенник Первого храма были укрыты в пещере пророком Иеремией, согласно 2 Макк. 2:4-8. Римляне и варвары соединяются в богослужебной процессии и вместе несут сосуды обратно в храм Св. Петра, воспе-

вая Богу благодарственный гимн (*Hist.* VII, 39, 3-14). По существу этот литературный образ перекликается с рельефами арки Тита, изображающими его триумфальный вход в Рим с семисвечником и сосудами Храма. Вместе с тем Орозий утверждает, что грабежи продолжались три дня (7-9 элула), и в общем контексте его рассказа процессия в храм Св. Петра приходится на второй день (8 элула) — и тем самым соответствует также и входу Тита в поверженный Иерусалим.

Возможно, именно этот мотив *возвращения* церковной утвари и лег в основу рассказа Прокопия (или его источника) о *возвращении* Юстинианом в христианские святилища Иерусалима реликвий Храма, привезенных в Рим Титом, вывезенных из Рима Аларихом и доставленных Велисарием в Константинополь, Новый Рим. Так или иначе, сочетание рассказов Орозия и Прокопия образует новый виток все той же спирали Священной истории, понимаемой как история Священной войны, которую Империя ведет против иноверных по образу и подобию войн Израиля и Рима против иноплеменных и варваров. Константинополь совмещает в себе образы Нового Рима и Нового Иерусалима, «царство и священство», пытаясь удержать Империю и сохранить единство средиземноморской икумены.

Принимая во внимание столь выразительный ряд прецедентов, правомерно заключить, что в русле выявляемого здесь согласования двух традиций, римской и еврейской, нападение росов на Константинополь 18 июня 860 г. точно так же было приурочено к 25 сивана, дню захвата Иерусалима и осквернения Второго храма Антиохом Епифаном в калькуляции Иосифа Флавия, как в гомилии следовавшего за ним Феодора Синкелла спасение Города от аваров и славян 7 августа 626 г. приурочено к 10 ава, дню разрушения обоих иерусалимских храмов.

Разумеется, в реальном физическом времени спасение города 7 августа 626 г. выпало на 9 элула, день триумфального входа Тита в поверженный Иерусалим 8 элула 381 с.э. = 2 сентября 70 г., к которому ранее был приурочен захват Рима Аларихом 7-9 элула 721 с.э. Но такое разночтение соответствует альтернативной традиции, следы которой сохранились у Орозия и Прокопия, а изначальное тяготение которой к реальному астрономическому времени выражается в совпадении показаний вавилонского и математического еврейского календарей (8 элула 381 с.э. = 8 элула 3830).

Истоки этой традиции проясняются указанными выше корреляциями сообщений Тацита, Иосифа Флавия и *Megillat Ta'anit* [222],

а в гомилии Феодора Синкелла она вступает в интерференцию с равнинистической традицией Плача о Храме 9 ава. Но здесь затрагивается уже иной предмет, выходящий за рамки обсуждаемой проблемы [223].

Выявленные взаимосвязи можно проиллюстрировать таблицей:

7 элула	25 сивана
(1) Освящение стен Иерусалима Симоном Маккавеем 7 элула 169 с.э. (<i>MegTaap.</i> 15; 1 Макк.13:10)	(1) Возведение Второго храма Аггеем 25 сивана (вероятно, VI года Дария I) (<i>Jos. VJ</i> 6.4.5,8)
(2) Истребление римского гарнизона Иерусалима 7 элула 377 с.э. (<i>Jos. VJ</i> 2.17.10)	(2) Осквернение Второго храма Антиохом IV Епифаном 25 сивана 145 с.э. (<i>Jos. VJ</i> 1.1.1; <i>AJ</i> 12.7.6)
(3) Истребление еврейского населения Кесарии «в тот же день и час» 7 элула 377 с.э. (<i>VJ</i> 2.18.1)	(3) Изгнание из Иерусалима селевкидских сборщиков податей 25 сивана (<i>MegTaap.</i> 11)
(4) Захват Иерусалима (Верхнего города) Титом 7 элула 381 с.э. = 1 сентября 70 (<i>Jos. VJ</i> 6.8. 4)	(4) Захват Иафы Веспасианом 25 сивана 378 с.э. (<i>Jos. VJ</i> 3.7.31)
(5) Освящение мартирия Воскресения на Голгофе 13 сентября 335 = 7 элула 646 с.э.	(5) Провозглашение Веспасиана в Египте и Иудее 1-3 июля 69 = 25 сивана 380 с.э. (<i>Tac. Hist.</i> II, 79)
(6) Захват Рима Аларихом 24-26 августа 410 = 7-9 элула 721 с.э. (<i>Prosperi Chr.</i> 466)	(6) Закладка нового храма Юпитера Капитолийского 21 июня 70 = 25 сивана 381 с.э. (<i>Tac. Hist.</i> IV, 53)
(7) Спасение Константинополя от аваров и славян 7 августа 626 = 9 элула 4386 (<i>Theod. Synk.</i> 25, 28)	(7) Первое нападение руси на Константинополь 18 июня 860 = 26 сивана 4620 (<i>Anecd. Brux.</i> I, 33)

Оба ряда демонстрируют общую закономерность: каждое последующее событие по одним признакам продолжает вектор предыдущего, а по другим инверсирует его, обуславливая спиралеобразную конфигурацию потока событий внутри каждого ряда.

Получается своего рода «отрицание отрицания» или нечто наподобие Архимедовой спирали, совмещающей прямолинейное и вращательное движение.

В левом столбце истребление римского гарнизона (п. 2) примыкает к освящению стен Иерусалима (п. 1), очищая город от иноплеменников, и в то же время инверсирует его, противопоставляя завершению войны с Селевкидами начало войны с Римом. Истребление еврейского населения Кесареи «в тот же день и тот же час, как по божественному предопределению» (п. 3) примыкает к п. 2, знаменуя начало Иудейской войны, и одновременно инверсирует успехи евреев (пп. 1, 2) в их собственную гибель. Затем захват Иерусалима Титом (п. 4) инверсирует как пп. 1 и 2, так и пп. 2 и 3, замыкая спираль боевых действий (падение Масады 14 нисана 384 с.э. завершит пересекающийся цикл, начатый 14 нисана 381 с.э., когда Тит приступил к осаде Иерусалима). Далее христианское Обновление Иерусалима (п. 5) продолжает его романизацию, начатую победой Рима в Иудейской войне, но при этом также и противопоставляет наказанию отвергнувшего Христа Иерусалима освящение мученика Воскресения на Голгофе. Захват Рима Аларихом (п. 6) выступает одновременно и аналогией (Орозий), и антитезой (Прокопий) захвату Рима Титом (п. 4), а спасение Константинополя в 626 г. (п. 7) инверсирует пп. 2, 4, 6 и в то же время примыкает к пп. 1 и 5, сочетая образы Нового Рима и Нового Иерусалима.

В правом столбце осквернение Второго храма Антиохом (п. 2) инверсирует его возведение Аггеем (п. 1), но вместе и примыкает к нему как следующий эпизод истории Храма. Изгнание из Иерусалима селевкидских сборщиков податей, $\text{דְּמוֹסִיָּאִי} = \text{dhmosi}^{\wedge}\text{nai}$ (п. 3), инверсирует п. 2 и гармонирует с п. 1. Захват Иафы Веспасианом (п. 4) противопоставляет первый успех Рима в Иудейской войне победе евреев в борьбе с Селевкидами (п.3) и в известной мере гармонирует с осквернением Второго храма Антиохом (п. 2). Провозглашение Веспасиана (п. 5) развивает его успех (п. 4) и коррелирует с п. 1 в русле провиденциалистских толкований его принципата. Закладка нового храма Юпитера Капитолийского (п. 6) подкрепляет корреляцию пп. 1 и 5, а тем самым и мессианское значение принципата Веспасиана. И наконец, нападение руси на Константинополь в 860 г. (п. 7) выступает антитезой пп. 6 и 1 и коррелирует с п. 2, опять-таки сочетая образы Нового Рима и Нового Иерусалима, как при спасении Города в 626 г.

Особую роль играет освящение мученика Воскресения на Голгофе 13 сентября 335 = 7 элула 646 с.э. По календарному признаку оно помещено в левом столбце (п. 5), но в предметном отношении, будучи приурочено к дню освящения первого храма Юпитера Капитолийского 13 сентября 509 г. до н.э., оно коррелирует также и с закладкой нового Капитолийского храма 21 июня 70 = 25 сивана 381 с.э. в правом столбце (п. 6). Поэтому его можно назвать «оператором сочетания» обоих рядов календарных калькуляций.

Более того, поскольку осквернение Второго храма Антиохом 15 кислева 145 с.э. в 1 Макк. 1:54, по всей вероятности, приурочено к дню разрушения Капитолийского храма 19 декабря 69 = 15 кислева 380 с.э., привлекает внимание еще одно — и притом еще более поразительное — совпадение календарных калькуляций в истории Иерусалима и Рима. Воцарение Симона Маккавея и объявление о восстановлении союза Иудеи с Римом в 1 Макк. 14:27 датировано 18 элула 172 с.э., чему в юлианском календаре соответствует 13 сентября 140 до н.э. [224], память освящения первого Капитолийского храма. Более того, день его освящения 13 сентября 509 до н.э. в свою очередь выпадает по вавилонскому календарю на 18 элула XIII года Дария I [225], день воцарения Симона Маккавея. Следовательно, воцарение Симона и объявление о возобновлении союза с Римом редактор 1 Макк., по всей вероятности, так же приурочил к дню освящения Капитолийского храма 18 элула, как к дню его разрушения 15 кислева он приурочил осквернение Второго храма Антиохом IV Епифаном.

Круг замкнулся — и привел к наиболее вероятному общему источнику выявленных календарных совпадений. По-видимому, Веспасиан действительно был соотнесен с Иудой Маккавеем, первым «машиахом» еврейской истории, а дом Флавиев — с династией Хасмонеев. Сопоставление выражено языком календарной мистики, путем совмещения календарных дат соответствующих событий еврейской и римской истории. Редактор 1 Книги Маккавеев пошел своим путем, отталкиваясь от дня разрушения Капитолийского храма 19 декабря 69 = 15 кислева 380 с.э., а Иосиф Флавий и Тиберий Александр — своим, опираясь на провозглашение Веспасиана 1-3 июля 69 = 25 сивана 380 с.э. Но все трое, по-видимому, решали одну задачу, обосновывая возможность развития Иудеи в составе Империи.

Более того, освящение мученика Воскресения на Голгофе 13 сентября 335 = 7 элула 646 с.э., в день освящения первого Капитолийского храма и захвата Иерусалима

Титом, неопровержимо свидетельствует о том, что христианизация Святого Города осуществлялась в русле этой же традиции обоснования симбиоза Иерусалима и Рима языком календарной мистики. Поэтому едва ли может вызывать удивление тот факт, что совмещение образов Нового Рима и Нового Иерусалима на берегах Босфора сопровождалось дальнейшим развитием этой традиции. Объяснения потребовал бы отказ от нее, вопреки присущему Византии сочетанию *translatio imperii c translatio Sionis* [226].

Следовательно, в русле этой традиции экзегезу Феодора Синкелла следует признать вполне закономерным и едва ли не банальным явлением, равно как и соответствие ей в константинопольской хронике 867 г., датировавшей первое нападение руси на Константинополь 18 июня 860 = 26 сивана 4620 и тем самым приурочившей его к дню захвата Иерусалима Антиохом IV Епифаном.

Более того, континуитет этой традиции не прерывается и в интервале 626-860 гг. Правда, спасение Константинополя от первой арабской осады 25 июня 678 = 27 сивана 989 с.э. сопровождается сдвигом той же даты не на один, а на два дня, но это может объясняться технической погрешностью, вполне естественной в «темные века». Спасение Константинополя от второй арабской осады 15 августа 718 = 11 ава 1029 с.э. сопровождается сдвигом на один день, как в 860 г., но уже не памяти осквернения Второго храма Антиохом, а памяти разрушения обоих иерусалимских храмов 10 ава, к которой Феодор Синкелл приурочил спасение столицы 7 августа 626 г. Причем на этот раз ошибки в калькуляции нет: сдвиг на один день вполне закономерен для Константинополя в русле александрийской традиции. И если Феодор объяснил спасение столицы заступничеством Богородицы, то в 718 г. память разрушения Храма совпала с днем Успения Богородицы — одушевленного Храма воплотившегося Слова.

Следовательно, выявляемая традиция характеризуется не только несомненным континуитетом, но и столь же очевидным развитием: календарная калькуляция становится более точной, а язык календарной мистики — более емким и выразительным. И особенно впечатляет тот факт, что на протяжении всего периода с 335 по 860 г. не обнаруживается ни одного случая нарушения выявленной закономерности.

Более того, она соблюдается на протяжении всего периода со дня рождения Константинополя, Dies Natalis, 11 мая 330 г. до его захвата участниками IV Крестового похода 13 апреля 1204 г.

В вавилонском календаре 11 мая 330 г. выпадает на 5 ияра 641 с.э., однако новолуние второго месяца приходится на вечер 4 мая, 21.05 [227], откуда следует, что в реальном астрономическом времени освящение стен Константинополя было совершено 7 ияра 641 г., опять-таки в день освящения стен Иерусалима в еврейской традиции (MegTaap, 5). Поскольку освящение стен Неемией датировано 25 зула (Неем. 6:15), а освящение новых стен Симоном Маккавеем — 7 зула (MegTaap, 15), в этом случае речь может идти только о стенах, возведенных Агриппой II накануне Иудейской войны. И это подтверждается тем фактом, что разрушение Титом первого пояса этих стен Иосиф Флавий датировал 7 ияра 381 с.э. (BJ 5.7.2), скорее всего, в соответствии с излюбленным им принципом календарного совмещения событий-антагонистов (зеркальная инверсия). Следовательно, освящение стен Константинополя 11 мая 330 г. было приурочено к дню освящения новых стен Иерусалима Агриппой и разрушения их Титом. Мотивы проясняются освящением построек Константина на Голгофе 7 зула 646 с.э., в день освящения стен Иерусалима Симоном Маккавеем 7 зула 169 с.э. и захвата Верхнего города Титом 7 зула 381 с.э. Традиционная дата Dies Natalis Константинополя появляется лишь в источниках V-VI вв. и, видимо, является производной от этой иерусалимской памяти. Отсюда правомерно заключить, что новая столица на Босфоре уже в этот период соединила в себе образы Нового Рима и Нового Иерусалима.

Первый штурм Константинополя участниками IV Крестового похода Никита Хониат датировал 17 июля 1203 г. [228], чему в еврейском математическом календаре соответствует 7 ава 4963, день разрушения Первого храма в 4 Цар. 25:8-10.

Это может оцениваться как возврат к Феодору Синкеллу, связавшему спасение Города в 626 г. с разрушением обоих храмов 10 ава, согласно альтернативной традиции Иер. 52: 12-14 и BJ 6.4.5,8 Иосифа Флавия. Более того, поскольку в вавилонском календаре 7 августа 626 г. выпадает на 6 ава 937 с.э., можно предположить, что de facto в 626 г. также возобладала именно эта традиция, восходившая к 4 Цар. 25: 8-10, в то время как Синкелл последовал за Иосифом, не обременив себя самостоятельным расчетом. И это тем более вероятно, что в данном случае закономерный сдвиг на один день 7/6 ава однозначно определен византийской пасхалией: в 626 г. Пасха выпала на 20 апреля [229], которому в вавилонском календаре соответствует 15 нисана 937 с.э. — вместо 16

нисана по пасхалии. Следовательно, в системе координат византийской пасхалии 7 августа 626 г. точно соответствует 7 ава [230].

Второй и решающий штурм Константинополя крестоносцами у Никиты Хониата совершается с пятницы пятой недели по вторник шестой недели великого поста, 9-13 апреля 1204 [231]. В еврейском математическом календаре этим дням соответствуют 7-12 ияра 4964. Следовательно, штурм был начат 7 ияра, в день рождения Константинополя, приуроченного к памяти освящения стен Иерусалима и разрушения их первого пояса Титом, и закончен 12 ияра, в день Основания Рима 21 апреля 754/ 753 до н.э. = 13 ияра 3007, опять-таки с закономерным сдвигом в один день. Смысл очевиден: замкнут исторический цикл Царицы городов, совместившей Новый Иерусалим с Новым Римом.

Следовательно, календарная мистика обсуждаемого рода сопровождает историю Константинополя на протяжении всего периода со дня его освящения 11 мая 330 г. до захвата города участниками IV Крестового похода 13 апреля 1204 г.

Не прерывалась эта традиция и в X веке: разночтения греческих и славянских версий в указании дня второго нападения руси на Царьград, под началом князя Игоря летом 941 г., также не выходят за пределы выявленной календарной матрицы.

Продолжателем Феофана оно датировано 11 июня 941 г.: «в четырнадцатый индикт, в июне месяце одиннадцатого (числа), на десяти тысячах судов подошли к Константинополю росы, коих именуют также дромитами, происходят же они из племени франков» [232]. В вавилонском календаре этой дате соответствует 9 сивана 1252 с. э., в еврейском математическом календаре — 13 сивана 4701. Поскольку сражение затянулось до вечера, правомерно заключить, что разгром флотилии Игоря выпал на 14 сивана по еврейскому календарю, к тому времени уже получившему распространение на византийском востоке. На этот день приходится память захвата Стратоновой башни (rv ldgm tdyxa) Александром Яннаем (MegTaap. 9) [233], с которой может быть связана также и память захвата Бет-Шеана (Скифополя) 15 и 16 сивана (Ibid., 10). Неясно, однако, каким образом эта традиция могла стать известной неевреям, тем более что свой галахический статус *Megillat Ta'anit* утратил уже в V в. [234]. Однако указанные выше корреляции между этим календарем и календарными калькуляциями Иосифа Флавия указывают на возможность отражения этой традиции также и в других, недошедших до нас памятниках.

Но возможно и другое объяснение этой даты. Если нападение росов 18 июня 860 г. оказалось приурочено к памяти осквернения Второго храма Антионом Епифаном 25 сивана в хронологии Иосифа Флавия, то 15 сивана могло быть получено путем коррекции этой даты по аналогии с Маккавейской традицией, установившей дистанцию в 10 дней между годовщиной осквернения храма Антионом 15 кислева и его обновлением Иудой 25 кислева (1 Макк. 1:54). В этом случае речь может идти о компиляции двух традиций, Маккавейской и Флавиевой, в результате которой интервал между осквернением храма Антионом и его обновлением Иудой составил три с половиной года и 10 дней. Но это, конечно, не более чем один из возможных вариантов.

У *Продолжателя Георгия Амартола* тот же день, 11 июня, сочетается с 15 индиктом [235], т. е. со следующим 942 г., что нельзя не признать ошибкой в силу единодушия всех источников в указании года [236]. Однако славянский перевод несохранившейся версии этого памятника отнес нападение князя Игоря на Константинополь к 18 июня 14 индикта [237], откуда русский летописец, по-видимому, и вывел 6449 = 941 год [238]. Эта дата вновь возвращает нас к нападению росов 18 июня 860 г., но теперь уже в юлианском календаре, подобно тому как спасение столицы от аваров и славян 7 августа 626 г. оказалось приурочено к разрушению Второго храма Титом 6 августа 70 г.

Вместе с тем такой ряд корреляций побуждает обратить внимание также и на то обстоятельство, что пересчет библейской даты захвата Иерусалима войсками Навуходоносора 9 фаммуза (Иер. 39:2; 52:6; 4 Цар. 25:3-4) по еврейскому календарю локализует его 9 фаммуза 3175 = 18 июня 586 до н.э. Следовательно, спасение Константинополя в 941 г. могло быть так же приурочено к дню захвата Иерусалима войсками Навуходоносора, как к дню разрушения ими Первого храма Феодор Синкелл приурочил спасение Константинополя в 626 г.

Такое совпадение может склонить к допущению, что первоначально к 18 июня было отнесено нападение Игоря в 941 г., а затем с этим днем было связано также и нападение руси 860 г. Но свидетельство «Брюссельской хроники», по-видимому, восходит к константинопольской хронике 867 г. и тем самым препятствует такому допущению.

Согласно другим славянским источникам, «приплуша Русь» 10 июня или 10 июля: «Июля месяца в 10 день 19 индикта» (*Еллинский летописец*), «Индихту июня же месяца 10 день» (*Палея*), «И приплуша июня в 10» (летописи,

восходящие к *Новгородско-Софийскому своду* 30-х годов XV в.) [239]. Однако в *Летописце еллинском и римском* второй редакции (ЕЛ-2) сохранилось более исправное чтение: «Месяца июля въ 10 день, индикта 14, в лето 6448, иде Игорь на Грекы» [240]. После исправления явно испорченного чтения 6448 на 6449 эта дата вновь возвращает внимание к дню захвата Иерусалима Навузарданом, но теперь уже 9 фаммуза 1252 с.э., по вавилонскому календарю [241], который на христианском востоке употреблялся вплоть до XIII в.

Нельзя не отметить и еще одну возможность. В еврейском календаре 18 июня 941 г. приходится на 20 сивана 4701 — день, к которому Иосиф Флавий приурочил неудачную попытку штурма Веспасианом важнейшей еврейской крепости Йотапаты, обороной которой Иосиф сам и руководил, встав во главе иудейских войск (BJ 3.7.29). В этом случае неудача Веспасиана могла быть истолкована как прецедент и прототип неудачи Игоря.

В итоге правомерно заключить, что расхождения наших источников в определении даты нападения руси в 941 г. могут объясняться использованием разных календарей и хронологических вех, библейских или флавиевых, для выражения по существу одной и той же мысли, развивавшейся в русле календарной мистики «Иудейской войны». В частности, 10 июля 6449 так же могло явиться результатом пересчета библейской даты 9 фаммуза по вавилонскому календарю, как 18 июня 6449 — пересчета той же даты по еврейскому календарю.

Но особенно впечатляет тот факт, что в разночтениях опубликованных греческих и славянских версий нет ни одного варианта, выходящего за рамки выявленной традиции, континуитет которой не прерывается со дня освящения византийской столицы 11 мая 330 г. до ее захвата крестоносцами 13 апреля 1204 г.

Проблема идентификации носителей этой традиции, конечно, выходит за рамки настоящей работы. Но следует еще раз подчеркнуть важнейшую особенность уникальной календарной калькуляции, воспроизведенной в «Брюссельской хронике». Остановив внимание на осквернении Второго храма Антиохом Епифаном, ее автор — в отличие от Андрея Кесарийского — не согласился с Феодором Синкеллом, отклонившим этот исторический прецедент. Следовательно, в середине IX в. у Иосифа Флавия нашлись более внимательные читатели, чем Синкелл. В связи с этим нельзя не отметить, что две рукописи византийской *Flaviana* указаны — рядом с Библией — в том же инвентаре Патмосской библиотеки [242], который предоставляет ближайшую аналогию

составу древнерусской переводной письменности и содержит Cod. Patmos. 266, сохранивший древнейшее начертание слова {Ro\$~. По-видимому, это обстоятельство стоит принять во внимание как при рассмотрении разночтений греческой и славянской версий *Иудейской войны* [243], так и в поисках ответа на вопрос, кто и зачем читал Иосифа Флавия на Руси.

8. Календарная мистика: эпистемология

В начале этой работы пришлось сослаться на криминалистику — теперь уместно вспомнить физику.

Когда физики не шутят, они говорят, что физика — это наблюдение в принципе любого явления в соответствующей системе отсчета. Думается, что в этом отношении опыт физики универсален и наукой следует считать именно такую исследовательскую практику, которая опирается на представление наблюдаемого явления в виде объекта, перемещающегося в определенной системе координат, адекватной природе изучаемого явления.

Историк изучает не вещи или события физического мира, а мысли и действия людей. Но те и другие, видимо, могут и должны рассматриваться как специфические события и процессы, разворачивающиеся в историческом времени и пространстве и наблюдаемые в соответствующих системах отсчета.

Исходной системой отсчета историку служит календарь или, точнее, совокупность календарных систем, присущих изучаемой цивилизации и сопоставимых между собой как посредством конвенциональных операций, употреблявшихся с этой целью самой изучаемой цивилизацией, так и с помощью физического или астрономического календаря в качестве метаязыка их описания. Соответственно полноценное описание и осмысление исторических событий, действий и мыслей их участников, возможны лишь при условии репрезентации выявляемых в источниках сведений во всех релевантных календарях, с привлечением астрономического календаря в качестве метаязыка описания. Только в этом случае различные события и процессы становятся сопоставимыми в общей системе отсчета реального физического времени.

В рамках иудео-христианской цивилизации оптимальным метаязыком описания может служить также и еврейский математический календарь, разработанный в IX-X вв. и употребляемый евреями поныне. С одной стороны, он укоренен в вавилонской традиции и в силу этого конгруэнтен любому календарю вавилонской семьи, а с другой, это самый

точный календарь, обеспечивающий максимальное приближение к реальному астрономическому времени. Поэтому в исторической хронологии еврейский математический календарь может играть роль аналогичную универсальной стратиграфии в археологии материальных культур или гипертексту библейской традиции в текстологии парабиблейских письменных памятников.

Именно эти эпистемологические принципы и могут служить ключом к пониманию выявленной картины. Настойчивость, с которой Феодор Синкелл следует за Иосифом Флавием и старается приурочить спасение Константинополя в 626 г. к дню разрушения обоих иерусалимских храмов, побуждает обратить внимание на целый ряд аналогичных совпадений. Опираясь на эмпирические данные письменных источников, исследователь улавливает, что целый ряд сходных по смыслу событий выпадает на одни и те же или соседние календарные дни. Затем, представив сопоставляемые события, датированные в локальных календарях, в общей системе отсчета реального физического времени, исследователь убеждается в том, что они не приблизительно, а точно приурочены к одним и тем же дням, с закономерным региональным сдвигом в один день. Если бы такая репрезентация не была обеспечена, анализ не вышел бы за рамки правдоподобных рассуждений о близости календарных дат сходных по смыслу событий, и выявленная картина осталась бы скрытой от наблюдателя. Решающую роль играет принцип сопоставления разнородных данных в общей системе отсчета.

Этот же принцип может быть использован и для прояснения причин или мотивов совмещения календарных дат сопоставляемых событий путем прояснения природы их смысловой корреляции. Во всех рассмотренных случаях речь идет либо об основании или освящении города или храма, либо о его захвате или разрушении. Следовательно, в календаре совмещаются либо аналогичные эпизоды истории различных городов или храмов, либо антитезы, начало и конец одного и того же города или храма. В поле зрения попадают три главных центра средиземноморского мира — Рим, Иерусалим и Константинополь — на протяжении двенадцати столетий, с 69 по 1204 г. В этот же ряд вписаны и оба нападения руси на Царьград, в 860 и 941 гг., в соответствии с его ролью Нового Рима и Нового Иерусалима христианского мира.

Стремление приурочить воспроизведение определенных человеческих действий неизменно к одним и тем же календарным дням свидетельствует о наделении этих дейст-

вий ритуальным значением. Следовательно, речь идет о ритуализации исторического поведения и сознания *homo sapiens*.

Применительно к основанию или освящению города или храма это вполне естественно, ибо соответствует реально исполняемому ритуалу. Но если захват или разрушение города или храма приурочены к дню его основания или освящения, то конец предстает в виде зеркальной инверсии начала. Такое понимание конца присуще циклическим моделям мифологического сознания, в том числе и подавляющему большинству эсхатологических традиций иудео-христианского мира. И контекст привлеченных свидетельств подтверждает адекватность такого заключения: в большинстве случаев описанные события истолковываются как исполнение эсхатологических пророчеств.

Следовательно, календарная мистика выявленного типа может рассматриваться как календарно-литургическая традиция особого рода, связанная с ритуализацией исторического поведения в русле эсхатологического сознания, вероятно лежащей в основе так называемой «самоосуществляющейся эсхатологии» иудео-христианского мира. Исполнение эсхатологического ожидания обеспечивается ритуальным воспроизведением соответствующих действий в строго определенные дни. По-видимому, воспроизведение наделяет эти действия магической силой в сознании (или подсознании) носителей этой традиции.

Отсюда понятна как настойчивость носителей этой традиции, от Иосифа Флавия до Никиты Хониата (или его источника), так и неприемлемость ее для серьезных православных богословов, в частности Фотия, отстаивающих свободу и ответственность человеческого разума и увлеченных поиском иных, более сложных форм его согласования с божественным промыслом.

Разумеется, особый интерес представляет способ воспроизведения календарной матрицы: действия людей могут быть приурочены к определенным дням как *de facto*, собственным их поведением, так и в описании историографа. Феодор Синкелл выражает уверенность, что аварский каган стремился взять Новый Иерусалим в день разрушения обоих иерусалимских храмов. Но мы не знаем, что об этом думал сам каган и был ли он вообще знаком с иудео-христианской традицией.

В последующих сообщениях ситуация усложняется тем, что календарная матрица воспроизводится неявным образом и, возможно, укрывается от непосвященных как

эзотерическое или тайное знание, наподобие «тайны календаря» равнинистических источников. Так или иначе, переведенная в юлианский календарь, матрица превращается в криптограмму, прочитать которую историк способен лишь благодаря свидетельствам Иосифа Флавия и Феодора Синкелла — и лишь при условии знакомства с вавилонской календарной традицией.

В итоге правомерно заключить, что применительно к рефлексирующей способности человеческого интеллекта выявленная картина получает более или менее вразумительное объяснение.

Можно попытаться прояснить и более глубокие исторические механизмы такой ритуализации исторического сознания.

Формирование *Pax Romana* в конце I в. до н.э. повлекло унификацию календарных систем римско-эллинистического мира путем разработки и распространения юлианского календаря в качестве универсальной общеимперской системы отсчета исторического времени. Возможно, именно этот процесс и явился импульсом для унификации также и календарных параметров некоторых классов событий, в частности оснований и разрушений трех главных центров средиземноморской цивилизации — Рима, Иерусалима и Константинополя, совместившего Новый Рим с Новым Иерусалимом. По-видимому, выявленная парадигматическая группа этих событий стала своего рода «несущей конструкцией» эсхатологического сознания иудео-христианского мира, опирающейся на оснополагающие мифологические парадигмы эллинистической цивилизации, включая циклическую модель исторического времени. Именно поэтому, надо полагать, эта парадигматическая группа и приобрела спиралеобразную конфигурацию, сочетающую прямолинейное и вращательное движение, наподобие Архимедовой спирали.

Примечательная параллель обнаруживается у современного еврейского мыслителя р. Адина Штейнзальца, автора новейшего критического издания Талмуда, по мнению которого такое понимание истории является «уникальной особенностью еврейского народа». По его словам, «историософская концепция иудаизма усматривает в определенных событиях нечто большее, чем исторический прецедент. Эти события рассматриваются даже не в качестве архетипов, а как своего рода матрицы всей последующей истории (...). Структура, сложившаяся в давно минувшие времена, стала формообразующей основой, и жизнь теперь строится в соответствии с ней. Важное событие прошлого оказывается (...) конституирующим и в этом качестве сохраняет силу, даже пережив

воспоминания о себе. Оно становится исторической матрицей, продолжая чеканить настоящее по своему образу и подобию» [244].

По существу здесь также идет речь о ритуализации исторического сознания и поведения. И если Штейнзальц называет это «историософской концепцией иудаизма», то такое словоупотребление может объясняться влиянием новоевропейской философской традиции. Симтоматичен тот факт, что «конституирующее событие прошлого» Штейнзальц также называет «матрицей», подчеркивая недостаточную емкость таких понятий, как «прецедент» и «архетип». Различие выражается в том, что в нашем случае матрицами выступают не только сами исторические события, но также и их календарные параметры, обеспечивающие совмещение в календаре событий-аналогов и событий-антагонистов.

Вместе с тем изложенные факты свидетельствуют о необходимости немаловажной коррективы: описанное Штейнзальцем понимание исторического процесса, по-видимому, является не «уникальной особенностью еврейского народа», а важнейшим конститутивным признаком самосознания всякого «Нового Израиля», в частности Империи и Церкви. Возможно, именно оно и лежит в основе «самоосуществляющейся эсхатологии» иудео-христианского мира.

Нельзя не отметить и еще одну параллель — в ряду научных парадигм XX века. Развиваемый здесь взгляд на вещи может быть охарактеризован как «гипотеза календарной относительности», которую можно сопоставить как с теорией относительности в собственном смысле слова, так и с «гипотезой лингвистической относительности» Э. Сэпира — Б. Уорфа [246].

Такая корреляция обусловлена тем обстоятельством, что в рамках развиваемого здесь взгляда на вещи мысли и действия участников и наблюдателей исторических событий фактически рассматриваются как особого рода текст, написанный на символическом языке календарной мистики. Этот язык, по-видимому, может рассматриваться как вторичная моделирующая система, основывающаяся на принципах «библейских параллелизмов» и обеспечивающая расширение исходных значений сопрягаемых элементов синтагматического ряда путем их «сопротивопоставления» и формирования вторичных смысловых парадигм непосредственно в тексте [247].

Фабула этого текста, судя по всему, определяется основополагающей идеей со-зидания Нового Израиля, противопоставляющего себя Израилю Ветхому, «блудившему с богами народов», вступающего в Новый Завет

и воздвигающего Новый Храм (Иер. 31:31-38). Сюжетные реализации этой фабулы развиваются в интертекстуальном пространстве библейских и парабиблейских традиций, наполняя поток человеческого сознания соответствующими идеями и образами. Последовательное расширение круга претендентов на роль Нового Израиля (старшие пророки, Ездра и Неемия, Маккавеи, ессеи, Иосиф Флавий, раввины, Церковь, Империя, etc.) вносит в этот универсальный сценарий некоторое разнообразие, а порой и подлинный драматизм и ставит перед историком непростую задачу идентификации режиссеров-постановщиков, действующих лиц и исполнителей этой мистерии.

9. Византия, русь и хазары

Прояснив вероятную природу календарной мистики обсуждаемого рода, вернемся к свидетельствам источников.

Уподобление Гогу и Магогу хазар, опустошивших Армению в 629 году, в сирийской *Легенде об Александре*, вероятно, при желании может быть истолковано в пользу предлагаемого О. Прицаком отождествления Ruzzi, упоминаемых баварскими источниками середины IX в., с хазарскими иудеями. И такой соблазн может оказаться тем более велик, что аль-Балами в 963 г., видимо, последовал за этой сирийской традицией в своей версии рассказа ат-Табари о столкновении с хазарами арабов у Дербентского прохода в 644 г.

Однако сопоставление хазар с ar-Rūs, со ссылкой на стену, возведенную Александром Великим против «Гога и Магога», у аль-Балами отнюдь не сопровождается их отождествлением. Это может объясняться тем, что почва для их сопоставления могла быть создана не только указанной сирийской традицией, но также и реальными взаимоотношениями между русами и хазарами в IX-X вв., некоторый свет на которые, по всей вероятности, проливает «Аноним С. Шехтера» из Каирской генизы (TS Misc. 35-38) [248].

Здесь, в письме неизвестного хазарского еврея знаменитому Хасдаю ибн Шапругу, мажордому халифа Кордовы Абд ал-Рахмана III (912-961), утверждается, что «царь Македона», «злодей Роман», стал принуждать евреев к крещению (השמה), на что хазарский царь Иосиф ответил истреблением (hlys) христиан. Тогда «злодей Роман» побудил «Хельгу царя Руси» (להלנו מלך רוסיא) напасть на хазар. Однако хазарский военачальник Песах захватил Херсонес, разбил Хельгу и в свою очередь вынудил его напасть на Константинополь, что и

закончилось разгромом Руси и последующим закабалением ее хазарами [249].

Эти сообщения следуют за более подробным рассказом об обращении хазар в иудаизм, сконфигурированным вокруг широко распространенного мотива «выбора веры», в основу которого положен еще более популярный мотив «диспута о вере» в присутствии царя [250]. Этот последний восходит к аналогичному эпизоду *Actus Silvestri* [251], инкорпорированному в хронику Георгия Амартола (42:2-3) [252], а развившийся на его основе мотив «выбора веры» использован в *Житии св. Константина Философа* (9-10) и знаменитой *Речи Философа*, внесенной в русскую летопись под 986 г. [253]. Следовательно, повествовательный субстрат рассказа о взаимоотношениях между Русью, хазарами и Византией содержит этиологическое сказание «о происхождении веры», различные версии которого в VI-XI вв. распространились практически по всему византийскому миру.

В данном же случае эта жанровая форма сочетает как минимум три локальных мотива, вероятно отражающих соответствующие исторические реалии: (1) обращение хазар в иудаизм, (2) принудительное крещение византийских евреев и (3) нападение Руси на Константинополь. Отсюда естественно предположить, что хотя каузальная взаимосвязь этих мотивов в сказании может быть сколь угодно произвольной, обусловленной замыслом рассказчика или унаследованной им традицией, отдельные его эпизоды вполне могут отражать историческую реальность в том или ином преломлении.

Троянская война началась из-за женщины с яблоком, подобно всей мировой истории в библейской традиции, но из этого отнюдь не вытекает, что ни Трои, ни ахейцев, ни войны между ними не было. Соответственно мотивы «крещения» евреев и «диспута о вере» в присутствии царя вполне могут отражать известные реалии правления Василия I Македонянина (867-886), засвидетельствованные как византийскими, так и еврейскими источниками.

По свидетельству Григория Асбесты, виднейшего сподвижника Фотия и очевидца событий, Василий I повинен в профанации таинства крещения посредством принудительного обращения евреев [254]. Константин VII Багрянородный оправдывает действия своего деда ссылкой на необходимость продолжения апостольской миссии и спасения «необрезанного и жестокого сердцем иудейского народа» (ср. Деян. 7:51). При этом он утверждает, что перед крещением состоялся диспут о вере, который у многих евреев

«снял пелену с глаз» [255], а следом за этим эпизодом как раз и помещен рассказ об обращении болгар и росов [256]. Прямая параллель этому сообщению содержится в еврейской *Хронике Ахима* [257], согласно которой «в 800 г. от разрушения Храма» (= 868/69 г., по раввинистической хронологии) Василий I вступил в публичный диспут о Законе и Храме с р. Шефатией из Ории и отчасти признал его правоту. Не сумев убедить р. Шефатию отказаться от веры отцов, он даровал евреям Ории хрисовул о свободе вероисповедания, но затем развернул гонения на евреев по всей империи [258].

Попытка обращения евреев Василием I подтверждается также Новеллой 55 его сына Льва VI Мудрого и сообщением Авксилія Неаполитанского († 912), а *Кембриджская хроника* (не позднее 1000 г.) датирует ее 873/874 г. (6382), и эту дату, видимо, следует предпочесть явно символической хронологии *Хроники Ахима* [259].

Сопоставляя эти свидетельства, можно предположить, что публичный «диспут о вере» действительно состоялся в 873/874 г. и повлек за собой крещение евреев.

Издатели пошли по иному пути, отождествив «злодея Романа» с Романом I Лакапином (920-944) [260], но такое заключение трудно признать обоснованным. Во-первых, свидетельства, на которые оно опирается [261], не обладают достаточной определенностью, не дают оснований ни для однозначной идентификации «злодея Романа», ни для точной датировки предпринятого им обращения евреев. Во-вторых, «Роман», «Арман» и «Армил» в еврейских средневековых источниках нередко выступают именами нарицательными, обозначая римского (византийского) императора как «Ромула» *par extension* [262]. И в-третьих, крещение евреев Василием I Македонянином со времен аналогичных кампаний Ираклия и Льва III является единственным случаем такого рода, поддающимся верификации по византийским источникам.

Вместе с тем еврейский автор IX-X веков едва ли мог назвать «царем Македона» кого-либо кроме Василия I. Отождествление Византии с Македонией может объясняться контаминацией маккавейской и византийской традиций. Заключение О. Прицака, что «царь Македона» обозначает Романа I Лакапина как представителя Македонской династии [263], является анахронизмом: «Македонская династия» – неведомый византийцам термин современной исторической науки [264], а Македонянином источники той эпохи называют только ее основателя Василия I.

И наконец, само сочетание «крещения евреев» с «диспутом о вере» у Анонима С. Шехтера также не имеет ни одной параллели в наших источниках, кроме иудео-христианского диспута Василия I. Вполне возможно, что этот диспут, датируемый в интервале 868/69 – 873/874 гг., был проведен по образцу аналогичного диспута папы Сильвестра (314-335 гг.) с иудеями под эгидой Константина I Великого. Не исключено, что именно диспут Василия I и побудил включить этот эпизод *Actus Silvestri* в хронику Георгия Амартола, составленную не ранее 871 г. [265]. Но так или иначе, неоспорим тот факт, что иудео-христианский диспут и крещение евреев при Василии I выступают единственной исторической параллелью сочетанию этих мотивов у Анонима С. Шехтера.

Поэтому нельзя не признать вероятным, что и третий мотив этой компиляции, нападение Хельгу на Константинополь, также может соответствовать отнюдь не походу Игоря 941 г., как полагают Н. Голб и О. Прицак [266], а реалиям второй половины IX в., нападению руси на Царьград в июне 860 г.

Этому противоречит утверждение Анонима, что нападение Хельгу на Константинополь последовало за гонением «злодея Романа» на евреев и нападением Хельгу на хазар. Однако в этиологических сказаниях подобного рода всегда возможна инверсия реальной последовательности и причинно-следственной взаимосвязи отражаемых исторических событий. Поскольку же ранее похода Игоря 941 г. византийскими источниками засвидетельствован только один эпизод такого рода [267], нападение руси на Константинополь в 860 г., именно с ним и следует сопоставить нападение Хельгу в сообщении Анонима С. Шехтера.

Преимущество такого взгляда на вещи состоит в том, что он предоставляет достаточно правдоподобное объяснение соотношения и взаимосвязи целого ряда письменных памятников, которые до сих пор рассматривались изолированно друг от друга. Хельгу Анонима С. Шехтера коррелирует с Хельге Саксона Грамматика и Олегом русской летописи. Почему летопись приписала его нападение на Царьград убитому им Аскольду (Скальку Саксона Грамматика?), остается неясным, как и слишком многое в сообщениях летописца о том, «откуда есть пошла Руская земля». Но зато проясняется возможная взаимосвязь сообщений Анонима С. Шехтера, еврейской *Хроники Ахима*, Григория Асбесты и *Жития св. Константина Философа*.

Связь «хазарской миссии» св. Константина в районе «Меотидского озера и Каспийских ворот», в завоеванных хазарами местах обита-

ния {Roxolanoj, {R[~] (Rös) и {Rovsioi, с нападением руси на Царьград при таком подходе не только подтверждается, но и получает свое объяснение, равно как и обретение им «русских письмен» в Херсонесе. Если это нападение было совершено при участии или давлении хазар, сопровождавшемся нападением Песаха на Херсонес, действия св. Константина выстраиваются в стройный последовательный ряд, включая и обретение мощей св. Климента в Херсонесе, и переговоры о выкупе пленных. Возможно, была предпринята также и попытка крещения хазар, получившая отражение в описании «диспута о вере» как в *Житии св. Константина*, так и в сообщении Анонима С. Шехтера. Возможно, в этом же причинно-следственном ряду обретает свое место и крещение иудеев Василием I Македонянином в 868/69 – 873/874 гг.

Нельзя исключать и возможность столкновения Хельгу-Олега с хазарами — но не до, а после этих усилий византийской дипломатии [268]. Возможно, эти усилия сыграли свою роль также и в организации той антихазарской коалиции «всех народов», которая «[с помощью] царя Македона» едва не опрокинула хазарский каганат «в дни Вениамина», т. е. в 860-880 гг. [269], за столетие до его разгрома Святославом.

Отсюда возникает новый вопрос: может ли допускаемое таким образом соучастие хазар или хазарских евреев в организации нападения руси на Царьград в 860 г. послужить ключом к объяснению связанной с ним календарной мистики?

Можно указать целый ряд аргументов *pro* и *contra*. У нас нет сведений о знакомстве евреев раннего средневековья с сочинениями Иосифа Флавия. Раввинами он оценивался как «отступник дома Израиля», и его сочинения переписывались и распространялись исключительно в христианской среде. Однако древнейший еврейский список (Rothschild 24, XII в.) так называемой *Книги Иосиппон*, примитивной переработки Иосифа Флавия, сохранившейся также и в арабской версии, согласно колофону восходит к протографу 953 г. [270] («885 г. от разрушения Храма», отнесенного раввинистической традицией к 68 г.). Более того, в это же время другая копия *Иосиппона* была изготовлена на Липаре, близ Сицилии, Мар Самуилом, причем опять-таки по поручению Хасдая ибн Шапрута, завязавшего переписку с хазарским царем Иосифом [271]. Разумеется, речь идет о весьма примитивной переработке, в основу которой положены латинский перевод 16 из 20 книг *Иудейских древностей* и латинская парафраза *Иудейской войны* («Гегесипп»), где опущены точные

календарные даты освящений, осквернений и разрушений иерусалимского Храма. Тем не менее примечателен сам тот факт, что к середине X в. творчество Иосифа Флавия все-таки привлекло внимание еврейских авторитетов, в том числе и Хасдая, питавшего особый интерес к хазарским делам.

Особое внимание привлекает то обстоятельство, что наряду с сочинениями Иосифа Флавия в *Иосиппоне* использованы латинские средневековые хроники, а его «таблица народов», в отличие от аналогичной «таблицы» Георгия Амартола, включает также и «северные народы» – саксов, англо-в, русов и славян. При этом отмечено, что хотя «иные говорят», будто славяне «пошли от сыновей Ханаана», сами они «возводят свой род к сыновьям данов, живущих в заливах моря Океана, в стране Данамарка» [272]. Кажется, это древнейшая параллель сообщению *Жития св. Ансгария* (до 876 г.) о завоевании славян данами, которое Саксон Грамматик связал с именем Хельге / Олега. И такая корреляция тем более примечательна, что хотя даны и не отождествляются в *Иосиппоне* с русами, последние локализуются одновременно в двух местах – как «на реке Кива» (ассоциация с Киевом), так и рядом с саксами и англами «на великом море». Следовательно, источник или компилятор *Иосиппона* был знаком с традицией, восходившей к *Житию св. Ансгария* и отраженной в хрониках Королей Лейре и Саксона Грамматика.

Однако календарная мистика Иосифа Флавия не получила отражения в *Книге Иосиппон*. Поэтому значение указанных корреляций, вероятно, сводится к верификации происхождения руси и развития взаимоотношений между данами и славянами.

Немало белых пятен остается и в самом хазарском иудаизме: в истоках своих он явно не был раввинистическим. По верному наблюдению В.М. Лурье, «если это иудаизм, то такой, о котором мы ничего не знаем» [273]. Главной его особенностью выступает легенда о наличии у хазарских иудеев реликвий иерусалимского Храма – ковчега, жертвенника и меноры, – воспоминание об утрате которых при разрушении Храма составляет ядро раввинистической доктрины ожидания Третьего Храма и соответствующей синагогальной практики. В силу этого первоначальный хазарский иудаизм едва ли мог явиться благоприятной почвой для такого развития темы разрушения Храма, которое наблюдается у Иосифа Флавия, Прокопия Кесарийского и Феодора Синкелла, а затем и в древнейших сообщениях о Руси.

Однако «Киевское письмо», так же сохранившееся в Каирской Генизе (TS Glass 12.122),

как и Аноним С. Шехтера, неопровержимо свидетельствует о том, что ко времени его написания еврейско-хазарская община Киева уже исповедовала раввинистический иудаизм. В первых строках письма парафразированы стихи знаменитого Элеазара б. КалиРа [274], автора синагогальной литургической поэмы на память разрушения Храма 9 ава, вероятно написанной в 630-634 г. [275], а в заключительной части содержится традиционное выражение надежды на «восстановление Иерусалима в ваши дни» [276]. Издатели датируют его приблизительно 930 г. [277], но Л.С. Чекин привел ряд аргументов в пользу его датировки до 870/71 г. [278], ранее крещения иудеев Василием I Македонянином. В этом случае характер хазарского иудаизма середины IX в. вполне соответствует календарной мистике Иосифа Флавия.

Однако остается неясным, каким образом хазарские евреи могли познакомиться с сочинениями Иосифа Флавия еще в середине IX в., за столетие до своих итальянских и испанских соплеменников.

Возможно, эти сочинения или их парафразы, или сходные по содержанию сочинения иных авторов находились среди «книг», обретенных хазарами «в пещере в долине תּוּזְוּל (Tuzwl)» [279], согласно этиологическому сказанию Анонима С. Шехтера. В пользу такого предположения, кажется, свидетельствует целый ряд признаков.

Если предки хазарских евреев бежали в Хазарию из Армении, упомянутой в самом начале письма [280], то их бегство могло быть связано с опустошением Армении хазарами в 629 г. Если же они бежали через Армению из Палестины, то причиной бегства могли явиться репрессии Хосрова II Первеза (591-628) [281], сначала использовавшего еврейское население Иерусалима в качестве «пятой колонны» при штурме города в 614 г., а затем изгнавшего евреев [282]. При таком развитии событий в памяти хазарских евреев вполне могло сохраниться воспоминание о попытке восстановления Храма, предпринятой их предками сразу же после захвата города персами в 614 г. и увековеченной поэмой Элеазара б. Калира на память разрушения Храма 9 ава [283]. И впоследствии, в условиях изоляции от остального еврейского мира, воспоминание об этих событиях, по-видимому, могло трансформироваться в представление об обладании реликвиями Храма.

Вместе с тем календарь событий 614 г. указывает на несомненное присутствие в них календарной мистики Иосифа Флавия.

Календарь восстанавливается по свидетельству очевидца этих событий Антиоха

Стратига, монаха обители Св. Саввы, рассказ которого сохранился в грузинском переводе X в. [284]. Здесь указаны две важнейшие даты: 15 апреля персы осадили Иерусалим и 6 мая, на 21-й день осады, ворвались в город [285]. В заглавии отмечен также и поджог захваченного города 20 мая, в котором армянская хроника Пс.-Себеоса обвиняет евреев [286], в то время как Антиох сфокусировал внимание на массовом истреблении евреями пленных христиан [287]. Память пожара указана в грузинских минеях синайского собрания X-XI веков [288].

Согласно Иосифу Флавию (BJ 5.3.1-3), Тит приступил к осаде Иерусалима 14 нисана, в канун еврейской пасхи, который по вавилонскому календарю выпадает на 14 апреля 70 г. юлианского календаря [289]. Следовательно, осада Иерусалима персами 15 апреля 614 г. точно так же была приурочена к памяти осады Иерусалима Титом 14 апреля 70 г., как спасение Константинополя от аваров 7 августа 626 г. было приурочено к памяти разрушения Храма солдатами Тита 6 августа 70 г. = 10 ава 381 г. с.э. Причем в обоих случаях совпадения локализуются в юлианском календаре в результате калькуляции событий 70 г. по вавилонскому календарю, с идентичным сдвигом в один день. Следовательно, в 614 г. также соблюдается излюбленный Иосифом Флавием принцип «вытеснения» событий-антагонистов, приуроченных к одному и тому же дню еврейского календаря.

Соблюдается этот принцип и после захвата Иерусалима персами: попытка евреев захватить Тир в интервале 614-618 гг. была приурочена к христианской Пасхе [290], подобно тому как к еврейской Пасхе, памяти избавления евреев из египетского плена, у Иосифа Флавия приурочены и начало осады Иерусалима Титом в 70 г., и массовое самоубийство защитников Масады, завершившее исторический цикл Иудейской войны 66-73 гг. (BJ 5. 3.1-5; 7.9.1) [291].

Более того, поскольку в 614 г. Пасха Христова выпала на 31 марта [292], в системе координат византийской пасхалии 15 апреля приходится на 30 нисана, а вечер 15 апреля — на 1 ияра, день закладки Второго храма Зоровавелем, согласно 1 Езд. 3:8 и AJ 11.4.2 Иосифа Флавия. Следовательно, начало осады Иерусалима персами в 614 г. так же приурочено к дню закладки Второго храма Зоровавелем, как нападение руси на Константинополь, Новый Иерусалим, в 860 г. приурочено к дню возведения Второго храма Аггеем и его осквернения Антиохом Епифаном, опять-таки по календарной калькуляции Иосифа Флавия.

Закономерность этих совпадений тем более очевидна, что триумфальное возвраще-

ние в Иерусалим захваченной персами реликвии Честного Креста в рассказе Антиоха Стратига приурочено в свою очередь к Страстной пятнице 22 марта 631 [293], которая в еврейском математическом календаре выпадает на 14 нисана 4391, в точном соответствии Иоанновской хронологии (Ин. 19:14,31). Следовательно, византийская пасхалия начала VII в. [294] точно соответствует календарю иерусалимского Храма евангельского периода, а быть может, и современному ей прототипу еврейского математического календаря IX-X вв. Следовательно, воздвижение вновь обретенного Креста на Голгофе было точно приурочено к дню Распятия Христа.

Отсюда правомерно заключить, что Антиох Стратиг неизменно следует как византийской пасхалии, так и принципам календарной мистики Иосифа Флавия, приурочивая описываемые события к датам их прототипов и архетипов.

Значение двух других дат, 6 и 20 мая 614 г., также проясняется византийской пасхалией. Поскольку Пасха выпала на 31 марта, штурм города 6 мая выпал на 21 ияра, к которому Иосиф Флавий приурочил небесное знамение, предвозвестившее грядущее падение Иерусалима (BJ 6.5.3). Соответственно поджог Иерусалима 20 мая приходится на понедельник 6 сивана, еврейскую Пятидесятницу, память Откровения на Синае, когда, по заключению раввинов II-III в., вместе с Законом на евреев сошла «ненависть к народам» (согласно р. Йосе бар Ханина) или «опустошение на народы» (по словам р. Аббаха). Соответственно в грузинских версиях Иерусалимского канонаря V-VIII вв. и грузинских минеях синайского собрания X-XI вв. память поджога города отмечена именно как «Опустошение Иерусалима» (მომჰრებდა) [295].

Таким образом, начало осады Иерусалима персами 15 апреля и захват города 6 мая 614 г. точно соответствуют матрице календарной мистики *Иудейской войны* Иосифа Флавия, а поджог города 20 мая коррелирует с указанной талмудической традицией. Следовательно, вслед за разорением Рима Аларихом в 410 г. события 614 г. выступают еще одним связующим звеном между разрушением Второго храма в 70 г. и нападениями на Константинополь аваров (в союзе с персами), арабов и руси в 626, 674-678, 717-718 и 860 гг.

Примечателен и тот факт, что все кампании крещения евреев, связываемые византийскими источниками с именами Ираклия, Льва III Исавра и Василия I Македонянина, следовали за наиболее серьезными угрозами Константинополю соответственно в 626, 718 и 860 гг. Возможно,

византийцы все-таки связывали их с евреями, по аналогии с захватом Иерусалима в 614 г. Феодор Синкелл заподозрил аварского кагана в знакомстве с календарной мистикой Иосифа Флавия, но Ираклий и его синклит могли заподозрить его в связи с иудеями.

Распространения этой календарной мистики в самом еврейском мире подтверждается тем фактом, что в конце VII в. на основе поэмы Калира на память разрушения Храма 9 ава (или аналогичных источников) был составлен знаменитый *Апокалипсис Зоровавеля*. Здесь к 14 нисана приурочено грядущее явление машиаха, Менахема б. Амиила, к Пятидесятнице – расправа над царями Йемена и Антиохии, а к памяти разрушения Храма 9 ава – третья и последняя битва Израиля с народами земли, за которой последуют воскресение мертвых, великое жертвоприношение, сошествие на землю Небесного Храма и триумфальный вход Израиля в Иерусалим, в соответствии с Зах. 9:9-17, 14:1-9 [296]. Следовательно, и в этом случае во главу угла поставлен все тот же принцип «вытеснения» событий-антагонистов, приуроченных к одним и тем же дням еврейского календаря, в ряду которых центральное место отводится 14 нисана и 9 ава.

Поэтому вполне возможно, что какие-то отражения этой традиции календарной мистики содержались в «книгах», обретенных хазарами «в пещере в долине Tuzwl», согласно этиологическому сказанию Анонима С. Шехтера. Во всяком случае, византийцы в 860 г. вполне могли заподозрить хазар в знакомстве с этой традицией, подобно тому как в 626 г. Феодор Синкелл заподозрил в этом аварского кагана, а Ираклий мог заподозрить последнего в сговоре с иудеями.

Teleutaion

В рамках доступных сведений нападение {Ro\$~ на Константинополь 18 июня 860 г., предстает, по словам Фотия, как «стремительный натиск», @o\$~, «кочевого народа, к рабам причисляемого» и в то же время «поработившего своих соседей». То и другое соответствует сообщению Титмара Мерзебургского о том, что в 1018 г. население Киева состояло «из крепких беглых рабов, сюда отовсюду стекающихся, и главным образом из проворных данов». По-видимому, в обоих случаях речь идет о какой-то форме консолидации данов и покоренных ими славян. Правомерность такого сопоставления и адекватность такой интерпретации свидетельств Фотия и Титмара подтверждается показаниями всех остальных источников на протяжении всего разделяющего

их периода. Уже *Бертинские анналы* под 839 г. сочетают появление в Ингельгейме «разведчиков» из *gens Rhos* с подготовкой похода на «данов и славян», также указывая тем самым на какую-то их консолидацию. Житие св. Ансгария не позднее 876 г. рассказывает о нападении данов на какой-то славянский город, вероятно достаточно богатый, около 850 г. Еврейская *Книга Иосиппон*, составленная на основе латинских источников около 953 г., утверждает, что «славяне возводят свой род к сыновьям данов, живущих в заливах моря Океана, в стране Данамарка». Грузинская версия сказания о Субботе Акафиста в 1042 г. поясняет, что «скифы», т.е. славяне, напавшие на Константинополь вместе с аварами в 626 г., «суть русы», по всей вероятности по аналогии с нападениями 860 и 941 гг. И наконец, в конце XI или начале XII в. русская летопись в свою очередь возведет род русских князей к Рюрику, заменив «данов» на «варягов» в соответствии с реалиями своего времени.

Общая ситуация в Европе в IX-XI вв. также подтверждает реалистичность такого понимания источников. В эту эпоху даны представляли собою достаточно грозную силу, терроризировавшую весь европейский континент и вполне сопоставимую с Аварским каганатом и Арабским халифатом, организаторами аналогичных нападений на Константинополь в 674-678 и 717-718 гг. Перечислять успехи данов в Германии, Франции и Англии, вероятно, нет необходимости, а выше уже отмечался тот факт, что в этом же ряду может обрести свое место и Константинопольский переворот 867 г., в результате которого на византийский престол возшла загадочная Евдокия Ингерина, «дочь благородного Ингера» и «многоплодная лоза» священной державы ромеев.

Нельзя не отметить и тот факт, что предлагаемая здесь идентификация «руси» 860 г. не имеет разумной альтернативы. Свеоны в это время в качестве политической и военной силы были еще столь же призрачны, как и «Днепровская» или «Азовская» Русь. На большую историческую сцену они выйдут лишь в XI-XII вв.

Вместе с тем остается неясным маршрут передвижения данов при нападении на Константинополь в 860 году. Молчание на этот счет Константина VII Багрянородного, подробно описывающего использование росами речных коммуникаций, склоняет к допущению, что более вероятен морской путь, видимо, с каким-то опорным пунктом на побережье Евксинского Понта. Хазарская миссия св. Константина Философа подсказывает вероятность альянса русов / данов с хазарами — и она под-

тверждается коррелирующими сообщениями хазарских источников. Немаловажным косвенным подтверждением служит и тот факт, что в середине XI в. Илларион называет русского князя «каганом», подобно *Бертинским анналам* и *Сказанию о Субботе Акафиста*, хотя и не указывает предков Владимира древнее «старого Игоря». Но особенно примечательно, что этот альянс русов с хазарами может пролить дополнительный свет на причины присутствия календарной мистики в византийских свидетельствах о событиях 860 г.

И наконец последнее по порядку, но не по значению. Наряду с такими общеизвестными стимулами обозначения средневековых этносов античными этнонимами, как созвучие имен и близость топографической локализации обозначаемых народов, в данном случае не менее важную, а быть может, и решающую роль сыграл неизменный эсхатологический сценарий, в котором различным племенам и народам отводится роль действующих лиц и исполнителей. И в конечном счете, в IX-XI вв., локализация {R^~, {Rovsioi, {Ro\$~ и прочих «скифов» в ноуменальном пространстве эсхатологической традиции едва ли не заслоняет их локализацию в географическом пространстве иудео-христианского мира, наследника эллинистической цивилизации.

Возможно, по этой же причине вместе с архаическими этнонимами воспроизводится также и календарная матрица парадигматических событий древней истории. Но здесь возникает целый ряд проблем. Совмещение календарных параметров ключевых событий еврейской и римской истории, судя по всему, может объясняться стремлением к соединению исторических судеб Иерусалима и Рима. Однако постоянное воспроизведение одной и той же календарной матрицы могло быть продиктовано более глубокими мотивами, связанными со спиралеобразной моделью исторического процесса, совмещающей прямолинейное и вращательное движение, наподобие Архимедовой спирали. Это явление, до сих пор не привлекавшее внимания историков, требует специального исследования [297].

По-видимому, речь идет о ритуализации исторического сознания и поведения homo sapiens. Стремление приурочить человеческие действия определенного рода, в частности сопряженные с экстремальными формами насилия, к строго определенным календарным дням свидетельствует о наделении этих действий ритуальным значением. Поэтому календарная мистика выявленного здесь типа может рассматриваться как календарно-литургическая традиция особого рода, связанная с ритуа-

лизацией исторического поведения, вероятно лежащей в основе «самоосуществляющейся эсхатологии» иудео-христианского мира.

Post scriptum

Разумеется, изложенные факты и соображения отнюдь не свидетельствуют о том, что в понимании иудеев и христиан история не имеет иного смысла. История многомерна, поток событий разворачивается в многомерном смысловом пространстве. Речь идет о попытке объяснения вполне определенной закономерности — календарной конгруэнтности исторических катастроф, постигших три важнейших центра средиземноморского мира — Рим, Иерусалим и Константинополь — в период с 69 по 1204 г.

Эта закономерность представляет собою частный случай закономерной повторяемости связанных групп календарных дат, выходящей далеко за пределы *гауссова распределения* и, следовательно, неслучайной, каузально обусловленной. Возможно, такая повторяемость явилась одним из факторов, подтолкнувших математика А.Т. Фоменко к курьезному выводу, будто история древнего мира сфальсифицирована по средневековому шаблону XI-XII вв., — к выводу, по существу означающему, что истории нет. Американский «политолог» Ф. Фукуяма возвестил народам «конец истории», но российский академик круче завернул: заканчивать нечего, истории нет.

Представленная здесь картина свидетельствует об обратном: история иудео-христианского мира совершается путем воспроизведения вырабатываемых ею календарно-литургических матриц, вероятно некогда отображавших реальный ход событий и затем определявших его продолжение. Такое воспроизведение по существу означает ритуализацию исторического сознания и поведения homo sapiens. Воспроизведение может быть как мысленным, так и реальным, поскольку события могут быть приурочены к значимым дням исторического и ритуального календаря как их описаниями, так и практическими действиями участвующих в них людей. Именно этот вопрос в большинстве случаев и остается открытым: вопрос о соотношении мысленного и реального в той ритуализации исторического поведения в русле «самоосуществляющейся эсхатологии» иудео-христианского мира, которая засвидетельствована нашими источниками.

Не следует недооценивать, разумеется, и вещественное содержание событий, вписанных в календарную матрицу. Существо дела здесь, конечно, не в легендах о призвании варягов или варяжском происхождении этнонима

«русь», как бы ни увлекали они книжников XII-XIV или XVII-XX веков [298]. Значительно важнее тот факт, что на европейской исторической сцене Русь появляется в качестве нечистого варварского народа, предсказанного библейскими пророками и подлежащего истреблению благоверными василевсами. И объясняется это тем, что общеевропейский исторический процесс разворачивается по единому эсхатологическому сценарию, в котором все народы, каждый в свой черед, обретают свое место в качестве действующих лиц и исполнителей. Все они ведут свою родословную от народов мировой державы Александра, и все призваны сыграть свои роли в «последние дни» мировой истории. Поток эсхатологического сознания обладает собственной конгруэнтностью, в силу которой {R^Λ- откровения Иезекиила, по-видимому, не мог не вступить в интерференцию с {RoS- исторической реальности.

Но впоследствии этот {RoS- все-таки приобрел человеческие черты, его перестали рассматривать как разновидность троглодитов и в конечном счете объявили «святым народом», когда одряхлевшей Византии понадобилась помощь окрепшей Руси [299]. И это нетрудно понять.

Труднее объяснить тот факт, что алгоритм исследовательского поиска в конечном счете оказался изоморфен алгоритму исследуемого объекта, календарной мистики Иосифа Флавия и примыкающих к ней традиций. Анализ древнейших примеров употребления слов {R^Λ-, {Rovsio- и {RoS- неуклонно углублялся по мере расширения круга привлекаемых источников. В сущности, он развивался по спирали и продемонстрировал выраженную рекурсивную траекторию. О целесообразности такой методологии, применявшейся в равнинистических диспутах IV-V веков и ныне формализованной в теории рекурсивных определений, мне приходилось говорить еще тридцать лет назад, в моем первом публичном выступлении перед ученой аудиторией на заседании Византийской группы в Государственном Эрмитаже [300]. Однако в данном случае такая поисковая стратегия не была априорной и явилась невольным результатом отражения в ее структуре свойств изучаемого объекта.

Следовательно, результаты предпринятого здесь пересмотра первых упоминаний Руси в письменных источниках не сводятся к содержательным наблюдениям и выводам. Не меньший интерес представляет эпистемологическое измерение проблемы, развитие принципов рекурсивного анализа в исследовании письменных памятников иудео-христианского круга. Они рассматривались как

элементы «гипертекста» библейских и парабиблейских традиций, отдельные «тексты» которых соединяются интертекстуальными взаимосвязями и образуют более или менее устойчивые «мидрашистские» конфигурации [301]. Именно поэтому к одному и тому же памятнику приходилось возвращаться многократно, по спирали: прямолинейное углубление в один отдельно взятый «текст» или «дискурс» неизбежно повлек бы одностороннее восприятие, вырывая его из «гипертекста» соответствующей традиции. Читать Феодора Синкелла в отрыве от Иосифа Флавия так же бессмысленно, как и Фотия в отрыве от Сказания о Субботе Акафиста, а повесть об основании Киево-Печерской лавры — от Жития Св. Саввы.

В таких условиях весьма симптоматичен тот факт, что под давлением фактического материала в этот рекурсивный анализ парабиблейской письменности оказались вовлечены также и памятники классицизирующей традиции, византийская *Александрия* и ее эллинистические источники. Такой невольный результат может служить очередным подтверждением необходимости отказа от упрощенных представлений о «встрече классической и ближневосточной традиций» в качестве исторического субстрата христианского переосмысления еврейской Библии. Кодификация Библии — плод эллинистической цивилизации, а «наследие Александра» [302] укоренилось в Вавилоне, откуда и «рассеялось по всему миру», как заключил Видукинд Корвейский, размышляя о происхождении «благородных саксов» [303].

Отсюда и вытекает посильный на сегодняшний день ответ на исходный вопрос: «Откуда есть пошла Русская земля». Русская беда, возможно, состояла в том, что о Рюрике киевские и новгородские книжники узнали раньше, чем об Александре. Но пятьсот лет спустя их потомки спохватились и переименовали Рюрика в Родорикуса, определив его в потомки Августа. Не утратила свою злободневность эта проблематика и ныне, как свидетельствует периодически возобновляющаяся полемика между «норманистами» и «антинорманистами». И это нельзя не понять: судьбы народов и отражаются, и определяются их этиологическими мифами, вступающими в сложные обратные связи с историческими реалиями их существования. В этом и состоит реальный смысл легенды о призвании варягов и ее реминисценций в историографической традиции XVII – XX вв.

Существо же исторической проблемы происхождения Руси, судя по всему, состоит отнюдь не в той или иной роли скандинавов в

становлении древнерусского государства, а в том, что Русь зародилась на почве сложившейся у данов чрезвычайно своеобразной цивилизации, не породившей государственных форм социальной организации в IX-X вв., когда даны выступали едва ли не доминирующей силой в Европе. Возможно, именно здесь и следует искать истоки некоторых особенностей русской истории.

Но отчаиваться не следует. Безграмотная болтовня «политологов» о «конце истории» и «столкновении цивилизаций» не должна заслонять тот факт, что *homo sapiens* — молодое животное, находящее в самом начале своего исторического пути, на котором еще немало цивилизаций сменяют друг друга, прежде чем люди найдут ответ на вопрос, поставленный Геродотом: «За что они сражались»?

Не следует забывать и том, что картезианская революция пока еще мало затронула историческое знание. Размышления К. Лоренца о необходимости этологического подхода к изучению исторического поведения людей остаются гласом вопиющего в пустыне. Но ситуация может измениться в условиях нынешней информационной революции: «мегабайтная бомба» взорвет многие устоявшие конвенции.

Приложение

Русский перевод грузинской версии сказания об установлении Субботы Акафиста воспроизводится по публикациям М. Г. Джанашвили: (1) *Осада Константинополя скифами, кои суть русские, и поход императора Ираклия в Персию* / Изд. М. Г. Джанашвили // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 27. Тифлис, 1900, 1-61; (2) М. Г. Джанашвили. *К материалам по историческим древностям Грузии и России: Заметки, переводы и комментарии*. Тифлис, 1912, 109-145.

Редактирование текста сводится к необходимой модернизации его орфографии и – в единичных случаях – синтаксиса и лексики. Вместо произвольного членения текста в публикациях М. Ван Эсброка (M. van Esbroeck. *Une chronique de Maurice à Héraclius dans une récit des sièges de Constantinople* // *Bedi Kartlisa*, 34, 1976, 74-96; *Idem. Un panégyrique de Théodore Studite pour la fête liturgique des sièges de Constantinople* // **EULOGHMA**: To Robert Taft. [Studia Anselmiana, 110]. Roma, 1993, 525-536) сказание подразделяется на параграфы или статьи, соответствующие абзацам издания М.Г. Джанашвили, воспроизводящим сегментацию текста в списке Церковного музея № 500 (471)

– автографе Георгия Мтацминдели или его копии.

Ссылки на три редакции хроники Георгия Амартола даются по изданиям: (1) *Georgii Monachi Chronicon* / Ed. C. de Boor. Leipzig, 1904 (repr. Stuttgart, 1978, corr. P. Wirth); (2) *Georgius Monachus, Chronicon* / Ed. E. Muralt. Petropolis, 1859 = PG 110, 41-1260; (3) *Летописец еллинский и римский* / Подг. текста О.В. Творогова. СПб., 1999 (в целом ряде случаев эта версия славянского перевода Амартола ближе примыкает к известной греческой традиции, нежели изданная В.М. Истриным).

Ссылки на хроники патриарха Никифора, Феофана Исповедника и Симеона Логофета даются по изданиям: *Nicephoris Breviarium historicum* / Ed. C. de Boor. Leipzig, 1880, 3-77; *Theophanis Chronographia* / Ed. C. de Boor. Leipzig, 1883; *Leonis Grammatici Chronographia* / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842, 2-207. Но при этом, разумеется, принято во внимание также и критическое издание К. Манго: *Nikephoros, Patriarch of Constantinople. Short History* / Ed. C. Mango. (DOT, 10). Washington, 1990. Новое критическое издание Симеона мне осталось недоступно: *Symeonis Magistri et Logothetae Chronicon* / Ed. St. Wahlgren. (CFHB, 44/1). Berlin, New York, 2006.

Предлагаемый обзор источников сказания носит предварительный характер в силу отсутствия его современного критического издания. В ожидании такового задача сводится к введению этого уникального памятника в источниковедческий оборот, коль скоро это не было сделано ни самим М.Г. Джанашвили, ни М. Ван Эсброком, что и создало почву для спекуляций вокруг него в околонучной литературе.

Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас!

Повествование

славное и дивное, из старых исторических книг извлеченное, о преславном и блистательном чуде, свершившемся в то время, когда варвары, персы и скифы, обступившие царствующий сей град, божественным судом сокрушены были мгновенно, а город сохранен непоколебимо ходатайством Пресвятой Богородицы. С этих пор вошло в обычай каждый год поминать этот день — субботу пред Благовещением — благодарственными песнопениями — Акафистом [304].

Благослови нас, Господи!

1-7 (1-5 в пер. М. Ван Эсброка)

(1) Превеликие и превыше сказания милости и чудеса, явленные всему роду человеческому превыше всех рожденною Пренепорочною и превыше всех благословенною Царицею нашею Богоматерью и оказанные Ею вообще всем и, в частности, (оказываемые) ныне и присно каждому человеку. Сколько возможно и потребно, Она помогает всякому и оказывает теплую поддержку, подобно Благому Владыке, Сыну своему, ибо Она царица всех, покровительница вселенной, хранительница городов и народа, твердыня Церкви, город святой Владыки Великого, слава Которого превыше познания человеческого, в котором (городе) поселился Господь славы. Ее милости и множество благотворений восхвалить, благодарить и славословить честно и подобающе не могут языки всех рожденных! Но мы, по силам нашим, не престанем воспевать, благословлять и прославлять причину спасения и жизни нашей.

(2) И чтобы с течением времени не были позабыты явленные нам Пресвятой Девой великие чудеса и милости, что великий грех и погибель, они описываются своевременно для предания памяти будущих поколений, согласно переданному отцами Божией Церквией обычаю.

(3) Ибо продолжительность времен в глубине своей предаёт забвению прежде случившиеся события. Что же я предполагаю рассказать верующему люду, то с удивлением проповедуется всюду, у язычников и варваров, на Востоке и Западе, во славу и восхваление могущества Христа Бога и Спасителя нашего и Пренепорочной Матери Его — подобно чуду, совершенному когда-то Моисеем при переходе через Чермное море над египтянами.

(4) Ибо Бог чудес еще раз явил силу свою над нами, в святом месте своем показался вовремя, помог народу, который Он избрал для Своего в нем пребывания, и тем возвеличил имя Свое святое и превознес его в городе своего величия и могущества, для сокрушения которого сговорились цари земные и князья злые (ср. Пс. 2:2) и, соединившись вместе с народом-богоборцем, пришли с яростью и осадили со всех сторон этот новый Сион, город, в котором пребывает Бог и который не может быть покорен силою (ср. Пс. 46:6, 47:1-3). Взбешенные, они старались Иерусалим превратить в город иевусеев и, замыслив лукавое над народом Божиим, говорили: «Идем, уничтожим их семя и сотрем с лица земли имя христиан». Но гнев с небес потряс врагов, смутил, и страх объял их: жестокий ураган смел их, и пришлось им погибнуть в

глубине морской пучины. Лодки завоевателей стран, несомые бушующими волнами, вместе с теми, которые были на суше, подобно кораблям кархидонцев (т. е. карфагенян – К.А.), послужили к их же злосчастной гибели. А мы, знавшие явленные когда-то Богом чудодействия и предзнаменования для спасения народа Его, увидели воочию то же и у нас, над городом нашим, утвержденным Господом на скале евангельской, дабы врата ада не могли одолеть его вовеки (Мф. 16:18).

(5) Да возрадуются вкупе горы Сионские, церкви Бога Живаго, и да веселятся дщери палестинские, сходбища верующего народа! Да возвещено будет имя Его на башнях настоятелями церквей, проповедниками спасения нашего! Ибо сказано: сильные Богом возвышаются в мире, и через них же проповедуется вселенной, что Он и есть Бог наш и Он будет пасти нас вовеки.

(6) Погибель же врагов и спасение наше произошли таким образом. С соизволения невыразимого божественного Провидения агарянский народ никогда не преставал ратоборствовать, нападать на христиан, особенно же на царствующий град сей; они, свирепые, стремились причинить ему вред, когда наступал удобный час <для> ярости их.

(7) В царствование Фоки тирана с неукротимой яростью пошел против Греции Хосрой из-за убийства Маврикия, от которого он получил царское свое наследство и с которым жил в мире [305]. Когда блеск самодержавия перешел к Ираклию, надевшему на себя порфиру царей Греции, и тогда не ослабело негодование Хосроя, самодержца персидского государства, и он продолжал сильно гневаться на Грецию. С великою яростью он послал против греков сначала военачальника своего <Сеита>, повелев ему опустошить Грецию и царственный этот град [306]; затем, после Сеита, он с еще большим озлоблением прислал Сарварона, пред тем только что препроводившего в Персию из Иерусалима, куда он был послан Хосроем, патриарха Захария и Древо Спасителя [307].

8-54 (6-36 в пер. М. Ван Эсброка)

(8) Этот Сарварон был прислан персидским царем с большою силою и войском великим для опустошения и завоевания всех окрестностей и владений Греции, но главным же образом для нанесения вреда богохранимому сему царствующему граду [308].

(9) И когда он достиг восточных пределов Империи, подобно огню, с небес упавшему после грозы, пожар мгновенно объял все окрестности и стал все сжигать, растлевать, уничтожать. И так он с великой дерзостью и

безжалостно губил весь Восток: одних забирал в плен, других, когда и где бы их ни находил, беспощадно убивал; не было никого, кто бы остановил его и помешал ему делать то, что онхотел.

(10) Ибо в то время могущество Греции было ослаблено и унижено по причине зверской лютой восставшего узурпатора Фоки, с соизволения Бога владевшего всею греческой империей [308].

(11) [В начале его царствования у него было 600000 ратников, оставленных Мавриkiem. Но за время своего 8-летнего управления царством он перебил их столько, что из прежнего множества едва осталось 40000 человек. Так была изничтожена и умалена вся сила греческого царства, когда на восьмом году царствования Фоки вступил на престол Ираклий, по выбору всех князей и народа. Страна была многократно сокрушена персами и скифами, *которые суть русы.*] [309].

(12) Сарварон, военачальник персов, не встречая на пути препятствий, беззаботно обходил весь край, всюду внося разрушение и опустошение и стараясь не миновать ни одного уголка. Как только он покончил с восточными пределами империи, направился к царствующему граду и, прибыв в Халкидон, остановился тут со всем своим войском. Он приложил все свое старание и употребил всю свою силу и ловкость, чтобы морем и сушею подступить к Константинополю и разрушить его твердыни. Намерение его состояло в том, что он желал покорить этот великий город [310], [в котором пребывает Бог] [311].

(13) [Ираклий предвидел все это еще в начале царствования своего, зная о том, какие бедствия постигнут после Фоки царство его, особенно же царствующий сей град. Им овладели печаль и горе; он старался и думал постоянно найти какой-нибудь способ к спасению Греции и средство к избавлению христиан и защите и сохранению Богом устроенного города невредимым от богоборцев. Ираклий, проливая изобильные слезы, возносил теплые молитвы к Богу и Пресвятой Богородице, прося дать мир народу своему] [312].

(14) Ираклий собрал все греческое воинство, какое где оставалось и которое еще могло идти на войну. Созвав воинство отовсюду и поспешно соединив его у берега Евксинского, т. е. Понтийского моря, он нечаянно и неожиданно для врагов морем двинулся против персов всей своей армией и с помощью небесных сил вступил в Персию [313]. [Достаточная мудрость, проворность с опытностью и царская решимость ознаменовали его победу над

врагами, ибо Бог был соратником его, а Пресвятая Богородица – щитом и ходатайницей пред Богом. В продолжение только 6-летнего похода в Персию он успел победить врага, покорить и возвести на престол Персии того, кого сам хотел. На 7-й же год, взяв Древо Спасителя, он выступил из Иерусалима и победоносно прибыл в Византий.] [314].

(15) Но скифский хаган, узнав, что царь Ираклий со всем своим войском отправился в Персию, улучил удобное время для своих злоухищрений и то, что он замышлял издавна, захотел привести в исполнение теперь. Видя город сей без царя и войска, без всяких человеческих сил и помощи, он вообразил, что со всеми своими силами захватит его и покорит. И он, взяв все свое воинство, нагрязнул на великий царствующий град [315].

(16) Все море вокруг города наполнилось вражескими лодочками, каждая из которых выдолблена была из одного цельного длинного дерева и которые на их варварском языке назывались «моноквило» (vjujmcdbkj) [316]. С суши же конные и пешие воины приступили к городским стенам и стали биться с горожанами. Они спешили, подавая помощь друг другу с обеих сторон (с суши и моря), чтобы всячески ослабить город, взять его, покорить, сокрушить и опустошить [317].

(17) Но жителей царствующего града неустанно учил словом утешения Сергей, который в то время занимал патриарший константинопольский престол. Он просил народ не терять упования (на Бога) и не предаваться горю, говоря им:

(18) «Мужайтесь, чада! Все наше упование возложим только на Бога, направив очи и руки свои к Всевышнему с теплыми молитвами, и Он ослабит злодеев, окруживших нас, и развеет все козни варваров, которые они замыслили против нас» [318].

(19) Все жители города приняли слова Сергия и укрепились верою и упованием на Пресвятую Нетленную Царицу нашу Богородицу и Христа Бога нашего, Который по человеколюбию Своему соизволил родиться во плоти. И все, ожидая помилования и вспомоществования Его, предалась молитве и молению с упованием; и вскоре получили они просимое, упование их не пропало даром [319].

(20) Для защиты города царем Ираклием оставлен был эпарх по имени Вонос, человек расторопный и энергичный. Насколько возможно было, он торопился противостать каждой затее и силе врага; он пускал в дело всю свою ловкость и всеми своими силами старался помочь городу и спасти народ. Неустанно изыскивал он средства, чтобы

каким-нибудь образом возможно было отбить все злостные нападения врага [320].

(21) Да и Богу угодно было, чтобы мы тоже не оставались бесполезными, беспечными и бездеятельными, но чтобы и мы показали свое старание и бодрствование и изыскивали средства для своего избавления и выхода из беды, имея упование на спасение только от Него [321].

(22) Так Иисусу, сыну Навина, Господь разрешил вступить в бой, предварительно послав соглядатаев обозреть (страну) Гаин; Гедеона в битве с мадианитянами Бог поддерживал (водою и огнем) так долго, пока он не успел укрепить стены и приготовить боевое оружие [322].

(23) Сам патриарх Серий вместе с христоролюбивыми людьми, благоговейно взяв иконы, животворящую Спасителя и Богоматери с Предвечным Младенцем, постепенно обходил внутренние стены города и ободрял горожан, а на варваров, врагов и противоборцев города призывал потрясение и сокрушение, (прося Бога), чтобы малочисленные избавились от гибели со стороны многочисленных, чтобы Бог обратил в бегство врагов. Так и случилось с ними вскоре вслед за тем, и Бог предал их окончательному посрамлению [323].

(24) Персы, которые стояли станом в Халкидоне, начали предавать огню все вокруг Халкидона и близ него и чинили всякое дело, что только относилось к опустошению и великому разрушению, согласно лютому обычаю их. Когда это увидели скифы и варвары, и они стали делать то же самое [324].

(25) После того патриарх и весь народ царствующего города взяли нерукотворный образ Господа и Христа Спасителя нашего, святую одежду Его, а затем икону Беспорочной Богоматери и древо Животворящего креста Господня, стали носить их вокруг стен города и по городу, говоря с горячими слезами: «Восстани, о Боже, рассея всех врагов твоих и развея их подобно дыму; да растают и уничтожатся они, как воск от огня, чтобы ненавидящие Бога погибли пред лицом Твоим, рабы же Твои дабы радостно благословляли Тебя и воспевали» (Пс. 67:1-4) [325].

(26) [Так постоянно и предупредительно творились во всем городе молитвы и прошения всеми вообще и каждым отдельно.] [326].

(27) Не прошло и трех дней после учинения персами и скифами пожара и разорения, как опять, по наущению диавола, поднялся хаган, глава скифского народа, и со всеми своими воителями бросился на город и осадил его [327].

(28) Отряд же скифов состоял из несчетного числа воинов, приготовленных к бою,

вооруженных и крепких. Самое меньшее, — скажу, чтобы знать истину, — их было приблизительно столько, что на одного христианина варваров-скифов приходилось человек десять [328].

(29) Но сподвижница жизни нашей, предводительствующая воинством своим и споспешительница христиан, беспорочная Царица наша Богородица, скорая помощница тех, которые взывают к Ней, с народными ополченцами, находящимися в Пигах, местопребывании Ее, осрамила отряды неверных и непобедимую своей силой укрепила и усилила пигейцев против множества, раскалила сердца их, чтобы они смело боролись и разили богоборцев. Победа, дарованная пигейцам Богоматерью, послужила залогом окончательного посрамления врагов, что и должно было последовать вслед за тем.

(30) Пигейцы, воспламененные божественною ревностью и ободренные упованием на Бога, разбили скифов, атаковавших своим воинством их храм, и силою Господа наши народные ополченцы одолели вступивших с ними в бой; малочисленными Господь попрал несметное число врагов. Пыл предводителя и князя скифов настолько был ослаблен, что он стал оплакивать не столько свое настоящее посрамление, сколько предугадывал на основании этого неожиданного посрамления свою предстоящую гибель и падение [329].

(31) С тех пор уже стали усиливаться греки, рассудок их сделался устойчивее, надежда твердою. Греки почти каждый день делали вылазки и бились с врагами. Соратницей же их была Богоматерь, которая помогала им и поддерживала, и они изо дня в день стали усиливаться [330].

(32) Храбрость же скифов и сила их стала ослабевать и умяться. Сила их оказалась призрачною, опытность непригодною в сражениях. Они все падали духом, уничтожались и приходили в трепет, подобно пьяному человеку, и вся мудрость их пропала [331].

(33) Патриарх и все горожане, увидев такое состояние противника, стали совещаться все вместе и единогласно решили послать послов к скифам с подарками от города. Этим они хотели умилостивить врага и склонить его к миру [332]. [Они видели, как слабеют враги, с которыми борется сила Всевышнего, и хотели, чтобы они (скифы) благополучно вернулись восвояси.] [333].

(34) Но безверный хаган, настоящий хищный зверь, а не человек, поднесенный ему дар принял, но предложение о мире отверг, а представших пред ним послов отправил обратно с пустыми руками. Он еще более

прежнего расвирипел, стал дерзко глумиться и говорить уходящим послам: «Пусть не обманывает вас ваш Бог, на Которого вы надеетесь!» Говорил он им еще: «Знайте, что я завтра же непременно возьму ваш город, опустошу его окончательно и разрушу всякое в нем строение, вам же (горожанам) сделаю такое одолжение: не раздев вас догола, отпущу живыми идти туда, куда кто хочет, и добраться до того места, куда желает каждый из вас. Кроме этой милости, никакого другого человеколюбия по отношению к вам не ожидайте от меня» [334].

(35) Когда все это донесли патриарху и народу, последние из глубины души испустили стон, главы свои оросили горячими слезами и, воздев руки к небу, сказали:

(36) «Помоги нам, Господи! Вместо нас борись со злым врагом Ты, Который противоборствуешь всем возгордившимся, но поддерживаешь уничижающих себя; Твоя сила неодолима, и царство Твое бесконечно! Услышь слова дерзких варваров, требующих, чтобы мы упрекали Тебя, Владыку всех, и спаси город, место Твоего жительства [335], и народ этот, носящий святое имя Твое; да не скажут ненавидящее Тебя: «Где их Бог?». Так и подобно этому говорили много, взывая к Богу и Пресвятой Богородице [336].

(37) И Всесильный Бог милостиво воззрел на народ свой: тех из персов, которые выступили для соединения с хаганом, Он разбил и преградил им путь и многих соединившихся с ними союзников погубил; в продолжение трех дней противники бились безостановочно, пускали стрелы и делали засады. Варвары стреляли со стороны моря, и стрелы их падали в море; они изыскивали различные средства для продолжения борьбы [337].

(38) Наконец, приступили враги к тому, чтобы привести в исполнение то, что решили на общем совете, а именно напасть на город с двух сторон. Со стороны суши они поставили стенобитную машину, а море наполнили несчетным числом лодок-моноксил, во множестве приготовленных скифами. По условию богоборцы-варвары, персы и скифы, в один день и в один час сразу атаковали город и с суши и с моря [338]. Как только враги приготовились к бою и вооружились, хаган, скифский князь, взяв отборных воинов, сколько у него было, пошел по морскому берегу и поднялся на возвышение, чтобы дать о себе знать персам, и персы тоже выступили, чтобы дать знать о себе скифам [339].

(39) Можно сказать еще больше. Одни из врагов с севера и другие с юга, подобно лесным зверям, подняли свирепый рев на

царствующий град, предположив, что они его быстро захватят и легко и беспрепятственно возьмут [340].

(40) Но кто скажет, как силен Господь и чудодействен! Или кто может повествовать о всех милостях и благодеяниях, оказанных нам Пресвятою Деву! [341]

(41) Хаган-скиф наполнил свои лодки-моноксилами воинами, сам также взял множество воинов и, вооружившись, атаковал город со стороны суши, желая разрушить укрепления города стенобитными машинами, поставленными против городских стен. Сообщение с морем он считал обеспеченным, так как на лодках имел множество ратников. Но сила Божия ходатайством Пренепорочной Девы всюду посрамила их и всякую надежду их сделала тщетною и бесполезною. Со стен города греческие бойцы всегда (при каждом приступе) убивали столько безверных, что оставшиеся в живых враги не успевали сжигать трупы павших воинов. Сжигание требовалось обычаем варваров: предавая умерших огню, они тем самым предавали их «вечному огню». Так было с борющимися со стороны суши [342].

(42) Сражающиеся со стороны моря неслись на своих лодках, стараясь помочь своим отрядам. Но как только приблизилось множество моноксил к храму Влахернской Пресвятой Богородицы, их постигла кара Божия. О знамение! Как только направились к этому храму, поднялась жестокая буря, и тотчас море там же, где застала их буря, поглотило их. И кто бы ни направлялся к окрестностям Влахернского храма и приближался к нему, всякий уходил ко дну. Море неестественно воздымалось вверх (страшно было даже смотреть на него), потом мгновенно делилось на две половины, и по воле Божией каждая половина, обрушиваясь на моноксилами, уносила их в бездонную пучину [343].

(43) Зрелище было удивительное, страшное и истинно соответствующее поразительному всемогуществу Божию. Волны поднимались до высоты целых холмов и, подобно расшвирипевшим лютым зверям, бешено бросались на врагов Богоматери или, подобно живым существам, с жадностью глотали их и губили беспощадно. Так всех врагов покрыли волны, все пошло ко дну и погибли, подобна тому как это случилось с египтянами, преследовавшими израильтян, которые шли между двумя водными стенами, где потонули их преследователи и погибли вовеки. Такое же чудо опять явил нам Бог чудес [344].

(44) Так помогла городу своему Пресвятая Царица наша Богородица: Она явилась нашей соратницей, одержав славную победу над врагами при помощи бури и моря. Таковы всегда

подвиги и сильная помощь Пренепорочной Девы: восставших против Ее достояния и взявшихся за оружие против Ее почитателей мгновенно Она отдала волнам и безднам морским, где и приготовила им место гибели. Часть же своего народа, потерявшего было надежду на свое существование вследствие надвинувшейся опасности и уповающего только на Нее, Она сохранила во всей целости, невредимо и непоколебимо [345].

(45) Тогда и сам князь, глава скифского народа, своими глазами видел гибель своего народа, ибо он, сидя на коне и стоя на возвышенном и удобном месте, мог видеть случившееся. Он, как зверь, заскрежетал зубами и, посылая нам угрозы, со всею силой ударял себя в грудь и по лицу [346].

(46) Городские воины, борющиеся с нападающими врагами, увидев случившееся на море с варварами, мгновенно воодушевились силою Божией и усилились благодатью и помощью Пресвятой Богоматери; сплотившись, они быстро отворили городские ворота и, голосом победоносным ободряя друг друга, бросились на врагов и стали храбро Разить их [347].

(47) И городские жители так расхрабрились и усилились, и такой страх напал на варваров, что даже женщины и дети бесстрашно и храбро бросались на врагов, били их и теснили. Тогда и на самом деле можно было видеть, как «один обращал в бегство тысячу и двое побеждали множество» (Исх.14) [348]. [Ибо Бог дал им такую силу, и Он предал в руки их врага, племя злое и достойное гибели.] [349].

(48) Такую силу и помощь даровала своему народу Пресвятая, Всеславная, живущими на земле и небесными достойно хвалимая Богоматерь; такие Она дала совершить подвиги и такую оказала поддержку отчаивавшимся уже и обессилившим [350].

(49) До захода солнца и до наступления ночи греки избивали врагов, другие же успели убежать в свой стан. Все снаряды и все, что варварами на арбах доставлено было для разрушения города, они сами предали огню. Благодатью Пресвятой Богоматери они сами приняли на себя труд погубить и сжечь ими же самими приготовленные осадные машины [351].

(50) Патриарх же и весь городской народ, воздев руки свои к небесам и проливая обильные слезы, пели благодарственные молитвы и говорили: «Десница Твоя, Господи, славна силою Твоею: десница Твоя, Господи, поразила врагов Твоих; величием славы Твоей Ты посрамил напавших на Тебя и восставших против могущества Твоего» (Исх. 15: 6-7) [352].

(51) Так безумный и кичливый хаган, который пошел против нас с многочисленным народом, со стыдом и позором возвратился восвояси с малым числом спасшихся от гибели воинов [353].

(52) И персидское войско тоже, смущенное посрамлением своим, устыженное и огорченное, закрыв руками лица свои, возвратилось в свое отечество в незначительном количестве [354].

(53) Таково начало божественного Провидения и благодати! Сотрудница и сподвижница жизни, Пресвятая Беспорочная Богоматерь, сильная помощница христиан, и теперь явила нам свою помощь, даровав нам столь славную, удивительную и всеобщую свободу [355].

(54) Поэтому в воспоминание этого великого благодеяния ежегодно назначен субботний пред Благовещением день, в который мы устраиваем всеобщее блистательное собрание; всю ночь проводим в ночном бдении с духовными песнопениями и молим Богоматерь гласом хваления и благословения, благодаря Ее и Сына Ее, Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, Которому подобает слава и честь, и поклонение с Отцом и Духом Святым веки веков. Аминь [356].

55-57 (37-38 в пер. М. Ван Эсброка)

(55) Да, сие так было и так исполняется.

(56) Но следует изложить и о начале и причине сего удивительного повествования, ибо этого желает большинство [357].

(57) Много войн вели с христианами разные семена народов, племена богоборствующие, но одолеть не могли ни разу содействием Бога; и если иногда Бог попускал врагов на нас для нашего испытания и придания нам бдительности, то все же все наши противники всегда находились в подчинении нашего греческого царства. И так было до тех пор, пока вера православная и учение нашей веры твердо держались в богоспасаемом сем граде чрез вседержцев церкви и царства. Но когда враг на ниве богослужения взрастил плевелы еретического учения, и лесные свиньи извратили церковь Бога Живаго, тогда паства Христова, приобретенная Его Господнею кровью, досталась лютым зверям для растления. Однако Господь все же не оставил православное семя без своей помощи и благодеяния, даже и тогда, когда мы чуть было не уподобились жителям Содомы и, дошедши до такого падения, все же чудесным образом спаслись ходатайством Пресвятой Богородицы [358].

58-72 (39-50 в пер. М. Ван Эсброка)

(58) Когда непобедимая власть над всеми противниками находилась в руках христиан, тогда император Тиверий Младший, которого после себя воцарил Юстиниан, послал военачальника своего Маврикия на восточные границы, в поход против персов; он, одержав великую и славную победу, вернулся обратно к Тиверию с помощью Животворящего Креста [359].

(59) Император Тиверий возвысил Маврикия и, обогатив его за счет государственных средств, возвеличил, возлюбил и сделал своим зятем. И когда попуцением диавольского наваждения Тиверию дали съесть отравленную смокву, тогда он, предчувствуя свою смерть, поспешно возвел на императорский престол Маврикия; сам он скончался на 4-м году своего царствования, и Маврикий сделался самодержцем [360].

(60) Этот Маврикий царствовал над греками 20 лет [361], охраняя мир и преодолевая противников, ибо он и до воцарения своего соблюдал все христианские обряды и воздерживался от всех дурных влечений. Когда же он сделался императором, то увеличил свои добродетели и, изгнав из головы своей всякие дурные мысли, усвоил хорошие привычки и хорошую речь и стал живым образцом добродетели для подданных и царства [362].

(61) Этот Маврикий сначала послал в поход против персов зятя своего Филиппика. Бог дал ему победу, и он победоносно вернулся обратно к царю [363]. Потом император послал другого военачальника, называемого Коментием [364], который по происхождению был фракийцем. Он вступил в бой со всей своею силою и победил врагов, будучи поддерживаем силою Божией. Большую часть врагов он избил, а также сразил их князей и военачальников. Персы, спасшиеся во время битвы, бежали и скрылись в городе Нисибине [365]. Они там были в большом страхе, ожидая прибытия своего царя Урмизда, который заранее предупредил их, поклявшись, что перебьет всех тотчас же безжалостно, если главари его погибнут во время боя с врагами [366].

(62) Поэтому они все восстали против Урмизда, напали на него и убили его, злейшего из всех людей мира, ибо он спешил ограбить и избить не только послушников, но и преданных себе и близких людей. Вместо него воцарился над персами сын его Хосрой.

(63) По прошествии нескольких дней после этого вернулся в Персию военачальник Варамос, который ходил в поход против турок и успел победить их. Он, недолго думая, восстал

против своего царя и вступил с ним в жестокий бой [367].

(64) Царь Хосрой, видя восстание Варамоя или Ваграма, привлечшего на свою сторону весь народ, и, будучи в большом стеснении, бежал в одно место, называемое Киркис, и в беспомощном состоянии, призывая христианского Бога, говорил молитвенно: «Где благостно и хорошо, туда приведи (Господи) моего коня». И пустил он своего коня привести его туда, куда хочет.

(65) Лошадь же доставила его к пределам Греции. С ним были супруга его и двое малолетних детей [368]. Затем прибыли туда же еще кое-какие ему преданные персы. Отсюда они все вместе отправились и прибыли к императору Маврикию, который, рассудив все согласно требованиям времени, принял Хосроя как сына своего и воздал ему царские почести и вознаградил его. Так же отнеслась императрица к жене Хосроя, и дети императора к детям Хосроя. Затем Маврикий дал Хосрою большую казну и греческое воинство, с приказанием доставить его в Персию, согласно его желанию [369].

(66) Хосрой вместе с греческими войсками и с большим богатством прибыл в Мартирополь, т. е. в *Мупаракан*. Сюда он привлек персидское войско и, вступив в бой с Варамом (он же *Баграм Чубин*), победил его и опять сделался повелителем персидского государства. С того времени наступили мирные отношения, и устроилось единение между царствами персидским и греческим, что и продолжалось до воцарения Фоки, восставшего воина [370].

(67) Этот Фока по грехам нашим и с соизволения Бога царствовал над Грецией 8 лет. Царь же Маврикий отдан был ему для наказания за следующий проступок. Маврикий, отправившись в поход против скифов, т. е. *русов*, с Божией помощью одолел хагана, главаря скифского народа. Но затем некоторые из императорских отрядов возмутились против Маврикия. Тогда он вместе с преданными ему вернулся в свой столичный город [371].

(68) Хаган-скиф, узнав об этом, со своим войском опять поспешно напал на греков и, не найдя при них царя, разбил их и разметал; он пленил 12 тысяч человек и предложил царю Маврикию выкупить их, с платой за каждого по одному «дракану», а по второму (предложению) – за двух по одному «дракану». Но Маврикий не выкупил их по причине возмущения против него. Поэтому хаган разгневался и велел тотчас мечом истребить все 12 тысяч пленников [372]. Маврикий впоследствии раскаялся и дал знать всем

церквам и монахам, чтобы они испросили ему у Бога прощение [373].

(69) Во сне Бог явил Маврикию следующее: будто он находился в Халкине пред образом Спасителя, и чрез эту икону Бог спрашивал его, где он желает принять наказание за свой грех, в этом мире или в том (загробном). Он же отвечал: «в этом». Тогда чрез ту же икону последовало определение такое: «в этом же мире Маврикий отдается в руки воину Фоке в наказание» [374].

(70) После этого Маврикий тотчас же вывел из темницы зятя своего Филиппика и извинился пред ним [375]. Он же был заключен в темницу только потому, что начальная буква его имени «фи» истолкована была в подозрительном смысле [376]. Царь спрашивал его, кто бы мог быть этот Фока, и точно узнал от него (кто был Фока), ибо Филиппик командовал войском [377].

(71) По истечении небольшого числа дней и с поущения Божия восстал греческий народ (против Маврикия); они воцарили Фоку, воина одного отряда. Как только он достиг Константинополя, царствующий этот град благосклонно принял его. Фока же, узнав, что Маврикий еще жив, стал искать его. А Маврикий, спасаясь бегством, по предопределению свыше споткнулся и остался где-то в овраге [378]. За ним Фока послал своих людей, которые и доставили его. Фока приказал казнить Маврикия, а также детей и жену его.

(72) Маврикий, видя казнь своих детей, говорил: «Праведен Ты, Господи, и правилен суд Твой» (Пс. 118:137). Тогда кормилица успела скрыть младшего сына Маврикия и вместо него привела своего собственного (сына), отдав его в руки убийце. Но Маврикий, видя это, не согласился допустить подмену и приказал привести своего сына. И тут же перебили всех пятерых сыновей его, а также самого Маврикия, а затем безжалостно обезглавили мечами жену вместе с тремя дочерьми [379].

73-78 (51-54 в пер. М. Ван Эсброка)

(73) О жестокий разумом, как зверь, и злейший, как сатана! Он (Фока) превзошел ядовитых аспидов и ехидн и, объявившись самодержцем, показал все виды своего изуверства.

(74) Царь персов Хосрой, узнав обо всем этом, разгневался и, позабыв обещание соблюдать с греками мир, взял большое число народа своего и пошел против Греции. Все окрестности Востока и пределы Греции он опустошил и пленил; горя мщением, он губил всех и вся [380].

(75) Фока же являл в своем царстве такие виды изуверства, чинил такие страшные

злодеяния и жестокости, что стал ненавистен даже своим домочадцам [381].

(76) Зять его патрикий Криск [382], видя столь великие бесчинства Фоки, причиняемые казнью безвинных, не мог долее выносить всего этого. Он написал об этом Ираклию, находившемуся в африканском походе, и просил, чтобы он со всем своим воинством пошел против Фоки [383]. Ираклий, поспешно собравшись, быстро прибыл на многих кораблях к Константинополю со всем воинством, имея при себе Нерукотворный образ Спасителя. Он немедленно вступил в бой с Фокой в Софийской бухте [384]. Изувер Фока, будучи побежден, бежал во дворец; некто Фотин, у которого отнята была жена блудодеем Фокой, прибыв во дворец с другими воинами, стащил Фоку с престола и, надругавшись над ним вдоволь, снял с него царские одежды и, надев на него лохмотья и тяжелые цепи, привел к Ираклию. Последний, увидев его, сказал ему: «О жалкий! так ли управлял ты народом царства твоего?» Фока же в ответ сказал: «Ты теперь будешь управлять лучше меня!»

(77) В ту же минуту Ираклий приказал сначала отрубить руки и ноги его, а потом плечи и уши и вдеть их на копье. Затем отсеки и голову. Ираклий приказал сжечь все тело убитого [385].

(78) Некий монах вопил ко Господу и спрашивал Его, почему над христианами воцарился Фока, человек столь злой и свирепый, и услышал от Бога: «потому, что не было злее его, для наказания этого злого народа» [386].

79-94 (55-65 в пер. М. Ван Эсброка)

(79) Ираклий царствовал 30 лет, коронованный в церкви Св. Стефана вместе с Евдокией, супругой своей [387].

(80) А персы покорили страну от Каппадокии до Дамаска вместе с Палестиной и Иерусалимом и многое множество христианских городов разметали с помощью евреев; также пленили они иерусалимского патриарха Захария и взяли Живоносное древо Спасителя в Персию [388]; покорили еще Египет, Лувию, Эфиопию и Кархидон, т. е. *Африку* [389].

(81) Ираклий послал послов к персидскому царю Хосрою с просьбой о мире, но царь персов с глумлением возвратил послов, говоря: «Если царь греков откажется от Распятого и будет поклоняться солнцу, я заключу с ним мир» [390]. И Хосрой послал воевать с греками Сеита, одного из начальников войска, с большим числом воинов. Сеит, разграбив и опустошив весь Восток, пошел на царствующий град и остановился в Халкидоне. Тут он простоял некоторое время и, желая вернуться

восвояси, лукаво привлек царя Ираклия в свой стан, притворно предлагая ему мир, и говорил с ним.

(82) Царь, доверившись хитрым словам его, послал к нему в качестве послов 70 превосходнейших мужей, для отправки их к Хосрою, царю персов. Сеит, забрав их, связав и надругавшись над ними, отправился и прибыл в Персию.

(83) Хосрой, узнав об этом, приказал содрать кожу с Сеита за то, что он, увидевшись с Ираклием, не схватил его и не доставил к нему [391].

(84) После этого Хосрой отрядил в Грецию другого полководца, по имени Сарварон, возвратившегося из палестинского похода. Он пришел с большой силой и причинил Греции еще больше, чем прежде, бедствий и опустошений [392]. Идя к Константинополю, он стал в Халкидоне со всем своим войском, стараясь всячески причинить зло и гибель городу и народу [393].

(85) Ираклий поспешил собрать войско со всех сторон и привлек бесчисленное воинство от всех племен; затем по Евксинскому Понту — морю, расширяющемуся в северных своих частях — отчалил на множестве кораблей, взяв с собою и свою жену [394]. По прибытии в Трапезунд, пограничный город Мингрелии, императрица родила сына, которого называли Эрекле [395].

(86) Из Трапезунда Ираклий отправил послов с большими подарками к царю турков. Последний, благосклонно приняв послов Ираклия, обещал действовать с ним заодно. Когда же Ираклий отправился в Туркскую землю, царь турков встретил его вместе со своим войском и оказал ему большие почести: он и все войско его слезли с коней и поклонились Ираклию, который отнесся к нему очень благосклонно и просил сесть на коня, чтобы следовать за ним, подобно родному сыну. Тогда они расцеловались друг с другом и Ираклий, сняв с себя корону, возложил ее на голову турецкого царя, а затем предложил ему трапезу; во время вечера он подарил ему и всем его князьям все золотые и серебряные сосуды, какие только у него имелись, а чтобы обеспечить себя на тот случай, если бы враги хитростью захотели увлечь на свою сторону царя турков, Ираклий показал последнему портрет своей дочери, обещав выдать ее за него замуж. Царь турков, увидев портрет, пришел в восторг и, дав обет Ираклию положить за него голову свою, привел на помощь ему очень большое войско. С ними вместе Ираклий вступил в Персию [396].

(87) Хосрой, узнав о прибытии Ираклия, встретил его со всеми своими силами и много-

кратно бился с ним, но с Божией помощью Ираклий победил его, побил бесчисленное множество персов [397], разрушил и опустошил все города и крепости их и опрокинул их храмы и молельни. В одном храме Ираклий нашел истукана; это был истукан самого Хосроя, который себя изобразил в виде Бога сидящим в небесах, окруженным солнцем, луной, звездами и стоящими пред ним ангелами и как будто посылающим на землю снег, гром и дождь. Ираклий сокрушил его до основания [398].

(88) Хосрой, повсюду побежденный Ираклием, написал своему военачальнику Сарварону, находившемуся в Халкидоне, следующее: «Ираклий привлек на свою сторону туркского царя, и я не могу устоять пред ним», – и предложил Сарварону поспешить к нему на помощь.

(89) Но Ираклий задержал письмо это вместе с посланным и взамен написал Сарварону следующее: «В битве я одолел Ираклия и турков и, разбив их наголову в Адарбадагане, обратил в бегство. Укрепляйся ты на своем месте и, не торопясь, продолжай биться с царствующим градом греков». К письму он приложил печать Хосроя и отправил его. Сарварон, получив письмо, укрепился на том же месте, где стоял [399], и продолжал оставаться до тех пор, пока Бог чудес, ходатайством Пресвятой Богородицы, не разгромил его страшно вместе с хаганом скифским и не обратил в бегство [400].

(90) Как только царь Ираклий подошел к столичному городу, Хосрой, государь персов, находившийся в нем, очень встревожился и выслал против врага своего полководца с 30000 воинами. Они вступили в бой. Персы потерпели поражение и были избиты беспощадно [401]. Спасшиеся же бегством, собравшись вместе со своими военачальниками, воцарили над собою сына Хосроя Сиро, а Хосроя, схватив, бросили в один из царских домов и, положив пред ним золото, жемчужины, серебро и камни драгоценные, говорили ему так: «ешь вот это; ты ради этого поднял греков против нас». Убили Хосроя смертью лютою [402]. Этот Сиро, после того как казнили его отца, посоветовавшись со своими князьями, отправил послов к Ираклию с великими дарами и с просьбою о мире: «Да будет единение между царствами греков и персов, и посредником между нами будет один Бог». Царь Ираклий принял предложение и со своей стороны написал Сиро: «не подобает оскорблять царей, особливо же когда они хотят мира; и если бы и Хосрой домогался мира, я бы позабыл о его злодеяниях». Он называл Сиро своим сыном. Через малое число дней

умер царь Сиро и воцарился Кафос, но потом и он вскоре умер, и воцарили Урмизда. Этот отправил с дарами сына своего к Ираклию и написал ему: «Какую милость окажешь сыну моему, такую да подаст тебе Бог, Которому ты служишь». И его благосклонно принял Ираклий. Но умер и отец сего царевича, и Ираклий вместо умершего отца, Урмизда, царем персов провозгласил сына его [403].

(91) А Сарварон из Халкидона отправился в Персию с горстью спасшихся, которые остались в живых после того погрома, который явил над ними гнев Божий. Узнав о гибели Хосроя, Трти, Кавоса и Урмизда, он написал царю Ираклию: «Знаешь ты, что я прибыл в греческое царство не по своей воле и не по своей же воле учинил то, что совершил по принуждению Хосроя, пославшего меня» [404]. Затем просил он Ираклия позволить ему прийти к нему и предстать пред ним в качестве раба. Царь Ираклий дал ему слово поступить с ним милостиво. Сарварон же со своей стороны обещал Ираклию возместить все убытки, причиненные им Греции, и за свой счет восстановить все им низвергнутое [405].

(92) В те дни народ персидский убил царя своего, сына Урмизда. Сарварон стал просить Ираклия воцарить его над персами. И Ираклий возвел его на престол Персии. Сарварон же обещал Ираклию возвратить Греции все провинции ее, отнятые персами, и, издав повеление возвратиться из греческих земель всем персидским воеводам, поднес Ираклию богатые дары.

(93) Вместе с тем он вручил Ираклию запечатанный ящик, в котором находилось древо Спасителя и который он, во время своего похода, достал в Иерусалиме [406]. Ираклий, приняв ящик, нашел его запечатанным, запертым на замок, нетронутым и, волею Божией, остающимся в первоначальном виде [407]. Итак, Ираклий одержал победу силою Всевышнего, победоносно сокрушил могущество персов, разбил все пограничные крепости их и твердыни, опрокинул храмы их и молельни и покорил царей их.

(94) Воевал он всего 6 лет, а на седьмом году взял древо Креста Господня и, забрав громадные богатства персов, прибыл в Иерусалим [408]. Он преподнес патриарху Модесту ящик Живоносного Креста. Весь причт церкви рассмотрел его и нашел, что и печати и замки были нетронуты. Все вообще благодарили Бога за то, что Он сохранил это сокровище от грешных. Открыли ящик, и весь народ поклонился Крессту. Царь стоял там до тех пор, пока его (Крест) не воздвигли, а потом отослал его в Византий. Для принятия Креста выступил из Влахерн патриарх Сергей с бо-

льшим торжеством и, доставив его в соборную церковь, воздвиг [409].

95-101 (66-68 в пер. М. Ван Эсброка)

(95) Через несколько дней прибыл в Византию также и царь Ираклий. Во всех частях греческого государства наступило полное спокойствие. И так было до усиления Магомета безбожного, происходившего из племени исмаильского, от Назара, внука Исмаила, род которого поселился в пустыне Мадиамской, живя караванной торговлей [410].

(96) Этот Магомет появился в царствование Ираклия. Он осиротел, когда еще был младенцем. Был он совершенно беззащитен и гол, но силен физически и хитер. Он нанялся пасти верблюдов у одной богатой своей родственницы, которая по истечении короткого времени вышла за него замуж. И стал он ездить в Иерусалим, чтобы продавать верблюдов, и тут же начал изучать и знакомиться со всеми верованиями и народами, особенно же он изучал слово веры [411].

(97) Нашел же он некоего несторианского монаха, отлученного за ересь и пребывающего в стране Мадиамской. С ним он постоянно вступал в беседу. Магомет одержим был падучей болезнью, которая приключалась с ним регулярно. Жена его, узнав об этом, сильно опечалилась и начала тосковать. Магомет хитростью своею сумел уверить ее, что к нему является архангел Гавриил и что он, не имея сил устоять пред таким видением, впадает в обморок.

(98) Супруга же его все это рассказала вышеупомянутому монаху-несторианцу, сообщив ему и имя ангела, который являлся Магомету. Монах убеждал ее и успокаивал, говоря, что Гавриил является только к пророкам.

(99) Она поверила словам лъстивого монаха, рассказала об этом и другим женщинам, и они тоже поверили, что муж ее пророк [412]. Тогда Магомет стал проповедовать и вероучить. Один за другим пристали к нему многие, которых он учил так: «Кто убьет врага или же будет убит им, в обоих случаях спасется»; об удовольствиях рая говорил, что там еда и сладострастие будут в избытке. И в таком роде проповедовал многое, согласно пониманию и разумению своему [413].

(100) Этот-то Магомет со множеством народа встретил царя Ираклия, возвращающегося из Персии и идущего в Иерусалим, и стал просить у него страну, где бы он мог поселиться вместе с принявшими его учение. Царь Ираклий дал ему землю, и он изо дня в день стал «расширяться и умножаться» [414].

(101) По смерти Магомета его заменил Абувартон, который вступил с греками в горячий бой и победил их. И с того времени постигли Грецию большие бедствия, и увеличились и усугубились насилия с соизволения Божия, за умножение беззаконий и грехов наших [415].

102-115 (70-88 в пер. М. Ван Эсброка)

(102) После того славного чуда, которым Пресвятая Богоматерь спасла этот город и сохранила невредимо от ударов скифов и персов, и после победы Ираклия и возвращения его из Персии, как сказано в повествованиях, после чуда, повторяю, явленного Богоматерью над царствующим градом, протекло 36 лет, и тогда самодержавие царства принял Константин Великоподбородок [416]. Тогда еще раз поднялось множество агрянского народа и приблизилось к Константинополю с бесчисленными вооруженными воинами. Они быстро причалили к морским берегам по направлению к Евдому и тут на кораблях бились изо дня в день.

(103) Борьба их, начатая весной, длилась до времени уборки винограда; по наступлении же зимы они отправлялись обратно и зимовали в Кизике.

(104) К началу же наступления летнего времени они снимались и прибывали туда, где стояли раньше, и так же, как прежде, неустанно бились со стороны моря. Свою борьбу они продолжали 7 лет [417], и это по попущению Бога за многие грехи наши.

(105) Но Всесильный и человеколюбивый Бог ослабил весь пыл врага и силою своею навел на него такой страх, что сарацины снялись, чтобы убежать: великое множество их кораблей оставило город вместе с бесчисленными их воинами-ратниками, снялись и военные корабли их и пустились в путь с пустыми руками, милостью Божию. И когда достигли местностей Свилеоса, настиг их порывистый и жестокий ветер, который, борясь с ними по справедливому суду Божию, вдруг разгромил их и погубил [418].

(106) Так по временам нападают на богохранимый город богоотступники, движимые бешенством, неистовствующие и полные гнева, но силою Божию, непреодолимую, обращаются вспять пристыженные [419].

(107) Изначала же всячески и со всех сторон умножилось насилие злых исмаилитов, возросло оно и на Востоке и на Западе, и преумножилось количество и могущество их. Первоначально они покорили царство персов, потом Египет, Ливию, а христианам дали слово, что никто не будет принуждать их оставить беспорочную веру Христову, наобо-

рот, и сами будут защищать православие; однако они не соблюли обещания, наоборот, многих замучили за поклонение знамени честного креста. Они, требуя от всех христиан отказаться от поклонения кресту, обходили всю христианскую землю и опустошали ее: ходили и грабили Индию и Эфиопию, чернокожих Ливии и Испанию, и под конец всего пошли войною против царствующего сего города, с намерением взять его. Но царь Лев Исавр, занимавший в то время престол Греции, дал им обещание ежегодно платить им дань в определенном размере, но они всячески стремились ввести в город свою стражу и поставить в его укреплениях своих людей, пытались во что бы ни было овладеть городом и подчинить его себе; они надеялись на численное превосходство своего воинства, состоявшего из людей своих и чужих — наемных, а также и на свои вооруженные корабли, число которых достигало до 1800 отличных судов и, как передают хронографические заметки [420], снабженных всеми боевыми ресурсами в должном порядке и установлении [421]. Они не сдержали своего обещания (на счет мира) и со всеми своими силами расположились прямо против городской стены, и по ошибке стоявшие на стенах городские воины чуть было не вступили с ними в бой. Они же заняты были постройкою своих стоянок, суетились, бесились, как собаки бешеные, как сошедшие с ума. Но воистину Бог мешал и препятствовал им привести в исполнение замышляемое ими зло [422].

(108) В великом же городе народом, во веки христоробивым, совершались литии и творились обычные слезные моления, и возносились прошения к Богу чинные, умиленные, и с пречестным древом креста Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа и св. образом Пренепорочной Богоматери обходили вокруг городских стен и, воздев руки к небу, говорили: «Воззри, Господи, на нас, не оставь нас, призри на народ свой покинутый, ибо вот уже враги Твои подняли головы и ненавидящие Тебя возгордились; не дай наследия Своего на поругание, не дай господствовать над нами язычникам, не признающим имени Твоего святого, но силою Твоею да познают и они имя Твое святое, Господи Иисусе Христе, во славу Бога Отца» [423].

(109) Один из вражеских всадников, глядя на город чрез его ограду, стал, по наваждению диавола, издеваться, пренебрежительно называя город Константином, церковь святой Софии — Софианой. Так глумился одержимый диаволом, но вдруг конь, на котором он сидел, взбесился и бросился с кручи вместе с

седоком, и он разбился там и лишился души своей [424].

(110) Еще. Проповедник сборища их поднялся на установленное возвышение, которое они называют минаретом; это высокое дерево, с которого он горланил и провозглашал молитву безверных; но вдруг помрачились у него глаза, он стал биться и, свалившись с высоты, погиб лютой смертью [425].

(111) Затем они решились идти против болгар; разделились на два воеводства, из коих одно осталось воевать с царствующим градом, другое же пошло бороться с болгарскими. Столкнувшись с ними, они потерпели поражение: исмаилитов пало от болгар более 20000; те же, которые спаслись от истребления болгар и уцелели, со стыдом великим вернулись обратно к тем же своим, от которых ушли [426]. По возвращении из болгарского похода все они вознамерились подступить к Влахернам со стороны моря и прибыли в Перам понтийский, но от Перам вплоть до палат протянута была цепь, которая их остановила [427], и они, не сумев совершить того, чего желали, повернули назад и, прибыв в Стенон, направились в бухту, называемую Сосфен. Настигла их суровая зима с ветрами, и они старались приютиться хотя бы в незначительных бухтах, отчего многие их судна разбивались силою бури, а крупные их корабли сжигались греками. Константинополь терпел большую нужду по причине оскудения съестных припасов, а агаряне ели, не гнушаясь, все, что находили, не оставляя ничего, что могло служить им в пищу. Такая у них была голодовка, и такое отсутствие средств к пропитанию себя, что они не гнушались есть человеческое мясо и мясо нечистых животных, а под конец они даже ели «хлеб», выпеченный в торнях из смеси человеческого кала и муки [428].

(112) От всего этого они пали духом. Бог сохранил город свой невредимо от нападения множества врагов и причинил им то же самое, что египтянам, преследовавшим израильтян и потонувшим в морской бездне [429]. То же самое случилось и теперь. Приниженные и стесненные, поднялись и бежали, желая вернуться восвояси, но большая часть их кораблей, прибыв в местность, называемую Эгеон-Пелагон [430], от лютого ветра, вскипятившего море, потерпела крушение. Вдобавок с небес послан был на них страшный град: как раскаленное железо кипятит воду, так точно и глыбы града, падая в море, ударялись по воде с такою силою, что кипятили ее, и от силы сего кипения таял воск, которым навощены были вражеские суда, отчего они быстро погружались в воду и уходили в бездну. Спаслось только около 10 их кораблей [431]. Во

всех прибрежных рощах, на морских берегах и у входов на пристани можно было видеть целые груды вражеских трупов [432].

(113) Все это, как <говорит> псалтирь, «да повествуется для прочих (будущих) родов» (Пс. 102:19), уста христиан да возгласят святые слова вместе с Давидом: «Ты, Господи, сокрушил главы драконов в водах» (Пс. 74:13), к сему да приобщается велегласная песнь из Исхода израильтян: «Пою Господу, ибо он высоко превознесся» (Исх. 15:1) [433].

(114) Тут, придя к этим словам и видя величие чудесных дел Бога и Господа и превыше всех святых единородной Богородицы, умолкаю с удивлением, не находя подобающих воспеванию оных дел слов, ибо какой быстрозвучный язык сможет достойно воспеть Деву Богородицу или Ее дивную сию благодать ... (богословие) [434].

(115) Благодатью и благолюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому подобает слава, крепость, честь и поклонение ныне и присно и во веки веков. Аминь [435].

Примечания

1. Этой вехе по александрийскому летосчислению (+5500) соответствует первое датированное (6360) сообщение ПВЛ, согласно которому «наченшю Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля. О сем бо уведехом, яко при сем цари приходиша Русь на Царьгород, якоже пишется в летописании гречестем» (ПСРЛ, I: 17; Полное собрание русских летописей, II: Ипатьевская летопись. СПб., 1908: 12). Летописные даты «призвания варягов» (6370) и нападения «Аскольда и Дира на греки» (6374) вторичны по происхождению и, соответственно, не могут служить точками отсчета. Относительно причин путаницы в хронологии первых датированных сообщений ПВЛ сохраняет ценность анализ А.А. Шахматова: (См.: *Шахматов. А.А.* Хронология древнейших русских летописных сводов // ЖМНП, 310/4, 1897, 463-482: 463-482). Но и эта проблема, разумеется, требует пересмотра с учетом как текстологии ПВЛ, так и реального многообразия календарно-хронологических традиций византийского мира, отмечаемого в соответствующих разделах настоящего обзора.
2. Отметим последний опыт расширения их числа за счет неявных и вторичных реминисценций: (См.: *Кузенков П.В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы, 2000. М., 2003, 3-172: 3-172).
3. Гомилии III и IV. Критическое издание: (См.: *Fwtjou ꙗꙗꙗꙗ / &Ekd. B. Laourda-. ((E11hnik=, 12). Qessalonjkh, 1959: 29-52);* английский перевод с превосходным комментарием: (См.: *Mango C.* The Homilies of Photius Patriarch of Constantinople. (DOS, 3). Cambridge, Mass., 1958: 74-110); русский перевод с наиболее подробным комментарием: (См.: *Кузенков П.В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы, 2000. М., 2003, 3-172: 15-69).
4. *Дмитриевский А.А.* Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного востока. Т. 1: **Tupik=.** Киев, 1895: 83.
5. Nicetae Choniatae historia, I / Ed. J. van Dieten. (CFHB, 11/1). Berlin, 1975: 516 sq., 532.
6. Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus/ Ed. I. Bekker. Bonn, 1838, 33: 196, 6-15.
7. Leonis Grammatici Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842: 240 sq.; Theodosius Melitenus / Ed. Th. Tafel. München, 1859: 168; Georgii Hamartoli Continuator / Ed. E. de Muralt. St.-Petersburg, 1859: 736 sq.; *Истрин В.М.* Книги временные и образные Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т. 2. Петроград, 1922: 10 сл.; Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / Ed. I. Bekker. Bonn, 1838: 674.
8. Anecdota Bruxellensia, I: Chroniques byzantines du manuscrit 11376 / Ed. F. Cumont. Gand, 1894: 33. Речь идет о «краткой хронике» или «списке царей» от Цезаря до Романа III Аргира (1034 г.) на лл. 155-165 указанной рукописи конца XIII в. Текст, по-видимому, восходит к 1034 г.
9. III, 1 (32). Здесь и далее в скобках указана страница коллекции П.В. Кузенкова (См.: *Кузенков П.В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы, 2000. М., 2003, 3-172: 15-69), перепечатавшего издание В. Лаурдаса (*Fwtjou ꙗꙗꙗꙗ / &Ekd. B. Laourda-. ((E11hnik=, 12). Qessalonjkh, 1959: 29-52)*, сопроводив его переводом и комментарием. Характеристика этого народа как «скифского, жестокого и варварского» [III, 3 (36)], разумеется, принадлежит традиционной риторике и не проливает свет на его этническую принадлежность. Языком «варварским и скифским», с точки зрения образованного византийца, в это время писали латинские богословы, как подчеркнуто в послании Михаила III папе Николаю I: PL 119, col. 930, 932. В хронике же ученого саксонца Титмара Мерзебургского «скифами» оказались даны, «которые носят с собой свои жилища и питаются зверьем и лошадиным молоком»: Die Chronik des Bischofs Thietmar von

- Merseburg und ihre Korveier Überarbeitung (MGH SS rer. Germ. N.S., Bd. 9) / Hrsg. R. Holtzmann. Berlin, 1935: VII, 37, p. 444. Приведенная цитата восходит к Горацию (*Odae* III, 24, 9) и Вергилию (*Georgica* III, 463).
10. В древнейшем списке Vat. Palat. gr. 129 (XIV в.) его нет и в заглавии: E.B. Lyle. The Circus as Cosmos // *Latomus*, 43/4, 1984, 827-841: 82, n. 1.
11. IV, 2 (47): **iqno~ 6n #ndrap3doi~ tatt3menon, Āgnwston ml̄n, #11' #p4 t|~ kaq' Ōm^ñ strateja~ Šnoma lab3n**. Ср. ПВЛ: «нача ся прозывати Руска земля», когда «приходиша Русь на Царьгород» (прим. 1 выше). Выражение «к рабам причисляемый» может быть воспринято как указание на принадлежность этого народа к славянскому миру, поскольку латинская транслитерация **Sk1=boi** и производные от нее слова немецкого, французского и английского языков в IX-X вв., в условиях бурного развития общеевропейской трансконтинентальной работоторговли, стали обозначать рабов: V. Peri. La brama e lo zelo della Fede del popolo chiamato "Rhos" // *HUS*, 12/13, 1988/1989, 114-131: 114-131, spec. 125. Ср. А.В. Назаренко. Русь на «пути из немец в хазары» (IX-XII века) // Он же. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX – XII веков. М., 2001, 71-112: 71-112, особ. 94-96. Хотя ни сам Фотий, ни другие византийские авторы не употребляют **Sk1=boi** в этом значении, в принципе Фотий вполне мог знать о таком словоупотреблении, поскольку до рукоположения в 858 г. был протоаскритом (некто сходное с государственным секретарем в США) и возглавлял посольство в халифат с целью выкупа пленных в 855 г.
12. **toŠto d\ t4 kalovnenon t4 {R^~, ou d\ kaJ kat+ t|~ {Rwnaik|~ #rc|~, toŠ~ plrix a8t^ñ dou-lws=menoi k#ke_qen 7plozka fronhmatiqInte~, ce_ra~ #nt|ran**: Photius, 1983: 40-53, spec. 50, 293-296. Аутентичность текста не вызывает сомнений: древнейший список Baroccian. gr. 217 восходит к 875 г. О крещении росов в 860-867 гг., отмеченном также Продолжателем Феофана (см. прим. 6 выше) и Константином VII Багрянородным (Const. Porph. Vita Basilii // Theophanes Continuatus V // Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / Ed. I. Bekker. Bonn, 1838: 97), см.: L. Müller. Die Taufe Rußlands. München, 1987: 57-66; П.В. Кузенков. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы, 2000. М., 2003, 3-172: 3-14, 122-129.
13. *Пархоменко. В.* У истоков русской государственности. Л., 1924: 55 сл.
14. *Васильевский В.Г.* Русско-византийские исследования: Жития св. Георгия Амастридского и св. Стефана Сурожского // Он же. Труды. Пг., 1915. Т. 3, с. III-CXLI, 1-71: Т. 3, с. III-CXLI, 1-71, особ. 64. По заключению В.Г. Васильевского, Житие св. Георгия было написано до 842 г. Аргументацию А. Маркопулоса, связывающего данный его пассаж с нашествием росов 860 г. на основании содержательного и стилистического сходства с сочинениями Фотия (*Marcopoulos A. La vie de Saint Georges d' Amastris et Photius* // *JÖB*, 28, 1979, 75-82: 75-82) следует отклонить. Сходство объясняется влиянием на обоих авторов общего литературного образца — гомилии Феодора Синкелла по случаю спасения Константинополя от нашествия аваров и славян в 626 г., которая будет рассмотрена ниже.
15. *Васильевский В.Г.* Русско-византийские исследования: Жития св. Георгия Амастридского и св. Стефана Сурожского // Он же. Труды. Пг., 1915. Т. 3, с. III-CXLI, 1-71: § 43, с. 64, 4-8.
16. Leonis Diaconi Historia/ Ed. C.V. Hase. Bonn, 1828 IX. 6: p. 150.15-19; ср.: A.A. Vasilev. The prophet Ezekiel and the Russians // Idem. The Russian Attack on Constantinople in 860. Cambridge, Mass., 1946, 166-168: 166-168.
17. Разумеется, этот памятник требует специально-внимания, и мы обратимся к нему в соответствующем месте (см. прим. 85 ниже).
18. Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / Ed. I. Bekker. Bonn, 1838I, 39: p. 423, 14-17; Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / Ed. I. Bekker. Bonn, 1838: p. 746, 12-14; Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1989: 44-50.
19. Дж. Уортли предложил датировать IV гомилию Фотия 4 августа 860 года (*Wortley J.J. The Date of Photius' Fourth Homily* // *ByzSlav*, 31, 1970. 50-53: 50-53), но это представляется безосновательным, поскольку ничто в гомилиях Фотия не свидетельствует о полуторамесячной продолжительности осады: в частности, нет указаний на недостаток съестных припасов. Неделю с 18 по 25 июня, определяемую корреляцией свидетельств синаксаря и Брюссельской хроники, видимо, следует признать наиболее вероятным сроком.
20. См. прим. 8 выше. Сообщение Брюссельской хроники трудно подвергнуть сомнению. Во-первых, это редчайший в византийской историографии случай датировки события по всем пяти возможным параметрам (число, месяц, индикт, год от сотворения мира, год правления царствующего василевса), точно соответствующим друг другу. Во-вторых, здесь указано, что {R^~ прибыли на 200 судах, как это отмечают и

- все плагиаторы хроники Симеона Логофета: см. прим. 7 выше. То и другое как будто не позволяет сомневаться в том, что сообщаемые сведения восходят к очевидцам или современникам описанных событий.
21. *Дмитриевский А.А.* Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного востока. Т. 1: **Tupik=**. Киев, 1895: 83.
 22. Theophanis Chronographia/ Ed. C. de Boor. Leipzig, 1883: 399.
 23. *Ibid.*, 324; Nicephori archiepiscopi Constantino-politani opuscula historica / Ed. C. de Boor. Leipzig, 1880: 32.
 24. *Дмитриевский А.А.* Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного востока. Т. 1: **Tupik=**. Киев, 1895: с. VII-VIII.
 25. П.В. Кузенков заключил, что это словосочетание «не поддается объяснению»: Указ. соч., 101, прим. 4. Заключение поспешное: описка в одной букве вполне очевидна.
 26. В частности, именно к Фотию, по всей вероятности, восходит рукописная традиция *этимологиков* IX-XIII вв.: R. Reitzenstein. *Geschichte der griechischen Etymologika*. Leipzig, 1897: 4, 68 sq.
 27. III, 2 (27); III, 5 (31); IV, 1 (45).
 28. III, 1 (23); III, 2 (26-27).
 29. IV, 2 (47); ср. **moni4- Āgrio- katenem/sato**, Ps. 79:14.
 30. III, 3 (28). Ср. аналогичное же этимологическое толкование Фотием всех трех имен Рима — Amor, Flora, Roma — в *Amphilochia*, 134: Photii patriarchae Constantinopolitani Epistulae et *Amphilochia* / Ed. B. Laourdas et L.G. Westerink. Vol. I-VI. Leipzig, 1983-1988: V, 200-202.
 31. Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / Ed. I. Bekker. Bonn, 1838: 707, 3. Воспроизведенное здесь наилучшее чтение сохранилось в «географическом списке» А, в перечне епархий наследников Александра Великого, в рукописях Paris. gr. 1712, fol. 74 и Scor. Y-I-4, fol. 46: **{R^~ d1, o< kaJ Dromtai fer9numi, #p4 @^~ tino- sfodro\$ di1dramen #phc/mato~ t^~n crhsam1nwn 6x 7poq/kh~ Ō qeoklutja~ tin4~ kaJ 7persc3ntwn a8toV~ 6pik1klhntai**. Подробнее см.: *Карпозилос А.* Рос-Дромиты и проблема похода Олега против Константинополя // ВВ, 49, 1988, 112-118: 115-117.
 32. Actes de Saint-Pantéléèmon / Ed. P. Lemerle, G. Dagrón, S. Ćircović. Paris, 1982, no. 8, 17, 71-72, 76; 9, 4; 16, 2: no. 8, 17, 71-72, 76; 9, 4; 16, 2.
 33. Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / Ed. I. Bekker. Bonn, 1838.I, 39: p. 424. У Продолжателя Амартола в параллельном месте — **t^~n {Rwsiak^~n pl ojwn**: *Ibid.*, 914.
 34. *Назаренко А.В.* Кирилло-Мефодиева миссия и Русь: новый аспект (IX век) // Он же. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX – XII веков. М., 2001, 51-70: 51-70, особ. 54, 68.
 35. *Назаренко А.В.* Имя «Русь» в древнейшей западноевропейской языковой традиции (IX-XII века) // Он же. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX – XII веков.. М., 2001, 1: 11-50, особ. 31-36, 49-50. Автор подчеркивает, что это не предпринимает вопрос об идентификации выступающего под этим именем этноса, но не сомневается в том обстоятельстве, что его представители произносили свое имя по-славянски: там же, особ. 31, 49. Как видим, вполне могло оно произноситься и по-гречески. О. Прицак полагает, что так могли именоваться хазарские евреи, образовавшие вместе со скандинавскими викингами транснациональную торговую корпорацию, специализировавшуюся на вывозе рабов, мехов и воска (*Pritsak O.* *The Origin of Rus'*. Vol. I. Cambridge, Mass., 1981: 24-25). Эта гипотеза вполне согласуется с превращением этнонима **Sk1=boi** в обозначение рабов (прим. 11 выше), резервируя имя **{Ro\$~ / Ruzzi** для работоторговцев. Но ее опровергает свидетельство Вениамина Тудельского, по словам которого живущие в Славонии евреи «называют ее Ханааном, потому что жители этой земли продают своих сыновей и дочерей всем народам. Таковы и жители Руси, обширного царства от врат Праги до врат Киева, крупного города на краю этого царства» (*The Itinerary of Benjamin of Tudela* / Ed. M.N. Adler. London, 1907: 111). Здесь евреи явно выступают сторонними наблюдателями обычаев жителей Славонии и Руси.
 36. *Liber pontificalis* / Ed. L. Duchesne. 2 vols. Paris, 1886-1892: I, 457; II, 437, 531. В более ранних слоях этой компиляции, восходящих к VI-VIII вв., Sclavi и Sclavonia не упоминаются.
 37. *Grumel V.* *Le Typicon de la Grande Église d'après le manuscrit de Sainte-Croix: datation et origine* // *Analecta Bollandiana*, 85, 1967, 45-57: 45-57.
 38. *Mateos*, 1962: I, 320. В утраченном третьем списке, *Cod. Dresde A 104* 2-й пол. XII в., это место не восстанавливается: К.К. Агентьев. Дрезденский список Типика константинопольской Св. Софии (*Cod. Dresden A 104*). Реконструкция текста по материалам архива А.А. Дмитриевского // <http://byzantinorossica.org.ru/sources/dmitrievskii/dresden104.djv>. А. Дмитриевский привел два аналогичных примера из неполных списков константинопольского синаксаря той же иерусалимской библиотеки, №№ 53 и 285 (*Дмитриевский А.А.* Описание литургических рукописей,

- хранящихся в библиотеках православного востока. Т. 1: **Tupik=**. Киев, 1895: 83, прим.). И. Делез в своем эклектическом издании константинопольского синаксаря воспроизвел эту память опять-таки по патмосскому списку в издании А.А. Дмитриевского: *Delehayе Н.Н. Synaxarium ecclesiae constantinopolitanae*. Bruxelles, 1902: 770.
39. IV, 4 (50): %**Ama g+r t4 tejco- Ó parqenik\ stol\ periel/luqe, kaJ t|~ poliorkja~ o< b=rbaroi #peip3nte~ #neskeu=canto**.
40. Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы, 2000. М., 2003, 3-172: 113-118.
41. Впервые эта тенденция была отмечена еще А.И. Иванцовым-Платоновым (*Иванцов-Платонов А.И. К исследованиям о Фотии*. СПб., 1892) и с тех пор никем не оспаривалась. От мотивов такой цензуры, вероятно связанных с обстоятельствами переворота 867 г. и воцарения Македонской династии (867-1056), здесь можно отвлечься.
42. Vita Ignatii: PG 105, 540 sq.; E.V. Lyle. The Circus as Cosmos // *Latomus*, 43/4, 1984, 827-841: 3-5, 21-22, 297-306.
43. Обсуждение загадок «Евксинского треугольника» Византия — Хазары — Русь здесь также неуместно; последний обзор: И.Г. Коновалова. Вхождение Руси в систему политических отношений Хазарии, халифата и Византии // *Средневековая Русь*, 7, 2007, 7-30: 7-30.
44. Вторым свидетельством такого рода является сообщение Продолжателя Феофана о крещении росов вскоре после (**met' o8 polv**) их нападения на Царьград: Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus/ Ed. I. Bekker. Bonn, 1838, 33: p. 196, 6-15.
45. *Vaillant A.* Les "letters russes" de la vie de Constantin // *Revue des études slaves*, 15, 1935, 75-77: 75-77; cf. *Idem*, 1948: 7 sq.
46. *Назаренко А.В.* Кирилло-Мефодиева миссия и Русь: новый аспект (IX век) // Он же. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX – XII веков. М., 2001, 51-70: 63.
47. Об этом свидетельствуют выступление Фотия на Соборе 879-880 гг. и включение образа Игнатия в святительский чин мозаик Св. Софии, вероятно исполненных под патронажем Фотия в 880-882 гг.: *Акентьев К.К.* Некоторые итоги исследований мозаик Константинопольской Св. Софии и вопросы методологии историко-художественных реконструкций // *ВВ*, 44, 1983, 158-181: 158-181, особ. 165-167; он же, 1988: 11-17, особ. 15 сл. Важнейшим датирующим признаком служит сообщение о новом освящении Св. Софии 13 мая 882 г. в колофоне Cod. Laur. S. Marci 304, вероятно скопированном с протографа вместе с текстом: R. Reitzenstein. *Geschichte der griechischen Etymologika*. Leipzig, 1897: 4, 68 sq.
48. Constantini Porphyrogeneti Libri duo de cerimoniais aulae byzantinae / Ed. J.J. Reiske. Vol. I. Bonn, 1829, p. 702-783: p. 702-783, spec. 761.
49. Ряд дословно воспроизведенных памятней Типика Великой церкви в месяцеслове Остромирова евангелия указан О.В. Лосевой: О.В. Лосева. Русские месяцесловы XI-XIV веков. М., 2001: 50-53. Присутствие в Остромировом евангелии также и нескольких памятней палестинского происхождения этому не противоречит, ибо соответствует наличию палестинских черт в самом Cod. Patmos. 266 (см. прим. 58 ниже).
50. *Назаренко А.В.* Кирилло-Мефодиева миссия и Русь: новый аспект (IX век) // Он же. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX – XII веков. М., 2001, 51-70: 64-67.
51. *Diehl Ch.* Le trésor de la bibliothèque de Patmos au commencement du 13e siècle d'après des documents inédits // *BZ*, 1/3-4, 1892, 488-525: 488-525, text: 511-525, spec. 521; *Дмитриевский А.А.* Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного востока. Т. 1: **Tupik=**. Киев, 1895: с. V. Новое издание инвентаря: *Astruc C.* L'inventaire dressé en septembre 1200 du Trésor et de la Bibliothèque de Patmos. Édition diplomatique // *TM*, 8, 1981, 15-30, 15-30, text: 20-30, spec. 27, 165.
52. По-видимому, «другим» он выступает по отношению к первому, **Állo biblid3poulon t4 tupik4n t|~ 6kk1hsja~** (*Astruc C.* L'inventaire dressé en septembre 1200 du Trésor et de la Bibliothèque de Patmos. Édition diplomatique // *TM*, 8, 1981, 15-30: 23, 72), отличаемому в свою очередь от комплекта богослужебных книг монашеского устава — минеи, триоди, октоиха и пр. (*ibid.*, 23, 69-71). Согласно киторскому *Правилу св. Христула*, Cod. Patmos. 267, вечерние и всенощные службы всех господских праздников и воскресных дней поста должны служить по Савваитовскому уставу, но в иные воскресные дни допускаются послабления (BMFD, 2000: no. 24, A17, p. 587), возможно, именно по этому «другому уставу».
53. Ф. Томсон полагает, что этот корпус возник в результате перевода ad hoc монастырской библиотеки аналогичного состава: *Thomson F.J.* The nature of the reception of Christian Byzantine culture in Russia in the 10th to the 13th centuries and its implications for Russian culture // *Slavica Gandensia*, 5, 1978, 107-139: 107-139, esp. 117 sq.

54. *Vranoussi E.L. Patniak+ G/. {O kaqhgovmeno~ t|~ mon|~ P=tmou }w\$ \f }asjth~ kaJ Ó #rcai3terh #nagraf\ ceirogr=fwn t|~ mon|~ // Delt. Crist. }Arc. {Etaire. 4 ser. IV, 1964, 345-351: 345-351, spec. 349, pl. 73; *Astruc C. L'inventaire dressé en septembre 1200 du Trésor et de la Bibliothèque de Patmos. Édition diplomatique // TM, 8, 1981, 15-30: 16.**
55. О жизни и деятельности св. Христула см. его житие: **I. Sakkelion. }Akoulouja <er+ to\$ }sjou Cristod3lou. }Aq|nai**, 1884, а также последний обзор жития и примыкающих к нему источников: *Vranoussi E.L. T+ }giologik+ kejmena to\$ }sjou Cristodoulou, <rito\$ t|~ 6n P=tmou mon|~. }Aq|nai*, 1966, 87-139.
56. *Leroy J. La réforme stoudite // Il monachesimo orientale. (OCA, 153). Roma, 1958, 182-214: 182-214; Pott Th. Réforme monastique et évolution liturgique. La réforme stoudite // Crossroad of Cultures: Studies in Liturgy and Patristics in Honor of Gertrude Winkler / Ed. H.-J. Feulner, E. Velkovska, and R.F. Taft. (OCA, 260). Roma, 2000, 557-589: 557-589, spec. 560-572; Egender N. La formation et l'influence du Typicon liturgique de Saint-Saba // The Sabaite Heritage in the Orthodox Church from the Fifth Century to the Present / Ed. by J. Patrich. (Orientalia Lovanensia Analecta, 98). Leuven, 2001, 209-216: 209-216.*
57. Биография Феодора Студита восстанавливается по трем версиям его жития: (1) Михаила Монаха: PG 99, 233-328; (2) видимо, Феодора Дафнопата: PG 99, 113-232; и (3) и анонимной: *Добрюкловский А.П. Преп. Феодор, исповедник и игумен студийский. Т. I. Одесса, 1913: XXXIV-XC.*
58. *Mateos J.*, 1962: I, p. VIII-XVIII.
59. Полное собрание русских летописей, I: Лаврентьевская летопись. Л., 1926, 156 (под 1051 г.). Прямая генетическая зависимость этиологического предания об основании Киево-Печерской лавры от предания об основании обители Св. Саввы Освященного удостоверяется Нестором. Излагая чудо явления огненного столпа в Житии св. Феодосия, он прямо уподобляет его аналогичному чуду Жития св. Саввы, см.: «Успенский сборник» рубежа XII-XIII вв., ГИМ Усп. 4, л. 118. Об истоках этой традиции созидания Нерукотворного Храма: *Акентьев К.К. ЕМУСОС NAOS: Истоки святоникольской традиции и ее распространение в Киевской Руси // <http://byzantinorossica.org.ru/sntradition.html>: <http://byzantinorossica.org.ru/sntradition.html>, особ. 28-64, 67-72.* О влиянии распространявшейся через Олимп палестинской традиции на «Слово о законе и благодати» Иларион, древнейший известный памятник русской литературы: *Акентьев К.К. «Слово о законе и благодати» Иллариона Киевского. Древнейшая версия по списку ГИМ.* Син. 591 // *Византинороссика*, 3, 2005, 116-152: 120 сл.
60. *Назаренко А.В.* Об имени «Русь» в немецких источниках IX-XI вв. // *Вопросы языкознания*, 1980, № 5, 46-57: 46-57. Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1989: 293-307 (прим. 1 к главе IX / Е. Мельникова, В. Петрухин); *Назаренко А.В.* Имя «Русь» в древнейшей западноевропейской языковой традиции (IX-XII века) // Он же. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX – XII веков.. М., 2001, 1: 11-50.
61. *Rospond S. Pochodzenie nazwy Rus' // RS, 38/1, 1977, 35-50: 35-50; С. Роспонд. Miscellanea onomastica Rossica: Несколько замечаний о названии «Русь» // Восточнославянская ономастика: Исследования и материалы. М., 1979, 43-47: 43-47.*
62. ПСРЛ, VII: Воскресенская летопись. СПб., 1856, 262, 1856: 262.
63. *Назаренко А.В.* Об имени «Русь» в немецких источниках IX-XI вв. // *Вопросы языкознания*, 1980, № 5, 46-57: 46-47; он же, 2001, I: 31-34.
64. От поздних форм @vsi- и @ovsseo- здесь правомерно отвлечься, поскольку они не представлены в рассматриваемых памятниках.
65. *Толстов С.П.* Из предистории Руси (палеоэтнографические этюды // СЭ, 1947, № 6/7, 39-59: 39-59; *Vernadsky G.* The Origin of the Name Rus' // *Südost-Forschungen*, 15, 1956, 167-179: 167-179; *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. Л., 1973: 435-437.
66. Цирковая партия «красных», @ouss=toi/russati, разумеется, представляла собою римско-эллинистический институт, сохранивший свое название.
67. Упоминаются Страбоном (*Geogr.*, 3, 17) и Птолемеем (*Ptol.*, III, 5, 7), Аммианом Марцелином и Йорданом: подробнее см. прим. 114 ниже.
68. *Historia Alexandri Magni, Rec. g, lib.3 / Ed. F. Parthe. Der griechische Alexanderroman. Rezension g. Buch III. (Beitr. z. Klass. Phil., 33). Meisenheim am Glan, 1969: 35, 24-41.* Восходит, по-видимому, к VIII веку.
69. См. прим. 31 выше.
70. Существо вопроса освещается кратким, но информативным историографическим обзором: Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1989: 297-299 (прим. 1 к главе IX / Е. Мельникова, В. Петрухин). По основательному заключению А.В. Назаренко, эту «гипотезу нужно оставить» (*Назаренко А.В.* Имя «Русь» в древнейшей западноевропейской языковой традиции (IX-XII века) // Он же.

Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX – XII веков.. М., 2001, 1: 33-34). Сейчас речь идет, разумеется, не о возвращении к ней, а о выявлении возможного византийского субстрата тех лексико-семантических конфигураций, которые оказались в фокусе внимания ее сторонников.

71. *Стеблин-Каменский М.И.* История скандинавских языков. М.-Л., 1953: 26-27.
72. Как подчеркнул А.В. Назаренко, «не только не *любой* (по выражению Е.А. Мельниковой), а *ни один* из предложенных до сих пор композитов не дает лингвистически удовлетворительной праформы», поскольку «остается загадкой, ... как в языке самих варягов ... исходная форма типа **rōþs-menn* могла редуцироваться до **rōþs*». См.: *Назаренко А.В.* Имя «Русь» в древнейшей западноевропейской языковой традиции (IX-XII века) // Он же. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX – XII веков.. М., 2001, 1: 33.
73. *Медведев И.П.* Русские как «святой народ»: Взгляд из Константинополя XIV века // *Verbum*, 3: Византийское богословие и традиции религиозно-философской мысли в России. [Межд. конф.]. СПб., 2000, 83-89: 83-89.
74. Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1989: 236-237.
75. Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1989: 445, прим. 5 к главе 51. Хотя сами комментаторы этого не оговорили, можно предположить, что их внимание привлекли **@ovsia cel=ndia** (rubea chelandia в переводе Аннастасия Библиотекаря) из сообщения Феофана под 774 годом: *Theophanis Chronographia* / Ed. C. de Boor. Leipzig, 1883: 446.
76. *Constantin VII Porphyrogénète. Le livre des ceremonies* / Ed. A. Vogt. Vol. I. Paris, 1935: 10, 15, 26, 28, *et passim*.
77. *Die Werke Liudprands von Cremona* / Ed. J. Becker. (MGH SS rer. Germ. [41]). Hannover, Leipzig, 1915: p. 138.
78. *Die Werke Liudprands von Cremona* / Ed. J. Becker. (MGH SS rer. Germ. [41]). Hannover, Leipzig, 1915: p.186.6; 203.25.
79. *Adamus Bremensis, Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum*, I, 16 // *Adam von Bremen. Hamburgische Kirchengeschichte* / Ed. B. Schmeidler. (MGH SS rer. Germ. [2]). Hannover, Leipzig, 1917 I, 16: p. 22.
80. Ср.: *Подосинов А.В.* Символы четырех евангелистов. М., 2000: 140-148. Разумеется, в связи с этим можно вспомнить и размежевание «красноголовых» и «черноголовых» народов в шумеро-аккадской традиции. Но и такое сопо-

ставление может оказаться отнюдь не беспредметным, если не забывать также и о царской династии Русов в древнем Урарту (VIII-VII вв. до н.э.).

81. Цирковые партии — синие, зеленые, белые и красные — соответствовали четырем стихиям и четырем временам года, а сам константинопольский ипподром был «возведен во образ устройства мира», по свидетельству Иоанна Малалы, параллели которому обнаруживаются у Кассиодора, Кориппа, Иоанна Лида и Исидора Севильского: *Dagron G. Naissance d'une capitale*. Paris, 1974: 331-333; E.B. Lyle. *The Circus as Cosmos* // *Latomus*, 43/4, 1984, 827-841: 827-841. В истоках этой традиции, в древнем Вавилоне, четыре цвета — синий, черный, белый и красный — соответствовали четырем сторонам света, и в эти цвета окрашивались ступени зиккурата: *Bratianu G.J. Empire et "démocratie" à Byzance* // *BZ*, 37/1, 1937, 86-111: 93 sq. Связующим звеном между Вавилоном и Константинополем могла явиться **tetr=poli-** Антиохия, наиболее вероятная Alma Mater четырех факций: А.П. Дьяконов. Византийские димы и факции (**t+ nrh**) в V-VII вв. // *Византийский сборник*, 1945, 144-227: 181 сл.
82. *The Life of St Andrew the Fool* / Ed. L. Rydén. Uppsala, 1995. Vol. II, 262, 3840-3842: II, 262, 3840-3842; P.J. Alexander. *The Byzantine Apocalyptic tradition* / Ed. D.F. Abrahams. Berkeley, Los Angeles, 1985: 131-132, note 11; 161, note 38.
83. *Liudprandi Legatio XXXIX-XLIII*; Alexander., 1985: 96-122.
84. *Adamus Bremensis, Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum*, I, 16 // *Adam von Bremen. Hamburgische Kirchengeschichte* / Ed. B. Schmeidler. (MGH SS rer. Germ. [2]). Hannover, Leipzig, 1917 I, 28, p. 34.
85. *Annales*, 30-31.
86. *Vita sancti Anskarii* / Ed. G. Waitz et al. // *MGH SS. Lipsia*, 1925, II, 683-725, 683-725.
87. *Widukindi Corbeiensis rerum gestarum Saxonicarum* / Ed. P. Hirsch, H.E. Lohmann. (MGH, SS rer. Germ. [T. 60]). Hannover, 1935: I, 2; не вполне понятный русский перевод: Видукиндр Корвейский. Деяния саксов / Пер. Г.Э. Санчука. М., 1975: 126.
88. PG 92, 1353-1372. Поскольку в заключительной части повести рассказывается об осаде Константинополя арабами при Льве III Исавре (717-718), авторство Георгия Писиды исключено, а связь повести с его именем в рукописной традиции может объясняться сходством ее рассказа о событиях 626 г. с их описанием в поэме Писиды *Bellum Avaricum* (PG 92, 1263-1294).
89. Деяния царя Александра / Под ред. К.К. Акентьева и Б.И. Маршака (Византинороссика,

- 2). СПб., 2003: 2-3 (колофон), 8-61 (текст); М. Г. Джанашвили. К материалам по историческим древностям Грузии и России: Заметки, переводы и комментарии. Тифлис, 1912: 109-145; *Esbroeck M. van*. Une chronique de Maurice à Héraclius dans une récit des sièges de Constantinople // *Bedi Kartlisa*, 34, 1976, 74-96, 74-96; М. van Esbroeck. Un panégyrique de Théodore Studite pour la fête liturgique des sièges de Constantinople // **EULOGHMA**: To Robert Taft. (Studia Anselmiana, 110). Roma, 1993, 525-536: 525-536.
90. Деяния царя Александра / Под ред. К.К. Акентьева и Б.И. Маршака. (Византинороссика, 2). СПб., 2003: 11; *Джанашвили М.Г.* К материалам по историческим древностям Грузии и России: Заметки, переводы и комментарии. Тифлис, 1912: 115.
91. *Makk F.* Traduction et commentaire de l'Homélie écrite probablement par Théodore le Syncelle sur le siège de Constantinople en 626. Avec une préface de S. Szádeczky-Kardoss et Appendice: *Analecta Avarica* de L. Sternbach. (Acta Antiqua et Archaeologica, 19: Opuscula Byzantina, 3). Szeged, 1975, 74-96: 74-96.
92. Деяния царя Александра / Под ред. К.К. Акентьева и Б.И. Маршака. (Византинороссика, 2). СПб., 2003: 15, 43; М. Г. Джанашвили. К материалам по историческим древностям Грузии и России: Заметки, переводы и комментарии. Тифлис, 1912: 111, 117, 124, 130.
93. *Annales*, 30-31.
94. *Джанашвили М.Г.* К материалам по историческим древностям Грузии и России: Заметки, переводы и комментарии. Тифлис, 1912: 107-113; ср. PG 92, 1353 C15-18.
95. *Esbroeck M. van*. Un panégyrique de Théodore Studite pour la fête liturgique des sièges de Constantinople // **EULOGHMA**: To Robert Taft. (Studia Anselmiana, 110). Roma, 1993, 525-536: 530-536.
96. *Esbroeck M. van*. Un panégyrique de Théodore Studite pour la fête liturgique des sièges de Constantinople // **EULOGHMA**: To Robert Taft. (Studia Anselmiana, 110). Roma, 1993, 525-536: 526-530; Деяния царя Александра / Под ред. К.К. Акентьева и Б.И. Маршака. (Византинороссика, 2). СПб., 2003: 1-3.
97. *Esbroeck M. van*. Un panégyrique de Théodore Studite pour la fête liturgique des sièges de Constantinople // **EULOGHMA**: To Robert Taft. (Studia Anselmiana, 110). Roma, 1993, 525-536: 526.
98. *Ibid.*, 526.
99. Здесь и далее излагаются результаты предварительного источниковедческого обзора сказания о Субботе Акафиста, помещенного в приложении к настоящей публикации, с. 157-168.
100. Они проблематичны. М. Уитби предполагает приоритет утраченного «Великого Хронографа» конца VIII в., пятнадцать эксерптов из которого приписаны рукой XI в. к единственному списку Пасхальной хроники, Cod. Vat. gr. 1941 (*Whitby L.M.* // *The Great Chronographer and Theophanes* // *BMGS*, 8, 1982/83, 1-20: 1-20, esp. 17-20). Я.Н. Любарский отстаивает использование Феофаном первоисточников VI-VII вв. – Прокопия, Малалы, Феофилакты Симокатты и пр. (*Любарский Я.Н.* Феофан Исповедник и источники его «Хронографии» // *ВВ*, 45, 1984, 72-86: 72-86). Такой взгляд более реалистичен, поскольку в действительности отнюдь не Феофан и Никифор использовали «Великий хронограф», а, напротив, его составитель, работавший не ранее середины IX в., опирался на Феофана и Никифора (Nikephoros, Patriarch of Constantinople. *Short History* / Ed. C. Mango. (DOT, 10). Washington, 1990, 12-18, esp. 17-18). Однако в обсуждаемом случае материал Феофана о событиях 582-626 гг., использованный компилятором Сказания, не имеет прямых параллелей у Симокатты, рассказ которого обрывается в 602 г.
101. *Leonis Grammatici Chronographia* / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842, 2-207. Ранее эта версия приписывалась Льву Грамматикю, имя которого указано в колофоне Paris. gr. 1711 в качестве ее писца. Ван Эсброк придерживается этой традиции, но это тем более неприемлемо, что текст, охватывающий ход событий до 813 г., сохранился в Paris. gr. 854, к которой Лев не имеет никакого отношения. О значении этого списка как ближайшего к авторскому тексту Симеона: *Шестаков С.П.* О рукописях Симеона Логофета // *ВВ*, 5, 1898, 19-62: 19-62. Новое критическое издание Симеона (*Symeonis Magistri et Logothetae Chronicon* / Ed. St. Wahlgren. (CFHB, 44/1). Berlin, New York, 2006) мне осталось недоступно.
102. Nikephoros, Patriarch of Constantinople. *Short History* / Ed. C. Mango. (DOT, 10). Washington, 1990: 8-12.
103. Nikephoros, Patriarch of Constantinople. *Short History* / Ed. C. Mango. (DOT, 10). Washington, 1990: 12-15. Никифор не использовал ни Пасхальную хронику, ни Георгия Писиду, а Феофан в свою очередь едва ли использовал «Хронику 641 года»: *Ibid.*, 12-13; *Mango C.* Héraclius, Šahrvaraz et la Vraie Croix // *ТМ*, 9, 1985, 105-118: 105-118, spec. 106, and note 5.
104. Деяния царя Александра / Под ред. К.К. Акентьева и Б.И. Маршака. (Византинороссика, 2). СПб., 2003: 16-19, 54-55; М. Г. Джанашвили. К материалам по историческим древностям Грузии и России: Заметки, переводы и комментарии. Тифлис, 1912: 118, 138.

105. Theophanis Chronographia/ Ed. C. de Boor. Leipzig, 1883, 327, 24 – 328, 9: «Отвоевав с Персией шесть лет и на седьмом году заключив мир, царь с великою радостью возвратился в Константинополь, исполняя таким образом некое таинственное усмотрение (**mustikḗn tina qewrjan**). Ибо Бог, в шесть дней создавший все творение, день седьмой назвал днем отдохновения – так и он (Иракий), в шесть лет совершивший многие подвиги, в седьмом году почил от дел, с миром и радостью возвратившись в свой город». Попытка И. Шахида усмотреть аналогичный же символизм в *Шестодневе* Георгия Писиды (*Shahid I. The Iranian factor in Byzantium during the reign of Heraclius // DOP, 26, 1972, 293-320: 293-320, esp. 308, note 56*) не представляется убедительной.
106. Джанашвили М.Г. К материалам по историческим древностям Грузии и России: Заметки, переводы и комментарии. Тифлис, 1912: 114, 115.
107. T{u}t{t} P{otay Patriark{f}i af Zak{aria Kat{olikos / Ed. N. Akinean // Handes Amsorya, 82, 1968, 65-100, 129-156: 160, 163-164.
108. Дмитриевский А.А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного востока. Т. 1: **Tupik**-. Киев, 1895: 70-71.
109. Marcopoulos A. **Sumbol\ st\ cronol3ghsh to\$ Gewrgjou Monaco\$ // Svmmeikta 6, 1985, 223-231, 223-231.**
110. De Boor (301, 12-15) также напечатал **Karchd9n** вместо **Cal khd9n**, последовав за переводом Анастасия (Nikephoros, Patriarch of Constantinople. Short History / Ed. C. Mango. (DOT, 10). Washington, 1990: 176). То и другое, видимо, может объясняться разночтениями в рукописной традиции Феофана.
111. Джанашвили М.Г. К материалам по историческим древностям Грузии и России: Заметки, переводы и комментарии. Тифлис, 1912: 107.
112. Сказания о Царьграде по древним рукописям / Изд. В Яковлева. СПб., 1868: 11-39; Калайдович К., Строев И. обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке гр. Ф. А. Толстого. М., 1825, 124; Описание церковнославянских рукописных сборников Имп. Публичной библиотеки / Сост. А. Ф. Бычков. Ч. I. СПб., 1882: 73; Я.Е. Боровский. Византийские, старославянские и старогрузинские источники о походе русов в VII в. на Царьград // Древности славян и Руси. М, 1988, 114-119, 114-119 (автор «отождествил» повесть Пс.-Писиды с гомилией Феодора Синкелла, не затруднив себя сопоставлением сохранившихся памятников и выразив глубокое удовлетворение по поводу «появления» Руси на исторической сцене уже в начале VII в.).
113. Iordanis De Origine actibusque Getarum / Ed. F. Giunta, A. Grillone. (FSI, 117). Roma, 1991 XII, 74: p. 75, 9-20. Останавливаться на «росомонах», упомянутых только Йорданом и только один раз, в рассказе о гибели Германариха (XXIV, 129-130, p. 91,10 – 92,4), нет необходимости, поскольку его созвучие с гипотетическим *gōps-menp локализуется в виртуальном пространстве этиологического мифа о призвании варягов. В сущности это *haxax*, и здесь нечего обсуждать.
114. Ср.: Йордан. О происхождении и деяниях гетов / Вступ. статья, перевод и комментарий Е.Ч. Скржинской. М., 1960, прим. 247.
115. Iordanis De Origine actibusque Getarum / Ed. F. Giunta, A. Grillone. (FSI, 117). Roma, 1991 VII, 50, p. 67, 16-17.
116. *Zachariae Rhetori Historia / Ed. W. Brooks. T. II. (CSCO. Script. syri. Ser. III. T. VI/2). Leuven, 1923.: 209; Н. В. Пигулевская, Сирийские источники по истории народов СССР. Л., 1941: 166.*
117. *Makk F. Traduction et commentaire de l'Homélie écrite probablement par Théodore le Syncelle sur le siège de Constantinople en 626. Avec une préface de S. Szádeczky-Kardoss et Appendice: Analecta Avarica de L. Sternbach. (Acta Antiqua et Archaeologica, 19: Opuscula Byzantina, 3). Szeged, 1975, 74-96: 74-96.*
118. G.J. Reinink. Alexander the Great in seventh-century Syriac “apocalyptic” texts // Византинороссика, 2, 2003, 150-178: 150-178, esp.165.
119. *Budge E.A.W. The History of Alexander the Great. Cambridge, 1889: 268-270 (текст), 154-155 (перевод).*
120. *Reinink G.J. Die Entstehung der syrischen Alexanderlegende als politisch-religiöse Propagandaschrift für Herakleios' Kirchenpolitik // After Chalcedon: Studies in Theology and Church History / Ed. C. Laga et all. Leuven, 1984: 268-270.*
121. *Reinink G.J. Das syrische Alexanderlied. Die drei Rezensionen. (CSCO 454, 455. Script. Syri 195, 196).Leuven, 1983: 32-35, 84-105 (текст); 34-35, 104-131 (перевод); Idem, 2003: 165-168.*
122. *Beck E. Des heiligen Ephraem des Syrers Sermones III. (CSCO 320, 321; Script. Syri 138, 139). Leuven, 1972: 63-67 (текст), 84-89 (перевод).*
123. *Reinink G.J., 1993: 38-45 (текст), 62-74(перевод).*
124. *Reinink G.J. Alexander the Great in seventh-century Syriac “apocalyptic” texts // Византинороссика, 2, 2003, 150-178: 168-177. Новое критическое издание греческих и латинских версий: Aerts W.J., Kortekaas G.A.A. Die Apocalypse des Pseudo-Methodius. Die ältesten griechischen und lateinischen Übersetzungen. (CSCO 569, 570; Subs. 97, 98). Leuven, 1998.*
125. *Alexander P.J. The Byzantine Apocalyptic tradition / Ed. D.F. Abrahams. Berkeley, Los Angeles, 1985: 52-95, 186-192; Reinink G.J. Alexander the Great*

- in seventh-century Syriac “apocalyptic” texts // Византиновроссика, 2, 2003, 150-178: 171-177.
126. *Historia Alexandri Magni*, Rec. g, lib.3 / Ed. F. Parthe. Der griechische Alexanderroman. Rezension g. Buch III. (Beitr. z. Klass. Phil., 33). Meisenheim am Glan, 1969: 35, 24-41.
127. Автор или переписчик так называемых «Оракулов Льва Мудрого», Cod. Amsterd. VI E 8, восходящих к XII в., столь увлекся, что обозначил грядущего Помазанника именем Менахема (Oracul. XI: PG 107, 1137A), в точном соответствии раввинистической традиции. П. Александер выяснил, что указанное название этого памятника восходит к его издателю и не имеет никаких оснований в рукописной традиции, и предложил назвать его “*Cento of the True Emperor*”, см.: P.J. Alexander. *The Byzantine Apocalyptic tradition* / Ed. D.F. Abrahams. Berkeley, Los Angeles, 1985: 131 and 132, note 13.
128. См. прим. 183-184 ниже.
129. Вопрос – когда? К концу первого тысячелетия н. э. никакого Рослагена, по-видимому, еще не существовало, поскольку его будущая территория находилась под водой: уровень балтийской платформы в этом районе был ниже нынешнего минимум на 6 метров. Выражаю признательность Л.П. Грот за указание на этот общеизвестный в Швеции факт. Именно он и объясняет, почему Адам Бременский утверждает, что «Свеония состоит из островов». В итоге рассыпается вся цепочка *rōdsmaen – Roslagen – Ruotsi.
130. Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / Ed. I. Bekker. Bonn, 1838I, 39: p. 423, 14-17; Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / Ed. I. Bekker. Bonn, 1838: p. 746, 12-14.
131. *Karlin-Hayter P.* “Swift Danes” // *Byzantion*, 35, 1965, 359.
132. Thietmar VIII, 32, 1935: p. 530; *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники IX-XI веков. М., 1993: 142. Древнейший пример такой характеристики данов обнаруживается, по-видимому, у Равеннского Географа: «эта страна ... производит самых быстрых людей среди всех народов», см.: *Подосинов А.В.* Северо-Восточная Европа в «Космографии» Равеннского Анонима // *Восточная Европа в исторической перспективе: К 80-летию В.Т. Пашуто*. М., 1999: 236.
133. Thietmar VII, 37, 1935: p. 444.
134. Тем более, что это уже сделано: *Chernyak A.A.* Rōs-Dromitai et “veloces Dani” de Thietmar von Merseburg // *Византиновроссика*, 3, 2005, 85-91: 85-91.
135. *Annales de Saint-Bertin* / Ed. F. Grat et all. Paris, 1964: 30-31.
136. *Fluser D.* Sēfer Yōsippōn. Vol. I-II. Jerusalem, 1978-1980: I, 7-9.
137. Saxo Grammaticus, *Gesta Danorum*. (Dansk Nationallitteraert Arkiv). Copenhagen, 1996 2.5.2, 1996: p. 47, 2.
138. *Scriptores rerum Danicarum, Vol. I* / Ed. J. Langebek et al. Havnia, 1772: 151, 224; источник Саксона был указан уже П. Мюллером: *Saxonis Grammatici Historia Danica* / Ed. P.E. Muller. Pt. 1. Havnia, 1839: 85. В исландском сохранились обе формы, как kill (бухта, рукав, ручей), так и kelda (болото).
139. Saxo Grammaticus, *Gesta Danorum*. (Dansk Nationallitteraert Arkiv). Copenhagen, 1996. 2.5.2, 1996: p. 47, 3-5.
140. Вполне возможно, что здесь затрагиваются истоки также и боевого клича «Ура!», тюркская (Р.О. Якобсон, О.Н. Трубачев) и германская (М. Фасмер) этимологии которого равновероятны. Германская версия *hurra* — опять-таки дериват глагола *hurren*, «быстро двигаться», а «свирепый рев скифов» в 626 г. поразил автора сказания о Субботе Акафиста: Деяния царя Александра / Под ред. К.К. Агентьева и Б.И. Маршака. (Византиновроссика, 2). СПб., 2003: 29.
141. *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2. М., 1967, 34 (№ 67): 34 (№ 67).
142. *Annales de Saint-Bertin* / Ed. F. Grat et all. Paris, 1964: 30-31. На множестве иных возможных интерпретаций сообщения Ибн Руста здесь нет необходимости задерживаться.
143. MGH. *Epistolae Karolini aevi (V)* / Hrsg. E. Caspar et al. Berlin, 1928: 388, 15; *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси: 750-1200 / Под ред. Д.М. Буланина. СПб., 2000: 55-56.
144. *Laurent V.V.* Ein byzantinisches Bleisiegel aus Naithabu // *Bericht über die Ausgrabungen in Naithabu*, 12, 1978, 36-40: 36-37; *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси: 750-1200 / Под ред. Д.М. Буланина. СПб., 2000, Шепард, 2000: 56.
145. См. прим. 71 выше.
146. *Ibid.*, 31-32.
147. *Ibid.*, 63-64, 70-71.
148. Разумеется, сопоставить не значит отождествить. Указанную корреляцию отметил еще Ф. Крузе, указав, что со страниц западноевропейских хроник Roricus исчезает в тот же момент, когда русская летопись обретает его на Руси: *Крузе Ф.* О происхождении Рюрика // *ЖМНП*. 1836, Январь, 43-73. К развитию этого взгляда: Н.Т. Беляев. Рорик Ютландский и Рюрик начальной летописи // *Seminarium Kondakovianum*, 3, Прага, 1929, 215-270: 244 сл.; Х. Ловмянский. Рорик Фрисландский и Рюрик Новгородский // *Скандинавский сборник*. VII. Таллин, 1963, 221-227: 221-227.
149. *Vita sancti Anskarii* / Ed. G. Waitz et al. // MGH SS. Lipsia, 1925, II, 683-725, 705.

150. Уместность такого сопоставления подтверждается явственным археологическим следом, ведущим в Старую Ладугу опять-таки из Хедебу и насыщенным таким симптоматичным материалом, как скандинавские гребни из кости и оленьего рога, кувшины типа «Татингер», арабские дирхемы, кожаная обувь и янтарь: *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси: 750-1200 / Под ред. Д.М. Буланина. СПб., 2000, Шепард, 2000: 33-36. На западе аналогичный инвентарь обнаружен в Дорестаде и Йорке, где экспансия данов недвусмысленно засвидетельствована письменными источниками.
151. См. прим. 31 выше.
152. *Мельникова Е.А.* Варяги, варанги, взринги: скандинавы на Руси и в Византии // ВВ, 55(80) / 2, 1998, 159-164: 159-164.
153. К датировке Слова Илариона см.: *Акентьев К.К.* Мозаики киевской Св. Софии и «Слово» митрополита Илариона в византийском литургическом контексте // Византинороссика, 1, 1995, 75-94: 75-94, особ. 78-88; *Акентьев К.К.* «Слово о законе и благодати» Илариона Киевского. Древнейшая версия по списку ГИМ. Син. 591 // Византинороссика, 3, 2005, 116-152: 116-152, особ. 120 сл.
154. *Лихачев Д.С.* Устные летописи в составе «Повести временных лет» // Исторические записки, 1945, № 17, 201-224: 206; *Мельникова Е.А.* Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях древнерусских летописцев XI — начала XII вв. // Древнейшие государства Восточной Европы, 2005: Рюриковичи и российская государственность. М.: Индрик (в печати); весьма признателен автору за возможность ознакомиться с рукописью). Лихачев полагал, что Никон включил «легенду о призвании» в «Свод 1072/1073 г.»; Е.А. Мельникова отдает предпочтение предполагаемому «Древнейшему своду 1039 г.»; но de facto мы располагаем лишь текстом *Повести временных лет*, восходящим к 1113–1118 гг.
155. *Поппэ А.В.* Феофана Новгородская // Новгородский исторический сборник, 6 [16], 1997, 102-120: 102-120, сопоставил упоминание Феофаны в колофоне рукописи с изображением Ев. Иоанна на л.10б и заключил, что Феофану, «подружью» Остромира, «близока» Изяслава, по всей вероятности, следует считать дочерью Владимира и Анны, принцессы Македонской династии. Недавно, рассмотрев эту миниатюру de visu, я убедился в исключительном мастерстве исполнения фигурки Прохора, совершенно беспрецедентном в иллюстрированных рукописях X-XI вв. В наблюдениях Поппэ этот поразительный факт получает простое и убедительное объяснение.
156. *Шахматов А.А.* Повесть временных лет. Пг., 1916: III-X, XXXVII-XLI.
157. Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / Ed. I. Bekker. Bonn, 1838, 16: 235; *Mango C.* Eudocia Ingerina, the Normans, and the Macedonian Dynasty // ЗРВИ, 14/15, 1973, 17 ff: 17 ff.; *Kislinger E.* Eudokia Ingerina, Basileios I und Micael III // JÖB, 33, 1983, 119 ff: 119 ff.
158. Так ее именует надпись, сопровождающая ее портрет на титульном листе, fol. B, Paris. gr. 510, самого роскошного иллюстрированного кодекса византийского тысячелетия, по всей вероятности изготовленного по заказу Фотия в 880-882 гг.: *Kalavrezou-Maxeiner I.* The Portraits of Basil I in Paris. gr. 510 // JÖB, 27, 1978. 19-24: 19-24. О связи этой рукописи с мозаиками константинопольской Св. Софии: *Акентьев К.К.* Мозаики константинопольской Св. Софии. Автореферат. Л., 1988: 11-17.
159. *Васильевский В.Г.* Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // ЖМНП, 1874, Вып. 176, Отд. II, 105-144; ЖМНП, 1875, Вып. 177, Отд. II, 394-451; ЖМНП, Вып. 178, Отд. II, 76-152.
160. III, 1 (24).
161. III, 3 (27-28).
162. III, 7 (31).
163. IV, 4 (50); ср. прим. 38, 39 выше.
164. **te_co~ #poli3rkhton**: IV, 4 (50); **te_co~ Ārrhhton**: IV, 5 (51).
165. *Дмитриевский А.А.* Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного востока. Т. 1: **Tupik=**. Киев, 1895: 124; *Mateos*, 1963: II, 52-54.
166. *Дмитриевский А.А.* Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного востока. Т. 1: **Tupik=**. Киев, 1895: 101; *Mateos*, 1962: I, 362-364.
167. III, 2 (26-27).
168. Все ссылки даются по репринту издания Л. Штернбаха, ставшего библиографической редкостью: *Makk F.* Traduction et commentaire de l'Homélie écrite probablement par Théodore le Syncelle sur le siège de Constantinople en 626. Avec une préface de S. Szádeczky-Kardoss et Appendice: Analecta Avarica de L. Sternbach. (Acta Antiqua et Archaeologica, 19: Opuscula Byzantina, 3). Szeged, 1975, 74-96: 74-96.
169. К атрибуции: *Barišić F.* Le siège de Constantinople par les Avars et les Slaves en 626 // Byzantion. 24. 1954. 373 sq: 373 sq.
170. Разумеется, истоки этой традиции восходят к IV в., но классические ее формы обнаруживаются лишь в памятниках начала VII в.: *Cameron Av.* The Theotokos in Sixth-century Constantinople: A City finds its symbol // Journal of Theological Studies. 29/1. 1978. 79-108: 79-108; *Idem*, 1979: 42-56.

- ^{171.} Makk F. Traduction et commentaire de l'Homélie écrite probablement par Théodore le Syncelle sur le siège de Constantinople en 626. Avec une préface de S. Szádeczky-Kardoss et Appendice: Analecta Avarica de L. Sternbach. (Acta Antiqua et Archaeologica, 19: Opuscula Byzantina, 3). Szeged, 1975, 74-96: § 1, p. 74.
- ^{172.} Ibid., § 40-46, p. 90-94.
- ^{173.} Ibid., § 20, p. 82.
- ^{174.} Ibid., § 25, p. 84; § 28, p. 85. Это подтверждается двумя независимыми свидетельствами: в византийской пасхалии 7 августа 626 г. действительно выпадает на четверг, а описание упомянутых Феодором событий в *Пасхальной хронике* соответствует всем остальным его календарным выкладкам. Хотя лакуна в единственном списке поглотила день спасения города, хроника событий предшествующих дней целиком соответствует изложению Феодора: *Chronicon Paschale / Rec. L. Dindorf. Vol. I. Bonn, 1832. I, 716, 9 - 726, 10, особ. 724-726*. Отсчет римского годового круга с апреля — вместо марта — отражает совмещение апреля с нисаном, первым месяцем вавилонского годового круга, в процессе романизации селевкидского календаря, замещенного юлианским при сохранении вавилонской календарной номенклатуры. Иосиф Флавий, напротив, придерживается селевкидского календаря, т. е. древнего вавилонского календаря, арамейскую номенклатуру которого при Селевкидах продолжали применять параллельно с македонской, используемой Иосифом. Подробнее об этом см.: S. S. Stern. *Calendar and Community. A History of the Jewish Calendar, 2nd century BCE – 10th century CE*. Oxford, 2001: 25-47.
- ^{175.} Makk F. Traduction et commentaire de l'Homélie écrite probablement par Théodore le Syncelle sur le siège de Constantinople en 626. Avec une préface de S. Szádeczky-Kardoss et Appendice: Analecta Avarica de L. Sternbach. (Acta Antiqua et Archaeologica, 19: Opuscula Byzantina, 3). Szeged, 1975, 74-96: § 27-29, 32, p. 85-86.
- ^{176.} Ibid., § 31, p. 86.
- ^{177.} Ibid., § 25-26, p. 84-85.
- ^{178.} Если известно, на какой год 19-летнего вавилонского цикла выпадает обсуждаемый год нашей эры (626 г. = V год этого цикла), вавилонский эквивалент любого дня юлианского календаря определяется путем экстраполяции по календарным таблицам Р. Паркера и В. Дубберштайна, с точностью ± один день: Parker R.A., Dubberstein W.H. *Babylonian Chronology, 626 B.C. – A.D. 75*. Providence, 1956: 27-47.
- ^{179.} Такими расхождениями следует пренебречь, поскольку они обусловлены неизбежными расхождениями в эмпирическом определении новолуния. По расчетам С. Штерна, учитывающим региональные факторы и технические кон-
- венции наблюдения и расчета лунных циклов, упоминаемые в раввинистических источниках, в византийском мире расхождения не выходили за пределы одного — двух дней: Stern S.S. *Near Eastern Lunar Calendars in the Syriac Martyr Acts // Le Muséon*. 117. 2004. 447-472: 447-472, esp. 456-459.
- ^{180.} Goldstine H.H. *New and Full Moons: 1001 B.C. to A.D. 1651*. Philadelphia, 1973: 136.
- ^{181.} Parker R.A., Dubberstein W.H. *Babylonian Chronology, 626 B.C. – A.D. 75*. Providence, 1956: 47.
- ^{182.} Ibid., 47.
- ^{183.} День указан в *Prosperi Chronica* и *Excerpta Sangallensia* (Mommson Th. *Chronica minora*. I. (MGH AA, IX). Berlin, 1892: p. 466, 491, 300). Во втором свидетельстве 9 kal. sept. следует исправить на 19 kal. sept.: Bury J.B. *The History of the Late Roman Empire*. Vol. I. London, 1923: p. 183, n. 26. Византийская историографическая традиция также сохранила эту дату: Theophanis *Chronographia/ Ed. C. de Boor*. Leipzig, 1883 A.M. 5903, p. 81, 21-23.
- ^{184.} *De bello Vandalico* II, IX, 2-9. О вывозе сокровищ Храма из Рима Аларихом: *De bello Gothico* V (I), 12 [63]; о вывозе оставшейся части сокровищ Гейзерихом в Карфаген: *De bello Vandalico* I, V, 1-5.
- ^{185.} Согласно еврейской традиции, напротив, реликвии Храма оказались в Св. Софии и в императорском дворце: Scheja G. *Hagia Sophia und Templum Salomonis // Istanbul Mitteilungen*, 12, 1962, 44-58: 44-58, bes. 50-51.
- ^{186.} Из последних публикаций: Döpp H.-M. *Die Deutung der Zerstörung Jerusalems und des Zweiten Tempels im Jahre 70 in den ersten drei Jahrhunderten n. Chr. (Texte und Arbeiten zum neutestamentlichen Zeitalter, 24)*. Tübingen, 1998: bes. 18-102, 239-246; ср., однако, критический отзыв: Lehnardt A. *Rec. ad Döpp, 1998 // Jahrbuch für Antike und Christentum*. 42. 1999. 191-196: 191-196. Весьма содержателен сборник *Zerstörungen des Jerusalemer Tempels: Geschehen – Wahrnehmung – Bewältigung / Hrsg. von J. Hahn. (Wiss. Untersuch. zum Neuen Testament, 147)*. Tübingen, 2002, в котором особенно полезен превосходный обзор раввинистических толкований: Stemberger G. *Reaktionen auf die Tempelzerstörung in der rabbinischen Literatur // Zerstörungen des Jerusalemer Tempels: Geschehen – Wahrnehmung – Bewältigung / Hrsg. von J. Hahn. (Wiss. Untersuch. zum Neuen Testament, 147)*. Tübingen, 2002, 207-236.
- ^{187.} Ed. L. Sternbach / F. Makk, § 1, p. 74.
- ^{188.} Агентьев К.К. Календарная мистика в византийской историографии обороны и падения Константинополя (в печати).
- ^{189.} В частности, XVIII гомилия Фотия (прим. 3 выше) свидетельствует о том, что его увлекает

- представление о периодическом возрождении мира творческой силой времени. Это и риторика, и мировоззрение. Взгляд Фотия на мировую историю стал предметом, увы, неопубликованной диссертации: *Kustas G.L. Photius' Idea of History, Summary: Harvard Studies in Classical Philology*, 61, 1953, 170-172: 170-172.
190. Об этом свидетельствует V гомилия Фотия «Против евреев», сфокусированная на календарной проблематике пасхалистских споров: E.V. Lyle. *The Circus as Cosmos // Latomus*, 43/4, 1984, 827-841: 84. И византилисты, и гебраисты затрудняются объяснить существо приводимых Фотием аргументов против еврейской методики наблюдения лунных циклов, сопоставляя их с математическим еврейским календарем IX-X вв. Это анахронизм: Фотий мог иметь в виду лишь воспринятый евреями эмпирический вавилонский календарь, на состояние которого в VIII-IX вв. могут проливать свет псевдо-календарные барайты конца VIII в.; об этих последних см.: *Stern S. Fictitious Calendars: Early Rabbinic notions of time, astronomy, and reality // The Jewish Quarterly Review*. 87/1-2. 1996. 103-129: 103-129.
191. *Bibliothèque, Cod. 47, 76, 238: I, p. 32 sq., 155-158; V, p. 141-155.* При этом «Иудейские древности», кажется, не привлекли особого внимания Фотия: *Schamp J. Flavius Josephus et Photius: A propos d'une singulière lecture des "Antiquités Judaïques" // JÖB*. 32/3. 1982. 185-196: 185-196.
192. См. прим. 14-17 выше.
193. *Гаркави А.И.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870: 77-81. Хроника ат-Табари восходит к 915 г.
194. Единственная параллель в византийской традиции — аналогичный комментарий Арефы Кесарийского, начала X в.
195. *Andreas Caesareae Archiepiscopus. Commentarius in Apocalypsim // PG 106, col. 207-457: Kef. 63, XX, 7 // PG 106, col. 416D-417A.*
196. *Штерн М.* Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме. Т. I-II. М., Иерусалим, 1997-2002: II/2, 214, 30-32.
197. См. прим. 20 выше.
198. *Шестаков С.П.* О рукописях Симеона Логофета // *ВВ*, 5, 1898, 19-62: 151-160. особ. 151-153.
199. Ранее на этот день — 13 июня 313 г. — выпала публикация Миланского эдикта Константином и Лицинием.
200. *Stern S.S. Calendar and Community. A History of the Jewish Calendar, 2nd century BCE – 10th century CE.* Oxford, 2001, 175-210; новое издание *Послания, с приложением фотокопии рукописи: 277-283.*
201. *Goldstine H.H. New and Full Moons: 1001 B.C. to A.D. 1651.* Philadelphia, 1973: 156.
202. О календарях этой традиции: *VanderKam J.C. Calendars and Calendrical Information in the Dead Sea Scrolls // Христианский Восток: Нов. серия*, 1(7), 1999, 207-233: 207-233.
203. *Macrobius, Saturnalia I, 10, 2-24.*
204. *Штерн*, 2000: II/1, 7, 14, 84-85, 94; CPJ II, 418(b). Российский переводчик почему-то решил, что «пятые ноны июля» выпадают на 7 июля (прим. пер. на с. 14), но это его проблема.
205. *Depuydt L. The date of death of Jesus of Nazareth // Journal of the American Oriental Society*, 122/3, 2002, 466-480: 466-480, esp. 472-476. Именно поэтому к западу от Иерусалима — в Александрии, Константинополе и Риме — в юлианском календаре события обычно «запаздывают» на один день по отношению к их локализации в вавилонской системе отсчета. Противоположный эффект «опережения» наблюдается в случае, если событие фиксируется в местном египетском, греческом или римском календаре. Присяга Веспасиану в Египте единственный случай такого рода в рассматриваемом ряду событий. В масштабе всей византийской икумены, от Элефантины до северной Месопотамии, расхождение местных календарей достигало двух дней: см. прим. 179 выше.
206. *Goldstine H.H. New and Full Moons: 1001 B.C. to A.D. 1651.* Philadelphia, 1973: 90.
207. *Штерн*, 2000: II/1, 22, 29, 59-61. Тацит почти дословно воспроизводит Иосифа Флавия: «большинство верило в пророчество, содержащееся в древних жреческих книгах, что ... из Иудеи выйдут предназначенные властвовать над миром» (*Hist. V, 13*).
208. Таким источником могла явиться недошедшая до нас История Плиния, сопровождавшего Веспасиана в Сирии и Палестине. Особенно симптоматичны рассказы Тацита (*Hist. IV, 81*) и Светония (*Vesp. VII, 2*) о «знамениях машиаха» в духе Мф. 4:23-25 при исцелении Веспасианом в Александрии слепца и хромца (у Тацита сухо-рукого), калькирующие аналогичные евангельские эпизоды (Мр. 3:5; 8:23; Ин. 9:6) или их общий источник. И это нельзя не признать тем более значимым, что евангельская эпikleza «Сын Божий» (Мф. 14: 33; 27:43, 54) воспроизводит в свою очередь римскую императорскую титулатуру: *Mowery R. Son of God in Roman Imperial Titles and Matthew // Biblica*, 83, 2002, 100-110.
209. *Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. 3. Aufl. Bd. 1-3. Leipzig, 1887-1888. Bd. II/2, 1887: 909; В.Е. Вальденберг.* История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. СПб., 2008: 134-136.
210. *Apol. I, 3 = Eusebius, Hist. Eccl., IV, xxvi, 4-11.*
211. Ярче всех эту мысль выразил Павел Орозий: *Hist. VI.20.1-3,8.*

- ^{212.} Flavius Josephus *BJ* 7.6.6.
- ^{213.} Эту же мысль позднее выразит и Адриан возведением на руинах иерусалимского Храма опять-таки именно храма Юпитера Капитолийского: Cassius Dio, *Hist.* LXIX, 12, 1.
- ^{214.} Изгнание римских сборщиков, по-видимому, указано под 27 ияра: MegTaan. 8.
- ^{215.} Égérie. Journal de voyage (Iténéraire) / Ed. P. Maraval. (SC, 296). Paris, 1982: 48-49, p. 316.
- ^{216.} Scullard H.H. *Festivals and Ceremonies of the Roman Republic*. London, 1981, 186 sq: 186 sq.
- ^{217.} Об этом свидетельствуют Римский календарь 354 г. и Никомидийский мартиролог 412 г.: Un Martyrologe et douze ménologes syriaques / Ed. F. Nau. (Patrologia Orientalis, 10/1). Turnhout, 1915: 11; Breviarium syriacum seu martyrologium syriacum saec. IV / Ed. B. Mariani. (Rerum Eccles. Doc., Ser. minor, 3). Roma, 1956, 27: 27.
- ^{218.} Hoey A.S. Official policy towards oriental cults in the Roman army // Transactions and Proceedings of the American Philological Association, 70, 1939, 456-481: 456-481, esp. 479 sq.
- ^{219.} Ibid., 480 and n. 128.
- ^{220.} В лучшем списке, Cod. Parma de Rossi 117, указано 17 элула, но это могло явиться результатом искажения первоначальной традиции, засвидетельствованной Иосифом Флавием: он говорит о захвате Верхнего города Титом 7 элула, после 17-дневной осады, и в эпитоме его сообщения 7 элула могло превратиться в 17 элула вследствие ассимиляции. Сходное явление выше было отмечено в гомилии Феодора Синкелла, в калькуляции которого «десятому дню пятого месяца» еврейского календаря, дню разрушения Храма, соответствует «десятый день осады» Константинополя в «пятом месяце» римского календаря в качестве дня спасения Нового Иерусалима. В обоих случаях наблюдается сходное соотношение между свидетельствами Иосифа и их коррелятами в более поздних традициях.
- ^{221.} Эта дата также воспроизводится с разночтениями. С. Цейтлин отдал предпочтение 7 элула, оценив 4 элула как вторичное или испорченное чтение (*Zeitlin S.* Megillat Taanit as a Source for Jewish Chronology and History in the Hellenistic and Roman Periods. Philadelphia, 1922: 83 = MegTaan, 12). В. Ноэм, автор последнего критического издания (*Noam V.* פשרם, תולדותיהם (Megillat Ta'anit: Versions, Interpretation, History). Jerusalem, 2003; 2006), предпочитает 4 элула. Однако недавняя находка еще одного списка (*Rosenthal Y.* A New Fragment of Megillat Ta'anit // Akten der Session "Hebrew Manuscripts and Fragments in Austrian Libraries" des International Meeting der Society of Biblical Literature in Wien am 26. Juli 2007. (Sitzungsberichte der phil.-hist.Klasse, 783). Wien, 2009, 49-60) может изменить ситуацию, и В. Ноэм уже приступила к подготовке нового издания ([Http://www.verednoam.com/publications.htm](http://www.verednoam.com/publications.htm)).
- ^{222.} Этот календарь праздников написан на домишнаитском арамейском, видимо, в 41-70 гг. В раввинистической традиции он почитался как единственный письменный галахический свод, дополняющий Тору: *Noam V.* פשרם, תולדותיהם, מגילת תענית. הנוסחים (Megillat Ta'anit: Versions, Interpretation, History). Jerusalem, 2003: 349-359; V. Noam. Megillat Taanit – The Scroll of Fasting // The Literature of the Sages. Pt. 2: Midrash and Targum / Ed. Sh. Safrai et al. Amsterdam, 2006, 339-362: 356-361. В силу этого корреляции между ним и хроникой Иосифа Флавия обладают исключительной ценностью, указывая на вероятность общего и притом весьма авторитетного источника обеих калькуляций.
- ^{223.} Он рассматривается в отдельной работе: К.К. Акентьев. Календарная мистика в византийской историографии обороны и падения Константинополя (в печати).
- ^{224.} Parker R.A., Dubberstein W.H. *Babylonian Chronology, 626 B.C. – A.D. 75*. Providence, 1956: 41.
- ^{225.} Ibid., 30.
- ^{226.} Подробнее об этом: К.К. Акентьев. Мозаики киевской Св. Софии и «Слово» митрополита Илариона в византийском литургическом контексте // Византинороссика, 1, 1995, 75-94: 77-80.
- ^{227.} Goldstine H.H. *New and Full Moons: 1001 B.C. to A.D. 1651*. Philadelphia, 1973: 111.
- ^{228.} Nicetae Choniatae historia, I / Ed. J. van Dieten. (CFHB, 11/1). Berlin, 1975 Chon., I: 544.17 – 547.9.
- ^{229.} Grumel, 1957: 311.
- ^{230.} Реальное физическое время, в котором 7 августа 626 г. выпало на 9 элула (*Goldstine H.H.* New and Full Moons: 1001 B.C. to A.D. 1651. Philadelphia, 1973: 136), с пасхалией едва ли могло конкурировать.
- ^{231.} Nicetae Choniatae historia, I / Ed. J. van Dieten. (CFHB, 11/1). Berlin, 1975 Chon., I: 568.21; 569.9.
- ^{232.} Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / Ed. I. Bekker. Bonn, 1838I, 39: 423.14-17.
- ^{233.} *Noam V.* פשרם, תולדותיהם, הנוסחים, מגילת תענית (Megillat Ta'anit: Versions, Interpretation, History). Jerusalem, 2003: 193-195. Издатель обосновал конъектуру [שר], исправляющую испорченное чтение צר рукописей, включая Parma de Rossi 117, которое ранее соотносилось с Beit-Tsur в Иудее, захваченным Иудой Маккавеем. Конъектура позволяет отождествить שר מגדל со Стратоновой башней, **Str=twno~ pvrgo-**, перестроенной и переименованной Иродом в Кесарию, ставшую административным центром Палестины и называвшуюся Caesarea Maritima,

- в отличие от Кесарии Филипповой: Josephus, AJ 13, 324-335.
234. *Noam V.* מגילת תענית. הנוסחים, פשרם, תולדותיהם (Megillat Ta'anit: Versions, Interpretation, History). Jerusalem, 2003: 349-359; V. Noam. Megillat Taanit – The Scroll of Fasting // *The Literature of the Sages. Pt. 2: Midrash and Targum* / Ed. Sh. Safrai et al. Amsterdam, 2006, 339-362: 356-361.
235. Theoph. Cont.: 914.
236. Указание года от сотворения мира (6449) сохранилось в Cod. Paris. gr. 2303, fol. 5v: С.П. Шестаков. О рукописях Симеона Логофета // ВВ, 5, 1898, 19-62: 154.
237. «Июня же месяца 18 день 14 индикта приплу Русь на Константинъ град лодиами тысящ 10, иже и скеди глаголемь, от рода варяжеска сущимь»: В.М. Истрин. Книги временные и образные Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т. 1-2. Петроград, 1920-1922, т. 1: 567. «Скеди» здесь соответствуют **Dromtai**, а «варяжеска» — **Fr-ggwn** в сообщениях Продолжателя Феофана и Пс.-Симеона, сохранивших наилучшее воспроизведение общего источника: Theoph. Cont.: 423.14-17; 746.12-14.
238. Повесть временных лет / Изд. Д.С. Лихачева, под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, под ред. М.Б. Свердлова. СПб., 1996: 429.
239. Там же, 429.
240. Летописец еллинский и римский / Подг. текста О.В. Творогова. Т. 1: Текст. СПб., 1999, 502: 502.
241. *Parker R.A., Dubberstein W.H.*, 47.
242. Вслед за **Palai+ qe a Graf**/, здесь указан сам Иосиф: **Allo bibljon | H9sipo~**, а несколько ниже — комментарий Евстафия на его *Иудейские древности*: **steron E8stajjou <stwik4n perJ t|~ to\$ Hwsjpou >oudaïk|~ #rcaialogja~, ple_on dl 6sti t4 bibljon cronogr=fo- k#n kaJ o8 t1leio~** (*Astruc C.* L'inventaire dressé en septembre 1200 du Trésor et de la Bibliothèque de Patmos. Édition diplomatique // TM, 8, 1981, 15-30: 25, 124-125; 26, 147-148).
243. Судя по всему, в славянском переводе сохранилась первая редакция «Иудейской войны», адресованная малоазийским общинам и отмеченная особым «еврейским колоритом», тогда как греческая версия представляет собою вторую редакцию, предназначенную для римской общины, см.: *Nodet E.* Jewish features in the “Slavonic” War of Josephus // <http://josehus.yorku.ca>. Это коррелирует с ключевой ролью вифинского Олимпа в распространении палестинских традиций в византино-славянском мире (см. прим. 56 выше).
244. *Штейнзальц А., рав.* Время в еврейской традиции // <http://berkovich-zametki.com/Nomer19/Steinsalz1.htm>. Время в еврейской традиции // <http://berkovich-zametki.com/Nomer19/Steinsalz1.htm>.
245. Отправной пункт: *Sapir E.* The Status of Linguistics as a Science [1929] // *Idem.* Culture, Language and Personality / Ed. D.G. Mandelbaum. Berkeley, CA, 1958: 69; развитие: Б.Л. Уорф. Отношение норм поведения и мышления к языку // *Звегинцев В.А.* История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М., 1960, 255-285: 255-285.
246. В качестве введения в предмет сохраняет ценность: *Newman L.T., Popper W.* Studies in Biblical parallelism. Vols. 1-2. Los-Angeles, 1918. Не утратил свое значение и Ю.М. Лотман. Структура художественного текста. М., 1970, реальное содержание которого, безусловно, выходит за рамки структурализма.
247. *Schechter S.* An unknown Khazar document // *Jewish Quarterly Review*, 3, 1912, 181-219: 181-219; новое издание: *Golb N., Pritsak O.* Khazarian Hebrew documents of the tenth century. Ithaca, London, 1982; русская версия: *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века. М., Иерусалим, 1997, 101-193: 101-193.
248. *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века. М., Иерусалим, 1997, 101-193: 136, 16 – 137, 14 (текст); 141-142 (перевод).
249. Там же, 134, 16 – 135, 15 (текст); 138, 16 – 140, 15 (перевод).
250. BHG 1630-1634f.; . Combefis. *Illustrium Christi martyrum lecti triumphi*. Paris, 1660: 288-335; W. Levison. *Konstantinische Schenkung und Silvesterlegende* // *Miscellanea F. Ehrle*, II. (Studi e testi, 38). Roma, 1924, 159-247, 159-247, bes. 224-239.
251. *Georgii Monachi Chronicon* / Ed. C. de Boor, cur. P. Wirth. Stuttgart, 1978.1-3: p. 491, 12 – 499, 7.
252. ПСРЛ, I: Лаврентьевская летопись. Л., 1926, 86-106; Полное собрание русских летописей, II: Ипатьевская летопись. СПб., 1908, 73-92.
253. *Dagron G.* Le traité de Grégoire de Nicée sur le baptême des juifs // TM, 11, 1991, 313-357: 313-357.
254. Const. Porph. *Vita Basilii* // *Theophanes Continuatus V* // *Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus* / Ed. I. Bekker. Bonn, 1838, 95 // Theoph. Cont.: 341, 8 – 342, 6.
255. *Ibid.*, 96-97 // 342, 7 – 344, 18.
256. *Sēfer Yūhasin*, *Книга поколений*, составленная около 1054 г. Ахимом, главой еврейской общины южно-итальянского города Ории: A. Neubauer. *Medieval Jewish Chronicles*, II. Oxford, 1895: 111-132.
257. *Salzman M.* The Chronicle of Ahimaaz. N.Y., 1924: 70-74.
258. *Dagron G.* Le traité de Grégoire de Nicée sur le baptême des juifs // TM, 11, 1991, 313-357: 348-350.

259. Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М., Иерусалим, 1997, 101-193: 105-127.
260. Два латинских послания и сообщение ал-Масуди: *Starr J. The Jews in the Byzantine Empire 641-1204. Athens, 1939, 151-154; Kitāb murūj aldaḥab / Ed. C.B. de Meynard et P. de Courteille. Vol. 2. Paris, 1861: 8.*
261. В частности, «Армилом» именуется Иракий: G. Dagron. Introduction historique: entre histoire et apocalypse // ТМ, 11, 1991, 3-32: 27.
262. Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М., Иерусалим, 1997, 101-193: 159.
263. Византия, как известно, не культивировала династический принцип: *Dagron G. Empereur et prêtre: étude sur le "césaropapisme" byzantin. Paris, 1996: 70-73 et passim.*
264. *Marcopoulos A. Sumbol\ st\ cronol3ghsh to\$ Gewrgjou Monaco\$ // Svmmeikta 6, 1985, 223-231, 223-231.*
265. Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М., Иерусалим, 1997, 101-193: 158-177.
266. Т. н. «Поход Олега 907 г.», по всей вероятности, является историографическим мифом: *Карпозилос А. Рос-Дромиты и проблема похода Олега против Константинополя // ВВ, 49, 1988, 112-118: 115-117.*
267. Первый из четырех походов руси на Каспий арабские источники относят к периоду правления Хасана Бен Зайяда (864-883): *Алиев С.М. О датировке набегов русов, упомянутых Ибн Исфандиаром и Амоли // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. 2. М., 1969, 316-321: 316-321, особ. 317 сл.*
268. Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М., Иерусалим, 1997, 101-193: 140, 3-5; ср. комм. 159-161. Правление Вениамина В.В. Мошин предложил отсчитывать с 860 г.: *Mošin V. Les Khazares et les Byzantins d'après d'anonyme de Cambridge // Byzantion, 6, 1931, 309-325: 317 sq.*
269. *Fluser D. Sēfer Yōsippōn. Vol. I-II. Jerusalem, 1978-1980-1980: I, 177; II, 79 sq.*
270. Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М., Иерусалим, 1997, 101-193: 111-114, 159 (прим. 47).
271. *Fluser D. Sēfer Yōsippōn. Vol. I-II. Jerusalem, 1978-1980-1980: I, 7-9* (в комментарии приводится свидетельство Вениамина Тудельского, XII в.: «Евреи зовут их потомками Ханаана, ибо люди этой страны продают своих сыновей и дочерей»; см. также В.Я. Петрухин. Славяне и Русь в «Иосиппоне» и «Повести временных лет»: К вопросу об источниках начального русского летописания // Славяне и их соседи. Вып. 5, 1994, 44-56: 44-56, особ. 52-53. Ср.
- прим. 11 выше о трансформации первоначального значения этнонима **Skl=boi** в IX-X вв.
272. В частной беседе, но основывается это умозаключение на фактах, указанных в содержательной рецензии В.М. Лурье на очередную монографию по «хазарской проблеме»: *Лурье В.М. Рец. на: К.А. Brook. The Jews of Khazaria. Northvale, N.J., Jerusalem, 1999 // Христианский Восток, 2 (VIII), 2001, 436-441: 436-441.*
273. Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М., Иерусалим, 1997, 101-193: 24-25.
274. *Dagron G. Introduction historique: entre histoire et apocalypse // ТМ, 11, 1991, 3-32: 26-27.*
275. Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М., Иерусалим, 1997, 101-193: 28, 23-24.
276. Там же, 96.
277. *Chekin L.S. The Role of Jews in Early Russian Civilization in the Light of a New Discovery and New Controversies // Russian History, 17, 1990, 379-394: 379-394, esp. 384.*
278. Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М., Иерусалим, 1997, 101-193: 135, 9.
279. ארמיות – первое слово сохранившегося текста письма и одновременно последнее слово утраченной части: *Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М., Иерусалим, 1997, 101-193: 134, 1.*
280. Так полагает О. Прицак: *Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М., Иерусалим, 1997, 101-193: 156.*
281. *Antiochus Monachus. La prise de Jérusalem par les Perses en 614 / Ed. G. Garitte. (CSCO, 202-203; Iber. 11-12). Louvain, 1960: 4-22.*
282. *Dagron G. Introduction historique: entre histoire et apocalypse // ТМ, 11, 1991, 3-32: 26-27.*
283. Атрибуция Н. Марра: Антиох Стратиг. Пленение Иерусалима персами в 614 г. / Изд., пер. и комм. Н. Марра. (Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, IX). СПб., 1909.
284. Там же, 15. *Antiochus Monachus. La prise de Jérusalem par les Perses en 614 / Ed. G. Garitte. (CSCO, 202-203; Iber. 11-12). Louvain, 1960: 13.* Пс.-Себеос утверждает, что персы ворвались в город на 19-й день осады, но он отнес это событие к 615 году и запутался в календарных расчетах: *Ps.-Sébéos. Histoire d'Héraclius, 24 / Trad. F. Macler. Paris, 1904: 68-69.*
285. *Ibid., 69-70.*
286. По его словам, евреи выкупали пленных христиан у персов и резали их как жертвенных ягнят: *Antiochus Monachus. La prise de Jérusalem par les Perses en 614 / Ed. G. Garitte. (CSCO, 202-203; Iber. 11-12). Louvain, 1960: 17-18; Антиох Стратиг. Пленение Иерусалима персами в 614 г. / Изд., пер. и комм. Н. Марра. (Тексты и*

- разыскания по армяно-грузинской филологии, IX). СПб., 1909: 19-20.
287. *Garitte G.* Le Calendrier palestino-géorgien du Sinaiticus 34 (Xe siècle). (Subsidia hagiographica, 30). Bruxelles, 1958: 226. Перенос поджога Иерусалима на 17 мая в грузинских версиях Иерусалимского канонаря V-VIII вв. – вторичное явление, обусловленное включением этой памяти в богослужебный цикл пасхальной пятидесятницы (ibid.).
288. *Parker R.A., Dubberstein W.H.* Babylonian Chronology, 626 B.C. – A.D. 75. Providence, 1956: 47.
289. Впрочем, это сообщение сохранилось только в хронике Евтихия Александрийского сер. X в.: *Eutychii Annales* // PG 111, 907-1156: 1084 sq.
290. Причем у Иосифа боевые действия Тита предваряются троекратным осквернением Храма в этот же день — Архелаем, осквернившим его человеческими жертвами (AJ 17.9.3; BJ 2.1.3[10-13]; 2.1.5[30]; 2.6.2[89]), самаритянами, разбросавшими по Храму человеческие кости (AJ 18.2.2), и еврейской междоусобицей, которой и воспользовался Тит (BJ 5.3.1).
291. *Grumel V.* La chronologie. Paris, 1958: 310.
292. *Antiochus Monachus.* La prise de Jérusalem par les Perses en 614 / Ed. G. Garitte. (CSCO, 202-203; Iber. 11-12). Louvain, 1960: 54-55; Антиох Стратиг. Пленение Иерусалима персами в 614 г. / Изд., пер. и комм. Н. Марра. (Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, IX). СПб., 1909: 64. Антиох указывает 21 марта, однако Иоанн Болнисский подчеркивает, что Иракий вступил в Иерусалим с Честным Крестом в Страстную пятницу (22 марта), литургическое чествование которой начиналось после захода солнца в Великий четверг (21 марта). Подробнее см.: *Grumel V.* La reposition de la Vraie Croix à Jérusalem par Héraclius. Le jour et l'année // Festschrift F. Dölger. (Byzantinische Forschungen, 1). Amsterdam, 1966, 139-149: 139-149, spec. 142-144.
293. В 631 г. Пасха выпала на 24 марта: *Grumel V.* La chronologie. Paris, 1958: 310.
294. *Garitte G.* Le Calendrier palestino-géorgien du Sinaiticus 34 (Xe siècle). (Subsidia hagiographica, 30). Bruxelles, 1958: 67, 226, 229.
295. По списку Ох. 2797: *Lévi I.* L'apocalypse de Zorobabel et le roi de Perse Siroès // REJ, 68, 1914, 131-44: 131-44; *Sefer ha-Zikronot hu' Divrey ha-Yamim le-Yerahme'el* / Ed. E. Yassif. Tel Aviv, 2001, 427-35: 427-35. Критического издания нет.
296. Акентьев *К.К.* Календарная мистика в византийской историографии обороны и падения Константинополя (в печати).
297. Представление о варяжских истоках Руси и самого ее имени получило мощный импульс со стороны шведских гуманистов XVII века, отождествивших варягов со шведами, а самих шведов с гиперборейями классической традиции: подробнее об этом см. *Грот Л.П.* Истоки норманизма: шведская гипербориада и *Байер Г.З.* // <http://byzantinorossica.org.ru/byzrusvar.html>.
298. См. прим. 73 выше.
299. Подробнее об этом: Акентьев *К.К.* Наше наследие и наша реальность: Алиса Владимировна Банк (1906 — 1984) // http://byzantinorossica.org.ru/rus_literature.html: 2-3. В естествознании аналогичная исследовательская стратегия именуется «принципом взаимного прояснения» (principle of mutual elucidation) и может быть сопоставлена с отношением поочередной взаимной поддержки между шагами правой и левой ноги, ср.: *Лоренц К.* Обратная сторона зеркала: Опыт естественной истории человеческого познания. М., 1998: 255.
300. Подробнее об этих принципах библейской филологии: Акентьев *К.К.* **EMYUCOS NAOS**: Истоки святоニコльской традиции и ее распространение в Киевской Руси // <http://byzantinorossica.org.ru/sntradition.html>: 36-64, 88.
301. В связи с этим нелишне напомнить и о том, что периодизация всемирной истории в хронике Георгия Амартола, классическом образце своего жанра, не вполне соответствует богословским схемам. У Амартола не один и не два, а три поворотных пункта истории, выделяющих в ее спирали три витка: смерть Александра, разрушение Первого храма и воплощение Христа (именно в такой последовательности!). См.: *Georgii Monachi Chronicon* / Ed. C. de Boor, cur. P. Wirth. Stuttgart, 1978t, 1978: 4, 39, 285. Такой взгляд на вещи, по-видимому, отражает тот факт, что идеологическая парадигма Константина Великого изначально была сформирована по образцу Александра: прежде всего он выступил в качестве Нового Александра. Собственную статью на эту тему по техническим причинам автор не смог включить в изданный при его участии сборник о византийской *Александрии*: Деяния царя Александра / Под ред. К.К. Акентьева и Б.И. Маршака. (Византинороссика, 2). СПб., 2003.
302. См. прим. 85 выше.
303. PG 92, 1353, 44-47: **6k palaiā~ <storja~**; «суббота пред Благовещением» не указана. Во всех трех списках Типика Св. Софии IX-XII вв. всенощная Акафиста Богородице указана в субботу пятой седмицы поста: Акентьев *К.К.* Дрезденский список Типика константинопольской Св. Софии (Cod. Dresden A 104). Реконструкция текста по материалам архива А.А. Дмитриевского // <http://byzantinorossica.org.ru/sources/dmitrievskii/dresden104.djv>: 74-75, 141-142. Следовательно, Сказание отражает более древний обычай,

- вероятно практиковавшийся в 843-860 гг.: ср. прим. 384 ниже.
- ^{304.} Ср. Theophanes 265, 17 – 267, 15 и парафразу сведений Феофана ниже, в §§ 65-66.
- ^{305.} Ср. Nicephorus 9, 12 – 11, 30; Georgius Monachus: De Boor 668, 12 – 669, 3; PG 110, 828, 17-32; ЕЛ-2 390, 19-25; Leonis Grammatici Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842 149, 16 – 150, 2; а также парафразу этих сведений ниже, в §§ 81-83.
- ^{306.} Ср. Nicephorus 15, 5-9; Theophanes 300, 30 – 301, 6; Georgius Monachus: De Boor 670, 1-9; PG 110, 829, 7-12; ЕЛ-2 391, 3-8; Leonis Grammatici Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842 148, 12-16; а также парафразу этих сведений ниже, в §§ 80, 84.
- ^{307.} Ср. Nicephorus 15, 5-9; Georgius Monachus: De Boor 670, 1-9; PG 110, 829, 5-15; ЕЛ-2 391, 3-8; Leonis Grammatici Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842 150, 4-6; а также парафразу этих сведений ниже, § 84. Вместе с тем именно здесь начинается парафраза, а затем и дословный перевод повести Пс.-Писиды: PG 92, 1353-1372.
- ^{308.} §§ 9-19: PG 92, 1353, 55 – 1356, 2.
- ^{309.} Интерполяция компилятора Сказания, источник которой не определяется; пояснение «которые суть русы» (курсив М.Г. Джанашвили) — очевидная глосса, вероятно так же принадлежащая грузинскому переводчику, как и аналогичная глосса в § 67, материал которого также восходит к неизвестному источнику.
- ^{310.} PG 92, 1356, 3-10: парафраза.
- ^{311.} Интерполяция компилятора Сказания.
- ^{312.} Интерполяция компилятора Сказания.
- ^{313.} PG 92, 1356, 10-15: парафраза. Примечателен грецизм «Понтийского моря», странный для такого книжника, как Георгий Мтацминдели.
- ^{314.} Интерполяция компилятора Сказания, опирающаяся на Theophanes 327, 24-26; ср.: Georgius Monachus: De Boor 672, 10-14; PG 110, 832, 45 – 833, 4; Leonis Grammatici Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842 152, 10-14; ЕЛ-2 392, 2-5; а также краткую парафразу этих сведений в § 94 ниже.
- ^{315.} PG 92, 1356, 15-16: парафраза с амплификацией.
- ^{316.} Так и в греческом оригинале, **mon3xul a**: PG 92, 1356, 19-20.
- ^{317.} PG 92, 1356, 16-21: парафраза с амплификацией.
- ^{318.} §§ 17-18: PG 92, 1356, 21-28: дословный перевод.
- ^{319.} PG 92, 1356, 28-35: дословный перевод.
- ^{320.} PG 92, 1356, 36-38: парафраза с амплификацией.
- ^{321.} PG 92, 1356, 39-42: дословный перевод.
- ^{322.} PG 92, 1356, 42-47: дословный перевод, за исключением того обстоятельства, что последняя фраза в оригинале относится к действиям эпарха Воноса.
- ^{323.} PG 92, 1356, 47-54: дословный перевод, за исключением того обстоятельства, что Пс.-Писидой упомянута только икона Богородицы с Младенцем.
- ^{324.} PG 92, 1356, 55 – 1357, 4: дословный перевод.
- ^{325.} PG 92, 1357, 4-12: **#ceirop3ihton tvpon**; дословный перевод, за исключением того обстоятельства, что «святая одежда Его» и икона Богородицы в грузинском переводе появились вследствие расщепления образа «честного покрыва Пресвятой <Богородицы>», упомянутого Пс.-Писидой. Это очень странно: едва ли такой выдающийся книжник, как Георгий Мтацминдели, мог не узнать в греческом оригинале столь прославленную реликвию. Ср. прим. к §14 выше. Парафраза Пс. 67:1-4 соответствует цитате Пс. 67:1-2 в греческом оригинале.
- ^{326.} Интерполяция компилятора Сказания.
- ^{327.} PG 92, 1357, 13-15: дословный перевод.
- ^{328.} PG 92, 1357, 15-19: дословный перевод.
- ^{329.} §§ 29-30: PG 92, 1357, 19-28: парафраза с амплификациями.
- ^{330.} PG 92, 1357, 28-32: дословный перевод.
- ^{331.} PG 92, 1357, 32 – 1360, 3: парафраза с амплификациями.
- ^{332.} PG 92, 1360, 4-7: дословный перевод.
- ^{333.} Интерполяция компилятора Сказания.
- ^{334.} PG 92, 1360, 7-16: почти дословный перевод.
- ^{335.} В греческом оригинале: **p3lin klhrononja~ sou**.
- ^{336.} §§ 35-36: PG 92, 1360, 17-27: почти дословный перевод.
- ^{337.} PG 92, 1360, 27-31: почти дословный перевод.
- ^{338.} PG 92, 1360, 31-37: почти дословный перевод.
- ^{339.} PG 92, 1360, 38-41: почти дословный перевод.
- ^{340.} PG 92, 1360, 42-44: почти дословный перевод, но в оригинале не «с севера и юга», а «из Азии и Европы», в соответствии с реалиями.
- ^{341.} PG 92, 1360, 44-47: почти дословный перевод.
- ^{342.} PG 92, 1360, 47 – 1361: близкая к тексту парафраза.
- ^{343.} PG 92, 1361, 7-16: почти дословный перевод.
- ^{344.} PG 92, 1361, 16-23: почти дословный перевод.
- ^{345.} PG 92, 1361, 23-32: почти дословный перевод.
- ^{346.} PG 92, 1361, 33-37: дословный перевод.
- ^{347.} PG 92, 1361, 37-43: почти дословный перевод.
- ^{348.} PG 92, 1361, 43-48: почти дословный перевод.
- ^{349.} Интерполяция компилятора Сказания.
- ^{350.} PG 92, 1361, 48-50: парафраза.
- ^{351.} PG 92, 1361, 50-55: почти дословный перевод.
- ^{352.} PG 92, 1361, 55 – 1364, 5: дословный перевод.
- ^{353.} PG 92, 1364, 6-7: парафраза.
- ^{354.} PG 92, 1364, 8-11: почти дословный перевод.
- ^{355.} PG 92, 1364, 12-15: почти дословный перевод.
- ^{356.} PG 92, 1364, 15-20: парафраза. Конкретизация «субботный пред Благовещением день» отсутствует в греческом оригинале: ср. прим. 303 выше. Здесь парафраза Повести Пс.-Писиды прерывается и начинается обширная серия интерполяций компилятора Сказания, основывающихся на иных источниках.

- ^{357.} Следовательно, события 626 г., рассказ о которых закончен возгласом «Аминь», отнюдь не явились непосредственной «причиной» этого «повествования» – вероятно, проповеди по случаю установления – или восстановления – ежегодного празднования Субботы Акафиста.
- ^{358.} Здесь компилятор Сказания, вероятно, имеет в виду монофелитскую ересь, так как иконоборческие гонения начались после арабской осады города 718 г. – последнего из упомянутых в Сказании событий.
- ^{359.} Theophanes 251, 24 – 252, 1; Georgius Monachus: De Boor deest; PG 110, 813, 11-14; ЕЛ-2 385, 24-26; Leonis Grammatici Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842, 138, 1-5. Подмена Юстина II Юстинианом и «помощь Животворящего Креста» параллелей не имеют.
- ^{360.} Theophanes 252, 1-14; Georgius Monachus: De Boor deest; PG 110, 813, 17-19; ЕЛ-2 385, 26-30; Leonis Grammatici Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842, 138, 1-5, 7-9. Но Феофан не утверждает, что ягоды шелковицы (**suk=nina**, смоква) были отравлены, ссылаясь только на их вредность, повлекшую заболевание чахоткой с летальным исходом (возможно, из соображений «политкорректности»).
- ^{361.} Хотя срок царствования Маврикия не указан Феофаном, он легко вычисляется по его погодным записям соответственно под 6075 и 6095 гг. применяемой им Александрийской эры: Theophanes 252, 14 и 290, 21; Амартолом и Симеоном срок указан: Georgius Monachus: De Boor 656, 15-16; PG 110, 813, 21-22; ЕЛ-2 385, 34-35; Leonis Grammatici Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842, 138, 11.
- ^{362.} Источник этой реляции не определяется, но она может представлять собою не более чем *moralité* компилятора.
- ^{363.} Theophanes, 253, 26-28; Georgius Monachus: De Boor deest; PG 110, 813, 22-28; ЕЛ-2 deest; Leonis Grammatici Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842, 138, 13-15.
- ^{364.} Четыре года спустя, согласно Феофану: см. предыдущее прим.
- ^{365.} Коментиол, согласно Феофану; источник сведений о его фракийском происхождении не определяется. Возле Нисибина это сражение локализовано только Феофаном: Theophanes, 262, 5-11.
- ^{366.} Источник этого сообщения также не определяется.
- ^{367.} §§ 62-63: краткое резюме событий, изложенных Феофаном: Theophanes, 262, 16 – 265, 15.
- ^{368.} §§ 64-65: краткое резюме событий, изложенных Феофаном: Theophanes 265, 19-22. Но у Феофана именно конь доставил Хосроя в Керкесию и нет ни слова ни о призывании Хосроем христианского Бога, ни о его супруге и детях.
- ^{369.} Источник этого сообщения не определяется.
- ^{370.} §§ 65-66: приблизительное резюме событий, изложенных Феофаном: Theophanes 265, 17 – 267, 15. Но у Феофана нет сведений о личной встрече Хосроя с Маврикием и Мартирополь не упоминается в этом контексте. Пояснения «*Мупаракан*» и «*Баграм Чубин*» представляют собою очевидные глоссы грузинского переводчика.
- ^{371.} Источник не определяется; у Феофана поход на скифов возглавляет не Маврикий, а Коментиол; поясняющая глосса «т. е. *руссов*» явно так же принадлежит грузинскому переводчику, как и обе глоссы в § 66, и аналогичная же глосса в § 11.
- ^{372.} Theophanes, 280, 1-8: однако без мотивации действий Маврикия «возмущением против него» и без указания числа пленников, «дракану» соответствует «номисма»; Georgius Monachus: De Boor 659, 4-9; PG 110, 817, 16-22; ЕЛ-2 386, 29-34; Leonis Grammatici Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842 140, 5-10: повсюду идентичное число пленников.
- ^{373.} Theophanes, 284, 21 – 285, 1; Georgius Monachus: De Boor 659, 10-17; PG 110, 817, 24-31; ЕЛ-2 387, 1-5; Leonis Grammatici Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842 140, 11-17.
- ^{374.} Theophanes, 285, 4-16; Georgius Monachus: De Boor 659, 21 – 660, 10; PG 110, 817, 36-48; ЕЛ-2 387, 7-13; Leonis Grammatici Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842 140, 21 – 141, 6. Вновь странный для ученого книжника грецизм в переводе: **e> t\`n calk\`n pvlhn to\$ palatjou**; ср. прим. к §§ 14, 25 выше.
- ^{375.} Theophanes, 285, 16-31; Leonis Grammatici Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842 141, 6-16; ЕЛ-2 387, 14-21; De Boor 660, 10-22; PG 110, 817, 48 – 820, 9.
- ^{376.} Theophanes, 285, 1-4; Georgius Monachus: De Boor 659, 17-19; PG 110, 817, 32-34; ЕЛ-2 387, 5-7; Leonis Grammatici Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842 140, 17-19.
- ^{377.} Theophanes, 285, 31 – 286, 8; Georgius Monachus: De Boor 660, 22 – 661, 5; PG 110, 820, 10-16; ЕЛ-2 387, 22-26; Leonis Grammatici Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842 141, 16-21.
- ^{378.} Theophanes, 289, 28 – 290, 1: но у Феофана не упомянуто падение в овраг; Georgius Monachus: De Boor 661, 16 – 662, 8; PG 110, 820, 31 – 821, 2; ЕЛ-2 387, 35 – 388, 7; Leonis Grammatici Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842 142, 11-22.
- ^{379.} Theophanes, 290, 1-9: но о расправе над женой и дочерьми сообщается позднее: 295, 7-9; Georgius Monachus: De Boor 662, 15 – 663, 11; 664, 2-6; PG 110, 821, 17-38; 824, 9-14; ЕЛ-2 388, 13-33; Leonis Grammatici Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842 143, 21-144, 16.

- ^{380.} Theophanes, 290, 12-20; Georgius Monachus: De Boor 664, 8-9; PG 110, 821, 6-9; 824, 18-19; ЕЛ-2 388, 36 – 389, 1; Leonis Grammatici Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842 143, 6-8.
- ^{381.} Источник не определяется; возможно, moralité компилятора.
- ^{382.} Примечательная контаминация правильной формы имени Приска у Феофана (Theophanes, 294) и его искажения («Крисп») у Никифора (Nicephorus 4, 4–5) и следующего за ним Амартола (Georgius Monachus: De Boor 668, 3).
- ^{383.} Theophanes, 295, 27-32; Georgius Monachus: De Boor deest; PG 110, 824, 45 – 825, 3; ЕЛ-2 deest; Leonis Grammatici Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842 146, 5 – 8.
- ^{384.} Theophanes, 298, 15-19; Georgius Monachus: De Boor 665, 9-13; PG 110, 825, 4-8; ЕЛ-2 389, 11-15; Leonis Grammatici Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842 146, 8–11. Нерукотворный образ, **#ceirop3ihton eik3na**, упомянут во всех источниках, кроме Феофана. При этом все три версии хроники Амартола ссылаются на Георгия Писиду, но Софийская бухта не упомянута в версиях Де Боора и ЕЛ-2. В параллельном месте у Феофана говорится об образе Богородицы, но также со ссылкой на сообщение Георгия Писиды. Нерукотворный образ Спасителя упомянут Феофаном в другом месте, в рассказе о походе Ираклия в Персию (Theophanes 303, 17-21), и в этом случае Феофан действительно воспроизводит единственное сообщение Писиды о Нерукотворном образе, сохранившееся в подлинном его сочинении, *De expeditione Persica* (Ed. A. Pertusi I, 139-151 = PG 92, 1207-1208). Однако в этом случае Феофан не указывает источник. Тем не менее ссылка на Писиду присутствует по меньшей мере в одной из трех версий Амартола, упоминающих Нерукотворный образ также и в рассказе о морском походе Ираклия в Персию, через Евксинский Понт (см. § 85 ниже). Идентификация этого образа вне сомнений: речь может идти лишь об *Imago Samuliana*, доставленной в Константинополь в 574 г. (*Mango C. The Art of Byzantine Empire 312-1453: Sources and Documents*. Englewood Cliffs, N.J., 1972, 114-115); Нерукотворный образ Эдессы упомянут только в интерполированной версии Амартола (PG 110, 920, 17-24), скомпилированной после перенесения этой реликвии в Константинополь в 946 г. С учетом этих фактов ссылка всех трех версий Амартола на Писиду в рассказе о походе Ираклия на Константинополь может связываться либо с § 25 Повести Пс.-Писиды, где Нерукотворный образ выносится патриархом Сергием на стены города при его обороне от аваров, либо с настоящим фрагментом Сказания, вероятно так же обращавшегося в IX-X вв. под именем Георгия Писиды, как и положенная в его основу

Повесть Пс.-Писиды. Отсюда возможны два допущения. Во-первых, Повесть Пс.-Писиды могла явиться источником не только Сказания, но и тех историографических памятников, в которых оно получает параллели. Но этому противоречит тот факт, что рассказ Повести об обороне города от аваров в них не использован. Во-вторых, в совершенно новом свете может предстать связь с этими памятниками самого Сказания: не оно может опираться на Амартола, а, напротив, Амартол, по меньшей мере в ряде случаев, мог использовать Сказание. Отсюда правомерно заключить, что если параллели Сказанию у Феофана и Никифора вполне могут отражать технику работы компилятора, использовавшего эти хроники или их источники наряду с повестью Пс.-Писиды, то параллели Сказанию во всех трех версиях Амартола и у Симеона Логофета (Льва Грамматика), напротив, могут объясняться использованием Сказания этими более поздними компиляторами. По-видимому, компилятор Сказания дополнил материал Повести Пс.-Писиды материалами Никифора и Феофана или их источников, а созданная им компиляция была в свою очередь использована Амартолом и его последователями, в том числе и плагиаторами Симеона Логофета, в частности Львом Грамматиком, переписчиком рукописи Paris. gr. 1711 (1013 г.), указавшим свое имя в колофоне. Таким образом, Сказание старше Амартола (не ранее 872 г.), хотя и моложе Феофана († 818) и Никифора (780-е гг.). В итоге по этому немаловажному признаку Сказание локализуется в интервале между 818 и 872 гг. Но он может быть сужен до 843-860 гг., поскольку Сказание, по-видимому, было составлено после торжества православия в 843 г., но прежде не упомянутого в нем нападения руси на Царьград в 860 г. Причины появления мотива Нерукотворного образа в рассказе Сказания о походе Ираклия на Константинополь могут проясняться лишь умозрительно. Поскольку в 574 г. *Imago Samuliana* была перенесена в Константинополь и затем едва ли выносилась из города, реалистичными могут быть сообщения Писиды и Феофана о ее использовании в персидском походе Ираклия, в то время как в рассказ о его походе на Константинополь этот мотив мог быть перенесен по аналогии. Стимулом к этому мог явиться рассказ Пс.-Писиды об использовании этой реликвии патриархом Сергием в дни обороны города от аваров, который компилятору Сказания не мог не показаться противоречащим сообщению Феофана о ее использовании в это же время Ираклием в походе на персов. Отсюда он мог допустить, что Феофан перепутал две реликвии, икону Богородицы и Нерукотворный образ Спасителя, тем более что

ссылка Феофана на Псиду в первом случае в представлении компилятора связывалась с рассказом Пс.-Псиды, ближайшим его источником. Соответственно мотив Нерукотворного образа он вполне мог перенести в рассказ о походе Ираклия на Константинополь и тем самым сохранить связь образа Ираклия с этой святыней без внутренних противоречий в изложении событий. Перед Амартолом и Симеоном, не использовавшими рассказ Пс.-Псиды о защите города от аваров, указанная проблема не возникала, и они воспроизвели как сообщение Феофана, так и сообщение Сказания, вероятно известного им также под именем Пс.-Псиды, возможно, в качестве распространенной версии его повести.

^{385.} §§ 76-77: Nicephorus 4, 19 – 5, 4; Theophanes deest; Georgius Monachus: De Boor 665, 13 – 666, 13; PG 110, 825, 9-30; ЕЛ-2 389, 16-25; Leonis Grammatici Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842 146, 11 – 147, 3. У Никифора этого персонажа зовут не Фотином, а Фотием. Это может служить еще одним подтверждением зависимости не Сказания от Амартола, а, напротив, Амартола и Симеона от Сказания или его источников, близких к Никифору и Феофану, но в деталях нередко отличающихся от них.

^{386.} Nicephorus deest; Theophanes deest; Georgius Monachus: De Boor deest; PG 110 deest; ЕЛ-2 389, 26-30; Leonis Grammatici Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842 147, 3-8. Еще одно свидетельство зависимости некоторых версий Амартола и Симеона от Сказания.

^{387.} Nicephorus deest; Theophanes, 299, 8-14; Georgius Monachus: De Boor 667, 18-20; PG 110, 825, 32-38; ЕЛ-2 390, 9-11; Leonis Grammatici Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842 147, 9-14. Сказание резюмирует сообщение Феофана; Амартол в версии Муральта и Симеон (Лев Грамматик) отмечают, что венчание Ираклия на царство сочеталось с бракосочетанием его с Евдокией и сопровождалось провозглашением василевса в Великой церкви; в версиях Де Боора и ЕЛ-2 Евдокия не упомянута, а местом коронации Ираклия названа Великая церковь. Следовательно, в этом случае обнаруживается независимость как Сказания от Амартола, так и всех трех версий Амартола и Симеона от Сказания и Феофана. Поэтому здесь возможно независимое использование источника Феофана (или иного источника) Амартолом и Симеоном.

^{388.} Nicephorus 15, 5-9; Theophanes, 300, 30 – 301, 6; Georgius Monachus: De Boor 670, 1-9; PG 110, 829, 7-12; ЕЛ-2 391, 3-8; Leonis Grammatici Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842 148, 12-16. У Никифора и во всех трех версиях Амартола здесь очевидна контаминация с эпизодом § 84, причем Никифор вместо Захарии ошибочно называет Модеста. Тем самым и в

этом случае подтверждается следование Сказания за Феофаном или его источником, равно как и его независимость от Амартола.

^{389.} Nicephorus deest; Theophanes, 301, 9-13; Georgius Monachus: De Boor deest; PG 110, 829, 13-15; ЕЛ-2 deest; Leonis Grammatici Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842 148, 17-18. У Амартола и Симеона вместо Кархидона, т. е. Карфагена, указан «Калхидон», в соответствии с Феофаном, согласно которому Халкидон персы взять не смогли и обложили осадой. Однако De Boor (301, 12-15) напечатал **Karchd9n** вместо **Calkhd9n**, последовав за переводом Анастасия (Nikephoros, Patriarch of Constantinople. Short History / Ed. C. Mango. (DOT, 10). Washington, 1990: 176). По всей вероятности, речь идет о разночтении в рукописной традиции Феофана, причем адекватная версия использована Амартолом и Симеоном, а явно испорченное чтение — компилятором Сказания и Анастасием. Следовательно, и здесь исключена зависимость Сказания от Амартола и Симеона. Особенно же примечательна глосса, поясняющая локализацию Кархидона в Африке, в греческой традиции едва ли возможная и тем самым вновь подтверждающая реалистичность атрибуции грузинскому переводчику как этой, так и других аналогичных глосс, в том числе и глосс в §§ 11 и 67, отождествляющих скифов с русами.

^{390.} Nicephorus deest; Theophanes, 301, 21-24; Georgius Monachus: De Boor deest; PG 829, 35 – 832, 3; ЕЛ-2 deest; Leonis Grammatici Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842 148, 19-22.

^{391.} §§ 81-83: Nicephorus 9, 12 – 11, 30; Theophanes deest; Georgius Monachus: De Boor 668, 12 – 669, 3; PG 110, 828, 17-32; ЕЛ-2 390, 19-25; Leonis Grammatici Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842 149, 16 – 150, 2. Начиная с этого эпизода становится заметным преобладание сведений, сходных со сведениями Никифора, но не вполне тождественных им. У Никифора здесь самый подробный рассказ, но вместо 70 послов указаны трое, как и в Пасхальной хронике, и все трое также названы по именам: Олимпий, Леонтий и Анастасий. Тем не менее все три версии Амартола, также следующего здесь за Никифором, и Симеон повторяют явно конвенциональную цифру (70 толковников, апостолов, etc.), указанную Сказанием, и тем самым вновь демонстрируют свою зависимость от него или его источника. Имя персидского полководца в Сказании (Сеит) соответствует испорченному чтению Никифора (Сайтос) или его источника; адекватная транскрипция (Саин) персидского «Шахин» сохранилась в Пасхальной хронике и у Феофана.

^{392.} Nicephorus 15, 5-9; Theophanes 315, 7-11; Georgius Monachus: De Boor 670, 1-9; PG 110,

- 829, 5-15; ЕЛ-2 391, 3-8; Leonis Grammatici Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842 150, 4-6. У Никифора и во всех трех версиях Амартола здесь очевидна контаминация с эпизодом § 80: ср. прим. к § 80 выше.
- ^{393.} Nicephorus 15, 10-11: персы готовились и пытались дойти до Халкидона. Следовательно, и здесь наблюдается близость, но не тождество сведений Сказания и Никифора.
- ^{394.} Nicephorus 15, 11-18; Theophanes 302, 32-34; Georgius Monachus: De Boor 670, 12-17; PG 110, 829, 30-34; ЕЛ-2 391, 11-14; Leonis Grammatici Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842 150, 21 – 151, 2. Все источники, кроме Никифора, утверждают, что Ираклий взял с собой Нерукотворный образ Спасителя, подобно тому как в Сказании это утверждается в рассказе о походе Ираклия на Константинополь. Следовательно, и в этом случае Сказание следует за Никифором или близким к нему источником и не получает соответствия в традиции Амартола и Симеона, вероятно в данном случае восходящей к Георгию Писиде через Феофана. При этом Амартол в версии Муральта и Лев Грамматик непосредственно ссылаются на Георгия Писиду, как это делают все три версии Амартола и сам Феофан (применительно к образу Богородицы) в рассказе о походе Ираклия на Константинополь. И в данном случае ссылка на Писиду вполне может восходить к подлинному его сочинению, *De expeditione Persica* (Ed. A. Pertusi I, 139-151 = PG 92, 1207-1208), несомненно использованному Феофаном в соответствующем месте, хотя и без ссылки на источник (Theophanes 303, 17-21). Ср. прим. к § 76 выше. Глосса, характеризующая Евксинский Понт, видимо, опять-таки принадлежит грузинскому переводчику, как и следующая за ней глосса о Трапезунде.
- ^{395.} Nicephorus 15, 18-20: грузинская транслитерация имени Ираклия. Ассоциация Трапезунда с Мингрилией может объясняться естественным для грузинского автора отождествлением Мингрилии с Лазикой. В византийской традиции топоним Лазика первоначально обозначал только западную Колхиду, но в VI-VII вв. стал распространяться на всю территорию от Сванетии до Трапезунда. Соответственно и новая митрополия, учрежденная в Трапезунде в начале X в., официально именовалась Лазикой.
- ^{396.} Почти дословное воспроизведение сообщения Никифора: Nicephorus 15, 20 – 16, 20.
- ^{397.} Nicephorus deest; Theophanus deest; Georgius Monachus: De Boor 671, 6-8; PG 832, 16-19; ЕЛ-2 391, 20-21; Leonis Grammatici Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842 151, 12–16. Во всех четырех источниках вновь улавливается зависимость от Сказания или его источника и несомненна контаминация с эпизодом § 90.
- ^{398.} Nicephorus 16, 20-26; Georgius Monachus: De Boor 671, 14 – 672, 3; PG 832, 27-37; ЕЛ-2 391, 25-32; Leonis Grammatici Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842 151, 21 – 152, 4. Продолжается начатое в конце § 85 и, в сущности, непрерывное воспроизведение рассказа Никифора.
- ^{399.} §§ 88-89: Nicephorus 16, 26 – 17, 15. Последовательное воспроизведение рассказа Никифора прерывается только интерполяциями компилятора Сказания; город у Никифора называется **Adorbadiġ-n**.
- ^{400.} Дополнение компилятора Сказания.
- ^{401.} Nicephorus deest; Theophanus deest; Georgius Monachus: De Boor 671, 6-8; PG 832, 16-19; ЕЛ-2 391, 20-21; Leonis Grammatici Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842 151, 12–16. Во всех четырех источниках вновь улавливается зависимость от Сказания или его источника и несомненна контаминация с эпизодом § 87.
- ^{402.} Nicephorus 19, 20 – 20, 1; Theophanus deest; Georgius Monachus: De Boor 671, 8-14; PG 832, 20-26; ЕЛ-2 391, 22-25; Leonis Grammatici Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842 151, 17–21. В Сказании продолжается воспроизведение рассказа Никифора.
- ^{403.} Nicephorus 20, 21 – 21, 3: в Сказании лишь краткая парафраза рассказа Никифора, в частности опущена просьба Ираклия о возвращении Животворящего древа Креста, захваченного Сарвароном в Иерусалиме.
- ^{404.} Nicephorus 21, 4-8; Georgius Monachus: De Boor 672, 3-7; PG 832, 38-42; ЕЛ-2 391, 33-35; Leonis Grammatici Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842 152, 4–8.
- ^{405.} Единственная параллель у Никифора: Nicephorus 21, 8-12.
- ^{406.} §§ 92-93: Единственная параллель у Никифора: Nicephorus 21, 12-19.
- ^{407.} Единственная параллель у Никифора: Nicephorus 22, 4-5.
- ^{408.} Nicephorus deest; Theophanes 327, 24-26; Georgius Monachus: De Boor 672, 10-12; PG 110, 832, 45 – 833, 3; ЕЛ-2 392, 2-4; Leonis Grammatici Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842 152, 10-12.
- ^{409.} §§ 94-95: Nicephorus 22, 4-20; Georgius Monachus: De Boor 672, 12-14; PG 110, 833, 3-4; ЕЛ-2 392, 4-5; Leonis Grammatici Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842 152, 13-14. В Сказании вновь воспроизводится рассказ Никифора.
- ^{410.} Nicephorus deest; Theophanes 333, 13-19; Georgius Monachus: De Boor deest; PG 110, 836, 18-21; ЕЛ-2 402, 3-8; Leonis Grammatici Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842 153, 4-8. Рассказ о Магомете в §§ 95-101, по-видимому, сводится к резюме сведений Феофана.
- ^{411.} Nicephorus deest; Theophanes 333, 22–334, 4; Georgius Monachus: De Boor deest; PG 110, 864, 41–865, 20; ЕЛ-2 402, 10-14; Leonis Grammatici

- Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842 153, 8-14.
412. §§ 97-99: Nicephorus deest; Theophanes 334, 4-16; Georgius Monachus: De Boor deest; PG 110, 865,20-38; ЕЛ-2 402,14-22; Leonis Grammatici Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842 153,8-154,6.
413. Nicephorus deest; Theophanes 334, 16-27; Georgius Monachus: De Boor deest; PG 110, 865, 39-44; 868, 43-50; ЕЛ-2 deest; Leonis Grammatici Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842 154, 6-12.
414. Источник этого сообщения не определяется, единственная параллель обнаруживается у Симеона Логофета: Leonis Grammatici Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842, 152, 15-18; Theodosii Melitensis *Chronographia* / Ed. Th. Tafel. München, 1859, 105.
415. Leonis Grammatici Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842 154, 12-16: опять-таки единственная параллель, еще раз подтверждающая воспроизведение сведений Сказания в хронике Симеона Логофета.
416. Nicephorus 32, 3-4: речь идет, естественно, о Константине Погонате. Здесь компилятор возвращается к Повести Пс.-Писиды и воспроизводит ее текст: PG 92, 1364, 22 – 1372.
417. Хотя воспроизведение Повести Пс.-Писиды (PG 92, 1364, 22-32) вне сомнений, отметим параллели и в других источниках: Nicephorus 32, 4-17; Theophanes 353, 25 – 354, 5; Georgius Monachus: De Boor 727, 16-24; PG 110, 893, 6-16; ЕЛ-2 413, 23-31. Фактически боевые действия продолжались 5 лет (674-678), но общий источник Никифора и Феофана предпочел символическую «седмицу» и в этом случае (ср. прим. 105 выше), ведя отсчет событий с захвата арабами Кизика в 670 или 671 г.: Nikephoros, Patriarch of Costantinople. Short History / Ed. C. Mango. (DOT, 10). Washington, 1990: 194.
418. PG 92, 1364, 32-39; Nicephorus 32, 17-23; Theophanes 354, 6-11; Georgius Monachus: De Boor 727, 24 – 728, 5; PG 110, 893, 17-22; ЕЛ-2 413, 31-34.
419. PG 92, 1364, 40-43.
420. В оригинале: **cronik+~ sunt=xei~**.
421. PG 92, 1364, 44 – 1365, 19: дословный перевод.
422. PG 92, 136, 20-26: близкая к тексту парафраза.
423. PG 92, 1365, 26-39: дословный перевод.
424. PG 92, 1365, 40-44: почти дословный перевод.
425. PG 92, 1365, 44-47: почти дословный перевод.
426. PG 92, 1365, 47 – 1368, 2; Georgius Monachus: De Boor 745, 17-19; PG 110, 925, 12-14; ЕЛ-2 420, 37-421, 1.
427. В оригинале «от перамы», морского причала Константинополя, «до Галаты», северного берега Золотого Рога: **#p4 to\$ per=mato~ mlcri t^n Gal=tou Alvsei kwluqlnte~**. Ср. аналогичные грецизмы в §§ 14, 69 выше и в § 112 ниже.
428. PG 92, 1368, 2-19.
429. Здесь греческий оригинал цитирует Исх. 15:5 (PG 92, 1368, 22-24).
430. В оригинале «Эгейское море», **A>ga on p1lago~**. Столь грубые грецизмы, как этот и указанные в прим. к §§ 14, 69 и 111, вступают в такое же противоречие с общепринятым представлением о Георгии Мтацминдели, как и ошибка в идентификации Мафория Богородицы, отмеченная в прим. к § 25. Вероятно, рукопись Церковного музея № 500 (471) сохранила все-таки не автограф выдающегося книжника, а его копию, вместе с колофоном.
431. Единственная параллель для этих подробностей: Theophanes 399, 12-19.
432. PG 92, 1368, 19-39.
433. PG 92, 1369, 1-7.
434. Здесь М.Г. Джанашвили опустил, по его выражению, «богословие», т.е. обширные славословия Богородице в заключительной части Повести Пс.-Писиды: PG 92, 1369, 15 – 1372, 44.
435. PG 92, 1372, 44-46.

М.М. Чорэф

МОНЕТНОЕ ДЕЛО ХЕРСОНА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ VIII В.

Ценность бронз литья и чекана Херсона как исторических источников на данный момент общепризнанна. Ведь во многом благодаря использованию результатов нумизматических исследований наши представления о жизни этого города были неоднократно и кардинально скорректированы. Однако многие периоды истории монетного дела Херсона так и остались «белыми пятнами». К примеру, и сейчас специалисты в этой области нумизматики не могут прийти к единому мнению по вопросу о возможности датирования тех или иных серий его бронз VIII – первой трети IX вв. Часть их, вслед за В.А. Анохиным, считает, что в это время в городе своих денег или не изготавливали вовсе [1], а остальные, разделяя точку зрения И.В. Соколовой, убеждены, что в Херсоне тогда эмитировали анонимные выпуски, предназначенные только для наполнения местного обращения [2]. Однако обилие находок бронз этого города, обращавшихся вместе с общеимперскими византийскими монетами на территории Восточной Европы [3], не дает оснований считать их какими-то местными деньгами [4].

По-видимому, проблема состоит в том, что нумизматы за более чем двухсотлетний период исследования так и не смогли выработать общепринятые методы атрибуции большинства разновидностей бронз Херсона. К примеру, до сих пор идут горячие споры по поводу датировки монет серии «VICTOR» [5], дискутируется вопрос о причинах и последствиях массовой надчеканки при Иракии (610–641) [6] и о составе денежного обращения в VI–VIII вв. Еще слабее изучена история позднейшего периода монетного дела Херсона – XI–XIII вв. Нам только и остается констатировать факт отсутствия обоснованного прочтения монограммы «P» на аверсах самых распространенных бронз этого города [7].

Единственной причиной столь запущенного положения в этой отрасли нумизматики стала бесконечная и бесперспективная схоластическая дискуссия по вопросу датировки ряда серий литья и чекана Херсона, развернувшаяся более тридцати лет назад между сторонниками В.А. Анохина и И.В. Соколовой. Их беспредметные споры, в которых обе стороны в качестве аргументов продолжают использовать предположения,

выдвинутые и частично отвергнутые еще в XIX в. [8], не только не дают возможности учитывать при датировке многие серии монет Херсона, но и создают препоны для дальнейших исследований.

Отметим, что эта проблема актуальна не только для нумизматов. Ведь в настоящее время считается наиболее удобным и надежным датировать объекты именно по монетам. А раз в нумизматической среде нет единой точки зрения по вопросу атрибуции большинства разновидностей бронз Херсона, то нет и оснований использовать их в качестве ординарного археологического материала. Однако нам известно, что этот город в VIII–IX вв. оставался одним из важнейших административных и экономических центров Византии. В него ссылали попавших в опалу знатных лиц, в том числе приближенных к трону или даже родственников василевсов [9]. В то же время доминирование теории о временном прекращении городской эмиссии в VIII в. позволила ряду исследователей выдвинуть предположение об упадке полиса и даже о временном разрыве его связей с метрополией [10].

Как видим, слабая изученность монетного материала пока не дает нам возможности должным образом осветить важнейшие, переломные моменты истории этого города. В последнее время мы попытались исправить это положение: вынесли на научное обсуждение предположения по атрибуции монет серии «VICTOR» [11], попытались обосновать нашу точку зрения о номиналах херсонских бронз VI–IX вв. [12], выдвинули гипотезу о правилах прочтения строчных монограмм на примере LA и LE [13]. Продолжая начатое ранее исследование, попытаемся выделить и атрибутировать городские эмиссии, обоснованно датированные первой половиной VIII в.

В настоящий момент попробуем исследовать группу редких монет Херсона, относимых большинством современных исследователей ко второй половине VII – первой половине IX веков. В процессе изучения попытаемся проанализировать выводы нумизматов-византинистов.

Как известно, на аверсах монет Византийской империи чаще всего размещали изображения правителей, обрамленные легендами, содержащими их имена и титулы.

В редких случаях, из-за недостатка места, вместо стандартного развернутого текста оттискивали только монограммы. На реверсах размещали обозначения номиналов, изображения соправителей, святых, а также имена и титулы василевсов или религиозные символы [14]. Как уже было отмечено ранее, используемая в Херсоне технология денежного производства – литье, не позволяла изготавливать высокохудожественно оформленные монеты [15]. Как правило, на его бронзах размещали только самые простые, но предельно необходимые обозначения. Среди них выделяют монограммы правителей, метки эмиссионного центра или религиозные символы.

Ранее мы уже попытались ввести в научный оборот наши предположения о закономерности появления разных аббревиатур и религиозных символов на монетах Херсона [16]. В результате разбора этих элементов оформления нам удалось определить номиналы городских бронз [17]. Если наши выводы верны, то в Херсоне в VIII–X вв. выпускали гемифоллисы и фоллисы. К первым можно отнести бронзы с «Π», «ΠΛ», «ΠС», «С» или с восьмиконечным крестом [18], а ко вторым – с крестом на Голгофе на оборотной стороне. В этом случае, буквы на лицевых сторонах монет должны являться монограммами правителей. К настоящему времени выявлены сочетания этих аббревиатур. Так, на лицевых сторонах гемифоллисов оттискивали «Α», «Λ», «N», «DNTH», «P», «M», «MB» или «B+». И, если монеты с последними тремя монограммами принято датировать 842–886 гг. и относить к литью Михаила III (842–867) и Василия I (867–886) [19], то вопрос атрибуции бронз с первыми четырьмя аббревиатурами все еще открыт.

Действительно, датирование изготовленных в примитивной технологии гемифоллисов с «Π» на аверсе и реверсе и сейчас вызывает определенные сложности. Однако выработку прочтения аббревиатур «Α», «Λ», «N» и «DNTH» мы считаем вполне достижимой.

Попытаемся датировать монеты с этими монограммами. Начнем с анализа технологии их производства. Так как все эти бронзы представляют собой, как правило, мастерски отлитые тонкие кружки с рельефными надписями на обеих сторонах, то изготавливали их квалифицированные литейщики, хорошо изучившие методику денежного литья. Заметно, что в процессе поиска наиболее техничного оформления неоднократно менялись и принципы разработки монограмм. Дело в том, что для придания монетному кружку наибольшей прочности нужно было как можно полнее заполнить ее лицевую и

оборотную сторону. Однако сама технология денежного производства – литье не позволяла размещать на монетах сложные, многобуквенные монограммы. Но, в любом случае, заметно, как от простых «Α» на аверсе и креста на реверсе перешли к сложным «DNTH» и «ΠΛ», а, позже, к оптимальным крупным «Λ» или «N» на лицевой и «ΠС» на оборотной сторонах. Отметим, что наши предшественники пришли к аналогичным выводам. Так, В.А. Анохин, заметив, что монеты с «Α», «Λ» и «DNTH» очень близки по исполнению, заключил, что их выпускали в один период времени [20].

Перейдем к расшифровке этих аббревиатур. Так как наши предшественники совершенно запутали вопрос, то начнем изучение монет сначала, т.е. с выделения отдельных эмиссий. Как мы уже отметили, на бронзах с «Α» на лицевой стороне на реверсе всегда оттискивали восьмиконечный крест (Рис. 1,3), на монетах с «DNTH» – монограмму «ΠΛ» (Рис. 1,4), на деньгах с «Λ» и с «N» – буквосочетание «ΠΧ» (Рис. 1,5,6). Считаем, что это явление не случайно, и с учетом вариаций в оформлении лицевых сторон, получаем, что заинтересовавшая нас группа монет может быть разделена на три описанные выше эмиссии. Попытаемся их датировать. Для этого попробуем прочесть единственную многобуквенную монограмму – «DNTH», размещенную на аверсе одной из разновидностей монет этой группы. Совершенно очевидно, что первые две буквы следует расшифровывать как «Dominus Noster» – «Господин Наш». Известно, что последние монеты с латинскими легендами и таким титулованием правителя были выпущены при Константине V (741–775) [21]. Соответственно, аббревиатуру «DNTH», с нашей точки зрения, следует расшифровывать как: Dominus Noster Θεοδοσιος – «Господин Наш Феодосий», а бронзы этой группы датировать правлением Феодосия III Адрамития (715–717). Считаем, что наше прочтение грамматически вернее приведенного В.А. Анохиным, предположившего, что на бронзах Херсона имя Феофила (829–842) могло писаться не с «Θ», а с «Th». Однако ни на одной монете этого императора такого латинизированного написания имени до сих пор не выявлено. Мало того, оно неизвестно и в эпиграфике [22]. А вот «Theodosius» тогда писали только через «Th» [23].

В первой половине VIII в. боролась за власть и единственная пара императоров, имена которых начинались с «Α» и «N» – Артавасд и Никифор (742–743). В таком случае, монеты с «Α» на аверсе и с восьмиконечным крестом на реверсе могли

быть выпущены при монархе, правившем в этот же период. Считаем, что их изготавливали при Анастасии II Артемии (713–715).

Отметим, что мы не первыми обратили внимание на эти монеты. Так, большое внимание их изучению уделили В.А. Анохин и И.В. Соколова. О внимательности и педантичности этих исследователей лучше всего говорит эволюция их представлений о датировке монет с монограммой «DNTH». Как известно, В.А. Анохин уже в 1968 г. заключил, что ее надо читать, как: D[ominus] N[oster] Theophilus [24]. Первоначально И.В. Соколова считала, что предложенная В.А. Анохиным расшифровка «привлекает, но остается пока гипотетичной» [25]. Исследователь не смогла согласиться с постулатом о возможности появления на херсонских монетах латинских надписей. Позже, в своей итоговой работе, И.В. Соколова отошла от своей первоначальной точки зрения, заключив, что «над буквами TH есть только одна литера N» [26]. По ее мнению, бронзы с этой монограммой выпускались незадолго до начала эмиссии монет с аббревиатурой «MB» [27]. Мы, в свою очередь, вынуждены заметить, что крупная точка, напоминающая очертаниями «δ», стандартно размещаемую в начале легенды аверсов ранневизантийских монет, явственно просматривается на лицевых сторонах этих херсонских бронз. В этом смысле В.А. Анохин прав. Однако само его утверждение о возможности выпуска в Херсоне монет IX в. с латинскими надписями, содержащими титул «Dominus Noster» нам кажется все же неверным.

Не меньше споров вызвала и атрибуция бронз Херсона с «A», «A» и «N» на аверсах. Так, если Б.В. Кене, А.В. Орешников и И.В. Соколова датировали монеты с первыми двумя монограммами правлением Александра (912–913) [28], то В.А. Анохин отнес их к эмиссиям неких анонимных городских архонтов [29]. Причем исследователи смогли совершенно логично опровергнуть утверждения друг друга. Действительно, провинциальные чиновники в Византии монет от своего имени не выпускали, а если при Александре не чеканили меди в столице, то не могли лить ее и в провинции.

С нашей точки зрения все эти гипотезы ошибочны. Так, если первая группа исследователей обращала внимание только на легенды аверсов, то И.В. Соколова, развивая общую идею расшифровки, пришла к выводу о том, что наличие на реверсах этих бронз монограммы «NC» «...позволяет допустить попытки восстановить полисные свободы в Херсоне и после создания фемы. Нам до сих пор неизвестны медные монеты императора Александра, чеканенные на монетном дворе

Константинополя. Херсонский выпуск подчеркивает известную автономию чекана этого города от «установок» центрального правительства. Может быть, эта независимость была связана с возродившимися ненадолго полисными привилегиями, символ которых появился на монетах Александра в виде девиза $\rho\lambda\iota\text{-Cers}^{\wedge}\text{no}$ – «полис Херсон» [30]. Жаль, правда, что до сих пор не найдено ни одного письменного тому свидетельства, а вопрос о причинах городских восстаний в X–XI вв. все еще не изучен в полной мере. По ходу добавим, что монеты с монограммами «A», «A» и «N» на аверсах являлись гемифоллисами, эмиссия которых в Херсоне прекратилась в начале правления Василия I (867–886).

Итак, если наши предположения верны, то, с учетом ранее датированных нами анонимной серии и эмиссии от имени Вардана Филиппика (711–713) (Рис. 1,1,2) [31], в Херсоне в первой половине VIII в. лили бронзу от имени пяти византийских василевсов, что свидетельствует как о стабильно высоком спросе на платежные средства, характерном для развивающихся экономик, так и о безусловной подчиненности города империи в тот период.

Разработанная атрибуция монет позволяет сделать не только нумизматические, но и общеисторические выводы. Ведь, как мы установили, в Херсоне в первой половине VIII в. лили монету от имени пяти императоров. Четверо из них: Анастасий II Артемий, Феодосий III Адрамитий, а так же Артавасд и Никифор были иконопочитателями. Однако к настоящему времени так и не выявлены городские бронзы, однозначно относимые к периоду правления императоров-иконоборцев из дома Льва III Исавра (717–741). Мы не считаем это явление случайным. Ведь если наличие херсонских монет эфемерных Анастасия II Артемия, Феодосия III Адрамития еще можно объяснить только экономическими причинами, то выпуск бронз в честь Артавасда и Никифора может быть понят только как политическая акция. Ведь известно, что последние продержались у власти всего шестнадцать месяцев и то только благодаря поддержке иконопочитателей Константинополя и фемы Опсикий [32]. А если учесть то, к тому времени денежное производство концентрируется в столице империи, то, расшифровав аббревиатуры, мы можем не только обоснованно опровергнуть противоречащие письменным источникам суждения об упадке Херсона в VIII в. [33], но и наметить новый подход к освещению истории Крыма в VIII–IX вв.

Считаем, что этот город и в VIII в. являлся одним из важнейших административных и

экономических центров империи. Причем необходимость сохранения лояльности местных жителей побуждала василевсов не спрашивать с них слишком строго даже за значительные отклонения от предписанных религиозных правил. А херсониты, в свою очередь, оставались верноподданными иконопочитателями, ни разу за весь период иконоборчества не выступив против Константинополя.

В то же время очевидное отсутствие именных городских бронз, выпущенных в честь императоров-иконоборцев позволяет нам предполагать, что монетная эмиссия от их имени в Херсоне не осуществлялась по каким-то политическим соображениям [34]. Возможно, в тот период лили и чеканили анонимную бронзу с «П» на аверсе и с «Х» или «Р» на реверсе. Однако это предположение требует внимательной и взвешенной проверки, которой мы и планируем заняться в ближайшее время.

Примечания

1. *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев, 1977, С. 103.
2. *Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. С. 35–39. Табл. VI, №4–14.
3. *Плетнева С.А.* Древнерусский город в кочевой степи // МАИЭТ. Симферополь, 2006. Supplementum. Вып. 1. С. 148–150; *Столярик Е.С.* Очерки монетного обращения Северо-Западного Причерноморья в позднеримское и в византийское время (конец III – начало XIII в.). Киев, 1992. С. 61.
4. Мы уже попытались обосновать нашу точку зрения по этому вопросу (См.: *Чореф М.М.* К вопросу о номиналах литых бронз раннесредневекового Херсона // МАИАСК. Симферополь, 2008. Вып. I. С. 117–130; Монетное дело Херсона при Льве VI Мудром (в печати)). Чтобы не повторяться, заметим только, что в Херсоне в VIII–X вв. выпускали бронзовую монету стандартных достоинств с ординарными для империи обозначениями номиналов.
5. До сих пор в среде нумизматов идет оживленная дискуссия по вопросу атрибуции этих монет. Если представители школы В.А. Анохина датируют их правлением Юстиниана I Великого (527–565) (См.: *Анохин В.А.* Указ. соч. С. 98–99, 101, 103, 107. Таб. XXII, 310–314), то сторонники И.В. Соколовой относят их к выпускам Юстина I Старшего (518–527) (См.: *Соколова И.В.* Указ. соч. С. 18–21).
6. Этот вопрос уже рассмотрен нами в (См.: *Чореф М.М.* К вопросу о номиналах литых бронз раннесредневекового Херсона. С. 120).
7. До сих пор в среде нумизматов нет единого мнения по вопросу их атрибуции. Если часть исследователей, вслед за В.А. Анохиным,

относят их к литью Романа III Аргира (1028–1034) и Романа IV Диогена (1068–1072), соглашаясь с его датировкой этих эмиссий соответственно XI – нач. XII вв. (См.: *Анохин В.А.* Указ. соч. С. 123–124), то сторонники И.В. Соколовой приписывают их к выпускам Херсона XII–XIII вв. (См.: *Соколова И.В.* Указ. соч. С. 62–63, 143–144). Считаем первую из гипотез безосновательной и нелогичной. Дело в том, что ни Роман III Аргир, ни Роман IV Диоген не пользовались популярностью, они были насильственно отстранены от власти. Да и не было в византийской монетной практике прецедентов посмертных эмиссий. Кстати, если при последнем из упомянутых василевсов выпускали только т.н. «анонимные фоллисы». Кроме того, известно, что в Херсон был сослан самозванец Лев (Константин), выдававший себя за сына Романа IV Диогена (См.: *Анна Комнина.* Алексиада. М., 1965. С. 266). По ходу заметим, что сама идея прочитать на общепризнанно анонимной монете имя правителя нам кажется крайне занимательной. Наш разбор этой теории В.А. Анохина приведен в (См.: *Чореф М.М.* Новый тип монетного литья Херсона // VII Таврические научные чтения. Симферополь, 2007. С. 137–144). К сожалению, И.В. Соколова, справедливо опровергая гипотетические предположения своего оппонента, только констатировала факт позднего поступления монет с «Рω» в обращение Херсона, не пытаясь расшифровать монограмму. В последние годы богатый нумизматический материал привлек внимание нового поколения исследователей. Самое оригинальное суждение по этому вопросу высказал известный севастопольский нумизмат-сфрагист, сотрудник НЗХТ Н.А. Алексеенко. Этот исследователь, изучив большой комплекс, состоявший из поздних херсонских бронз и сельджукских медных дирхемов, заключил, что позднейшие городские эмиссии являлись подражаниями привозным восточным монетам (См.: *Алексеенко Н.А.* К вопросу о деятельности Херсонесского монетного двора в XIII столетии // ХС. Севастополь, 1996. Вып. VII. С. 187–191.). Мы уже попытались обоснованно опровергнуть эту гипотезу (См.: *Чореф М.М.* К вопросу о номиналах ... С. Прим. 3). Странно, но годом позже Н.А. Алексеенко поддержал точку зрения В.А. Анохина, заключив, что монеты с «Рω» лили в XI веке причем от имени Романа III Аргира и Романа IV Диогена (См.: *Алексеенко Н.А.* Клад монет XI–XII вв. из Херсонесской цитадели // Античный мир и Византия. К 70-летию профессора В.И. Кадеева. Харьков, 1997. С. 260–271). Наши предположения по атрибуции монет с «Рω» на аверсе приведены в статье (См.: *Чореф М.М.* Позднейшие эмиссии Херсона, или к атрибуции монет с монограммой

- «RW» // Вестник ТГУ. Тюмень, 2009. Вып. 7. С. 35–51). Если мы правы, то бронзы с этой лигатурой лили с конца XI по XIV вв. (См.: Там же. С. 45–47).
8. Еще Г.К.Э. Кёллер пришел к выводу, что на монетах Херсона могут быть упоминания протевоннов. Вот как возразил ему Б.В. Кёне: «После Романа II буквы стали заменять монограммами, и Кёллер сделал большую ошибку, приняв последние за названия Константинополя и протевоннов; напротив, тогда бы сочли преступлением и изменою, если бы чиновник выставил бы свое имя на монете, выбитой по приказанию его государя» (См.: Кёне Б. Херронес (Севастополь) Окончание // ЖМНП. СПб., 1855. Третье десятилетие. Ч. LXXXVIII. Декабрь. С. 197.).
 9. В Херсон в VII–VIII вв. были сосланы опальные священнослужители: папа св. Мартин I (649–653) (См.: Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / Пер. с греч. В.И. Оболенского и Ф.А. Терновского, пред. О.М. Бодянского. М., 1884. С. 245, 258; *Theophanes. Chronographia* // CSNB. Bonnæ, 1839. P. 509, 537), св. Стефан Новый – епископ Хазарии (См.: *Иванов Е.Э. Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк* // ИТУАК. Симферополь, 1912. № 46. С. 84–85), сторонники св. Феодора Студита (См.: Творения Феодора Студита. СПб., 1908. С. 296, 454), св. Иосиф Гимнограф (См.: Житие Иосифа Гимнографа // Записки историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, 1901. С. 10–11), аристократы: будущий император Вардан Филиппик (711–713) (См.: Летопись византийца Феофана... С. 277–278; *Theophanes. Chronographia*. P. 579), кесари Никифор и Христофор – братья василевса Льва IV Хазарина (775–780) с приближенными (См.: Летопись византийца Феофана... С. 330; Успенский Ф.И. История Византийской империи. Л., 1927. Т. II. Перв. пол. С. 143; *Theophanes. Chronographia*. P. 697), а также низложенный Юстиниан II (685–695, 705–711) (См.: Летопись византийца Феофана... С. 271; *Theophanes. Chronographia*. P. 566).
 10. К примеру, А.Л. Якобсон считал, что экономический застой и хозяйственный упадок города свидетельствовал и о временном прекращении торговых связей с Византией (См.: *Якобсон А.Л. Крым в средние века*. М., 1973. С. 30). Для обоснования этих утверждений исследователь попытался истолковать и наличие в Херсоне самоуправления.
 11. Мы уже провели небольшое нумизматическое исследование с целью атрибуции бронз Херсона первой половины VI в. Считаем, что как декануммии серии «VICTOR», так и пентануммии с монограммой « $\pi\theta\lambda\iota\varsigma$ $\chi\epsilon\rho\sigma^{\wedge}\nu\omicron\varsigma$ » были выпущены при Юстиниане I Великом (См.: Чореф М.М. К истории монетного дела Херсона в первой половине VI в. // История идей и история общества: Материалы VI Всероссийской научной конференции (Нижевартовск, 17–18 апреля 2008 года). Нижевартовск, 2008. С. 246–249.
 12. Чореф М.М. К вопросу о номиналах ... С. 117–120.
 13. Чореф М.М. Монетное дело Херсона при Льве VI Мудром.
 14. Чореф М.М. К вопросу о номиналах... С. 117–130
 15. Впервые изображения людей появились на литых гемифоллисах в начале VIII в. (См.: Там же). В период самодержавного правления Льва VI (886–912) на аверсах городских монет оттискивали его поясной портрет (См.: Чореф М.М. Монетное дело Херсона при Льве VI Мудром). Последние серии с изображениями правителей появились при Константине VII Багрянородном (913–959) (См.: *Анохин В.А. Указ. соч.* С. 117–118; *Соколова И.В. Указ. соч.* С. 44–51; Чореф М.М. К истории монетного дела Херсона при Константине VII Багрянородном // История идей и история общества: Материалы VII Всероссийской научной конференции (Нижевартовск, 9–10 апреля 2009 года). – Нижевартовск, 2009. С. 191–194).
 16. Чореф М.М. К вопросу о номиналах ... С. 117–130.
 17. Там же.
 18. Там же.
 19. *Анохин В.А. Указ. соч.* С. 114; *Соколова И.В. Указ. соч.* С. 34–35. Считаем, что херсонские монеты с монограммой «MB» были выпущены при Михаиле III (См.: Чореф М.М. К вопросу об атрибуции монограмм на гемифоллисах Херсона первой половины IX в // История идей и история общества: Материалы VIII Всероссийской научной конференции (Нижевартовск, 15–16 апреля 2010 года). – Нижевартовск, 2009. С. 297–302).
 20. Мы разделяем точку зрения В.А. Анохина, установившего, что монеты этой группы были изготовлены на протяжении примерно 50 лет. Правда, исследователь датировал их IX в. (См. *Анохин В.А. Указ. соч.* С. 113–115).
 21. *Wroth W.W. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum. London, 1908. P. 378–390. Pl. XLIII–XLV.*
 22. Нам не известно ни единой византийской надписи, в которой имя Феофила писалось бы через «Th». Этот совершенно бесспорный с нашей точки зрения факт был очевиден еще в конце XVIII в. (См.: *Lexicon universale rei numariae veterum et praecipue graecorum ac romanorum cum observationibus antiquariis geographicis chrinologicis historicis criticis et passim cum explicatione monogrammatum* / Edidit Io. Cristophorus Rasche, praefatus est Christ. Gottl. Heyne. Lipsae, 1791. T. 2. P. 1. Col. 1070–1077).

23. Op. cit. Col. 1059–1067; Wroth W. Op. cit. P. 363–364. Tab. I. XLII, 1–5.
24. Анохин В.А. Указ. соч. С. 113.
25. Соколова И.В. Клад херсонесских монет середины IX в. // ТГЭ. Л., 1971. Т. XII. С. 22.
26. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. С. 39.
27. Там же.
28. Кёне Б. Херронес (Севастополь). Окончание. С. 198. Прим. 2; Орешников А.В. Материалы по древней нумизматике Черноморского побережья. М., 1892. С. 28, Табл. II, №22; Орешников А. Херсоно-византийские монеты // ТМНО. М., 1905. Т. III. С. 10, №31, Табл. II; Орешников А. Херсоно-византийские монеты // НС. М., 1911. Т. I. С. 110, №13, Табл. В; Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. С. 43). Мы уже изложили нашу точку зрения по этому вопросу (См.: Чореф М.М. Монетное дело Херсона первой половины VIII в. // Материалы Научной конференции «Ломоносовские чтения» 2008 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов–2008». Севастополь, 2008. С. 138–140; Монетное дело Херсона в первой половине VIII в. // Русь и Византия. Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада. Тезисы докладов XVIII Всероссийской сессии византинистов. М., 2008. С. 161–165). Считаю, что раз при Александре не чеканили меди в столице, то и в провинциях ее не выпускали. Да и выводы о «восстановлении полисных свобод Херсона» (См.: Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. С. 43) только на основании спорной трактовки нумизматического материала нам кажется очень смелыми и явно необоснованными.
29. Анохин В.А. Указ. соч. С. 115, 125.
30. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. С. 43.
31. Чореф М.М. К вопросу о номиналах... С. 120.
32. М.Я. Сюзюмов. Первый период иконоборчества / в кн. История Византии. М. 1967. Т. 2. С. 56.
33. К настоящему времени сосуществуют две точки зрения по этому вопросу. Первая из них была высказана В.Г. Василевским и Ю.А. Кулаковским предположившими, что массовое возведение церквей в Херсоне в VIII в. было вызвано переселением в него иконопочитателей (См.: Васильевский В.Г. Труды. СПб., 1912. Т. 2. Вып. 1. С. 296–427; Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. К., 1914. С. 75). Ученые, проанализировав жития свв. Стефана Нового и Иоанна Готского, пришли к выводу, что город, хоть и не процветал, оставался все же важнейшим торговым городом Таврики, ее культурным и религиозным центром. По их мнению, этим периодом и стоит датировать как возведение большинства церквей Херсона, так и основание «пещерных» монастырей юго-западного Крыма.

Как видим, слабым местом этой теории является учет только письменных источников и полное игнорирование результатов археологических исследований. Их оппоненты, вслед за А.Л. Якобсоном, считают, что Херсон в VIII в. находился в упадке и «обезлюдел» (См.: Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес: Очерки истории материальной культуры // МИА. 1959. № 63. С. 35; Средневековый Крым: Очерки истории и истории материальной культуры. М.–Л. 1964. С. 27; Крым в средние века. М., 1973. С. 29). Отметим, что их аргументация довольно хорошо продумана и основана на логичном анализе всех доступных к середине XX в. материалов. Действительно, упоминаний Херсона в хрониках того времени мало, монет его эмиссии к середине XX в. выявлено не было, что, в свою очередь, не дало возможности выделить на городище слои VIII в. К качестве дополнительного довода приводилось свидетельство св. папы Мартина I, жаловавшегося на «голод и нужду», царившую в Херсоне (См.: Martini, papa. Epistola XVI, XVII // PL. Paris, 1863. Т. 87. Col. 201D–202D, Col. 203B–204C). Мы считаем обе точки зрения достаточно логичными и обоснованными, и, как ни странно, непротиворечивыми. Действительно, Херсон, как и вся империя, находился в VI–VIII вв. в упадке. Однако уровень его деградации был не ниже, чем у большинства крупнейших провинциальных городов Византии того времени (См.: М.Я. Сюзюмов. Социально-экономические отношения и государственный строй в Византии в конце VII – середине IX в. Город / в кн. История Византии. М., 1967. С. 23–33; Dragon G. The Urban Economy, Seventh–Twelfth Centuries // The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century. Washington. 2002. P. 397–401). В тоже время дошедшие до нас упоминания Херсона в хрониках и печати чиновников, наличие в нем резиденции архиепископа свидетельствуют о значимости этого полиса для Византии в VII–X вв. (Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. С. 66–171. Схемы III–VIII; Талис Д.Л. Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья // ВВ. М., 1961. Т. 18. С. 54–73). С нашей точки зрения, у нас нет никаких оснований говорить о «смерти» ранневизантийского города в VII–VIII вв. Ведь на базе этих обедневших полисов вскоре, в IX–X вв. возродились крупные административно-религиозные и торговые центры. Отметим, что и Е.Э. Липшиц не выявила никаких признаков «перерыва или изменений в сущности» византийского города в тот период (См.: Липшиц Е.Э. Очерки истории византийского общества и культуры (VIII – первая половина IX века. М.–Л., 1961. С. 16, 87–117). Остальные аргументы сторонников теорий

упадка и процветания Херсона в VIII–XIV в. мы проанализируем позже.

³⁴ Мы вынуждены заметить, что нет ни малейших оснований увязывать правила денежного производства в Риме с реалиями монетного дела Византии. Дело в том, что, если автономные полисы античности могли получить право на эмиссию местных средств платежа, то в централизованной Романии как медь, так и, тем более, золото и серебро, чеканили только в государственных мастерских. Естественно, что Херсон не мог получить право на собственную эмиссию. Конечно, в регионах Византии выпускали оригинально оформленные монеты. Но, тем не менее, они обращались в качестве законных средств обращения во всей империи. Мы вынуждены акцентировать внимание читателя на этом факте, так как не видим другой возможности опровергнуть нелепые суждения многочисленных «автономистов», огульно трактующих нумизматический материал для обоснования своих надуманных теорий о «традиционном стремлении Херсона к определенной самостоятельности в управлении городским хозяйством» (См.: *Алексеев Н.А.* Административно-политический очерк истории византийского Херсона IX–X вв. – в кн. *Херсонесский сборник. Supplement I. Топография Херсонеса Таврического. Водосборная цистерна жилого дома в квартале VII (IX–XI вв.).* С. 20). Но оставим в стороне исторические выкладки этого исследователя. Очевидно, что они не заслуживают и критики. Обратим внимание на результаты его нумизматических исследований. С удивлением мы обнаружили,

что этот известнейший сфрагист, обязанный в соответствии с родом научной деятельности как минимум читать простейшие греческие тексты, считает, что монетное литье в Херсоне возобновилось «в ходе финансовой реформы Феофила (829–842), когда город вновь получил право на выпуск собственной монеты». Как видим, этот маститый исследователь не только не разобрал несложную четырехбуквенную аббревиатуру, но до неузнаваемости исказил гипотезы В.А. Анохина и И.В. Соколовой. Так, к примеру, совершенно непонятно, о какой «финансовой реформе» идет речь. Надеемся, Н.А. Алексеев сможет в ближайшем будущем объяснить и обосновать этот тезис. Хотя далее, в том же очерке, по свойственному ему обычаю, он отказался от своих безапелляционно смелых и необоснованных предположений. Ученый пришел к выводу, что Херсон был обычным провинциальным византийским городом, администрация которого была подконтрольна государственной власти (См.: Там же. С. 21). Детальный разбор очерков из этого приложения к «Херсонесскому сборнику» приведен в статьях А.В. Сазонова и С.Б. Сорочана (См.: *Сазонов А.В.* К интерпретации комплекса водосборной цистерны жилого дома в VII квартале Херсона // *БИАС. Симферополь, 2008. Вып. 3. С. 368–383; Сорочан С.Б.* Ответ критикам, или где кончается наука // URL: <http://www.formuseum.info/2007/06/14/sorochan1.html> (дата обращения: 28.02.2010); *Топография Херсонеса Таврического. Водосборная цистерна жилого дома в квартале VII (IX–XI вв.)* // *Археология. Київ. 2008. № 1. С. 103–108.*

Рис. 1. Монеты Херсона первой половины VIII в.

1–анонимный выпуск начала VIII в., 2–Вардан Филиппик, 3–Анастасий II Артемий, 4–Феодосий III Адрамитий, 5–Артавазд, 6–Никифор.

Г.В. Баранов

ТРИ ВИДА ЛОРІКІА КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО И ДОСПЕХИ СВЯТЫХ ВОИНОВ НА СТЕАТИТОВЫХ ИКОНАХ ИЗ РАСКОПОК СРЕДНЕВЕКОВОГО ХЕРСОНЕСА (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)[1]

Одним из самых загадочных моментов в истории употребления защитного вооружения в византийской армии является сообщение императора Константина Багрянородного в его трактате «О церемониях византийского двора». В этом источнике император перечисляет вооружение солдат, находящихся на кораблях: 70 κλίβανια, 12 λωρίκια, и 10 λωρίκια κοίνα для экипажа дромона, 60 κλίβανια и 10 λωρίκια (которые могли быть κοίνα) для памфилоса и 10 κλίβανια, 2 λωρίκια ψίλα и 8 λωρίκια κοίνα для экипажей хеландий [2]. Как видно из этого перечисления, в империи существовали три вида лорик, которые отличали друг от друга: λωρίκια, λωρίκια κοίνα и λωρίκια ψίλα.

Как убедительно показал греческий исследователь Т. Колиас, под термином λωρίκια в византийской литературе следует понимать кольчугу [3]. Колиас так же предположил, что термин λωρίκια ψίλα (тонкая) обозначает кольчугу, изготовленную из тонких и мелких колец [4].

На наш взгляд анализ изобразительных источников Византии позволяет взглянуть на проблему лорик Константина Багрянородного с несколько иной точки зрения.

Здесь наиболее интересными являются две стеатитовые иконы из раскопок средневекового Херсонеса. Это икона «Три святых воина» XII века (Рис.1) на которой изображены Свв. Феодор Тирон (?), Георгий и Дмитрий [5], и икона с изображением св. Дмитрия XI-XII веков (рис.2). Эти иконы выполнены в одном стиле с применением близких художественных приемов, а наличие изображения нескольких вариантов доспехов позволяет оценить вариативность применяемых комбинаций защитных элементов.

На этих иконах привлекают внимание доспехи св. Дмитрия. На первой иконе доспех св. Дмитрия выполнен в виде «кирасы», дополненной юбкой-кремасмата. Материал «кирасы» и кремасмата передан с помощью полуокружностей, создающих эффект «чешуек».

Материал защиты корпуса св. Дмитрия на второй иконе так же передан с помощью полуокружностей. В отличие от предыдущего

изображения, рукава и юбка панциря имеют «птеригообразный» вид. Подробное описание таких рукавов и кремасмата имеется в полемологическом трактате X века «Стратегика» (Praecepta militaria) [6]. В трактате эти элементы описаны как стегано-набивная защита, которая может быть дополнительно усилена с помощью кольчужного полотна [7]. Представляется, что в случае с иконой «Три святых воина» мы имеем дело именно с такой защитой бедер, а полуокружностями мастер передает кольчужное полотно.

То, что на представленных изображениях мы имеем дело с кольчугами подтверждает ряд византийских изобразительных источников. Аналогией доспеху на иконе св. Дмитрия (Рис.2) является доспех святого Федора на фреске XII века из церкви св. Пантелеймона в Нерези (Рис.3). Материал защиты корпуса изображен в виде колечек, что явно представляет кольчугу. Из этой же церкви происходит изображение кольчуги, где крой доспеха не вызывает сомнений в интерпретации. Это фреска св. Воина (Рис.4), выполненная одновременно с изображением св. Федора с предыдущего изображения. Материал кольчуги передан с помощью колечек. Одновременно материал кольчуги св. Георгия из церкви св. Врачей в Кастории (Рис.5) передан с помощью полуокружностей.

Изображению доспехов св. Дмитрия с иконы «Три святых воина» полностью соответствует фреска св. Георгия XII в., из церкви Панагии Форвиотиссы в Асину (Рис.6). Примечателен способ изображения материала рукава поднятой руки на фреске. Полуокружности сохраняют вертикальную направленность, что так же говорит за то, что художник изображал кольчугу и ему не было принципиально направление «чешуек» на изображении.

Таким образом, уже краткий анализ византийских изобразительных источников позволяет говорить о наличии в византийской традиции трех типов кольчуги, представленных в виде панциря привычной морфологии (Рис. 4, 5), панциря, доходящего до пояса (Рис. 1 и 6), и панциря с кольчужной защитой корпуса и

неметаллической защитой плеч и бедер (Рис. 2, 3).

Несомненно, что дальнейшая работа с письменными и изобразительными источниками позволит лучше понять комплекс вооружения византийской армии, а так же представить картину развития вооружения империи.

Примечания

1. Статья написана на основе доклада, сделанного на заседании Проблемного совета «Военная археология».

2. [Constantinus Porphyrogenitus] Constantini Porphyrogeniti imperatoris De cerimoniis aulae Byzantinae libri duo, ed. II. Reiske. Bonn, 1829. Bd. I. P. 669, 16 f.
3. Koliass T.G. Byzantinische Waffen: Ein Beitrag zur Byzantinischen Waffenkunde von den Anfängen bis zur Lateinischen Eroberung by. Wien, 1988. S. 39–40.
4. Ibid. S. 39.
5. Банк А.В. Прикладное искусство Византии IX–XII вв. М., 1978. С. 95.
6. Стратегика / Пер. и ком. А.К. Нефёдкина. СПб., 2005.
7. Баранов Г.В. Об одном типе неметаллической защиты византийской армии // Военная археология. М. Вып. 2 (в печати).

Рис. 1. Христос коронует святых воинов Федора, Георгия и Дмитрия мученическим венцом, XII век, Национальный заповедник «Херсонес Таврический».

Рис. 2. Св. Дмитрий, XI-XII вв., Национальный заповедник «Херсонес Таврический».

Рис. 3. Св. Федор, XII в., фреска церкви св. Пантелеймона, Нерези, Македония.

Рис.4. Св. Воин, XII в., церковь св. Пантелеймона, Нерези, Македония.

Рис.5. Св. Георгий, XII в., фреска церкви св. Врачей, Кастория, Греция.

Рис.6. Св. Георгий, XII в., фреска церкви Панагии Форвиотиссы, Асину, Никитари, Кипр.

Список сокращений

АДСВ	Античная древность и средние века
БИАС	Бахчисарайский историко-археологический сборник
ВВ	Византийский временник
ВДИ	Вестник древней истории
ГИМ	Государственный исторический музей
ЕЛ-2	Летописец еллинский и римский, вторая редакция
ЖМНП	Журнал Министерства Народного просвещения
ЗООИД	Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРВИ	Зборник радова, Византолошки институт
ИАК	Известия археологической комиссии
ИРАИМК	Известия Российской академии истории материальной культуры
ИТУАК	Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИА	Краткие сообщения Института Археологии Академии Наук СССР
КФ ИА НАНУ	Крымский филиал Института археологии Национальной академии наук Украины
МАИЭТ	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
НА НЗХТ	Научный архив Национального заповедника «Херсонес Таврический»
НЗХТ	Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
НС	Нумизматический сборник
НЭ	Нумизматика и эпиграфика
ПВЛ	Повесть временных лет
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
P. Lond.	Greek Papyri in the British Museum
СА	Советская археология
СХМ	Сообщения Херсонесского музея
СЭ	Советская этнография
ТГЭ	Труды Государственного Эрмитажа
ТМНО	Труды Московского Нумизматического общества
х.э.	Херсонесская эра
AJ	The Antiquaries Journal
BGU	Ägyptische Urkunden aus den Staatlichen Museen zu Berlin, Griechische Urkunden. Berlin, 1895
BHG	Bibliotheca Hagiographica Graeca, I-III / Ed. Fr. Halkin. Bruxelles, 1957. Novum Auctarium BHG / Ed. Fr. Halkin. Bruxelles, 1984
Bibliothèque	Bibliothèque de Photius / Ed. R. Henry. Vol. I-VIII. Paris, 1959-1967
BJ	Bonner Jahrbücher
BMC	A Catalogue of the Greek (or roman) coins in the British Museum
BMFD	Byzantine Monastic Foundation Documents / Ed. J. Thomas, A. Constantinides Hero. Washington, DC, 2000
BMGS	Byzantine and Modern Greek Studies
BSP	Black Sea Project
BZ	Byzantinische Zeitschrift
CAH	The Cambridge Ancient History
CFHB	Corpus fontium historiae byzantinae
CSCO	Corpus scriptorum christianorum orientalium

CSHB	Corpus scriptorum historiae byzantinae
DOP	Dumbarton Oaks Papers
DOS	Dumbarton Oaks Studies
DOT	Dumbarton Oaks Texts
FSI	Fonti per la storia d'Italia (Istituto storico Italiano, Rome)
HUS	Harvard Ukrainian Studies
ILS	Dessau H. Inscriptiones latinae selectae. Berlin, 1892. Vol. I
IOSPE, I²	Latyshev B. Inscriptionis orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Petropoli, 1916. Vol. I
JÖB	Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik
LXX	Септуагинта
MGH	Monumenta Germaniae historica
MGH AA	Monumenta Germaniae historica: Auctorum antiquissimorum
MGH SS	Monumenta Germaniae historica: Scriptorum
MPL	J.-P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series latina prior
MT	Масоретский текст Библии
NC RS	Numismatic Chronicle. Reprint series
OCA	Orientalia christiana analecta
PG	Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca. Vol. 1-161 / Ed. J.-P. Migne. Paris, 1857-1866
PL	Patrologiae Cursus Completus, Series Latina. Vol. 1-221 / Ed. J.-P. Migne. Paris, 1844-1855
REJ	Revue des etudes juives
TM	Travaux et Memories
ZfN	Zeitschrift für Numismatik

Содержание

«Патриарху крымоведения» посвящается	5
--	---

Археология

<i>С.В. Ушаков.</i> Керамический комплекс Херсонеса Таврического (по материалам BSP – Причерноморского проекта у «Базилики 1935 г.»)	7
<i>В.В. Майко.</i> Граффити на амфорах Юго-Восточного Крыма VIII–XI вв. Накопление источниковведческой базы	27
<i>Н.В. Днепровский.</i> Вновь открытый пещерный комплекс в Георгиевской балке (Севастополь)	41

История

<i>А.О. Олешкевич.</i> К проблеме колонизации европейского Боспора	70
<i>М.М. Чореф.</i> Изображения императоров династии Юлиев–Клавдиев на золоте, серебре и меди херсонесского чекана	76
<i>К.К. Акентьев.</i> Древнейшие свидетельства появления {Ro\$~ на византийской исторической сцене	121
<i>М.М. Чореф.</i> Монетное дело Херсона в первой половине VIII в.	192
<i>Г.В. Баранов.</i> Три вида λωρίκια Константина Багрянородного и доспехи святых воинов на стеатитовых иконах из раскопок средневекового Херсонеса (к постановке вопроса)	199
Список сокращений	203

Научное издание

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ
АНТИЧНОГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО КРЫМА

Вып. II

Сборник

Редактор М.М. Чореф
Техническая редакция М.М. Чореф
Корректурa К.С. Панченко
Верстка и оригинал-макет М.М. Чореф

Интернет-издание